МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА «ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ»

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ПОИСК НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ

Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции

г. Пенза, 20–21 ноября 2025 г.

Под редакцией
доктора философских наук, профессора *Н. В. Розенберг*

Пенза
Издательство ПГУ
2025

УДК 111.1
ББК 87-86.4
С69

С69 **Социально-гуманитарное знание: поиск новых перспектив** : материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 20–21 ноября 2025 г.) / под ред. д-ра филос. наук, проф. Н. В. Розенберг. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2025. – 396 с.

ISBN 978-5-908089-42-5

Представлены работы по философии, социологии, юриспруденции, коммуникативистике и другим социальным и гуманитарным наукам.

Издание предназначено для научного сообщества, педагогов-практиков, аспирантов, магистрантов и бакалавров, а также для всех интересующихся современными проблемами социально-гуманитарного знания.

УДК 111.1
ББК 87-86.4

Приказ
о подготовке и проведении XVIII Всероссийской научно-практической конференции «Социально-гуманитарное знание: поиск новых перспектив»
№ 1324/о от 19.11.2025

ISBN 978-5-908089-42-5

© Пензенский государственный университет, 2025

Раздел 1
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1

ФИЛОСОФИЯ В АНТРОПОЦЕНЕ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ПЕРЕД ПРИРОДОЙ

Герман Михайлович Кириллов[1],
Александр Олегович Медведев[2],
Тимофей Александрович Водянов[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Объектом исследования является феномен Антропоцена как новая реальность взаимодействия человечества и природы. Предмет исследования – трансформация концепта ответственности в современной философской мысли.

Структура работы выстроена по принципу движения от общего к частному: от анализа макропроблемы Антропоцена через критику лежащих в ее основе мировоззренческих установок к поиску конкретных философских и практических путей ее решения.

Термин «Антропоцен» фиксирует качественно новый этап в истории планеты, когда «человечество само становится геологической силой» [1, с. 23]. Это ставит под сомнение фундаментальные разделения, унаследованные от Нового времени: между субъектом и объектом, культурой и природой, человеком и средой. Человек более не противостоит природе, а оказывается впутанным в плотную сеть взаимозависимостей, где его действия имеют непредсказуемые и необратимые последствия.

Бруно Латур предлагает рассматривать Антропоцен как время «политики Земли», где старые координаты модерна более не работают [2]. Он призывает к «приземлению», то есть к осознанию того, что у нас больше нет «окружающей среды», которую можно бесконечно эксплуатировать, а есть общий, конечный и хрупкий мир, в котором мы вынуждены существовать вместе со всеми другими «действующими силами, включая нечеловеческие». Это требует коренного пересмотра категорий политики, экономики и, прежде всего, философии.

Классическая западная философия, начиная с Декарта, закрепила антропоцентрическую установку, в которой природа рассматривалась как ресурс, лишенный собственной ценности. Ответственность в такой парадигме ограничивалась сферой межчеловеческих отношений.

Эпоха Антропоцена демонстрирует тупиковость этого пути. В ответ возникает экологическая этика, расширяющая поле моральной ответственности. Глубокая экология Арне Несса совершает радикальный шаг, утверждая внутреннюю ценность всего живого – независимо от его полезности для человека [3]. Платформа глубокой экологии призывает к признанию «равного права на жизнь и процветание» всех существ. Ответственность здесь – это не долг, а естественное следствие осознания своего места в единой экосистеме.

Ханс Йонас в «Принципе ответственности» предлагает иной, но дополняющий подход [4]. Столкнувшись с беспрецедентной мощью современной технологии, угрожающей самому существованию будущих поколений, Йонас формулирует «новый императив»: «Поступай так, чтобы последствия твоих действий были совместимы с подлинной человеческой жизни на Земле» [4, с. 37]. Его этика – это этика будущего, основанная на эвристике страха, где ответственность проявляется как осторожность и предусмотрительность.

Концепция устойчивого развития, сформулированная ООН в докладе «Наше общее будущее» (1987), стала практическим ответом на вызовы Антропоцена. Однако ее философское измерение часто остается в тени. По сути, эта концепция представляет собой проект справедливости во времени – морального обязательства перед теми, кто еще не родился.

Философской основой устойчивого развития является отказ от идеи бесконечного прогресса и экономического роста как самоцели. На смену им приходят ценности достаточности, качества жизни и экологической целостности. Это требует перехода от общества потребления к обществу заботы, где благополучие измеряется не объемами производства, а устойчивостью экосистем и психологическим здоровьем граждан. Таким образом, устойчивое развитие – это не просто техническая программа, а воплощение новой, холистической философии, интегрирующей экономические, социальные и экологические аспекты.

Теоретическое осмысление ответственности должно быть подкреплено формированием нового типа сознания. Речь идет о становлении экоцентрической идентичности, при которой индивид ощущает себя неотъемлемой частью биосферы.

Ключевую роль в этом процессе играет образование, которое должно выйти за рамки передачи знаний и воспитывать экочувствительность – способность к сопереживанию природе, эстетическому восприятию ее красоты и трагическому осознанию ее уязвимости. Философские практики, медитация, экопсихология и искусство (эко-арт) становятся важными инструментами этого пробуждения.

Важным ресурсом является обращение к традиционным и локальным знаниям коренных народов, чья культура зачастую сохраняет не-антропоцентрические модели отношения к миру, основанные на диалоге и благоговении [5]. Синтез научного знания и традиционной мудрости может стать основой для выработки адекватного ответа на вызовы Антропоцена. Современные молодежные движения, такие как Fridays for Future, демонстрируют, что новое экологическое сознание уже рождается, требуя от старших поколений именно той ответственности, о которой писали Йонас и Несс.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эпоха Антропоцена требует коренного пересмотра традиционных философских парадигм и становления принципиально новой этики планетарного масштаба. Осознание человечеством своей роли в качестве главной геологической силы, преобразующей лик планеты, ведет к пониманию тотальной экологической ответственности. Эта ответственность выходит далеко за рамки прагматического расчета и приобретает экзистенциальное измерение, проистекая из осознания глубокой взаимосвязи и зависимости человека от целостности биосферы.

Теоретической основой для этого перехода служат философские системы, предлагающие альтернативу антропоцентризму. Концепции глубокой экологии с ее признанием внутренней ценности всего живого и этика ответственности Ханса Йонас, ориентированная на долгосрочные последствия и благополучие будущих поколений, формируют новый моральный императив. Он заключается в переходе от установки на господство и потребление к стратегии заботы, сотрудничества и осознанного самоограничения.

Практическое воплощение этой новой мировоззренческой позиции реализуется через адоптацию принципов устойчивого развития и целенаправленное формирование экологического сознания. Синтез научного знания, философской рефлексии, образовательных практик и ценностного переживания связи с природой становится ключевым условием преодоления кризиса. Таким образом, ответом философии на вызовы Антропоцена становится не просто теоретическая констатация, а активное участие в формировании будущего, в котором человек принимает на себя роль не покорителя, а сознательного и рачительного хранителя своего единственного дома – планеты Земля.

Список литературы

1. Крутцен П. Й. Геология человечества // Природа. 2002. № 3. С. 23–28.

2. Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации в Новом климатическом режиме / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 248 с.

3. Несс А. Поверхностная и глубокая экология: Различие в перспективе долгосрочного экологического движения // Исследование. 1973. Т. 16, № 1. С. 95–100.

4. Йонас Х. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации : пер. с нем. М. : Айрис-пресс, 2004. 480 с.

5. Швейцер А. Благоговение перед жизнью : пер. с нем. М. : Прогресс, 1992. 576 с.

УДК 1

ЛСД КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕРАПИИ: ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ангелина Викторовна Маркелова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Этические границы вмешательства в сознание человека – центральная тема философии и науки. ЛСД интересен не только влиянием на психику, но и радикальным изменением субъектив-

ного опыта; цель статьи – рассмотреть его исследовательское и терапевтическое применение.

ЛСД, открытый Альбертом Хофманом в 1938 году, стал одним из самых противоречивых веществ XX века и вызвал революцию в исследовании сознания. Если первитин и другие психостимуляторы воздействуют главным образом на физическую и поведенческую активность человека, то ЛСД затрагивает глубинные уровни психики – изменяет восприятие, структуру «Я» и эмоциональные связи с миром. В отличие от стимуляторов, усиливающих реакцию и бодрость, ЛСД влияет на механизмы саморефлексии и восприятия мира.

Современные фармакологические исследования показывают, что ЛСД демонстрирует уникальный профиль безопасности среди психоактивных веществ: он не вызывает физической зависимости, синдрома отмены и не обладает доказанной токсичностью для органов или тканей мозга. Анализ под руководством Д. Натта [12] относит ЛСД к числу наименее опасных веществ, не вызывающих социальной деградации, а другие данные [13] подтверждают, что даже многократное применение не приводит к повреждению органов, нарушению когнитивных функций или деградации личности. В контролируемых терапевтических условиях ЛСД демонстрирует высокий уровень безопасности и потенциально эффективен для изучения сознания и эмоциональной регуляции. Современные исследования также отмечают его способность снижать чувство отделённости от других людей, повышать порог страха и оказывать долгосрочный положительный эффект на тревожность, а также потенциал в терапии депрессии, ПТСР и зависимостей [7, 10, 11, 14].

В отличие от большинства веществ, классифицируемых как наркотические, ЛСД не направлен на получение телесного удовольствия или подавление боли. Его действие ориентировано на изменение структуры сознания, углубление восприятия и повышение чувствительности к внутреннему и внешнему миру. С научной точки зрения, ЛСД занимает особое место среди запрещённых соединений, поскольку его действие не разрушает личность, а лишь временно изменяет восприятие и структуру сознания. По данным нейрофизиологических исследований [6, 10], под действием ЛСД активизируются зоны мозга, отвечающие за ассоциативное мышление и чувство взаимосвязи с окружающим

миром. Это отличает его от большинства наркотиков, которые, напротив, ограничивают когнитивную гибкость и снижают способность к критическому восприятию.

С этической точки зрения ЛСД интересен тем, что он не апеллирует к низшим удовольствиям, а раскрывает духовное измерение сознания. Многие исследователи называют его «психоделиком» в изначальном смысле – раскрывающим душу. Поэтому ЛСД рассматривается не как средство бегства от реальности, а как инструмент самопознания, медитации и терапевтического исцеления.

В середине XX века компания «Sandoz Laboratories» выпускала ЛСД под торговым названием «Delysid». Первоначально препарат рассматривался не как средство ухода от реальности, а как инструмент психотерапии и научного исследования психики. Его использовали для выявления подавленных эмоциональных переживаний, создания состояния психической релаксации и коррекции тревожных расстройств, включая навязчивые неврозы. Кроме того, ЛСД применялся в экспериментальных целях, позволяя психиатрам глубже анализировать внутренний мир пациентов и структуру их мыслей и ощущений. Сам Хофман писал, что психоделический опыт способен расширить горизонты восприятия и сделать человека более чувствительным к духовным аспектам жизни [8].

Таким образом, изначальное применение ЛСД имело исследовательский и терапевтический характер, что со временем было утрачено под влиянием социальных страхов и политических запретов.

После введения запретов в 1970-х исследования прекратились почти на сорок лет. Но сегодня интерес к ЛСД вновь усилился благодаря развитию нейронаук и пересмотру взглядов на сознание. Терапевтический потенциал вещества связывают с тем, что оно временно ослабляет «эго-границы» – внутренние структуры самосознания, из-за которых человек часто застревает в навязчивых мыслях и страхах.

Положительное воздействие ЛСД проявляется в улучшении эмоциональной регуляции, повышении эмпатии и способности осмыслять личный опыт. В контролируемых условиях под руководством психотерапевта пациенты описывают переживания «принятия себя» и «нового взгляда на жизнь». Некоторые иссле-

дования отмечают стойкий эффект после однократного приёма – повышение интереса к жизни, снижение тревожности и чувства вины [15]. Всё это делает ЛСД уникальным объектом, способным объединить науку, психологию и философию.

Однако философски и этически ЛСД нельзя рассматривать однозначно как «лекарство». Его воздействие двояко: оно может быть как целительным, так и разрушительным. При нарушении дозировки или отсутствии подготовки возможны панические реакции, нарушение восприятия, дезориентация, а у лиц с предрасположенностью к психозам – редкие, но описанные длительные расстройства [9, 13]. Поэтому этический вопрос связан не столько с веществом, сколько с ответственностью человека за условия его использования.

С точки зрения философии И. Канта, любое вмешательство в сознание должно рассматриваться с позиции уважения к личности. В своём категорическом императиве Кант писал: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [2, с. 205]. Это высказывание особенно актуально в контексте исследований, воздействующих на психику. Применение ЛСД в терапевтических или экспериментальных целях должно исходить не из желания управлять сознанием, а из стремления понять и помочь человеку. Моральная ценность действия определяется не его результатом, а мотивом: использование психоделика оправдано лишь тогда, когда оно служит человеческому достоинству, а не подчиняет личность целям науки.

Русская философская традиция добавляет духовное измерение проблемы. В. С. Соловьёв писал, что истинное добро заключается в сохранении целостности личности [3]. Следовательно, любое воздействие на сознание оправдано лишь тогда, когда помогает человеку стать более цельным и гармоничным.

Современные российские исследователи Б. Г. Юдин и П. Д. Тищенко отмечают, что развитие биомедицинских технологий требует новой формы этики – этики ответственности [4, 5]. Она не запрещает вмешательства, но требует осознания, что человек остаётся не объектом, а субъектом опыта. ЛСД как инструмент исследования и терапии показывает, что любое изменение мозга неизбежно влечёт изменение личности, а потому требует философской осторожности и моральной зрелости.

Эта позиция согласуется с современными философскими подходами к осмыслению границ допустимого воздействия на человека, изложенными, в частности, в статье «Человеческое тело как объект биомедицинских технологий: философские и этические аспекты». В ней подчёркивается, что любое технологическое или фармакологическое вмешательство в психику и тело должно оцениваться не только по эффективности, но и по влиянию на целостность личности и её автономию [1]. В этом контексте использование ЛСД в терапевтических целях может рассматриваться как часть более широкой этической проблемы – поиска меры между помощью и вторжением, между исследованием и манипуляцией.

Кроме индивидуальных аспектов, влияние ЛСД проявляется и на общественном уровне. В 1960-е годы психоделическая культура изменила представления о свободе, искусстве и духовности, но вместе с этим вызвала реакцию страха и осуждения. Эта история стала уроком о том, как общество оценивает новые формы сознания. Сегодня, спустя десятилетия, наука возвращает ЛСД из сферы табу в область серьёзного анализа, доказывая, что его потенциал может служить человеку при ответственном обращении.

Таким образом, ЛСД занимает уникальное место среди психоактивных веществ. Он не просто воздействует на тело, а затрагивает основу субъективности – сознание, память, образ «Я». В этом его философская особенность и причина научного интереса. Изучение ЛСД помогает понять не только нейробиологию мозга, но и то, что делает человека человеком: его способность воспринимать, чувствовать и осознавать.

ЛСД может стать инструментом исцеления и самопознания или, напротив, источником разрушения – в зависимости от внутреннего состояния и целей применения. Поэтому философия и биоэтика вновь возвращаются к старому вопросу: имеет ли человек право изменять своё сознание, и если да, то где проходит грань между познанием и вмешательством?

Современные психоделические исследования требуют не только экспериментальной точности, но и моральной зрелости. Познавая сознание, человек неизбежно познаёт самого себя, и в этом смысле ЛСД – не просто объект биохимии, а зеркало человеческой ответственности. Оно показывает, что границы дозволенного в науке определяются не лабораторией, а глубиной осознания ценности человеческого опыта.

В отличие от большинства наркотических веществ, ЛСД не разрушает тело, а обращается к сознанию – самой сложной и уязвимой сфере человеческого бытия. Именно поэтому его исследование требует особой осторожности, сочетания научной строгости и нравственной зрелости.

Этический анализ ЛСД показывает, что опасность вещества связана не с самим его существованием, а с тем, как люди обращаются с ним. Его применение оправдано лишь тогда, когда оно способствует развитию, внутренней гармонии и осознанности. Философия напоминает: изменяя сознание, человек должен помнить, что именно в этом сознании заключено его достоинство и смысл человеческого существования.

Список литературы

1. Изуткин Д. А. Человеческое тело как объект биомедицинских технологий: философские и этические аспекты // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2. С. 76–81. doi: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-76-81

2. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. М. : ЧОРО, 1994. С. 153–245.

3. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия . М. : РГБ, 2012. URL: https://rusneb.ru/ (дата обращения: 25.10.2025).

4. Тищенко П. Д. Биоэтика как форма социально распределённого производства знания // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 71–78.

5. Юдин Б. Г. Антропологические основания биомедицинских исследований // Биоэтика. 2009. № 1. URL: https://www.volgmed.ru/ (дата обращения: 25.10.2025).

6. Carhart-Harris R. L. [et al.]. Neural correlates of the LSD experience revealed by multimodal neuroimaging // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2016. Vol. 113 (17). P. 4853–4858. doi: 10.1073/pnas.1518377113

7. Gasser P. [et al.]. LSD-assisted therapy in patients with anxiety: Open-label prospective 12-month follow-up study // Journal of Nervous and Mental Disease. 2014. Vol. 202 (7). P. 513–520. doi: 10.1097/NMD. 0000000000000113

8. Hofmann A. LSD: My Problem Child: Reflections on Sacred Drugs, Mysticism and Science. 4th ed. San Francisco: Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies, 2017. 224 p.

9. Johnson M. W., Hendricks P. S., Barrett F. S., Griffiths R. R. Classic psychedelics: Therapeutic potential and adverse effects // Neurotherapeutics. 2019. Vol. 16 (3). P. 720–730. doi: 10.1007/s13311-019-00704-5

10. Majić T., Schmidt T. T., Gallinat J. Peak experiences and the afterglow phenomenon: When and how do therapeutic effects of hallucinogens depend on psychedelic experiences? // Journal of Psychopharmacology. 2015. Vol. 29 (3). P. 241–253. doi: 10.1177/0269881114568040

11. Mueller F. [et al.]. Acute effects of LSD on amygdala activity during processing of fearful stimuli in healthy subjects // Translational Psychiatry. 2017. Vol. 7. P. e1084. doi: 10.1038/tp.2017.54

12. Nutt D. J., King L. A., Phillips L. D. Drug harms in the UK: A multicriteria decision analysis // The Lancet. 2010. Vol. 376 (9752). P. 1558–1565. doi: 10.1016/S0140-6736(10)61462-6

13. Passie T., Halpern J. H., Stichtenoth D. O. [et al.]. The pharmacology of lysergic acid diethylamide: A review // CNS Neuroscience & Therapeutics. 2008. Vol. 14 (4). P. 295–314. doi: 10.1111/j.1755-5949.2008.00059.x

14. Preller K. H. [et al.]. Role of the 5-HT2A receptor in self- and other-initiated social interaction in lysergic acid diethylamide-induced states: A pharmacological fMRI study // Journal of Neuroscience. 2018. Vol. 38 (14). P. 3603–3611. doi: 10.1523/JNEUROSCI.4181-17.2018

15. Schmid Y., Liechti M. E. Long-lasting subjective effects of LSD in healthy participants // Psychopharmacology (Berlin). 2018. Vol. 235, № 2. P. 535–545. doi: 10.1007/s00213-017-4733-3 PMID: 28918441 PMCID: PMC5813062

УДК 111

ЦИФРОВОЙ АСКЕТИЗМ И ФИЛОСОФИЯ МИНИМАЛИЗМА КАК ОТВЕТ НА ТИРАНИЮ ВНИМАНИЯ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕИЗБЫТКА

Герман Михайлович Кириллов[1],
Дмитрий Алексеевич Топилин[2],
Данила Сергеевич Соколенко[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Современное информационное общество характеризуется беспрецедентным ростом объема доступной информации и интенсивности цифровых взаимодействий. Этот прогресс, однако, сопровождается возникновением системной проблемы – «тирании внимания», когда когнитивные ресурсы личности становятся

объектом масштабной эксплуатации в рамках так называемой «экономики внимания». Как отмечает Т. Дэвенпорт, внимание превратилось в дефицитный и потому наиболее ценный ресурс современности, вокруг которого выстроены целые индустрии [1, с. 15]. В этих условиях закономерным ответом становится формирование практик цифрового аскетизма – осознанного самоограничения в использовании цифровых технологий для сохранения ментального суверенитета и когнитивного благополучия.

Феномен «тирании внимания» имеет глубокие философские импликации. Современные цифровые платформы, особенно социальные сети, проектируются с использованием поведенческого дизайна, эксплуатирующего психологические особенности человека. Н. Карр в работе «Пустышка: Что интернет делает с нашими мозгами» убедительно демонстрирует, как постоянное пребывание в гиперссылочной среде перестраивает нейронные связи, ослабляя способность к глубокой концентрации и рефлексии [2, с. 78]. Это создает парадоксальную ситуацию: технологии, призванные расширять человеческие возможности, фактически ограничивают фундаментальную когнитивную способность – управление собственным вниманием. Ш. Тёркл в своем исследовании «Оставшись в живых вместе» добавляет к этому социальный аспект, показывая, как цифровое взаимодействие часто подменяет живое общение, создавая иллюзию связи при реальном росте чувства одиночества [3, с. 112].

Философские основания цифрового аскетизма уходят корнями в античные практики самоограничения. Стоическая традиция, представленная в «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки, предлагает системный подход к обретению внутренней свободы через разграничение того, что находится в нашей власти, и того, что нам неподконтрольно [4, с. 45]. Философская система стоицизма, с ее акцентом на самоконтроль и разграничение сфер влияния, предоставляет прочное мировоззренческое основание для практик осознанного отказа от бесконечного скроллинга, уведомлений и других триггеров, захватывающих внимание. В современном контексте это означает осознание, что мы не можем контролировать весь поток информации, но способны контролировать свое отношение к нему и степень вовлеченности.

Эпикурейская философия предлагает дополнительную перспективу для осмысления цифрового аскетизма. Эпикур в «Пись-

ме о счастье» проводит различие между естественными и необходимыми потребностями, естественными но не необходимыми, и искусственными (пустыми) потребностями [5, с. 23]. Большинство цифровых соблазнов, на которых строится экономика внимания, относятся именно к последней категории – это не обусловленные природой человека потребности, а навязанные социальными и технологическими механизмами. Цифровой минимализм, в эпикурейском ключе, представляет собой стратегию достижения атараксии (душевного спокойствия) через отказ от «неестественных и не необходимых» цифровых практик, которые не приносят истинного удовольствия, а лишь истощают психические ресурсы.

Современная концепция цифрового минимализма, детально разработанная К. Ньюпортом, представляет собой не просто технику тайм-менеджмента, а целостную философию взаимодействия с технологиями [6, с. 89]. Ее суть заключается в радикальном пересмотре роли цифровых технологий в жизни: вместо пассивного потребления предлагается активное, интенциональное использование тщательно отобранного набора инструментов, соответствующих личным ценностям и целям. Это перекликается с античной идеей о том, что истинная свобода – это не возможность удовлетворять все желания, а способность независимо определять, какие желания стоит иметь.

Практическая реализация цифрового аскетизма включает такие стратегии, как цифровое очищение, использование простых телефонов, удаление социальных сетей, отключение уведомлений, создание «информационных пузырей», фильтрующих контент по критерию ценности. Эти практики представляют собой не бегство от технологий, а попытку выстроить с ними осознанные, подконтрольные отношения. Они направлены на восстановление когнитивного суверенитета – способности личности распоряжаться своим вниманием и временем в соответствии с собственными целями, а не внешними алгоритмами.

В более широком контексте цифровой аскетизм можно рассматривать как форму сопротивления экономике внимания – системе, где человеческое сознание становится товаром. Отказываясь быть пассивным объектом манипуляции, человек через практики самоограничения утверждает свою субъектность и автономию. Это особенно актуально в условиях, когда, как показывает исследование Ш. Тёркл, технологии все чаще выступают не просто инструментами, а активными агентами, формирующими человеческие отношения и идентичность [3, с. 156].

Цифровой аскетизм представляет собой не временный тренд, а практическое применение (реинкарнацию) философских принципов стоицизма и эпикуреизма в ответ на вызовы информационной эпохи. Синтезируя многовековую мудрость стоицизма и эпикуреизма с современным пониманием механизмов цифровой среды, он предлагает путь к восстановлению когнитивного суверенитета и достижению ментального благополучия. В условиях, когда внимание стало главным ресурсом и полем битвы, способность к осознанному самоограничению оказывается не слабостью, а силой – практической философией жизни в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Дэвенпорт Т. Х. Внимание как экономический ресурс // Экономические стратегии. 2019. № 4. С. 12–19.

2. Карр Н. Пустышка: Что интернет делает с нашими мозгами. М. : Эксмо, 2020. 320 с.

3. Тёркл Ш. Оставшись в живых вместе: Почему мы ожидаем большего от технологий и меньше друг от друга. М. : Альпина нонфикшн, 2018. 456 с.

4. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию / пер. с лат. С. А. Ошерова. М. : Эксмо-Пресс, 2018. 512 с.

5. Эпикур. Письмо о счастье / пер. с древнегреч. С. И. Еремеева. СПб. : Азбука, 2019. 128 с.

6. Ньюпорт К. Цифровой минимализм: Фокус и осознанность в шумном мире. М. : Бомбора, 2020. 280 с.

УДК 1

ФИЛОСОФИЯ СЕМЬИ

Герман Михайлович Кириллов[1],
Елизавета Алексеевна Бакалина[2],
Елизавета Ильинична Проскурякова[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Семья является одним из самых стабильных и в то же время изменчивых социальных институтов, который существует на пересечении природы, культуры и личного выбора. В условиях

изменения традиционных ценностей и возникновения новых форм семейных отношений философское понимание сущности семьи становится особенно важны.

Проблема семьи получила освещение в трудах классиков философии. Аристотель обосновал естественную природу семьи как первичной формы общежития [1, с. 125]. Г.В.Ф. Гегель рассматривал семью как форму нравственной жизни, основанную на любви и долге [2, с. 220]. Ницше подверг критике моральные основания семьи [3, с. 75], а Ж.-П. Сартр проанализировал диалектику свободы и отчуждения семейных отношений [4, с. 310].

В основе исследования лежит синтез диалектического, компаративного и феноменологического подходов. Диалектический метод помогает выявить внутренние противоречия, присущие семейной жизни. Компаративный анализ позволяет рассмотреть изменения в понимании семьи на протяжении истории. Феноменологическая редукция, в свою очередь, открывает доступ к основным структурам семейного опыта, таким как забота, доверие и взаимное признание.

В античной философии сложилось представление о семье как о модели общества в миниатюре. Аристотелевская концепция «ойкоса» трактовала его не в узко-экономическом ключе, а в качестве фундаментальной единицы полиса, внутри которой воспроизводилась иерархическая структура социальных связей. Данная мировоззренческая установка, ставившая коллективное родовое начало выше индивидуального, оставалась влиятельной в европейской интеллектуальной традиции на протяжении долгого времени и получила системное завершение в философии Гегеля, определявшего семью в качестве «нравственной субстанции».

В философии Нового времени происходит значительный пересмотр основ понимания семьи. Мыслители, такие как Гоббс [5, с. 211] и Локк [6, с. 134], начинают рассматривать семью не как естественное или божественное явление, а как результат согласия между людьми. Эта идея достигает своего апогея у Канта, который утверждает, что брак является правовым соглашением. Таким образом, происходит важный сдвиг в восприятии: семья начинает восприниматься не как неизменная данность, а как результат свободного выбора индивидов.

Современная философия подвергает сомнению как традиционные, так и новые концепции семьи. Феноменологи, такие как

Гуссерль и Шелер, подчеркивают, что семейные отношения представляют собой уникальную форму совместного существования, где индивидуальность каждого человека формируется через взаимодействие с другими. Экзистенциалисты, включая Сартра и Камю, исследуют внутреннее противоречие между свободой отдельной личности и её ответственностью перед близкими. В этом контексте семья воспринимается не как статичный институт, а как динамичное пространство, в котором люди постоянно изменяются, ведут диалог и приходят к соглашениям друг с другом. Социальные связи, в том числе и семейные, становятся все более гибкими и временными, что характерно для «текучей современности» [7, с. 112].

Основная проблема современности заключается в противоречии между увеличивающейся личной свободой и необходимостью крепких связей с окружающими. Современные технологии, такие как экстракорпоральное оплодотворение и суррогатное материнство, требуют нового осмысления понятий родительства, родства и даже человеческой природы. В этих условиях восприятие семьи как уникального духовного пространства для встречи, взаимопомощи и заботы способствует сохранению её главной сущности.

Этическая сторона семейной жизни сосредоточена вокруг любви, долга, верности и заботы. Если раньше главным считался долг, то сегодня на первый план выходит забота – как ежедневная практика поддержания теплых отношений. Семейные узы предстают не как нечто раз и навсегда данное, а как постоянный труд по созданию общего мира, требующий взаимного уважения и ответственности.

Философский анализ позволяет увидеть то неизменное, что сохраняется в семье, несмотря на все исторические изменения. Этой основой является ее роль как пространства, где человек впервые осознает себя частью общества, усваивает культурные ценности и формирует свое «Я». Именно эти глубинные функции обеспечивают семье устойчивость как социальному институту.

Современный кризис семьи связан не с утратой ее сути, а с коренной ломкой старых общественных устоев. Выход из кризиса – не в возврате к прошлому, а в развитии способности к диалогу, взаимопониманию и ответственной заботе о близких. Философское осмысление открывает возможность понимать семью как

форму человеческой общности, основанную не на принуждении, а на свободном выборе и взаимной ответственности.

Сегодня многим семьям сложно совмещать работу и личную жизнь. Из-за того, что работа часто продолжается дома за компьютером, остается мало времени на простое общение с близкими. Важно научиться распределять домашние обязанности вместе – чтобы заботы о доме и детях лежали не на одном человеке, а стали общим делом.

Огромную поддержку может оказать связь между поколениями. Когда в воспитании детей участвуют не только родители, но и бабушки с дедушками, это создает надежную опору для всей семьи. Дети видят разные примеры поведения, а взрослые могут делиться опытом и помогать друг другу.

Современные семьи чаще всего отказываются от строгого разделения ролей на «мужские» и «женские». Супруги стараются договориться – кто сегодня готовит ужин, кто отводит ребенка в садик, исходя из своих возможностей и желаний. Такая гибкость позволяет обоим партнерам реализоваться и в карьере, и в семейной жизни.

Также стоит заметить, что с появлением телефонов и интернета воспитание детей стало сложнее. С одной стороны, можно быстро найти ответ на любой вопрос о развитии ребенка, с другой – приходится постоянно контролировать время у экрана и защищать детей от опасностей в сети. Родителям важно находить баланс между полезными технологиями и живым общением в семье.

Несмотря на все изменения в обществе, семья остается тем местом, где человек учится любить, заботиться и нести ответственность за других. Меняются формы семейной жизни, появляются новые проблемы, но суть семьи остается прежней – это наш надежный тыл, пространство, где мы можем быть самими собой и расти как личность. Главное – сохранять уважение, готовность к диалогу и взаимную поддержку, что бы ни происходило в окружающем мире.

Список литературы

1. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 830 с.

2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.

3. Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. 829 с.

4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000. 644 с.

5. Гоббс Т. Левиафан // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1991. 731 с.

6. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. 668 с.

7. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.

УДК 14

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Н. МАКИАВЕЛЛИ

Владимир Иванович Носов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Ключевая новация Макиавелли заключалась в том, что он перенес анализ политики из области должного в область сущего. Его интересовало не то, каким должен быть идеальный правитель, а то, что реально необходимо для удержания власти и обеспечения безопасности государства. Макиавелли циничен не потому, что он одобряет аморальность, а потому, что он видит её неизбежность в политической борьбе. Он как бы говорит: «Вот как обстоят дела на самом деле, нравится вам это или нет».

Именно этот реализм и вызвал столь острую критику. Макиавелли отказался от моральных императивов, которые, как он считал, часто оказываются бессильными перед лицом реальной политики. Он утверждал, что правитель должен быть готов пойти на обман, насилие и даже жестокость, если это необходимо для сохранения государства. Это, разумеется, шокировало многих его современников, привыкших к тому, что политика должна основываться на моральных принципах. В то же время, стоит понимать, что Макиавелли писал в эпоху политической нестабильности и раздробленности Италии. Его главной целью было создание сильного и единого государства, способного противостоять внешним угрозам. Возможно, именно поэтому он так акцентировал внимание на необходимости жесткой и решительной власти.

Влияние Макиавелли на политическую мысль было огромным. Его работы до сих пор читают и изучают политики во всем мире. Он стал символом политического реализма, который признает, что политика – это часто грязное дело, требующее от правителей готовности идти на компромиссы с моральными принципами. И хотя его идеи часто вызывают споры и разногласия, они остаются актуальными и сегодня.

Ирония судьбы Флоренции, как ее видит Макиавелли, заключается в том, что каждый новый режим, взращенный на критике предшественника, неизбежно повторяет его ошибки. Месть и личная выгода затмевают благо государства, и колесо истории вновь делает оборот, погружая город в хаос и раздоры. Эта циклическая модель, в которой добро и зло переплетены неразрывно, заставляет задуматься о природе власти и человеческой склонности к самоуничтожению.

Размышления Макиавелли о смене режимов и их неизбежных недостатках предвосхищают более поздние философские концепции. Идея постоянного движения от порядка к хаосу и обратно находит параллели в ницшеанской концепции вечного возвращения, где история повторяется бесконечно, и каждое поколение сталкивается с одними и теми же вызовами.

Макиавелли подчеркивает, что военное дело всегда предшествует учености. Это наблюдение говорит о том, что во времена нестабильности и борьбы за власть первостепенное значение приобретает сила и способность защитить государство. Философия и наука расцветают лишь тогда, когда установлены мир и порядок.

Трагедия Флоренции, как ее рисует Макиавелли, заключается в том, что ее лидеры, независимо от их социального происхождения или политических убеждений, оказываются неспособными вырваться из порочного круга междоусобной борьбы и корыстных интересов. Государство становится заложником личных амбиций, и колесо истории продолжает вращаться, неся с собой новые страдания и разочарования [1, с. 180].

Именно поэтому добродетель в понимании Макиавелли – это не моральное качество, а скорее виртуозность, способность успешно действовать в рамках политической реальности. Это умение адаптироваться, обманывать, если нужно, и быть безжалостным, когда этого требует выживание государства. Государь

должен быть и львом, и лисой, чтобы защитить свой народ и свою власть. Эта двойственность, эта готовность отбросить моральные принципы ради достижения политических целей, и вызывает наибольшее неприятие у критиков Макиавелли.

Человек, по Макиавелли, как бы расщепляется на две сущности: частного человека, со своими моральными принципами и человеческими слабостями, и политического актора, вынужденного играть по правилам жестокой политической игры. И успех в этой игре зависит от умения претворяться, скрывать свои истинные намерения и использовать обстоятельства в свою пользу. Это не означает, что Макиавелли оправдывает зло. Он лишь констатирует реальность, в которой мораль часто становится помехой для достижения политических целей. И, тем не менее, в этом пессимистичном взгляде на политику можно увидеть и глубокий реализм. Макиавелли не идеализирует человека, он видит его таким, каким он есть, со всеми его пороками и стремлением к власти. Он понимает, что государство – это не союз ангелов, а сложная система, в которой сталкиваются интересы разных людей и групп. Именно поэтому его работы до сих пор актуальны. Они заставляют нас задуматься о природе власти, о роли морали в политике и о том, каким должен быть настоящий политический лидер. Макиавелли не дает готовых ответов, он задает вопросы, которые каждый должен решить для себя сам. Он не предлагает идеальную модель государства, он лишь помогает нам понять, как оно работает на самом деле [1, с. 66].

В «Государе» Макиавелли – это не просто личная доблесть, но и способность к адаптации, к переменам, к предвидению. Это умение распознать момент, когда фортуна поворачивается лицом, и воспользоваться им, а также готовность к борьбе с неблагоприятными обстоятельствами, когда необходимость кажется непреодолимой. Макиавелли видел в политике не столько сферу морального выбора, сколько поле битвы, где выживают наиболее приспособленные, наиболее мужественные и дальновидные.

Политик, наделенный властью, не связан моральными догмами, но руководствуется прагматическими соображениями. Он готов на обман, предательство и насилие, если это служит достижению цели – укреплению государства и сохранению власти. Это не означает, что Макиавелли оправдывает любую жестокость, но он признает ее неизбежность в мире, где царит борьба за

выживание. Идеальный правитель, по Макиавелли, должен уметь сочетать в себе качества льва и лисицы – быть сильным и беспощадным, когда это необходимо, и хитрым и проницательным, когда сила бесполезна.

Макиавелли не идеализирует человеческую природу. Он считает, что люди по своей природе эгоистичны, корыстны и неблагодарны. Поэтому правитель не должен полагаться на их добродетель, а должен создавать такие условия, при которых они будут вынуждены подчиняться его воле. Лучший способ добиться этого – внушить страх, а не любовь. Страх, по Макиавелли, – более надежный инструмент управления, чем любовь, поскольку люди менее склонны предавать тех, кого боятся, чем тех, кого любят.

Политическая философия Макиавелли – это жесткий и реалистичный взгляд на мир, лишенный иллюзий и моральных сантиментов. Он видит в политике не искусство управления государством в соответствии с законами морали, а борьбу за власть, где все средства хороши, если они приводят к цели. Его учение оказало огромное влияние на развитие политической мысли и практики и до сих пор вызывает споры и дискуссии.

Макиавеллизм, таким образом, представляет собой своеобразный этический релятивизм, где моральные нормы подчинены политической целесообразности. Он отказывается признавать универсальность моральных принципов и утверждает приоритет государства и его выживания. Это не обязательно означает отрицание морали как таковой, но скорее рассмотрение ее в контексте политических реалий. Власть, по мнению Макиавелли, не является самоцелью, но инструментом для достижения общественного блага, даже если для этого требуется прибегать к средствам, считающимся аморальными в обычном понимании.

Именно поэтому макиавеллизм часто критикуют за цинизм и аморальность. Однако важно понимать, что Макиавелли не оправдывал любую жестокость или обман. Он лишь предлагал рассматривать политику как сферу, где действуют свои собственные законы и правила, отличные от моральных норм, применимых в частной жизни. Он утверждал, что в политике необходимо быть гибким, уметь адаптироваться к обстоятельствам и использовать любые средства для укрепления государства.

Но подлинный макиавеллист должен обладать особым даром предвидения, способностью оценивать последствия своих действий и просчитывать шаги противника. Он должен быть не только сильным и решительным, но и умным и осторожным. Макиавеллизм требует не слепого следования правилам, а творческого подхода к управлению государством, умения находить компромиссы и использовать противоречия в своих интересах.

В конечном счете, макиавеллизм – это не просто набор практических советов для политиков, но и философская концепция, ставящая вопрос о соотношении морали и политики, о природе власти и о целях государства. Он остается актуальным и по сей день, вызывая споры и размышления о сущности политической жизни и о роли морали в ней.

Список литературы

1. Макьявелли Н. История Флоренции. М. : Наука, 1987. 449 с.

УДК 1

ИСКУССТВО И СОЗНАНИЕ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Герман Михайлович Кириллов[1],
Софья Михайловна Лунякова[2],
Евгения Алексеевна Синякина[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Исследуя многогранную природу эстетического переживания, мы обращаемся к тому, как работает наше сознание в момент восприятия искусства. Чтобы понять это, в работе используется феноменологический анализ, который позволяет рассмотреть сам процесс переживания, а не только его результат

Структура исследования выстроена от общих теорий к конкретным механизмам. Сначала мы опирается на ключевые идеи философов: интенциональность сознания у Гуссерля, роль телесности у Мерло-Понти и структуру произведения у Ингардена,

на этом фундаменте, мы подробно разберем, как именно складывается эстетический опыт – от первичного восприятия до глубокого личностного осмысления.

Согласно Э. Гуссерлю, сознание всегда интенционально, то есть «направлено на объект» [1]. Однако в эстетическом опыте эта направленность приобретает особый характер: восприятие сосредотачивается не на утилитарных свойствах объекта, а на его явленности как эстетического феномена. Как отмечает философ, происходит эпохэ – «воздержание от суждений» о практической значимости объекта [1]. Художественное произведение в этом контексте предстает не как вещь среди вещей, а как автономная смысловая структура, требующая особого способа восприятия. Гуссерлевское понятие «горизонта» здесь раскрывается особенно ярко: каждый элемент произведения воспринимается в контексте целого, а само целое проясняется через отдельные элементы. Этот герменевтический круг, по Гуссерлю, составляет ядро эстетического восприятия.

М. Мерло-Понти развивает идею интенциональности, подчеркивая телесный характер восприятия [2]. Картина, по мнению философа, – не просто изображение, а «видимая форма нашей собственной телесности». Восприятие искусства осуществляется не “чистым сознанием”, а всем телом зрителя, которое проецирует свои возможности движения и чувствования на художественное произведение. Именно поэтому живопись может передавать «невидимое» – тактильные ощущения, движение, саму «плоть мира» [2]. Рассматривая работы Сезанна, Мерло-Понти показывает, как художник передает не готовый образ горы Сент-Виктуар, а сам процесс ее восприятия, включающий движение глаз, изменение перспективы, телесное ощущение пространства [3]. Зритель не просто видит изображение, а как бы проживает опыт художника, воспроизводя его телесное отношение к миру.

Этот телесный опыт находит свое продолжение в концепции Р. Ингардена. Он вводит важное понятие «мест неопределенности» в художественном произведении [4, 5]. Картина или литературное произведение содержат области, требующие активного «доопределения» со стороны зрителя. Эстетический опыт предстает как сотворчество, где зритель не просто пассивно воспринимает, но активно участвует в создании художественной реальности. Например, читая роман, мы достраиваем в воображении

внешность героев, хотя автор дает лишь отдельные характеристики; созерцая картину, мы наполняем смыслом легкие мазки кисти, превращая их в законченные образы. Эта активность сознания не является произвольной – она направляется самой структурой произведения, его имманентными свойствами.

В современной феноменологии эстетический опыт рассматривается как динамический процесс, включающий несколько взаимосвязанных уровней:

Перцептивный уровень – непосредственное чувственное восприятие, где происходит встреча с материальной основой произведения (красками, звуками, словами). На этом уровне важнейшую роль играют сенсорные качества – цвет, фактура, ритм, которые воспринимаются не как отдельные элементы, а как целостные гештальты [6].

Аффективный уровень – эмоциональный отклик, который возникает как непосредственная реакция на перцептивные качества. Важно подчеркнуть, что в феноменологической традиции эмоции понимаются не как чисто субъективные состояния, а как способы отношения к миру, раскрывающие его значимость для человека [7].

Рефлексивный уровень – осмысление и интерпретация, где происходит работа по выявлению смысловых структур произведения. На этом уровне сознание активно оперирует символами, образами, культурными кодами, помещая произведение в более широкий контекст.

Экзистенциальный уровень – преобразование отношения к миру, когда опыт встречи с искусством приводит к изменению самоощущения и понимания своего места в мире [8]. Это уровень, на котором искусство выполняет свою преобразующую функцию.

Эти уровни не следуют друг за другом линейно, а образуют сложную взаимосвязь, где телесное и ментальное, эмоциональное и рациональное постоянно взаимодействуют. Например, эмоциональный отклик может предшествовать осмыслению, а рефлексия может усиливать или трансформировать первоначальное восприятие.

Особого внимания заслуживает феномен временности эстетического опыта. Восприятие произведения искусства разворачивается во времени, даже когда мы имеем дело с статичными объектами вроде картин или скульптур. Сознание не схватывает

произведение мгновенно, а проходит через последовательность фаз: от первоначального впечатления через углубленное понимание к итоговому синтезу. Временная структура музыкального или театрального произведения еще более сложна, поскольку здесь само произведение обладает развитием во времени, с которым должен синхронизироваться воспринимающий субъект.

Важным аспектом феноменологии эстетического опыта является также проблема интерсубъективности. Восприятие искусства, будучи глубоко личным переживанием, одновременно включено в культурный контекст и разделяется с другими. Мы смотрим на произведение не только своими глазами, но и через призму культурных традиций и опыта других зрителей. Эта диалектика личного и общего составляет одну из фундаментальных характеристик эстетического восприятия.

Эстетический опыт представляет собой особый модус интенциональности, преодолевающий традиционную оппозицию субъекта и объекта через диалогическую встречу миров художника и зрителя. Данная встреча реализуется в пространстве телесного соприсутствия и активной работы сознания по смыслопорождению, что трансформирует эстетическое восприятие из пассивного отражения в творческий акт конституирования новой реальности переживания. Перспективой развития исследования видится создание интегральной модели восприятия, синтезирующей феноменологические подходы с достижениями когнитивных наук и нейроэстетики.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Академический проект, 2020. 489 с.

2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Наука, 2021. 522 с.

3. Кириллов Г. М. Человеческое бытие как вопрошание в онтологии Ж.-П. Сартра и М. Мерло-Понти // Человек. Культура. Общество. Пенза, 2022. С. 6–10.

4. Кириллов Г. М. «Код» Мерло-Понти: к проблеме истоков «новой онтологии» Мерло-Понти // Социально-гуманитарное знание. Пенза, 2021. С. 11–15.

5. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М. : Искусство, 2019. 356 с.

6. Ямпольский М. Ткань и взгляд: о феноменологии эстетического восприятия // Вопросы философии. 2022. № 5. С. 45–58.

7. Дюфренн М. Феноменология эстетического опыта. СПб. : Axioma, 2018. 478 с.

8. Кириллов Г. М. Экзистенциальные основания медиационного диалога. Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. 332 с.

УДК 128

ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Елена Юрьевна Любавская[1],
Мария Сергеевна Филимонова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

В жизни каждого человека наступает момент, когда он задумывается о том, что его существование имеет конец. Человек является единственным существом, осознающим свою смертность и способным размышлять об этом. Однако неизбежность смерти воспринимается не как абстрактный факт, а вызывает сильные эмоциональные переживания и затрагивает глубочайшие уровни его внутреннего мира.

Смысл жизни – одна из фундаментальных философских проблем, которая на протяжении всей истории человечества не перестаёт волновать умы мыслителей и простых людей. Уникальность восприятия смысла жизни заключается в том, что он глубоко субъективен и индивидуален для каждого человека. Он может существенно меняться на разных этапах жизненного пути под влиянием накопленного опыта, пережитых событий, смены ценностей и мировоззренческих установок.

Осознание человеком смысла жизни зависит от его умения отличать настоящие ценности от ложных, осознавать, что индивидуализм бесперспективен и жизнь теряет смысл, если жить только для себя. Поэтому многие считают, что человек поступает правильно, когда личные достижения согласуются с общественными интересами, а истинное счастье достигается через деятель-

ность на пользу общества. Неслучайно каждый мыслитель по-своему излагает те или иные стороны проблемы смысла жизни.

Федор Михайлович Достоевский (1821–1881) – один из русских писателей и философов, кто в своих произведениях пытается осознать проблему определения смысла жизни. Для него смысл жизни тесно связан с верой в Бога и бессмертие души. Писатель утверждает, что без бессмертия земная жизнь утрачивает смысл.

Необходимо признать, что Ф. М. Достоевский не воспринимал проблему смысла жизни и связанные с ней темы смерти и бессмертия только как словесные, не сводил их к идеям и идеологиям, но был убежден в их духовной глубине и многомерности. Он не предлагает готовых ответов, а скорее побуждает читателя к самостоятельному поиску истины в своих произведениях [1, с. 212].

Фактически, для героев Достоевского наиболее важным экзистенциальным событием является обессмысливание жизни в связи с потерей основных ценностей, с которыми они сравнивали себя. И наиболее последовательно эту мысль он проводит в романе «Бесы», выражая ее через одного из персонажей, инженера Кириллова. Достоевский исследует путь личности в мире без Бога, который приводит ее к самоубийству [2, с. 151]. В романе можно прочитать интересный диалог между одним из главных героев, Верховенским, и Кирилловым:

«– Если нет Бога, то я Бог.

– Вот я никогда не мог понять у вас этого пункта: почему вы-то Бог?

– Если Бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие.

– Своеволие? А почему обязаны?

– Потому, что вся воля стала моя. Неужели никто на всей планете, кончив Бога и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие, в самом полном пункте? Это так, как бедный получил наследство и испугался, и не смеет подойти к мешку».

Кириллов стремится занять позицию Бога, однако этот замысел приводит его к гибели. Оставшись без божественного начала, человек утрачивает точку опоры. Однако отсутствие Бога открывает ему неограниченную свободу действий, поскольку

отсутствуют внешние этические ограничения. Тем не менее такая полная свобода вызывает тревогу у Кириллова.

Появляется противоречивый вопрос: зачем лишать себя жизни, достигнув статуса Бога и обретя полную независимость? Своим поступком Кириллов желает продемонстрировать сложность избранного пути, став первопроходцем. Ключевым аспектом является осуществление акта высшей свободы – суицид. Вместе с тем идея доводит Кириллова до внутреннего конфликта, проявляющегося в сценах накануне смерти, вызывая страх даже у наблюдателя Верховенского.

Но какую мысль выражает автор посредством жизни и судьбы этого героя? Сам Кириллов утверждает, что существование в мире без Бога невыносимо, ведь вера необходима. «Меня Бог всю жизнь мучил, – признается Кириллов. – Бог необходим, а потому должен быть, но я знаю, что Бога нет и не может быть, – нельзя с такими двумя мыслями жить». Следовательно, самоубийство Кириллова обусловлено не только стремлением опровергнуть концепцию Бога, но также осознанием невозможности существования без веры.

В романе «Идиот» затрагивается проблема бессмертия и воскресения. Достоевский через героя князя Мышкина попытался выразить свое понимание Христа как идеала человеческого развития – идеала, который может быть достигнут каждой отдельной личностью, хотя и не полностью, как в самом Иисусе. Сам герой говорил: «На свете есть только одно положительно прекрасное лицо – Христос» [3, с. 121].

Для Мышкина высшим смыслом существования является сочувствие и поддержка окружающих, стремление облегчить чужую боль добрым словом или участием. Герой не способен на злобу, ненависть и месть, поэтому он изначально не вписывается в реалии мира, в ту или иную жизненную ситуацию, что делает его схожим с Христом. Оба относятся как к земному миру, так и к небесному, оба не могут существовать в реальной жизни из-за своих взглядов, и потому их судьбы оказываются трагичными.

В «Идиоте» писатель исследует последствия утраты веры в бессмертие. Через исповедь Ипполита, героя, приговоренного к смерти, писатель показывает, что отрицание вечной жизни неизбежно приводит к ощущению бессмысленности бытия, к потере нравственных ориентиров и к моральному опустошению.

Самоубийство, как предельная форма проявления безверия, становится логическим завершением такого мировоззрения.

Таким образом, Достоевский ставит перед читателем вопрос о цене веры и о той бездне, которая раскрывается перед человеком, лишенным надежды на бессмертие. Воскресение, по мнению автора, возможно только тогда, когда человек полностью отрекается от своего эгоизма и растворяется в любви к ближнему. Однако этот путь, как показывает судьба князя Мышкина, чрезвычайно труден и практически недостижим в условиях современного мира.

В «Преступлении и наказании» Достоевский проводит глубокое философское исследование, посвященное поиску смысла жизни, моральным принципам и духовным метаниям человека. Раскольников, главный герой романа, пытается найти свой путь и обосновать своё существование, но его трагические ошибки ведут к страданиям, через которые он в конечном итоге приходит к переосмыслению своей жизни.

Раскольников изначально пытается найти смысл жизни в идее «сверхчеловека», согласно которой только определенные личности имеют право преступать общепринятые моральные нормы ради достижения великих целей. Он решает проверить является ли он «сверхчеловеком», способным принести пользу человечеству, и убийство старухи-процентщицы представляется ему «пробой», проверкой его теории.

Герой размышляет о Наполеоне, который ради своих амбиций проливал реки крови, но вошел в историю как великий человек. Он пытается убедить себя, что его преступление тоже может быть оправдано великой целью. «Я только осмелился, я только попробовал...» – говорит он, пытаясь оправдать себя [4, с. 232].

Но после совершения преступления Раскольников сталкивается с невыносимым чувством вины, страхом и душевными муками. Именно через эти страдания начинается его путь к раскаянию и духовному возрождению. Достоевский показывает, что страдание является не бессмысленным мучением, а необходимый этапом на пути к осознанию своих ошибок и обретению истинного смысла жизни.

Важно подчеркнуть образ Сони Мармеладовой, который становится символом истинного смысла жизни Раскольникова. Ее христианская вера, способность к состраданию и самопожерт-

вованию показывают иной путь мужчине и помогают ему отказаться от своей теории.

Кульминацией духовного перерождения Раскольникова становится его покаяние и принятие христианской веры. Через осознание своей греховности и веру в Божью милость он обретает надежду на искупление и новую жизнь. Достоевский, таким образом, подчеркивает, что истинный смысл жизни заключается в духовном очищении и стремлении к нравственному совершенству.

Изначально Раскольников движим гордыней и убеждением в своей исключительности. Лишь через страдания и влияние Сони он осознает ошибочность этих убеждений и приходит к смирению. По мнению русского философа, способность смиряться перед жизнью и своими ограничениями является важнейшей предпосылкой для внутреннего развития и постижения подлинного предназначения бытия.

Тем самым через трагическую историю Раскольникова Достоевский показывает, что свое предназначение нельзя найти в насилии, эгоизме и гордыне. Истинный смысл жизни заключается в любви, сострадании, покаянии и духовном очищении. «Преступление и наказание» – это призыв к нравственному переосмыслению, к поиску своего пути через страдание и к обретению веры в человечность и милосердие.

Анализ произведений «Бесы», «Идиот» и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского позволяет сделать вывод о том, что философский поиск смысла жизни является центральной темой его творчества. Философ предлагает не однозначное решение, а скорее ряд взаимосвязанных идей, отражающих сложность человеческой природы и многогранность бытия. Его герои ищут смысл в различных направлениях: от нигилистического бунта и индивидуалистического самовозвышения («Бесы») до смиренного служения и сострадания («Идиот»), и, наконец, через страдание и покаяние («Преступление и наказание»).

Объединяющим мотивом является убеждение Достоевского в том, что истинный смысл жизни не может быть найден в рациональных теориях или материальном благополучии. Он указывает на необходимость духовного преображения, основанного на любви, милосердии и вере. Отвергая гордыню и эгоизм, писатель призывает к смирению, ответственности за свои поступки и состраданию к ближнему. Хотя его романы полны трагизма и тер-

заний, они также несут в себе надежду на возможность искупления и обретения подлинного смысла жизни через духовное возрождение. Философия Ф.М. Достоевского, представленная в этих произведениях, остается актуальной и сегодня, предлагая читателям глубокое осмысление фундаментальных вопросов человеческого существования.

Список литературы

1. Сабиров В. Ш., Соина О. С. Достоевский о смысле жизни, смерти и бессмертии человека (антропология почвенничества) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. № 4. С. 211–221.

2. Комова Т. Д., Соколов Б. В. Расшифрованный Достоевский: тайны романов о Христе: Преступление и наказание. Идиот. Бесы. Братья Карамазовы. М. : Яуза : Эксмо, 2007. 512 с.

3. Евлампиев И. И. Ф. Достоевский и гностическая религиозность русской философии // Вестник РХГА. 2008. Т. 9, № 2. С. 115–124.

4. Мочульский К. Достоевский: жизнь и творчество. Париж : Директ-Медиа, 2017. 749 с.

УДК 1

ЖАН БОДРИЙЯР: ИДЕЯ ОТЧУЖДЕНИЯ В ВЕК ТОТАЛЬНОЙ СИМУЛЯЦИИ

Герман Михайлович Кириллов[1],
Вадим Александрович Толстоухов[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Концепция симулякров наиболее полно изложена Бодрийяром в его работе «О симулякрах и симуляции» [1]. Эпиграфом к трактату служит следующая цитата: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, что её нет. Симулякр есть истина» [1, с. 5]. Автор приписывает эту цитату Книге Экклезиаста, хотя на самом деле этого фрагмента в библейском тексте нет. То есть, Бодрийяр намеренно приписал определению симулякра автор-

ство Экклезиаста, как древнего и авторитетного источника, хотя на самом деле автором фрагмента является сам философ. Кажется, этим провокативным жестом он хотел показать, как легко обмануться в век жёлтой прессы, СМИ и бесконечной рекламы, ставших неотъемлемой частью XX века.

В начале своей работы Бодрийяр прибегает мощной метафоре, заимствованной из рассказа «О строгой науке» Хорхе Луиса Борхеса. По сюжету, Великая Империя создала точную, крайне детализированную карту, размерами равную самой Империи. Карта расширялась или разрушалась в зависимости от того, завоёвывала или теряла территории Империя. Со временем Империя пришла в упадок и исчезла, и от неё осталась лишь эта гигантская, истершаяся карта. Бодрийяр истолковывает эту метафору на свой манер: люди исчезнувшей с лица Земли Империи продолжают жить на нарисованных улочках карты, будучи уверены в том, что их собственное место в реальности не изменилось.

Именно эту новую глобальную ситуацию Бодрийяр и определяет как наступление эры симуляции. Метафора Борхеса становится для него ярким симулякром современного состояния мира, которое характеризуется «ликвидацией всех референтов – хуже: их искусственным воскрешением в системах знаков» [1, с. 7]. Он констатирует переход к новой эпохе, где смыслы подменяются искусственными знаками, репрезентирующими смыслы. Из этого коренного перелома и вытекают центральные для философии Бодрийяра понятия. Симулякр определяется как копия, утратившая или изначально не имевшая своего оригинала в реальности. А гиперреальность – это порождённая этими симулякрами новая реальность, симулятивная среда, которая не просто смешивает правду и вымысел, но вовсе отказывается от этой дихотомии, делая её бессмысленной. Таким образом, симулякры являются не просто элементами, а фундаментальными кирпичиками гиперреальности, которая, в свою очередь, представляет собой целостный универсум, состоящий из одних лишь подобий и образов, окончательно заменивших собой вещи и явления.

Прежде чем перейти к детальному анализу гиперреальности, её структуры и законов функционирования, необходимо проследить ключевой для философии Бодрийяра процесс развития симулякра. Этот путь, описанный в работе «Символический обмен и смерть» [2], представляет собой последовательную эволю-

цию от классической репрезентации, основанной на вере в отражение реальности, к пустому образу, разорвавшему все связи с референтом. Бодрийяр выделяет три порядка симулякров:

Первый порядок, который философ связывает с эпохой Ренессанса и Просвещения, действует «на основе естественного закона ценности» [2, с. 111]. Здесь симулякр еще является подделкой, то есть он маскируется под доброкачественную копию и стремится обмануть, выдав себя за оригинал.

Второй порядок симулякров рождается с наступлением индустриальной эры и эпохи массового производства. Здесь вступает в силу закон рыночной стоимости, и симулякры производятся серийно, как стандартизированные товары. Они больше не являются подделкой конкретного оригинала, а становятся бесконечно воспроизводимыми копиями без уникального прототипа. На этой стадии стирается сама идея «оригинала», поскольку все объекты становятся эквивалентными друг другу в своей серийности.

Наконец, третий порядок симулякров, соответствующий эпохе постмодерна, функционирует «по закону структурной ценности» [2, с. 111]. Знак окончательно отделяется от референта и начинает отсылать только к другим знакам, циркулируя в замкнутой системе. Это и есть эра чистой симуляции, где создается гиперреальность – реальность, порожденная моделями, не имеющими первоисточника. Симулякр третьего порядка – это не копия, а нечто ссылающееся само на себя и собой поддерживаемое.

Вопрос о том, что первично – симулякры, или гиперреальность, является основной точкой для понимания концепции французского философа. По Бодрийяру, исторически сложилось так, что симуляция предшествовала гиперреальности – сначала люди начали создавать образы, которые ссылались на конкретные вещи, факты, и идеи, а затем появились симулякры, которые ссылаются сами на себя – именно в этой точке сейчас находится наше общество. Таким образом, симулякры посредством симуляции породили гиперреальность. Однако, возникнув, последняя сама начала диктовать условия – теперь любой образ или знак рождается внутри гиперреальность и автоматически становится её частью; те симулякры, которые порождены гиперреальностью, поддерживают её саму же, что в конечном итоге вытекает в т.н. петлю причинно-следственной связи, которой философ дал название ленты Мёбиуса [1, с. 28].

Бодрийяр описывал XX век – время, когда навязчивый шум рекламы уже был всепроникающим, но виртуализация общества только начиналась. Поэтому гиперреальность, которую видел философ, ещё имела некоторые островки реальности, за которые можно было бы зацепиться. Однако, появившись, гиперреальность сама начала порождать симулякры, что вылилось в многоуровневую надстройку, за которой всё реже и реже удаётся разглядеть истинную реальность. Одним из уровней такой надстройки является гиперреальное пространство сети Интернет, состоящее из высших порядков симулякров.

Интернет не является репрезентирующим образом идей Бодрийяра – это сама гиперреальность в чистом виде, со своими законами и агентами; эта та карта без оригинала, пребывание в которой заменяет людям место в реальности. Трудно представить себе день современного человека без того, чтобы он хотя бы раз не соприкоснулся с Интернетом: социальные сети, искусственный интеллект и многочисленные запросы прочно вошли в нашу повседневную жизнь. Однако важно помнить, что всё это не больше, чем симулякры, причём, они, кажется, и не скрывают своей гиперреальной, искусственной природы.

Наиболее востребованным агентом Интернета в повседневной жизни являются социальные сети. Следуя концепции симулякров, общение в соцсетях, кажется, можно смело определить к симулякрам первого типа, как модель, отсылающая к существующему в действительности референту – в данном случае, виртуальные мессенджеры отсылают к реальному общению. Однако известно, что для некоторых людей социальные сети являются не просто одной из форм общения, а заменой общения как такового, которое скрывает под собой отсутствие последнего – т.е., выступают симулякром второго порядка. В статье [3] проводится подробное исследование явления одиночества в социальных сетях. В частности, исследование не отрицает, что среди людей с высоким уровнем переживания одиночества некоторые компенсируют дефицит общения активным использованием соцсетей. Также в исследовании отмечены группы испытуемых, которые уделяют большое внимание своему аккаунту, что выражается в закрытии своего профиля, или же, наоборот, в его развитии с акцентом на аудиторию. Это интересное наблюдение, которое говорит о зависимости людей от своего цифрового статуса.

В этом контексте необходимо рассмотреть понятие цифрового аватара.

В своей статье [4] В. В. Архипов определяет аватар как цифровой образ, посредством которого человек взаимодействует с цифровым миром. Хотя автор статьи использует понятие аватара в контексте пользовательских игр, оно удачно подходит для описания цифровых профилей в социальных сетях. Как отмечает Четвергов Д. С., важной характеристикой аватар является творческий характер, с каким пользователи сети подходят к его созданию [5]. В образе аватара люди зачастую пытаются воплотить свои нереализованные возможности, создать цифровой образ лучшей версии себя. Многие пользователи примеряют на себя образы собственных аватаров за рамками гиперреального пространства с целью примерить в реальной жизни образ того, кто оказывается устойчивым к явлениям симуляции. Этот перенос искусственного образа в сферу влияния реального указывает на тот факт, что люди намеренно делают шаг в сторону виртуальной реальности, в ущерб ординарной.

Таким образом, в контексте идей Бодрийяра напрашивается следующий вывод: современное общество испытывает настоящее отчуждение от реальности, которое не является вынужденным, но намеренным. Это одно из отрицательных последствий века симуляции, которое может оказать негативное влияние на человеческую личность.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. СПб., 2024. 198 с.

2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Рипол-классик, 2024. 512 с.

3. Лучинкина А. И., Лучинкина И. С. Особенности одиночества в сети // Гуманитарные науки. 2023. № 7. С. 152–157.

4. Архипов В. В. Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в сфере междисциплинарных исследований // Закон. 2022. № 3. С. 207–222.

5. Четвергов Д. С. Правовой режим аватара: регулирование оборота цифрового образа личности в метавселенной // Закон. 2023. № 7. С. 217–222.

УДК 141.7

ФИЛОСОФИЯ КАК ДИАЛОГ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Герман Михайлович Кириллов[1],
Алена Сергеевна Назарова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

В данной статье исследуется положение философии в пространстве интеллектуального рассуждения, определяемом противоположными взглядами науки и религии на понимание мира. Анализируются гносеологические и методологические основания диалога между этими сферами. Философия рассматривается как область знания, создающая категориальный инструмент для эффективного взаимодействия эмпиризма и религиозного трансцендентализма. Данная статья раскрывает исторические и современные модели взаимоотношения, демонстрируя эвристическую силу философской рефлексии в разрешении мировоззренческих конфликтов.

На протяжении всей истории интеллектуальной мысли наука и религия выступают как два фундаментальных способа осмысления человеком себя. Взаимоотношения между ними описывают в терминах конфликта и непримиримого противостояния. Между этими двумя точками зрения существует «третье пространство» – это пространство философии, которое обладает собственным предметом и методом, способна выступить в роли посредника. Философия задает вопросы о предельных основаниях бытия, знания и ценностей, которые не могут быть полностью решены в рамках лабораторного эксперимента.

Исследования охватывает в напряженном пространстве пересечения трех фундаментальных дискурсов: научного, религиозного и философского. Предметом внимания становится имманентный механизм философской медиации – те уникальные гносеологические и методологические функции, которые позволяют философии выступать не судьей, а переводчиком и интерпретатором.

Значимость этого предприятия коренится в самой почве нашей эпохи: человек, поставленный на грань антропологическо-

го кризиса технологиями и экологическим коллапсом, отчаянно нуждается в целостном образе мира, который не сводим ни к голой эмпирии, ни к догматической вере. Философия здесь инструмент выживания, способный очертить границы компетенции науки в спорах о мультивселенной и в то же время – подвергнуть рефлексии ценностные основания, предлагаемые религией, чтобы преодолеть примитивный публичный нарратив их «войны». Методологическим компасом служит синтез герменевтики, обращенной к истолкованию текстов, и критической диалектики, вскрывающей предпосылки каждого из дискурсов. Новизна подхода заключается не в открытии неизвестных истин, а в систематизации самого поля медиации, в прояснении тех конкретных операций – концептуального размежевания, эпистемологической критики и поиска универсального метаязыка, – посредством которых философия выполняет свою миротворческую миссию. Исследование вносит вклад в развитие современной эпистемологии и философии науки, открывая перспективы для создания образовательных программ и конструктивного разрешения идеологических тупиков в публичной сфере. В конечном счете, я стремлюсь показать, что философия в этом споре – не тихий остров между двумя воюющими материками, а скорее океан, в водах которого только и возможна их встреча.

Проблема соотношения науки, религии и философии имеет богатую историю разработки. У Аристотеля философия была единым знанием, включавшим и протонауку, и теологию. Фома Аквинский систематизировал идеи о гармонии веры и разума, где философия служила обоснованию религиозных догматов [1, с. 45].

Иммануил Кант провел ключевое разграничение: наука оперирует в мире явлений (феноменов), религия – в мире вещей в себе, а философия, с его критическим методом, устанавливает границы познания для обоих [2, с. 112].

Пьер Тейяр де Шарден предпринял попытку синтеза, представив эволюцию Вселенной как христогенез, где научная теория и христианское вероучение дополняют друг друга [3]. В философии науки Карл Раймунд Поппер с его принципом фальсифицируемости провел четкую демаркацию между наукой и ненаукой (куда может относиться и религия), оставив философии методологическую функцию [4, с. 78].

Дискуссии ведутся в рамках аналитической философии религии (Ричард Суинбёрн, Элвин Карл Плантинга) [8], пытающейся применить логические аргументы к религиозным утверждениям, и постпозитивизма (Томас Кун, Пол Фейерабенд), показавшего социально-историческую обусловленность научных образцов, моделей, шаблонов или систему взглядов и методов.

Философия не просто участник диалога, а методологический фундамент для него. Акцент делается на анализе конкретных философских категорий (таких как «объяснение», «понимание», «доказательство», «вера»), которые переосмысливаются и адаптируются для построения «мостов» между дискурсами.

Исследование выстраивается на междисциплинарном подходе, интегрирующем ряд взаимодополняющих методов. Компаративный анализ служит инструментом для выявления структурных сходств и принципиальных различий в эпистемологических основаниях, языковых практиках и конечных целях научного, религиозного и философского дискурсов. Историко-философская реконструкция позволяет проследить генезис и трансформацию моделей их взаимодействия – от античной синкретичности через средневековую схоластику к новоевропейскому размежеванию и современным поискам диалога [6, 7]. Герменевтическая интерпретация применяется к текстам различной природы – от научных трактатов и теологических трудов до философских эссе – с целью раскрытия их имманентного смысла в контексте культурно-исторических условий их возникновения. Системный подход дает возможность рассматривать науку, религию и философию как динамичные элементы единого поля культуры, связанные отношениями взаимного влияния и функционального дополнения. Наконец, метод концептуального моделирования используется для построения и критического осмысления типологии возможных отношений между этими сферами – конфликта, независимости, диалога и интеграции что позволяет наглядно представить и проанализировать специфические стратегии философского посредничества в каждом из этих сценариев.

Проведенный анализ позволяет существенно обогатить категориальный аппарат, используемый для изучения сложного взаимодействия между наукой, религией и философией. Результаты работы заключаются в систематизации ключевых концептов и разработке типологии моделей их взаимоотношений – от кон-

фликтной до диалогической. Это создает основу для новых исследований в области философии науки, эпистемологии и истории идей, где предложенная методология может быть продуктивно применена. Особую ценность представляет синтез компаративного, историко-философского и герменевтического подходов, позволяющий рассмотреть проблему в междисциплинарной перспективе.

Что касается возможностей применения, выводы исследования могут быть реализованы в образовательных программах через создание междисциплинарных курсов, способствующих формированию целостного мировоззрения у студентов. В общественной сфере разработанные модели взаимодействия могут служить основой для конструктивного диалога между научными и религиозными сообществами по актуальным вопросам современности. Кроме того, полученные результаты представляют интерес для экспертной работы при анализе социокультурных конфликтов, имеющих мировоззренческую природу, и могут использоваться при разработке стратегий их разрешения.

Корень напряженности междунаучными и религиозным способами освоения мира лежит в фундаментальном различии их эпистемологических оснований и онтологических полей. Наука как форма познания основывается на триаде эмпиризма, рационализма и принципа верификации или фальсификации, производя интерсубъективное, проверяемое и в своей сути вероятностное знание о материальном мире. В противоположность этому, религия укоренена в откровении, вере и непререкаемом авторитете сакральных текстов, предлагая догматичное, основанное на личном духовном опыте постижение трансцендентного и сферы предельных смыслов. Философия же, занимая метапозицию, использует инструментарий критической рефлексии, логического анализа и умозрения, направляя их на исследование предельных, не данных в непосредственном опыте категорий – бытия, сознания, добра, истины.

Конфликт между этими дискурсами возникает не как следствие их внутренней порочности, а как результат неизбежного пересечения их компетенций, когда каждая из сторон претендует на монопольное описание реальности в пограничных зонах. Классическим примером служит ситуация, когда религия формулирует конкретные утверждения о природном мире, как в случае

креационизма, вступающего в прямое противоречие с теорией эволюции, или когда наука, выходя за свои методологические рамки, предпринимает попытки дать исчерпывающие ответы на вопросы о конечном смысле человеческого существования. Именно в этих точках коллизии и раскрывается медиативная функция философии. Анализируя языковые игры, проясняя значение терминов и выявляя категориальные ошибки, философия выполняет работу по размежеванию дискурсов. Она демонстрирует, что вопрос «Как устроен мир?» и вопрос «Для чего существует мир?» принадлежат к разным логическим уровням и требуют различных методов для своего разрешения. Таким образом, следуя по пути, намеченному еще Иммануилом Кантом, который показал, что разум, пытаясь выйти за пределы возможного опыта, неминуемо впадает в антиномии, философия не упраздняет ни науку, ни религию, но устанавливает границы их компетенции, позволяя каждой сфере сохранить свою автономию и значимость в целостном человеческом опыте [2, с. 215].

В историко-философской традиции сформировалось несколько фундаментальных моделей, описывающих взаимоотношения науки и религии, где каждая отводит особую роль философской рефлексии. Наиболее радикальной является модель конфликта, ярко артикулированная в работах Ричарда Докинза, который интерпретирует религию как своего рода «вирус разума», вступающий в непримиримое противоречие с научным мировоззрением. В рамках этой парадигмы философия либо занимает идеологическую позицию одной из сторон, либо, что продуктивнее, подвергает критическому анализу сами эпистемологические и ценностные основания этого противостояния, вскрывая его глубинные причины.

Альтернативу составляет модель независимости, или «немагистральных царств», предложенная Стивеном Джеем Гулдом [5]. Согласно ей, наука и религия представляют собой автономные сферы, отвечающие на принципиально разные вопросы: первая – «как?» устроена природа, вторая – «зачем?» и «с какой целью?» существует человек и мир. Здесь философия берет на себя функцию арбитра, методологически проясняя и закрепляя границы компетенции каждого из дискурсов, не допуская их неправомерного смешения.

Более сложный характер носит модель диалога, которая исходит из потенциальной возможности взаимного обогащения науки и религии. Яркой иллюстрацией служит космологическая концепция «тонкой настройки Вселенной», где поразительная точность физических констант, сделавшая возможным возникновение жизни, порождает вопросы, выходящие за рамки чисто физического объяснения и открывающие пространство для философско-религиозной интерпретации. В этой модели философия выступает инициатором и модератором диалога, формулируя общие вопросы и интерпретируя получаемые ответы в поисках целостного понимания.

Наконец, модель интеграции представляет собой попытку тотального синтеза, как в трудах Пьера Тейяра де Шардена, где эволюция Вселенной предстает как христогенез, а научные и теологические историю сплетаются в единую структуру. В этой амбициозной парадигме философия берет на себя роль создателя универсального метаязыка и общей картины мира, способной вместить и согласовать данные как науки, так и религии. Таким образом, философия служит не просто пассивным наблюдателем, но концептуальным стержнем, вокруг которого выстраиваются все возможные модели взаимодействия, предлагая для каждой из них необходимое логическое и методологическое обоснование.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что философия занимает уникальную позицию в пространстве познания, выступая не просто промежуточным звеном, а автономной и рефлексивной инстанцией между наукой и религией. Ее фундаментальное отличие заключается в способности к критической рефлексии не только над предметами исследования, но и над собственными предпосылками, а также над основаниями других форм познания. Эта саморефлексивность превращает ее в незаменимый инструмент прояснения и структурирования сложного поля взаимодействия научного и религиозного дискурсов. Основная функция философии в этом диалоге имеет методологическую и категориальную природу: она работает как с понятийным аппаратом, проясняя и разграничивая значения таких фундаментальных категорий, как «доказательство», «причина», «трансценденция», так и с самими правилами интеллектуального влечения, определяя

границы компетенции каждого подхода и вырабатывая принципы их корректного взаимодействия.

Важнейшим выводом исследования является демонстрация того, что прямой и неизбежный конфликт между наукой и религией является не столько сущностной необходимостью, сколько следствием методологической и категориальной путаницы, когда один дискурс неправомерно вторгается в сферу компетенции другого. Философия, выступая в роли «интеллектуального картографа», выявляет эти подмены и предлагает пути их преодоления. В современном контексте, характеризующимся сложностью вызовов и взаимопроникновением знаний, наиболее продуктивной представляется модель «критического диалога». В этой модели философия исполняет роль рефлексивного медиатора, который не стремится к упрощенному синтезу или поглощению одной парадигмы другой, но обеспечивает условия для взаимного уважения и понимания, тщательно сохраняя при этом специфику и эпистемологическую целостность каждого из способов познании я. Теоретическая и практическая значимость такой работы философии оказывается чрезвычайно востребованной для формирования синтетического, ответственного и внутренне непротиворечивого мировоззрения, способного адекватно ответить на комплексные вызовы XXI века от этических дилемм биоинженерии до поиска смысловых ориентиров в глобализирующемся мире.

Список литературы

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть I. Вопрос 1. М. : Изд-во Института философии, 2004. 256 с.

2. Кант И. Критика чистого разума : пер. с нем. М. : Мысль, 1994. 784 с.

3. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.

4. Поппер К. Логика научного исследования. М. : Республика, 2004. 447 с.

5. Гулд С. Скалы веков: Наука и религия в полноте жизни. М. : ЯСК, 2021. 312 с.

6. Рассел Б. История западной философии. М. : АСТ, 2020. 768 с.

7. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 16–27.

8. Плантинга Э. Бог, свобода и зло. СПб. : Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2014. 188 с.

УДК 130.2

О ПОСТМОДЕРНЕ В РЕЛИГИИ

Герман Михайлович Кириллов[1],
Руслана Евгеньевна Филиппова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Феномен религиозности в условиях постмодерна представляет собой сложный и многогранный объект для исследования, характеризующийся переходом от устойчивых институциональных форм к гибким, индивидуализированным практикам.

Одним из ключевых признаков мировоззренческой трансформации, сопровождающей постмодерн, становится процесс десакрализации – постепенной утраты сакрального измерения в восприятии мира. Современный человек всё чаще воспринимает реальность сквозь призму функциональности и относительности, что приводит к ослаблению чувства священного и утрате трансцендентного ориентира в культуре. Этот феномен тесно связан с кризисом традиционных религиозных форм и с размыванием границ между сакральным и мирским пространством.

Эпоха постмодерна, с её характерным недоверием к «метанарративам» – всеобъемлющим системам объяснения мира, – оказала глубокое влияние на религиозную сферу [5, с. 15]. Традиционные религии, сами по себе являющиеся классическими метанарративами, столкнулись с кризисом легитимности, что привело не к исчезновению религии как таковой, но к её радикальной трансформации, возникновению новых гибридных форм и изменению самого характера веры.

В фокусе настоящего исследования находится комплексный анализ специфических проявлений и социокультурных последствий влияния постмодернистской парадигмы на религиозное сознание и практики. Для реализации этого аналитического замысла предполагается последовательное решение ряда взаимосвязанных задач, включающих раскрытие сущности постмодернистской критики в ее применении к религиозным метанарративам, детальный анализ феномена дезинституционализации религии и параллельного роста индивидуализированных форм духовности.

Особое внимание уделяется исследованию механизмов религиозного синкретизма и феномена «бриколажа» как характерных практик постмодернистского религиозного выражения, а также оценке глубинной трансформации природы религиозного авторитета в условиях радикальной условности понятия истины.

В центре внимания настоящего анализа находится религиозная сфера, переосмысленная в контексте культуры постмодерна, с фокусом на специфические черты и новые формы религиозности, порожденные этим влиянием. Ключевыми проявлениями данной трансформации выступают три взаимосвязанных феномена: радикальная индивидуализация веры, характеризующаяся переходом от коллективных религиозных практик к личному духовному поиску; синкретизм, проявляющийся в свободном комбинировании элементов из различных религиозных традиций; и мировоззренческий релятивизм, выражающийся в отказе от абсолютных истин в пользу ситуативных и персонализированных интерпретаций сакрального. Эти процессы демонстрируют глубинные изменения в структуре религиозного сознания, где доминирующей становится установка на конструирование индивидуальной духовной реальности, отрицающее монополию традиционных религиозных институтов на производство смыслов.

Современный религиозный ландшафт переживает глубокую трансформацию под воздействием постмодернистской культуры, что проявляется в переходе от институциональных форм веры к индивидуальным духовным поискам. Теоретической основой для осмысления этих процессов служат работы Ж.-Ф. Лиотара о кризисе метанарративов [5, с. 10], метод деконструкции Ж. Дерриды [3], а также исследования П. Бергера и Т. Лукмана, показавшие механизмы плюрализации религиозного поля [1, с. 215]. Особый вклад в понимание российской специфики вносит концепция «духовного бриколажа» М. Н. Эпштейна [7].

Новизна настоящего исследования заключается в системном рассмотрении взаимодействия между постмодернистскими установками и религиозным сознанием, с особым вниманием к тому, как культура постмодерна не просто ослабляет традиционные формы религиозности, но и активно формирует новые гибридные формы духовности, сочетающие элементы различных традиций с индивидуальным опытом.

Исследование опирается на взаимодополняющий методологический комплекс, где философская герменевтика и деконструкция позволяют проследить трансформацию смыслов религиозных текстов и понятий в условиях постмодерна. Сравнительный подход дает возможность сопоставить традиционные формы религиозности, выявляя их специфические особенности. Социокультурный анализ рассматривает религию как органический элемент более широкой культурной системы постмодерна, а концептуальное моделирование используется для реконструкции практик «религиозного бриколажа». Теоретическая ценность работы проявляется в обогащении категориального аппарата изучения современной религиозности и развитии философско-социологического понимания феномена «постмодернистской религии» через интегративный подход. Практическое значение результатов заключается в их применимости религиозными организациями для осмысления современных вызовов, педагогами – для формирования адекватного представления о религиозных процессах, а также специалистами в сфере межкультурной коммуникации – для лучшего понимания мировоззренческих установок современного человека.

Фундаментальной трансформацией, определяющей современное состояние религиозной сферы в контексте постмодерна, становится последовательная деконструкция религиозного метанарратива. Постмодернистская установка, следуя логике Лиотара, радикально ставит под сомнение саму возможность существования единой, объективной и общеобязательной религиозной истины, провозглашаемой традиционными конфессиями. В этих условиях религиозный дискурс утрачивает свою монополию на описание реальности, превращаясь в одну из множества равноправных «языковых игр» в плюралистичном пространстве современной культуры. Метод деконструкции, разработанный Деррида, позволяет вскрыть внутренние противоречия и множественность смыслов, имманентно присущие самим сакральным текстам, демонстрируя, что любой текст содержит в себе следы бесчисленных интерпретаций и не может быть сведен к единственному, официально санкционированному прочтению [3]. Это приводит к тотальной релятивизмами религиозной истины: она перестает восприниматься как объективная данность и превращается в продукт личного выбора и индивидуальной интерпретации.

Непосредственным и закономерным следствием этого процесса выступает вторая ключевая трансформация – радикальная индивидуализация и дезинституционализация веры. Кризис «большого нарратива» религии ведет к переносу центра тяжести с религиозной организации на индивидуальное сознание верующего. В условиях мировоззренческого плюрализма индивид более не наследует веру автоматически в рамках традиционной общины, а вынужден активно конструировать её, осуществляя выбор из множества опций, предлагаемых на «религиозном рынке» [1, с. 228]. Возникает характерный феномен, при котором верующий самостоятельно формирует персональный набор убеждений и духовных практик, свободно заимствуя элементы из различных, подчас противоречащих друг другу конфессий и традиций. В этой новой конфигурации роль церкви как единственного легитимного посредника между человеком и сакральным резко ослабевает, а её институциональный авторитет замещается авторитетом личного, непосредственного опыта, который становится главным и окончательным критерием истинности любого духовного искания.

Порождаемая процессами деконструкции и индивидуализации, третья фундаментальная трансформация религиозного ландшафта проявляется в тотальном синкретизме и утверждении религиозного бриколажа как новой нормативности. Традиционный принцип «верности одной традиции», предполагавший последовательное следование к догматике и практике определенной конфессии, уступает место принципу свободного эклектичного синтеза. Этот феномен получает глубокое осмысление в работах Эпштейна, описывающего его как «транскультурацию» и «бриколаж» – творческий процесс конструирования индивидуальной духовной системы из разнородных, часто случайно подобранных элементов различных религиозных и культурных традиций [7].

В рамках этой новой парадигмы становится возможным и даже типичным сочетание в едином мировоззренческом пространстве христианской этики, буддийских медитативных техник, индуистских представлений о карме и реинкарнации, элементов экологического мистицизма и современных психологических практик. Такой синтез не является механическим смешением, но пред-

ставляет собой осознанное выстраивание персонализированной духовной экосистемы, где каждый элемент обретает значение в контексте личного опыта и потребностей индивида.

Показательным воплощением подобного подхода может служить буддизм, который во многих своих проявлениях демонстрирует черты классического продукта постмодернистской культуры. В отличие от своих исторических азиатских форм, зачастую институционализированный, он принципиально дистанцируется от жестких монастырских иерархий и строгой догматики, представляя собой скорее открытое поле для духовных исканий. Это направление, особенно в его светских и «майндфулнес»-ориентированных версиях, нередко существует как собрание независимых практик, сообществ и учителей, объединенных не столько верностью единому канону, сколько духом прагматичного эксперимента и открытости к синтезу с психологией, нейронауки и другими системами знания. Буддизм акцентирует не ритуальную сторону или слепое следование авторитету, а личный опыт и практическую пользу медитации, что позволяет ему свободно заимствовать элементы из других традиций и адаптироваться к запросам современного человека, становясь, по сути, конструктором для самостоятельной сборки индивидуальной духовной траектории.

Однако наряду с процессами релятивизации и дезинституционализации религии следует отметить и реактивную тенденцию – стремление к десакрализации через обращение к традиционалистским концепциям. Мыслители традиционалистской школы, такие как Р. Генон, Ю. Эвола и А. Дугин, указывают на разрушительные последствия десакрализации и призывают к возвращению к метафизическим основаниям культуры [2, 4, 6]. В их трудах постмодерн предстает как фаза предельного распада сакрального порядка, за которой возможно новое обретение целостности – при условии восстановления связи с Традицией как универсальным источником смыслов. В этом контексте религиозность современного человека может рассматриваться не только как фрагментированная и индивидуализированная, но и как находящаяся в поиске утраченного сакрального центра.

Проведенный анализ позволяет сделать обоснованные выводы о характере религии в эпоху постмодерна. Постмодерн не отменяет религию, но подвергает радикальной ревизии её традиционные формы. Кризис касается не самой веры как таковой, а её институциональных, догматических и монолитных выражений. Ключевыми процессами становятся дезинституционализация, индивидуализация и релятивизация религиозного опыта, в результате чего вера превращается из наследуемого дара в результат личного выбора и конструирования. Доминирующей формой новой религиозности становится синкретизм и «бриколаж», отражающие общую для постмодерна эстетику коллажа, цитирования и игры с готовыми формами. Религиозный авторитет перемещается с института и текста на фигуру самого индивида, чей личный опыт становится высшим арбитром в вопросах духовного поиска. Следовательно, религия в постмодерне предстает как гибкая, фрагментированная, плюралистичная и глубоко персонифицированная сфера, что, с одной стороны, открывает новые возможности для свободы совести, а с другой порождает вызовы, связанные с утратой общих смысловых ориентиров и этических оснований.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.

2. Генон Р. Кризис современного мира. М. : Энигма, 1993. 224 с.

3. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. С. 511–512.

4. Дугин А. Г. Философия традиционализма (лекции Нового университета). М. : Арктогея-центр, 2002. 622 с.

5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.

6. Эвола Ю. Люди и руины. М., 2020. 296 с.

7. Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М. : Изд-во Р. Элинина, 2000. 368 с.

УДК 1

СЧАСТЬЕ В ФИЛОСОФИИ: ВЕЛИКИЙ ИДЕАЛ ИЛИ ОБМАНЧИВАЯ ИЛЛЮЗИЯ?

Герман Михайлович Кириллов[1], Егор Алексеевич Медведев[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

В статье исследуются два противоположных взгляда на счастье в философии: с одной стороны, оно рассматривается как высшая цель человеческой жизни, с другой – как недостижимая иллюзия. Анализируются основные философские подходы к пониманию счастья от античности до современности [6].

Большинство людей, включая многих философов, так или иначе приходили к размышлениям о счастье как философской категории [7]. Действительно, многие из нас стремятся к счастливой жизни. Однако счастье остается одной из самых противоречивых тем в философии: одни мыслители видят в нем главную цель человеческой жизни, другие – опасное заблуждение. Почему представления о счастье так сильно различаются и можно ли его вообще достичь?

Для ответа на эти вопросы необходимо прежде всего рассмотреть философские подходы, представляющие счастье как достижимый идеал человеческого существования. Затем следует изучить концепции, раскрывающие его иллюзорную природу и недостижимость. Наконец, важно показать диалектическую взаимосвязь этих двух взглядов, продемонстрировав их взаимодополняющий характер в понимании сложной природы счастья.

В современном мире, характеризующемся стремительным ритмом жизни, кризисами и ростом индивидуализма, поиск счастья становится особенно актуальным. Понимание философских оснований счастья позволяет человеку не плыть по течению в погоне за сиюминутными наслаждениями, а выстроить осмысленную и, следовательно, подлинно счастливую жизнь.

Проблема счастья как идеала и иллюзии получила глубокую разработку в истории философской мысли. В рамках эвдемонистической традиции фундаментальный вклад внес Аристотель,

заложивший в «Никомаховой этике» основы эвдемонистического подхода и определивший счастье как деятельность души в полноте добродетели [1, с. 77]. Значительное развитие эта традиция получила в трактате Людвига Фейербаха «Эвдемонизм», где философ обосновал стремление к счастью как фундаментальное свойство человеческой природы и вывел мораль из естественного человеческого стремления к счастливой жизни [5, с. 120]. Параллельно в античной философии Эпикур и его школа развивали гедонистическое направление, видя счастье в отсутствии страданий и достижении состояния безмятежности [3, с. 450]. В философии Нового времени принципиально важную позицию занял И. Кант, который отделял счастье от морали, считая его эмпирическим и нестабильным принципом, в отличие от категорического императива [4, с. 312].

Философское осмысление счастья как достижимого идеала берет начало в античной философии. Аристотель в «Никомаховой этике» заложил основы эвдемонистического подхода, определив счастье как «деятельность души в полноте добродетели» [1, с. 77]. Согласно его учению, эвдемония достигается через рациональную деятельность в соответствии с добродетелью и предполагает наличие определенных внешних благ [2, с. 265]. Значительное развитие эта традиция получила в трактате Людвига Фейербаха «Эвдемонизм», где философ радикально переосмыслил античное понимание счастья. Фейербах обосновал стремление к счастью как фундаментальное свойство человеческой природы, выводя из него саму мораль [5, с. 120]. Его концепция отличалась ориентацией на чувственность и материальные потребности человека.

Параллельно с эвдемонистической традицией формировались альтернативные концепции счастья. Эпикур и его последователи разрабатывали гедонистическое направление, интерпретируя счастье не как погоню за чувственными наслаждениями, а как достижение атараксии – состояния глубокой душевной безмятежности и свободы от страданий [3, с. 450]. Данное понимание предполагало сознательное ограничение потребностей и культивирование дружеских отношений как высшей формы наслаждения, способствующей внутренней гармонии. И. Кант предпринял радикальный пересмотр понятия счастья, отделив его от морали. Философ характеризовал счастье как «эмпирический и неста-

бильный принцип», противопоставляя его категорическому императиву [4, с. 312]. Согласно Канту, стремление к счастью не может быть основой морального закона в силу своей субъективности и изменчивости.

Несмотря на всю критику, идея счастья как главной цели жизни не потеряла своей актуальности. Сегодня её часто понимают так: настоящее счастье возможно только вместе с другими, а не за их счёт. Когда мы заботимся о благополучии окружающих и выполняем свои моральные обязанности, мы не ограничиваем собственное счастье, а наоборот – делаем его более полным и настоящим. Таким образом, современный взгляд помогает преодолеть спор о том, является ли счастье идеалом или иллюзией. Он показывает: счастье перестаёт быть иллюзией, когда мы связываем его с жизнью других людей. И остаётся идеалом – но не личным, а общим, который мы создаём вместе через взаимную заботу и ответственность.

Новизна работы заключается в том, что она не просто перечисляет разные взгляды на счастье, а показывает, как идеал и иллюзия связаны между собой. Предлагается рассматривать счастье не как что-то одно – либо идеал, либо иллюзию, – а как сложное явление, сочетающее в себе обе эти стороны.

В качестве методологической основы в данном исследовании используется комплексный подход, объединяющий несколько взаимодополняющих методов. Проведение сравнительного анализа различных философских концепций позволяет выявить общие черты и принципиальные различия в понимании счастья у представителей разных философских школ и направлений. Применение исторического подхода к изучению эволюции понятия счастья дает возможность проследить закономерности трансформации представлений о счастье от античности до современности. Осуществление критического анализа аргументов за и против трактовки счастья как идеала способствует формированию сбалансированного понимания этой философской категории, учитывающего как её позитивные аспекты, так и ограничения.

Проведенное исследование показывает, что счастье в философии предстает в двойственном свете. С одной стороны, оно является мощным идеалом, ориентиром для человеческой жизни. С другой стороны, слепая погоня за счастьем может оказаться иллюзией, уводящей от подлинного существования. Наиболее

плодотворным представляется подход, который не выбирает между этими крайностями, а признает их диалектическую взаимосвязь. Счастье перестает быть иллюзией, когда мы отказываемся от его упрощенного понимания как постоянного удовольствия. И оно перестает быть недостижимым идеалом, когда мы понимаем его как осмысленное проживание жизни во всей ее полноте – с радостями и трудностями, успехами и поражениями.

Исследование помогает глубже понять саму суть категории счастья – одной из самых важных в философии и учении о человеке. Оно упорядочивает и систематизирует разрозненные знания по этой теме. Полученные выводы могут стать теоретическим фундаментом для новых исследований, объединяющих философию, психологию и социологию. Материалы статьи могут быть использованы в образовательном процессе – в курсах по философии, этике, психологии. Понимание разных философских подходов помогает выработать более осознанное отношение к собственным представлениям о счастливой жизни.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. Брагинской. М. : ЭКСМО Пресс, 1997.

2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 832 с.

3. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

4. Фейербах Л. Эвдемонизм // Избранные философские произведения. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1.

5. Кант И. Критика практического разума // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. 544 с.

6. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1990–1994.

7. Шопенгауэр А. Об основе морали // Две основные проблемы этики. Минск : Попурри, 1997.

Раздел 2
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ЕЕ ЕДИНСТВЕ И МНОГООБРАЗИИ

УДК 1 (091) (075)

К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Никита Валерьянович Калёнов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Русская философская мысль представляет собой уникальный и многогранный феномен в интеллектуальной панораме человечества, обладающий несомненной самобытностью и глубиной. Её становление и развитие обусловлено сложным синтезом двух фундаментальных начал: глубинной, архаической мудрости славянского мифологического мировоззрения, с одной стороны, и утонченной, догматически зрелой религиозно-философской традиции Византии–с другой. Этот сплав породил особый духовный строй, определивший векторы развития отечественной мысли на столетия вперед.

Пройдя путь исторической эволюции, русская философия демонстрирует поразительное многообразие индивидуальных учений. В ней сосуществовали и спорили между собой «западники» и славянофилы, религиозные экзистенциалисты и космисты. Эта внутренняя полифония стала прямым отражением драматического и противоречивого хода отечественной истории, остроты её социальных коллизий, а также поиска ответа на ключевой вопрос о национальной идентичности.

Геополитическое положение России как цивилизационного «Востоко-Запада», гигантского пространства, находящегося на перекрестке культурных и исторических потоков, предопределило её особую миссию и метафизическую «пограничность». Русская мысль постоянно обращалась к осмыслению этой двойственности, пытаясь разрешить антиномию между самобытным путем и общечеловеческим прогрессом.

В концептуальном отношении русская философия выработала собственную, оригинальную систему категорий и проблемных полей. Её краеугольными камнями стали:

– Метафизика всеединства (В. Соловьев, С. Франк, Л. Карсавин), стремящаяся к онтологическому синтезу бытия.

– Своеобразная гносеология, нередко сочетающая рациональное познание с интуитивным, духовным опытом и верой.

– Глубинная антропология, рассматривающая человека не как абстрактного индивида, а в его целостности, включая вопросы сердца, совести и смысла жизни (Ф. Достоевский).

Социальная философия, сфокусированная на проблемах соборности, справедливости, государства и исторической судьбы народа.

Таким образом, изучение русской философии–это не просто академическое упражнение, а напряженное духовное усилие, позволяющее проникнуть в сокровенные глубины национального самосознания. Она дает ключ к пониманию нашего религиозного и культурного прошлого, помогает осмыслить трагический и величественный путь России в контексте мировой истории и, что самое важное, предлагает ценностные ориентиры для выстраивания её будущего, помогая ответить на извечные вопросы: «Кто мы?», «Откуда мы?» и «Куда мы идем?». Особенности русской философии:

1) обращенность к человеку, его положению и судьбе;

2) русская идея (славянофилы и западники) – особая историческая миссия России;

3) социальная проблематика (проекты социальных преобразований);

4) обращенность к актуальным проблемам жизни (поиски ответа на вопросы: что делать? кто виноват?);

5) идея соборности;

6) малое количество философских работ (философские идеи распространяются через публицистику, письма, художественную литературу – Л. Толстой, Ф. М. Достоевский);

7) трагическое взаимодействие с государством (судьба А. Н. Радищева, П. Я. Чаадаева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Бердяева, Г. Г. Шпета, П. А. Флоренского и др.);

8) особое отношение философии и религии (православие против философии);

9) обращенность к Космосу и др.

Вклад в мировую философию невелик, это разработки идей анархизма (М. А. Бакунин), экзистенциализма (А. И. Шестов, Н. А. Бердяев), космизма (К. Э. Циолковский, Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский).

Периодизация русской философии [1]:

В период Киевской и Московского государства (11–17 вв.) были подготовлены основы философских знаний: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (11 в.), «Послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху» (12 в.); Иосиф Волоцкий (иосифляне), Нил Сорский и Максим Грек (нестяжатели), Сергий Радонежский, Филофей («Москва – третий Рим»).

1. Философия эпохи Просвещения (середина 18 – начало 19 вв.) – М. В. Ломоносов, А. Н.Р адищев, Г. Сковорода.

2. Философия Нового времени (18 в. – начало 20 вв.): «золотой век» (18 – конец 19 вв.) и «серебряный век» (1900–1917 гг.) – славянофилы (П. Я. Чаадаев) и западники (М. В. Киреевский); течения – материализм (Н. Г. Чернышевский), позитивизм (П. Л. Лавров), анархизм (М. А. Бакунин), народничество (Н. К. Михайловский), русский марксизм (Г. В. Плеханов), евразийство (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев), неокантианство (А. И. Введенский), теософия (Е. П. Блаватская), марксизм-ленинизм (В. И. Ленин); русская религиозная философия (конец 19 – начало 20 вв.) – возникновение философских систем (В. Соловьев, Н. Лосский, Н. Бердяев, С. Франк, П. Флоренский),

3. Философия советского периода (1917–1991 гг.): русская советская философия и философия русского зарубежья – В. В. Зеньковский, М. М. Бахтин, М. К. Мамардашвили, Э. В. Ильенков, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман.

4. Философия постсоветского периода (1991 – начало 21 в.). Особенности: возрастание интереса к идеалистическим учениям, в частности к мистике; осмысление философского наследия; интерес к постмодернизму, плюрализм философских учений.

Концепция разноликости и единства русской философии [2].

Гносеологический дуализм «разноликости» и «единства» как методологический фундамент исследования русской философской традиции.

Категории «разноликость» и «единство» могут быть концептуализированы в качестве базовых онтологических дефини-

ций, детерминирующих специфику предметного поля русской философии. Данная терминологическая парадигма репрезентирует собой концепцию, результирующую многолетней исследовательской рефлексии, апробированную и верифицированную /автором в рамках лекционных курсов, прочитанных в ведущих отечественных вузах (МГУ, РУДН, МФТИ, МАИ), а также в научно-академическом дискурсе международного уровня (США, ФРГ, КНР).

Следует подчеркнуть, что предложенная номинативная последовательность обладает глубоким методологическим значением. Приоритетная позиция отводится лексеме «разноликость», имеющей славянскую (сербскую) этнолингвистическую природу и выступающей регулятором более употребительного в русскоязычном контексте термина «многообразие». Однако, в отличие от последнего, сербский эквивалент подразумевать повышенную образность и содержательную насыщенность, адекватно передающую полиморфную сущность той культурно-исторической и духовной реальности, которую объективирует русская философия. Именно разноликость, понимаемая как максимальный полиморфизм смысловых интенций и дискурсивных стратегий при синхронном сохранении целостности общего интеллектуального ландшафта, представляет собой атрибутивное и, вероятно, уникальное качество отечественной философской мысли.

Понятие «единство» занимает в этой дихотомии вторичную, но не менее значимую позицию, поскольку множественные «лики» русской философии суть продукты различных историко-философских эпох, объединенные, тем не менее, общей системой проблематизаций и интуиций. Из этого следует важный гносеологический вывод: некорректно постулировать существование некой статичной, самотождественной «русской философии», редуцируемой к неизменному набору характеристик, будь то антропоцентризм, историософичность или социальный пафос. Подобные дефиниции, будучи расхожими штампами в научной литературе, нивелируют имманентную сложность и полисемантизм традиции. Предметный состав, жанровое своеобразие и проблемное поле русской философии претерпевали существенную трансформацию на разных этапах ее генезиса, в силу чего разноликость утверждается в качестве ее фундаментальной и инвариантной характеристики.

Разрабатываемая концепция находит свою конкретизацию в авторском проекте- масштабной энциклопедии «Русская философия», работа над которой ведется коллективом исследователей с 1990-х годов. В рамках этого проекта осуществляется историко-философская реконструкция, трактующая эволюцию русской мысли не как линейный процесс, а как преемственный полифонический диалог разнородных идей и направлений (религиозных и светских), воплощенных в интеллектуальных портретах мыслителей от М. В. Ломоносова до А. С. Панарина. Такой подход принципиально оппонирует монологическому «классовому подходу» и принципу партийности, господствовавшим в советской историографии, которые навязывали схему перманентной идейной конфронтации «всех против всех».

Важнейшим аспектом предлагаемой методологии является интеграция в научный оборот достижений зарубежной историографии русской философии (труды А. Валицкого, Ф. Коплстона, Т. Масарика и др.), сведения о которой в России до сих пор носят фрагментарный характер. Опровергая миф о маргинальности и сугубо «внутренней» значимости русской мысли, международный интерес к ней, сохраняющийся и растущий на Западе и на Востоке (в частности, в Китае), демонстрирует ее востребованность в качестве элемента «мягкой силы» и действенного инструмента преодоления русофобских стереотипов. В этой связи на историках русской философии лежит особая ответственность за объективную и непредвзятую реконструкцию отечественной интеллектуальной истории, адекватно отражающую ее подлинное разноликое единство.

Список литературы

1. Антропова Н. К. Русская философия : метод. указания для изучения курса философии для студентов дневной и заочной формы обучения всех специальностей. Екатеринбург : УГЛТУ, 2006. 24 с.

2. Авдеева Л. Р. Всероссийская научная конференция «Разноликость и единство русской философии». 19 октября 2017 г., философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 1 (57). С. 165–185.

УДК 1

КОНЦЕПЦИЯ СУДЬБЫ И СВОБОДЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОЛОГИИ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Герман Михайлович Кириллов[1],
Ярослав Сергеевич Макаров[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Проблематика рока и судьбы занимает центральное место в русской философской традиции, формируя одну из глубочайших осей отечественного понимания жизни, смысла бытия и человеческой свободы. В древнерусских верованиях представления о судьбе всегда были тесно переплетены с идеями всеобщего космического порядка, справедливости и морального воздаяния, что отличает их от западных концепций фатума и слепой необходимости [2, с. 5–8].

В центре этого миросозерцания стоит богиня Мокошь – олицетворение не зла или случайности, а высшей справедливости, проявляющейся в индивидуальных путях каждого человека. Мокошь, «прядущая нити жизни», задаёт структуру бытия, в которой человек, его род и община существуют внутри единой системы ритуалов, циклов и духовных ориентиров, в постоянном взаимодействии с высшими силами природы [1, с. 140–156]. Миф предстаёт не как наивная форма донаучного мышления, а как высший синтез бытия, объединяющий разум, веру и чувственный опыт, где божественное и человеческое соединяются в единую целостность мира [2, с. 8–11].

Понимание судьбы как космического закона связано с представлением о справедливом воздаянии: каждому воздаётся по делам его, судьба выступает как форма божественного суда, устанавливающего равновесие между поступком и последствием [1, с. 165–170]. В этом смысле русская традиция противопоставляет себя античному фатализму, где судьба – слепая сила, не знающая милосердия. Здесь же судьба наполнена смыслом, она воспитывает, направляет, испытывает человека, но не уничтожает его свободу [3, с. 26–30].

Особую роль этот мифологический мотив играл в обрядах, где судьба связывалась не только с личной, но и с коллективной идентичностью. Родовые духи – рожанины – выступали гарантами передачи не только физических, но и духовных качеств, формируя через ритуал ощущение принадлежности человека к более широкой космической «семье» [1, с. 175–180]. В этом контексте судьба не только принадлежит индивиду, но постоянно обсуждается и переосмысляется в рамках общинных практик, где коллективная память и духовный опыт предков определяют жизненный путь потомков [4, с. 6–9].

Сохранение древних представлений о судьбе и свободе в русской культуре неразрывно связано с феноменом двоеверия – уникальным явлением, характеризующим духовную жизнь Руси после принятия христианства. Академик Б. А. Рыбаков в своём фундаментальном труде «Язычество древних славян» убедительно показал, что христианизация не привела к полному уничтожению языческого мировоззрения, а создала сложную синкретическую систему, где христианские догматы органически соединились с древнеславянскими верованиями [7]. Двоеверие представляет собой не механическое соединение двух противоположных систем и не внутренний конфликт, а органический синтез, в котором языческое наследие переосмыслялось и интегрировалось в христианский контекст.

Этот синтез проявился прежде всего в календарных праздниках: языческая Масленица (проводы зимы) была приурочена к началу Великого поста; день Купалы стал праздноваться как Рождество Иоанна Крестителя; Коляда органично слилась с Рождеством Христовым. Произошло также отождествление христианских святых с языческими божествами: Илья Пророк воспринимался как громовержец Перун, святой Власий – как покровитель скота Велес. Весенние языческие обряды сгруппировались вокруг Пасхи, а осенние праздники урожая стали Спасами. В русской философии языческое и христианское наследие не противостояли друг другу, а формировали единое духовное пространство, где понятия рока, судьбы и свободы обрели глубину, недостижимую в рамках одной традиции.

Свобода в русской философской традиции никогда не рассматривалась как простая вседозволенность или отсутствие ограничений – напротив, она понималась как «внутреннее согласие»

с высшим порядком и готовность проявить ответственность за собственные поступки [2, с. 103–110]. Это понимание резко отличается от западной концепции свободы как автономии индивида, независимости от внешних сил. В русской мысли свобода есть возможность внутреннего согласия с законом целого, акт, в котором личность утверждает себя через гармонию с бытием, а не через разрушение его порядка [3, с. 46–54].

Философия русского рока строится вокруг драматического баланса: с одной стороны, человек чувствует космическую неизбежность и ответственность перед высшей справедливостью; с другой, имеет возможность для размышления, выбора, преодоления себя. Эта диалектика необходимости и свободы выражена через мифологические образы богов, олицетворяющих различные стороны мироздания.

В мифах эти аспекты выражены через дуализм Перуна и Велеса: Перун – власть, порядок, мерило закона; Велес – содержатель изменений, переходов, творческого хаоса [4, с. 7–11]. Их противостояние – не конфликт добра и зла, а модель диалектики необходимого и возможного, которая формирует русское представление не только об обществе, но и о принадлежности личности к миру обычаев и ритуалов. Таким образом, свобода воспринимается как пространство для осознанного действия и внутренней работы, а не только как поле для индивидуального эгоизма [2, с. 121–133].

Это мифологическое противопоставление отражает глубинную философскую идею: мир существует в постоянном движении между порядком и хаосом, необходимостью и свободой, и человек призван не разрушить один из полюсов, а найти гармоничный баланс, позволяющий реализовать своё предназначение в рамках космического закона [1, с. 185–192].

Важнейшим ритуальным примером, раскрывающим философию судьбы, выступает обряд «проводов горюна» – уникальный феномен Пензенской области. В его основе лежит театрализованная игра: участник принимает роль покойника, остальные выражают коллективную скорбь и страх перед переходом души. Песни, причитания и символическое сожжение образа создают промежуточное пространство между земным и потусторонним миром, в котором сообщество переживает судьбу не только индивидуально, но и коллективно, интегрируя опыт утраты и перерождения [5, с. 5–7].

Эти ритуалы вписываются в календарные циклы – старый Новый год, Масленица, Великий пост, весенние праздники, – напоминая о глубинной связи человека с ритмами природы и социума. Через них судьба приобретает чувственные и осмысленные формы: она неразрывно связана с жизнью и смертью, переходами и изменениями, коллективной памятью и духовным возрождением.

Обрядовая практика становится философским актом переосмысления судьбы: смерть предстаёт не как конец, а как переход, метаморфоза, часть вечного круговорота жизни. Человек через ритуал освобождается от страха смерти и обретает понимание своего места в космическом порядке, где каждая жизнь имеет смысл и значение [1, с. 175–180].

Русская мифология рока и судьбы проявляется не только в обрядах, но и в философских размышлениях мыслителей от Достоевского и Бердяева до современных исследователей культуры. В отличие от западной философии, где судьба часто трактуется скептически или отвергается во имя абсолютной свободы, в русском сознании она становится источником поиска смысла, фундаментом для преодоления хаоса и конфликтов, полем для борьбы доброго и злого начал в сердце человека [6, с. 148–222].

Бердяев писал о столкновении рока и разума, подчёркивая, что рок есть сознание народного призвания в тёмной стихии, без свободы человека и без благодатной силы Бога [3, с. 138–143]. Когда народ хочет осуществить своё призвание через иррациональную силу рока, делающую его одержимым, без участия свободы, то искажается идея этого народа. Истинная судьба требует просветления светом универсальной истины, соединения необходимости и свободы [3, с. 138–143].

Коллективные обряды Пензенской области сохраняют архетипы ритуальных действий, обеспечивая для каждой личности путь к осмыслению судьбы через участие в жизни общины. Плач, причитания, символические действия с «покойником» – всё это служит преодолению предопределённости, даёт пространство для свободного выбора, проявления силы духа и коллективной ответственности.

Философское единство судьбы и свободы формируется через глубокое взаимодействие мифологических символов и обрядовой практики. Судьба – это космический закон, источник

порядка, но одновременно вызов, требующий от человека творческого ответа. Свобода – это не просто способность разрушить и противостоять, но и возможность гармонии, соучастия в общем деле, внутреннего преодоления [2, с. 142–155].

В социальной жизни эти вопросы преломляются через поиск баланса между коллективной идентичностью и индивидуальной инициативой. В обрядовой культуре русской деревни, сохранившейся в Пензе, человек обретает себя не через отрицание судьбы, а через осмысленное принятие участия – в похоронных и свадебных играх, обрядах перехода, песенных традициях, где рок судьбы становится не приговором, а полем творческого и духовного роста.

Народная мудрость, воплощённая в обрядах и фольклоре, служит практической философией духа, воплощающей идею гармонии между личным и всеобщим, необходимым и свободным. Каждая сказка и песнь есть не просто вымысел, но выражение народного сознания бытия, способ соединения метафизического с реальным: судьбы с поступком, божественного с нравственным, случая с законом [1, с. 190–195].

Таким образом, древнерусская мифология и её философское переосмысление формируют уникальную систему взглядов, в которой категория рока и судьбы приобретает всеохватывающее значение – от космического закона до индивидуального жизненного пути. Свобода выступает как сознательное исполнение этого закона, возможность для проявления нравственных убеждений и внутреннего равновесия. Пантеон богов, ритуалы и фольклор создают сложную систему, воспитывающую меру и чувство гармонии [2, с. 177–183].

Локальные обряды Пензенской области – живое подтверждение древней мудрости, свидетельство уникального слияния мировоззрения и жизненной практики. Они демонстрируют, как философские идеи воплощаются в конкретных культурных формах, сохраняя свою актуальность на протяжении веков.

Сегодня обращение к философским проблемам рока и судьбы становится актуально не только в этнологическом и культурном, но и в экзистенциальном аспекте. Человек, открытый общинному опыту, способен преодолеть одиночество и хаос современной жизни через участие в коллективных ритуалах, возвращение к древним архетипам и интеграцию традиционной

мудрости. В этом – главный вызов и дар русской мысли: гармония судьбы и свободы, выраженная через философию сердца и ритмы жизни [6, с. 148–222].

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М. : Индрик, 1995. 257 с.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 1991. 189 с.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Республика, 1993. 383 с.
4. Афанасьев А. Мифы древних славян. М. : Эксмо, 2014. 18 с.
5. Исайчев С. А. Проводные обряды Пензенской области // CyberLeninka. 2019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/provodnye-obryady-penzenskoy-oblasti/viewer (дата обращения: 20.10.2025).
6. Громов А. В., Козлов С. Ю. Русская философская мысль X–XVII веков. М. : Мысль, 1990. 289 с.
7. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. : Академический Проект, 2013. 639 с.

УДК 1(091)

ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА К «МЕТАФИЗИКЕ ВСЕЕДИНСТВА»: ПРЕОДОЛЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Вера Николаевна Бабина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Концепция «информационного общества», появившаяся в 70-е годы XX века как система социологических и футурологических взглядов, включала в себя скорее прогнозные ожидания, чем глубокий и всесторонний анализ общества, главным фактором развития которого становилось производство и использование научно-технической и другой информации. Поэтому многое из того, о чем писалось на рубеже 70–80-х годов XX века, оказалось несбывшимся, а многое утратило свою актуальность. Тем не

менее изменения, произошедшие в реальной жизни в последние десятилетия в значительной мере связаны с компьютерными технологиями и новыми возможностями сбора, обработки, хранения и передачи информации. Интернет, спутниковая связь стали основой организационных изменений структуры производства и значительно повлияли на общество.

Философы, социологи, психологи, антропологи фиксируют многочисленные социальные трансформации, как позитивного, так и негативного свойства. С одной стороны, складывается более высокий уровень социальной интеграции, стимулируется развитие демократических ценностей, повышается динамика социокультурных процессов, ускоряется развитие науки и техники. С другой стороны, далеко не все страны технологически, психологически, образовательно, кадрово оказались готовы к переменам. Нарушение баланса между внутренним самоощущением человека и новыми условиями его существования в информационном обществе привело к нарастанию конфликтного фона во всех сферах человеческой жизни. К тому же «процесс становления информационного общества не закончен, до стабильного инварианта еще далеко. Да и возможен ли он? Технологические новшества появляются буквально ежедневно, практически каждое из них революционно, «взрывает» ситуацию, и социальные последствия их внедрения в жизнь непредсказуемы» [5, с. 6].

Информатизация предполагает развитие и проникновение во все сферы человеческой деятельности феноменов информационной природы, что инициирует коренные изменения всех элементов социального пространства. Новые информационные технологии увеличивают сложность среды человеческого обитания, скорость изменений диктует необходимость сменяемости знаний и потому проблема усвоения и организации передачи знаний становится одной из самых злободневных.

Как отмечает один из родоначальников информационной антропологии в нашей стране, К. К. Колин, «человек является одним из важнейших информационных объектов мироздания по самой своей сути. Ведь даже его биологическая природа глубоко информационна. Каждая клетка организма человека постоянно хранит, использует и вырабатывает колоссальные объемы информации» [3, с. 25]. Непонимание этого важнейшего принципа, развитие и широкое распространение фрагментарного, механи-

стического подхода к объяснению природы человека, игнорирование глубинных связей между его физической, информационной и психологической сферами, как единой целостной информационной системы, являются главными причинами того глубокого кризиса, в котором находится сегодня наука и практика.

Кризис современной цивилизации – это весьма печальный, но вполне естественный и закономерный результат, который является лишь одним из проявлений глобального мировоззренческого кризиса. Господство аналитического подхода в науке, привело к такому расчленению человека на части, которые изучаются самостоятельными и оказываются слабо связанными между собой дисциплинами, что в результате целостное понимание человека, практически исчезло. Вместо этого появилось большое количество узких специалистов, которые опираются, в основном, не на фундаментальные знания, а на свою узкопрофессиональную подготовку. Что же касается образа человека, то он оказался разделенным на множество фрагментов, каждый из которых не является полноценным знанием.

Преодоление этого мировоззренческого кризиса настоятельно требует использование принципиально новых научных и философских подходов. В качестве такого, некоторыми исследователями [3, 5–7] предлагается информационный подход. Однако, русская философия имеет в своем арсенале гносеологические концепции, отличающиеся целостным подходом к познанию мира и человека. К их числу можно отнести и концепцию «цельного знания» славянофилов, и «метафизику всеединства» В. С. Соловьева, и «метафизику сердца» П. Д. Юркевича. Их философской основой являлось системное представление о человеке как о многоплановой сущности, в которой одинаково важными являются и физическая, и ментальная, и моральная, и информационная компоненты. Сама философия в России почти никогда не рассматривалась как высшая «наука»; в ней находили способ обретения подлинного смысла жизни через размышления о Боге, человеке, добре и зле и даже просто через размышления о себе самом, о своих мыслях и поступках. В русской философии рационалистический стиль никогда не был основным, более того, многие мыслители решительно отвергали его как ложную форму философского познания, не позволяющую дойти до сути главных проблем бытия [2].

Первым русским собственно антропологическим учением стало «Предание» Нила Сорского (начало XVI в.), где излагается учение о собирании ума в сердце. Для Нила Сорского характерно обращение к внутренней, духовной стороне жизни человека. В предисловии к «Уставу» он отметил, что от сердца исходят помышления зла и оскверняют человека, поэтому борьбу со злом следует начинать с очищения сознания. Сначала необходимо, считал Нил, достигнуть полного внутреннего молчания, «поставить ум глух и нем» и «имети сердце безмолствующе от всякого помысла». И уже после этого ум начинает «зрети присно в глубину сердечную и глаголати: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Позднее, Г. С. Сковорода создает учение о «трех мирах», значительную часть которого занимает рассуждение о познавательной деятельности человека. Обретение истины возможно лишь на пути восхождения к «первоистоку» (архе), герменевтическая природа процесса познания ноуменального (глубинного) уровня вещей, самопознание, онтологическое понимание истины. Антропологические взгляды мыслителя заслуживают особого внимания, прежде всего потому, что в них были намечены контуры философской концепции всеединства. Сковорода сфокусировался на «внутреннем человеке», человеке как сущности, владеющей бытием-для-себя [4]. Философ стремился объединить человека и природу. Он рассматривал человека не просто как часть природы, а как особый маленький мирок – микрокосм, который по сложности своей организации превосходит все явления природы. В познании человека Сковорода видел ключ к познанию природы и общественного развития.

Для Сковороды, как и для Сократа, ключ ко всем разгадкам жизни, как космической, так и божественной, есть человек, потому что все вопросы и все тайны мира сосредоточены для него в человеке. Не разгадав себя, человек не может ничего понимать в окружающем; разгадав же себя до конца, человек проникает в самые глубокие тайны Вселенной.

Черты духовного родства между Сковородой и последующей русской мыслью проявляются в дальнейшем очень отчетливо. Весь пафос славянофилов, все их богословские, философские

и политические идеи сознательно подчиняются двум верховным принципам: принципу целостности духа и принципу сродности.

Вся сила критического неприятия европейского просвещения у славянофилов связана с отрицанием рационализма. Логическому, отвлеченному познанию, как единственно верному, противопоставляется иной подход, по сути, иное понимание отношения субъекта и объекта.

Славянофилы понимают природу познающего и творческого субъекта следующим образом. На первый план выступает не мышление, а интуитивное, цельное познание сердцем. Для А. С. Хомякова и И. В. Киреевского процесс познания объективно-реального мира рассудочно-логическим путем неотделим от нравственного самоопределения личности. В этом суть неприятия ими западного просвещения. Там раздвоение духа, раздвоение мыслей, раздвоение наук, раздвоение государства, раздвоение семейных прав и обязанностей, раздвоение нравственного и сердечного состояний [2]. Познание должно быть не идеальной деятельностью рассудка, а делом всей живой, целостной личности. Только в этом случае может возникнуть знание, синтезирующее в себе практическое, абстрактно-рациональное, этическое и религиозное отношение человека к миру.

Именно отсюда вытекают необходимость синтеза знания и веры. Отсюда тот третий путь познания, который связан с сердечным познанием, с синтезом «ума» и «сердца», путь, который имел свое продолжение в русской классике второй половины XIX века [1].

Несомненно, что в общей информационной модели развития современного мира центральное место должна занимать информационная система «человек». Ведь именно через человека осуществляется взаимодействие двух других информационных систем «природа» и «общество». Кроме того, принципиально неустранимая двойственность человеческой природы и обусловленные ею специфические особенности функционирования информационных систем «человек» и «общество» должны обязательно учитываться при проведении системных исследований как проблем человека, так и проблем человеческого общества.

Исследование природы человека с позиций комплексного подхода представляет собой актуальную и исключительно слож-

ную проблему современной науки. Поэтому обращение к опыту русской религиозной философии имеет серьезные перспективы для создания целостного представления о природе человека. Рассмотрение человека в качестве микрокосма, единение в нем мира тварного и мира Божественного открывает путь к познанию «цельной личности».

Современная наука уже не считает такие подходы мистическими. Экспериментально доказана зависимость жизненных процессов на нашей планете от влияния космоса. Благодаря работам А. И. Чижевского, «земное эхо космических бурь» теперь уже не красивая метафора, а объективная реальность. И воздействие этой реальности на природу человека и процессы жизнедеятельности его организма еще предстоит изучить в будущем. Но не считаться с этим, игнорировать нашу неразрывную связь с планетой и космосом больше не удастся. Без этого человечество не сможет решить своей главной проблемы – выживания во все более сложном, динамичном и опасном мире.

Список литературы

1. Буланов А. М. Рациональное и сердечное в теории познания и эстетике славянофилов // Славянофильство и современность : сб. ст. / РАН, Ин-т литер. ; отв. ред. Б. Ф. Егоров [и др.]. СПб. : Наука, 1994. С. 121–130.
2. Евлампиев И. И. История русской философии : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2002. 584 с.
3. Колин К. К. Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании // Вестник КемГУКИ. 2011. № 17. С. 17–32.
4. Малинов А. Философские взгляды Г. Сковороды. СПб. : Наука, 1998. 123 с.
5. Матвиенко Д. В. Информационная культурология и информационная антропология как новые научные направления // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3. С. 6–8.
6. Нариньяни А. С. eHOMO два в одном (Homo Sapience в ближайшей перспективе) // Открытое образование. 2005. № 2 (49). С. 51–61.
7. Сергин В. Я. Психоинформатика: природа познавательных и творческих способностей человека. Лекции ведущих ученых России. Красноярск : Изд-во СФУ, 2011.

УДК 101:1:316.614

«ОНТОЛОГИЯ ДИКОГО»: РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ НА ПУТИ ОТ ПОСТИМПРЕССИОНИЗМА К АВАНГАРДУ

Герман Михайлович Кириллов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Летом, 18 июня – 28 сентября 2025 года в Москве в музее импрессионизма состоялась выставка с эпатажным названием «Русские дикие», где были представлены картины как западных, так и отечественных художников периода, который принято именовать авангардом. Само название «дикие» отсылает к выражению французского журналиста – художника Луи Вокселя, это словосочетание журналист произнёс на открытии VII Осеннего салона в 1905 году в Париже. По отношению к творчеству русских художников эпитет «дикие» применил Давид Бурлюк, имея в виду таких разных живописцев, как Павел Кузнецов, Илья Машков, Пётр Кончаловский, Михаил Ларионов, Наталия Гончарова, Мартирос Сарьян. Безусловно, к этой когорте можно отнести и самого Давида Бурлюка и его товарища по цеху Василия Каменского. Картины обоих тоже, к слову, включены в многоплановый ансамбль выставки. «Дикие» поразили зрителей лубочной дерзостью, буйством красок, эмоциональной раскрепощённостью и полным пренебрежением перспективой. К «русским диким» можно причислить и раннего Маяковского, увлекавшегося в юности футуризмом. В целом двадцатое столетие стало эпохой, когда революционное мышление в искусстве явилось следствием перемен в обществе, охвативших всю планету. Всё произошло в ускоренном темпе: то, на что у французских художников, от К. Монэ до А. Матисса, ушло 40 лет, русскими модернистами реализовалось в течение десяти лет. Более того, они совершили настоящий прыжок в новое измерение искусства – живопись авангарда. В новом искусстве произошёл небывалый синтез живописи, музыки и поэзии (синестезия). Живопись должна была содержать музыкальные и поэтические начала, поэзия была призвана включать в себя музыкальные и живописные аккорды, музыка связывалась с поэтическими и живописными

нотами. Смелая обобщенность силуэтов, простые очертания, лаконизм форм – все эти особенности явились неотъемлемыми признаками нового стиля. Особая роль отводилась в новом искусстве геометрическим линиям, цветовым пятнам, ярким мазкам. Новое течение в искусстве принято называть фовизмом. «Les fauves» – в переводе с французского и означает – «дикие», «хищники». Так именовалось течение французского постимпрессионизма, для которого был характерен отказ от натурализма в пользу предельно ярких, чистых цветов и эмоциональной выразительности. Наиболее известным шедевром в этом стиле стали «Золотые рыбки» Анри Матисса. На первый взгляд на картине все очень просто. Но вглядимся повнимательнее. Анри Матисс нарушает правила перспективы. Стол выглядит так, будто мы смотрим на него сверху, а аквариум рассматриваем словно сбоку. Форма круга задаёт картине особый колорит, поэтому она сразу запоминается. Фовисты, как русские, так и французские, очень свободно распоряжались цветовой палитрой, применяя смелые яркие тона. На их полотнах порой присутствует явление, которое можно было бы назвать «обращением» или «превращением» цвета. Достаточно посмотреть на картину «Лиза на Солнце», пожалуй, самого успешного из «русских диких» Роберта Фалька. Трава, на которой сидит Лиза, в буквальном смысле горит огнём, переливаясь всеми оттенками зелёного и жёлтого, выхватывая её фигуру из полутени выставочного зала. Нереалистично? Такого не бывает? Но ведь и сама природа умеет нас удивлять, причудливо играя красками от рассвета до заката и от осеней к вёснам. Это заметили и оценили уже художники-импрессионисты. А философы развели бы руками – диалектика (или, может быть, «гипердиалектика», в терминах Мерло-Понти). Увлечение магией цвета захватило не только русских художников, считавших себя новаторами, но и поэтов, в том числе Маяковского, по совместительству непревзойдённого рисовальщика. При помощи слов – мазков в стихотворении «Ночь» поэт создаёт поэтическую футуристическую картину:

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты [1, с. 11].

Футуризм начал развиваться в первой четверти XX века в Италии и России, проявив себя в живописи и поэзии. Порой его иронично называют кубизмом со скандальным привкусом, хотя кубисты в отличие от футуристов не воспевали технологический прогресс. Основатели призывали читателей и зрителей перестать преклоняться перед искусством прошлого, а вместо этого возвеличивать промышленный дух будущего: изображать самолеты, автомобили, металлические мосты, пароходы и другие достижения прогресса. Филиппо Маринетти, один из основоположников футуризма в литературе, говорил: «Жар, исходящий от куска дерева или железа, нас волнует больше, чем улыбка и слезы женщины». Техническое совершенство машины, прогресс считались важнее человеческих эмоций. Большим событием в искусстве этого периода стала футуристическая опера «Победа над Солнцем», авторами которой стали композитор Михаил Васильевич Матюшин и автор текста Алексей Елисеевич Кручёных. Пролог к опере написал поэт Велимир Хлебников, а первым оформителем стал Казимир Малевич. Футуристы в этом произведении пропагандировали идею о том, что новое время заговорит на некоем исковерканном наречии то ли птиц, то ли криков кикиморы, настолько непривычном, что понять его до конца человек не сможет. Эта идея понравилась Казимиру Малевичу, решившему создать человека будущего по лекалам безумной речи своих коллег. Формой своего радикального решения Малевич выбрал деформацию тела, нарисовав серию великих эскизов этого телесного умопомрачения.

В XXI веке интерес к авангарду заметно возрос. Этому способствовала новая культура и её неотъемлемые элементы: кич, архитектура, реклама, дизайн. К авангарду относят кубизм, примитивизм, футуризм, дадаизм, другие идеи. Начало века нынешнего и минувшего во многом схожи: интерес ко всему иностранному, необычному и оригинальному, поиск новых форм и приёмов на Западе и Востоке. Своеобразное новое открытие мира. По свидетельству поэта Б. Лившица «… в те лихорадочные годы французская живопись, по которой равнялась наша русская, с умопомрачительной скоростью меняла одно направление на другое, и вещи Ван-Донгена, Дерена, Глеза, Ле-Фоконье, привезённые в десятом году Издейским, оставляли далеко позади простодушные новаторские искания» [2, с. 311] художников-аван-

гардистов. В музее импрессионизма на выставке «Русские дикие» на входе была представлена совместная работа Жан-Мишеля Баския и Энди Уорхола «Без названия», которая стала выразительным эпиграфом к выставке. На полотне достаточно хаотично разбросаны гамбургеры, перечёркнутые надписи, ценники, маски, олимпийские кольца… Впечатление действительно трудно выразить словами. Разве что стихи «председателя Земного шара» Хлебникова могут нам помочь в данном случае:

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного [3].

Надо признать, что предназначение искусства заключается в том, чтобы воздействовать на наши эмоции, а эмоции могут быть разными: от положительных, исцеляющих, до отрицательных, вызывающих протест и даже агрессию. Сами названия таких произведений, как «Победа над Солнцем», «Пощёчина общественному вкусу», «Игра в аду», содержат что-то похожее на вызов и даже оскорбление. Тем не менее теперь, вероятно, настаёт время, когда нам надо переосмыслить нашу действительность, чтобы понять предназначение нашего «дивного нового мира». Многие эксперименты русских авангардистов звучат не только вызывающе, но и угрожающе. Вероятно, нам понадобится поводырь, способный вывести нас из бесконечного лабиринта течений и наметить необходимые для дня сегодняшнего ориентиры. Представляется, что таким поводырём может стать французский философ – феноменолог Мерло – Понти. В качестве вдохновения для своей новой онтологии он выбрал главным образом Пьера Сезанна и Пауля Клее. У Сезанна было своё собственное «маленькое вИдение», и даже своя неевклидова геометрия. Он был необыкновенно требователен к себе, переделывая картины по многу раз. Художник любил повторять: «Талант – это способность в ежедневном контакте с природой вновь испытывать первоначальное чувство» [4, с. 306]. Мерло-Понти заинтересовал уникальный способ феноменального постижения мира, осуществлённый Сезанном. Философ даже посетил город Экс-ан-

Прованс на юге Франции, где находилась творческая лаборатория художника. Мерло-Понти стремился найти «формулу» Сезанна, которая могла бы стать ключом к его новой онтологии. Центральное место в новой онтологии должно было занять понятие «плоть», которое объединяет в себе то, что ранее в классической философии являлось дуализмом субъекта и объекта. Для этого нужно было выявить изначальное отношение человека к миру. Такое единство человека с миром философ именует «диким бытием» (l'être sauvage). Не этого ли добивался и его кумир Сезанн? Думается, у французского философа открылись бы новые горизонты, окажись он сегодня среди посетителей выставки.

В центре зала музея импрессионизма в жёлтой клетке помещены картины соотечественников Сезанна: Анри Матисса, Андре Дерена и Альбера Марке. Организаторы выставки, по-видимому, придали символическое значение такому экспрессивному антуражу: «хищников» для безопасности всегда помещают в клетку. Ну а русское искусство не изолируешь: оно всегда оказывается «поверх барьеров». Авангард успешно преодолевает границы искусства и смело вторгается в сферу науки и философии. Примером может служить творчество Велимира Хлебникова, владевшего языком науки, и деятельность Николая Кульбина, медика по профессии, сыгравшего роль в становлении авангарда в качестве живописца. Оказывается, искусство тоже способно стать «абстрактным» и помочь художнику снова, как и во времена Ренессанса, оказаться «в центре мира».

Я Начало всего, ибо в сознании моём
Создаются миры… [5, с. 24].

Что касается Пауля Клее, то в его творчестве Мерло-Понти привлекала способность художника к переплетению языка и образа. Клее придавал линии особое значение: его инновацией стала «блуждающая линия» – «линия, которая свободно и бесцельно прогуливается в пространстве». Мерло-Понти призывает «восстановить действующее и действительное тело – не кусок пространства, не пучок функций, а переплетение видения и движения». Тело художника неразрывно связано с текстурой плоти мира. Именно эта связь помогает перевести язык природы на язык живописи. [6, с. 13]. Если бы Мерло-Понти обратился к соратнику Клее по Баухаусу Василию Кандинскому, который двигался в несколько ином, чем его швейцарский собрат, направле-

нии, то мог бы многое почерпнуть у последнего. Большой интерес, в частности, вызвала его версия «линеарно-плоскостно-цветовых взаимосвязей» [7, с. 128]. По свидетельству искусствоведа Н. С. Филоненко, Кандинский обнаруживает связь произведения с «проживаемым телом художника» [8, с. 1–15]. В обнаружении такого единства Мерло-Понти и видел свою сверхзадачу (обратимая ось «Субъект» – «Тело» – «Плоть»). Примитивизму, которому отдал дань Пауль Клее, тоже нашлось место на выставке. Выделяются работы супружеской четы: Ильи Машкова и Натальи Гончаровой, которые были участниками объединения «Бубновый валет», ставшего символом стремительных перемен в искусстве своего времени. Работы Машкова и Гончаровой отличались яркими цветами, ломаными линиями, откровенным презрением к законам классической живописи и были ориентированы на броские, сильные, лаконичные и простые образы. Художники – примитивисты вдохновлялись лубком, бытовым инвентарём, иконописью. Одним из членов-учредителей объединения «Бубновый валет», которое облюбовали примитивисты, был Аристарх Лентулов. Для его творчества тоже была характерна синестезия. Интересно, что художник «проверял» картины музыкой. Он освоил игру на гитаре и фортепиано, исполнял арии, однажды спел с Шаляпиным. Смотрел Лентулов на картины под звучащую музыку, а потом что-то дорисовывал, исправлял. Его полотна тоже украсили выставку, некоторые из них, в их числе «Купальщицы на Суре», привезены были из Пензенского края, малой родины художника. «Купальщицы» Лентулова – явная отсылка к «Купальщицам» Э. Манэ. Так, выставка в Москве соединила брега Сены и Суры. Подобно композитору-экспериментатору Скрябину, мечтавшему «озвучить» цветом свои симфонические поэмы, Аристарх Лентулов пытался при помощи цветовой гаммы воспроизвести звук. Примером может служить его панно «Звон», своими невероятно пронзительными красками и неустойчивым равновесием элементов оно способно извлекать звук без каких-либо инструментов. Сейчас такие новации вряд ли кого-то бы удивили. Современные художники заставили говорить много веков молчащую природу: в создании музыки у них участвуют грибы и рыбы. Но для того времени этом была большая дерзость.

Таким образом, выставка «Русские дикие» в Музее импрессионизма стала не просто ретроспективным показом шедевров, но и мощным философским высказыванием. Она наглядно продемонстрировала, что стремительный путь русских художников от постимпрессионизма к авангарду был не просто сменой стилей, а глубинным онтологическим сдвигом – поиском нового способа бытия-в-мире.

Эпатаж, буйство красок и пренебрежение условностями, которые так поразили современников, были внешними проявлениями этого внутреннего импульса. «Дикость» русских фовистов и футуристов оказалась не хищной агрессией, а творческой силой, стремящейся прорваться к самой основе человеческого восприятия – к тому самому «дикому бытию», о котором писал Мерло-Понти. Именно это «дикое» начало, общее для человека и мира, позволяло Малевичу через супрематизм провозглашать себя «началом всего», а Кандинскому – выстраивать свои «линеарно-плоскостно-цветовые взаимосвязи» как универсальный космический порядок.

Символично, что в эпицентре этого удивительного «дикого» вихря, в клетке, оказались «классики» французского фовизма. Эта провокационная метафора организаторов выставки лишь подчеркивает неукротимую и безграничную природу русского авангарда, который действительно оказался способен преодолеть общепринятые границы – будь то барьеры между искусством и философией или между живописью и наукой.

Заложенная «дикими» русскими в начале XX века «онтология дикого» оказывается поразительно актуальной и для искусства XXI столетия. В мире, где реальность всё чаще предстает как хаотичный коллаж из разнородных элементов, стремление авангардистов к синестезии, к синтезу зрения, цвета, звука и слова выглядит теперь не историческим курьёзом, а пророческим ориентиром. Их дерзкий прыжок в новое измерение искусства напоминает нам, что под слоями культурных кодов и условностей по-прежнему пульсирует живая, неукротимая «плоть мира», и искусство остается одним из немногих эстетических проводников к ней. Выставка «Русские дикие» стала ярким свидетельством того, что этот онтологический поиск, начатый век назад, далек от своего завершения.

Список литературы

1. Маяковский В. В. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Правда, 1968. С. 11.

2. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец : стихотворения, переводы, воспоминания. Л. : Сов. писатель, 1989. С. 311.

3. Председатель земного шара Велимир Хлебников. URL: https://www.livelib.ru/quote/271579-predsedatel-zemnogo-shara-velimir-hlebnikov (дата обращения : 01.11. 2025).

4. Поль Сезанн. Переписка. Воспоминания современников. М. : Искусство, 1972. С. 306.

5. Философия русского авангарда : монография / под ред. Н. Н. Ростовой. М. : РГ-Пресс, 2025. С. 24.

6. Мерло-Понти М. Око и дух / пер. с фр. А. В. Густыря. М. : Искусство, 1992. С. 13.

7. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб. : Азбука, 2011. 140 с.

8. Филоненко Н. С. «Восточный подход» к пропедевтике в контексте «телесно-ориентированного» дизайна // Культура и искусство. 2024. № 12. С. 1–15.

Раздел 3
СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО: КОММУНИКАЦИЯ В РЕКЛАМЕ И PR

УДК 316.774

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КОМАНДАМИ КВН

Дина Викторовна Белинская[1],
Анастасия Олеговна Бакулина[2],
Вероника Эдуардовна Семенова[3]

[1,2,3]Тамбовский государственный университет, имени Г. Р. Державина, г. Тамбов

Актуальность исследования роли социальных сетей в формировании имиджа команд обусловлена тем, что социальные сети позволяют активно и в короткие сроки набирать лояльную и заинтересованную аудиторию, формировать определённое восприятие бренда. Молодёжь, то есть основная целевая аудитория юмористических передач, потребляют контент, прежде всего, из ВКонтакте, Телеграмм. Это является одной из причин привлечение аудиторией именно в социальной сети. Параллельно, социальные сети, это место, где команда может не только публиковать свои выступления, но и делиться своей жизнью, что значительно усиливает лояльность аудитории.

Кроме того, успешные команды, которые смогли дойти до игр в теле лигах, могут начать монетизировать свою деятельность через рекламу и концерты. Имидж команды в социальных сетях непосредственно влияет на рыночную стоимость их услуг. Поэтому невозможно не оценить практическую ценность изучения механизмов формирования имиджа команды через социальные сети.

Отметим, что, социальные сети представляют собой онлайн-платформы, предназначенные для организации социальных

взаимодействий и отражают сложные структуры общественных связей. Платформы могут называться социальными сетями, если они обеспечивают создание индивидуальных профилей, многофункциональное взаимодействие пользователей, совместное достижение целей, обмен материалами и удовлетворение потребностей через накопление ресурсов. Эти характеристики подчеркивают важность социальных сетей в современном обществе и их влияние на коммуникацию и взаимодействие людей [1, 2, 4].

Для формирования правильно образа в социальных сетях необходимо качественно анализировать свою целевую аудиторию, чтобы понимать ее «потребности». Именно это, впоследствии, будет помогать удерживать лояльность аудитории и поддерживать правильный имидж в интернете.

Рассуждая об имидже команд КВН, стоит отметить, что юмористический контент является одним из самых потребляемых и популярных сфер контента на сегодняшний момент. И если популярность самой передачи «Высшая лига КВН» на Первом канале снижается, то продукты, которые сейчас производят выпускники Клуба Веселых и Находчивых держат лидирующие позиции по просмотрам на различных интернет-ресурсах.

КВН выходит в эфир уже более 60 лет, а социальные сети стали набирать популярность лишь в последнее десятилетие. Поэтому, для начала, рассмотрим, как свой имидж формировали КВНщики «старой школы», и какую роль в формировании их личного бренда имеют социальные сети.

Так, например, каждый человек в России наверняка слышал о проекте «Уральские пельмени» выпускаемом одноименной командой КВН, чемпионами Высшей лиги КВН 2000 года, который до сих пор держит лидирующие позиции по популярности не только на телеканале СТС, но и на одноименном YouTube-канале. Сформированный еще в период игр в Высшей лиге КВН образ «народной» команды с простым и понятным, «житейским» юмором, привлек к коллективу многомиллионную аудиторию, что позволило команде не только выпускать свое шоу на федеральном канале, но и развивать личный бренд, согласно сформированному имиджу каждого из частников. Так, например, Дмитрий Брекоткин, участник команды КВН «Уральские пельмени»

активно снимается в кино, выступая в сериале в роли женщины, ведь именно такой образ актер чаще всего транслировал в шоу, выпускаемом на СТС. В этом же сериале, еще один участник команды «Уральские пельмени» – Андрей Рожков сыграл бабушку. Именно этот образ является самым «имиджевым» образом актера в шоу «Уральские пельмени».

Еще одна команда КВН «Союз» – чемпионы Высшей лиги КВН 2014 года, запомнились зрителю как «поющая команда» с острым юмором. Их «Социальная Рок-опера», спетая на мотив композиции группы Queen – «I Want to Break Free» является одним из культовых выступлений в КВН. На официальном канале КВН это «дерзкое» выступление набрало более 7 миллионов просмотров, и собрало десятки тысяч отметок «Мне нравится». В дальнейшем, команда продолжила развивать свой личный бренд и имидж, запустив сначала на YouTube, а позже и на VKВидео свой собственный проект под названием «Плохие песни (SSC)», в котором активно развивает свой имидж и личный бренд, продолжая выпускать контент связанный с остросоциальными короткими песенными композициями. Сейчас, в их официальном сообществе ВКонтакте более 300 тысяч подписчиков (рис. 1), а выпуски их шоу регулярно набирают более миллиона просмотров.

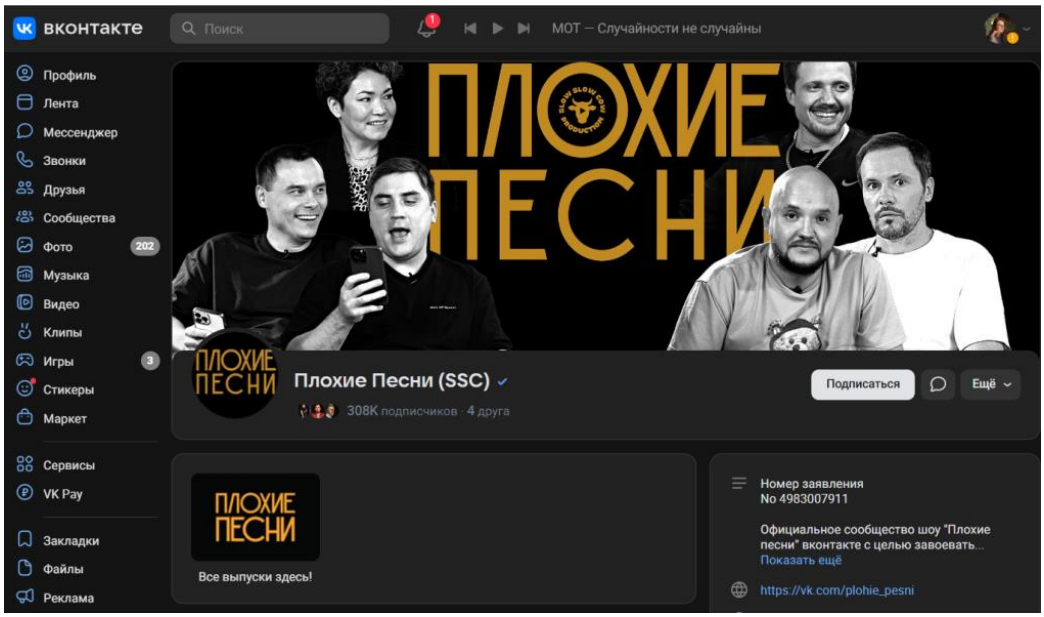


Рис. 1. Официальное сообщество ВКонтакте –
«Плохие песни (SSC)» [3]

Еще одна культовая команда Клуба Веселых и Находчивых – «Плюшки им. Ярослава Гашека» – дважды финалисты Высшей лиги 2017 и 2018 годов, запомнившаяся благодаря «странному» образу их фронтмена – Богдана Лисевского. Именно этот имиджевый образ коллектив перенес в свой собственный интернет-проект «Плюшки», имеющий почти 3,5 миллиона подписчиков.

Таким образом, КВНщики «старой школы» используют социальные сети для продвижения собственных проектов, и подкрепления уже сформированного командного имиджа еще со времен игр Высшей лиги КВН.

Команда КВН «Близкие» (Белгород), дебютировала в Высшей лиги КВН в 2023 году. В данный момент играют третий сезон в составе Высшей лиги. Заявленный стиль команды – простота, народность, бытовой юмор с политическими шутками. Команда КВН «Близкие» позиционируют себя как «Близкие для всей страны». Концепт команды «Близкие» заключается в том, что все персонажи представляют собой узнаваемые типажи, в чём-то даже стереотипные. На сайте КВН игроки так сформулировали стиль команды: «интересный срез общества, знакомый каждому». Группа ВКонтакте пользуется большей популярностью, чем Telegram-канал, однако контент группы ВКонтакте не такой разнообразный, как в Telegram-канале. В Telegram-канале выкладывают юмористические ролики, опросы, посты с фотографиями команды и анонсы выступлений. В канале открыты комментарии для обратной связи с аудиторией. Частота выхода публикаций зависит от того, насколько близко игра КВН, в момент контен-анализа публикации выходили с периодичностью 1 пост в 2–3 дня (рис. 2).

Социальные сети команды направлены не только на развлекательный контент и анонсы, но и взаимодействие с аудиторией. В канале проводят конкурсы среди подписчиков, дарят подарки и после каждой игры благодарят болельщиков за поддержку.

Команда КВН «Кыргызы» (РУДН г. Москва), финалисты телепроекта «Лига городов» на ТНТ, дебют в Высшей лиге КВН в 2025 году по результатам Сочинского фестиваля 2025 года. Колорит команды заключается в том, что все участники команды по национальности кыргызы.



Рис. 2. Telegram-канал команды КВН «Близкие».
Взаимодействие с аудиторией [5]

Узнаваемость юмора состоит именно в направленности шуток на другую национальность. Число подписчиков в Telegram-канале «Кыргызы» составляет более 300 человек, это достаточно молодая команда, поэтому канал только начал развиваться. Контент канала достаточно разнообразный. Команда взаимодействует с аудиторией посредством опросов, открытых комментариев, «видеосообщений», и постов, в которых просят написать комментарий на какую-либо тему (рис. 3).

Таким образом, проведенный анализ показал, что команды КВН через свои социальные сети усиливают узнаваемость команд – регулярный контент (видео, мемы, сторис) помогает поддерживать интерес даже вне игрового сезона. Также прямая коммуникация с аудиторией формирует лояльность и «близость» к зрителям, что отличает КВН от других юмористических проектов.

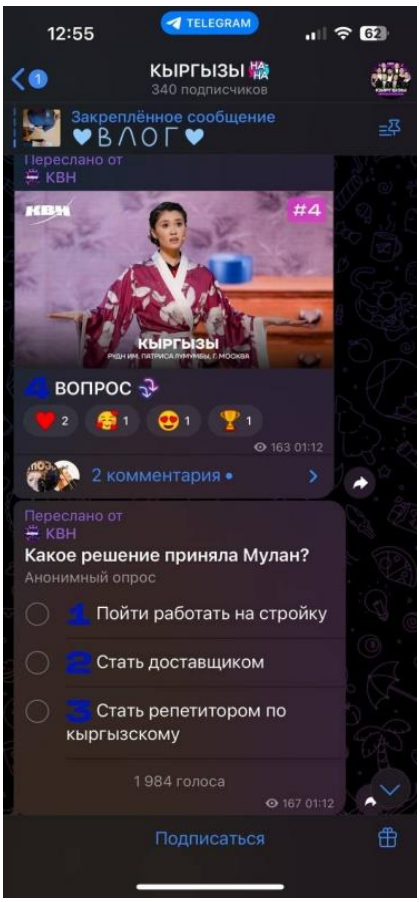


Рис. 3. Telegram-канал команды КВН «Кыргызы».
Анонсы игр КВН [6]

Несмотря на огромную популярность движения КВН и его длительную историю существования, к вопросу изучения стратегического анализа продвижения команд мало кто уделяет внимание. Исследование роли социальных сетей в формировании имиджа команд КВН может помочь определить успешные кейсы, а также выявить ошибки в продвижении в социальных сетях, что имеет практическую ценность не только для самих команд, но и для маркетологов занимающихся юмористической средой.

Список литературы

1. Дужникова А. С. Социальные сети: современные тенденции и типы пользования // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 243–245.

2. Невесенко Е. Д. Роль виртуальных сетевых сообществ в развитии социальной инициативности молодежи // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 106–109.

3. Официальное сообщество ВКонтакте «Плохие песни (SSC)». URL: https://vk.com/plohie_pesni (дата обращения: 24.10.2025).

4. Шведова Л. Е., Задерейчук Г. И. Социальные сети как инструмент формирования имиджа команды КВН // МедиаВектор. 2022. № 4. С. 126–131.

5. Telegram-канал команды КВН «Близкие». URL: https://web.telegram.org/k/#@blizkie_kvn (дата обращения: 24.10.2025).

6. Telegram-канал команды КВН «Кыргызы». URL: https://web.telegram.org/k/#@KYRGYZYKVN (дата обращения: 24.10.2025).

УДК 659:316

ВЫЯВЛЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ В ПРЕДПОЧТЕНИЯХ И ВОСПРИЯТИИ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР

Маргарита Константиновна Карпова[1],
Даниил Дмитриевич Чистяков[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Современная реклама давно вышла за рамки локальных коммуникаций, став мощным инструментом глобального маркетинга. При этом эффективность рекламного воздействия напрямую зависит от того, насколько корректно учтены культурные особенности целевой аудитории. Реклама, ориентированная на универсальные ценности, часто теряет смысл в контексте другой культуры, где символы, цвета и даже формы обращения имеют иное значение. Поэтому выявление различий в восприятии рекламного сообщения представителями различных культур является ключевым аспектом успешной коммуникационной стратегии.

Культура формирует систему ценностей, норм и моделей поведения, которые определяют, как человек воспринимает окружающий мир, в том числе рекламное сообщение. В контексте рекламы под культурой понимается совокупность устойчивых представлений о приемлемом и неприемлемом, о социально одобряемом и осуждаемом. В зависимости от этих представлений

один и тот же рекламный образ может быть воспринят как привлекательный или, наоборот, вызывающий отторжение.

В российской рекламной практике можно выделить ряд примеров, демонстрирующих, насколько сильно восприятие рекламы связано с культурными кодами аудитории. Так, в исследованиях отечественных маркетологов отмечается, что для российского потребителя важны эмоциональность, доверительность и наличие в рекламе человеческих отношений, тогда как рациональные аргументы отходят на второй план [6].

Это объясняется особенностями национальной коммуникативной культуры, в которой значимы личные связи и эмоциональный компонент общения.

Сравнение восприятия рекламы в России и странах с иными культурными традициями показывает, что россияне в целом чаще обращают внимание на визуальный образ и интонацию сообщения, чем на его прямое содержание. Например, по данным исследования ВЦИОМ, более 60 % российских потребителей воспринимают рекламу через эмоциональные образы, ассоциирующиеся с семьей, детьми, праздником и уютом [5]. Это определяет выбор тематики и визуальных решений в национальных кампаниях.

Примером успешного учета культурных особенностей является реклама бренда «Сбер» в регионах с преобладанием мусульманского населения, где активно продвигаются продукты, соответствующие нормам шариата. Подобная локальная адаптация усиливает доверие к бренду и демонстрирует уважение к традициям аудитории [2]. В то же время попытки бездумно копировать западные модели коммуникации нередко приводят к обратному эффекту. Так, использование чрезмерно сексуализированных образов в рекламе, распространённых в западных странах, вызывает негатив у части российской аудитории, где подобная подача воспринимается как нарушение моральных норм [7].

Отдельное внимание стоит уделить восприятию языка рекламы. Лингвистические особенности оказывают значительное влияние на эффективность коммуникации. Например, в многонациональных регионах России при переводе рекламных слоганов на местные языки важно учитывать коннотации слов, которые могут кардинально менять смысл. В исследовании «Особенности перевода и адаптации рекламного текста» подчеркивается, что перевод рекламных текстов без культурной адаптации приводит

к искажению эмоционального восприятия и снижает доверие к бренду [3].

Культурные различия проявляются также в отношении к авторитетам и символам. Нельзя не отметить устойчивую тенденцию к снижению доверия знаменитостям в рекламе. Если ранее участие известных личностей рассматривалось как гарантия качества продукта, то сегодня российская аудитория всё чаще выражает скепсис по отношению к подобным кампаниям. Потребители хотят видеть в рекламе не идеализированные образы, а обычных людей, чьи жизненные ситуации вызывают узнавание и доверие. Это способствует формированию более тесной ассоциативной связи между брендом и целевой аудиторией.

Для российской аудитории по-прежнему характерно уважение к экспертному мнению и государственным институтам, поэтому использование в рекламе образов врачей, педагогов или представителей власти вызывает ощущение достоверности и надежности. Подобные образы воспринимаются как символ социальной ответственности бренда и подчеркивают его стремление действовать в интересах общества.

В то же время чрезмерная апелляция к статусу или известности может вызвать обратный эффект. Согласно наблюдениям специалистов в области коммуникаций, российские потребители негативно реагируют на демонстративное превосходство, излишний пафос или попытки давления на аудиторию через авторитет. В западных странах, напротив, реклама с участием «обычных людей» давно стала доминирующим трендом, поскольку воспринимается как более искренняя, приближенная к повседневной реальности.

Восприятие визуальных образов в рекламе также культурно детерминировано. Исследование аналитического центра НАФИ показало, что россияне предпочитают яркие, но при этом гармоничные и эмоционально насыщенные сюжеты, вызывающие ощущение тепла и позитивных эмоций [4].

При этом чрезмерная пестрота, агрессивные цвета и визуальные перегрузки чаще вызывают раздражение. Таким образом, успешная реклама в российских условиях опирается не столько на глобальные стандарты визуальной выразительности, сколько на соответствие культурным ожиданиям, стремление к искренности и социальной значимости послания.

Еще одним фактором различий в восприятии рекламы является отношение к юмору. Российская аудитория предпочитает семейный и добрый юмор, часто основанный на житейских ситуациях, понятных большинству потребителей. Такой тип коммуникации воспринимается как уместный, безопасный и вызывает позитивную эмоциональную реакцию [1]. Однако черный или абсурдный юмор, распространенный, например, в Ирландии или Великобритании, может вызвать неприятие у российской аудитории, где подобные шутки воспринимаются как проявление неуважения к ценностям и социальным нормам.

Ярким примером является рекламная кампания бренда Reebok, адаптированная под российскую аудиторию в рамках международного движения, призванного продвигать идеи женской самостоятельности. Одним из лозунгов стал провокационный слоган: «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо». Несмотря на попытку вызвать дискуссию и подчеркнуть феминистскую позицию бренда, рекламное сообщение вызвало широкий общественный резонанс и негативную реакцию в социальных сетях. Большинство пользователей восприняли кампанию как оскорбительную и вульгарную, не соответствующую культурным и моральным нормам российского общества.

После волны критики бренд был вынужден удалить публикации и принести извинения. Этот случай стал показательным примером того, как непонимание культурных кодов и особенностей восприятия юмора может привести к репутационным потерям и снижению доверия к бренду. Для российской аудитории важно, чтобы юмор в рекламе не переходил границы допустимого и оставался в рамках доброжелательного, ироничного тона, вызывающего улыбку, а не раздражение.

Таким образом, анализ различий в восприятии рекламных сообщений показывает, что культурные коды формируют не только отношение аудитории к бренду, но и эффективность самого коммуникационного послания. Для российской рекламы важно учитывать эмоциональность восприятия, традиционность мышления и социальную значимость личных связей. Рекламное сообщение, адаптированное с учетом этих факторов, вызывает доверие, формирует положительный имидж бренда и способствует укреплению его позиций на рынке.

Список литературы

1. Большинство опрошенных россиян рады видеть добрый юмор в рекламе // AdIndex.ru : интернет-портал. URL: https://adindex.ru/news/tendencies/2025/04/1/332262.phtml (дата обращения: 23.10.2025).

2. Исламский банкинг в России: как работает партнерское финансирование // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/quote/amp/news/64d61d2a9a7947eb00acb24b (дата обращения: 10.10.2025).

3. Ежова М. М. Особенности перевода и адаптации рекламного текста // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2021. № 3. С. 54–65. doi: 10.31249/ling/2021.03.03 EDN: FQCZVO

4. Реклама по-новому: россияне перестают верить «глянцу» и выбирают искренность // Аналитический центр НАФИ : сайт. URL: https://nafi.ru/analytics/reklama-po-novomu-rossiyane-perestayut-verit-glyantsu-i-vybirayut-iskrennost/ (дата обращения: 23.10.2025).

5. Реклама: смотрим, но не доверяем // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reklama-smotrim-no-ne-doveryaem?ysclid=mh373qblpo288148416 (дата обращения: 10.10.2025).

6. Вартанян Э. Г., Ардашева Г. Н. Эмоциональные драйверы потребления как фактор влияния на покупательское поведение // Вестник науки. 2025. Т. 5, № 3 (84). С. 235–242. EDN: SHWKAK

7. Акопьянц А. С. Этическая культура рекламы // Идеи и идеалы. 2012. Т. 1, № 1. С.122–130. EDN: OWYFXV

УДК 366.12

ПОВЕДЕНИЕ ПОКУПАТЕЛЕЙ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ: ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ И ТОЧКИ КОНТАКТА С ЗАСТРОЙЩИКОМ

Елена Викторовна Балахонова[1], Яна Сергеевна Крысенкова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Поведение покупателей на рынке жилья складывается под воздействием множества факторов. Как показывают исследования, на решение о покупке квартиры влияют личные качества по-

требителя, характеристики самого объекта и общая экономическая ситуация в стране [11]. Сегодня особое значение приобрела интернет-среда, которая всё чаще становится основным пространством поиска и оценки вариантов недвижимости [5]. Практически каждый россиянин, планирующий покупку жилья, хотя бы однажды обращается к онлайн-ресурсам, чтобы изучить рынок и сравнить имеющиеся варианты предложения.

За последние десять лет роль традиционных каналов коммуникации заметно снизилась: если раньше информацию о жилье получали в офисах продаж или через риэлторов и печатные каталоги, то теперь большая часть взаимодействия с застройщиками перешла в цифровое пространство [2]. Особый импульс этому процессу дала пандемия 2020–2021 гг., когда личные контакты оказались ограничены, а дистанционные технологии, наоборот, стали жизненно необходимыми. В результате онлайн-активность покупателей значительно выросла, а застройщики были вынуждены перестроить свои маркетинговые стратегии, усилив присутствие в цифровой среде и развивая дистанционные каналы коммуникации [5].

Поскольку покупка квартиры – решение финансово и эмоционально сложное, клиенты стремятся собрать максимум достоверных данных из проверенных источников, прежде чем принять окончательное решение [4]. Поэтому актуально исследовать, где именно покупатели ищут информацию о недвижимости в интернете и какие точки контакта с девелоперами они считают наиболее значимыми.

В последние годы интернет стал для большинства россиян основным каналом поиска сведений о новостройках и компаниях-застройщиках [2]. Согласно данным отраслевых исследований, около 42 % покупателей начинают знакомство с рынком именно с крупных агрегаторов – онлайн-площадок, где собраны предложения от разных девелоперов [11]. Наиболее известные из них – «Циан», «Авито» и «Домклик». Эти порталы аккумулируют обширные базы данных по жилым комплексам и агентствам недвижимости. При этом примерно три четверти пользователей, начав поиск на агрегаторе, продолжают изучение на других ресурсах – чаще всего переходят на официальные сайты застройщиков или конкретных жилых комплексов [11]. Именно на корпоративных сайтах клиенты получают наиболее детальные сведения: от пла-

нировок и цен до описания инфраструктуры и условий ипотечных программ [3]. Важную роль играют и поисковые системы «Яндекс» и Google, которые помогают покупателям находить нужные страницы и статьи по запросам с названиями жилых комплексов или девелоперов [2]. Немалое влияние оказывают отзывы в сети: пользователи активно обсуждают качество строительства, надёжность компаний и впечатления от покупки на форумах и в тематических сообществах [6]. Рейтинги новостроек и репутационные материалы также формируют восприятие застройщика. Социальные сети выполняют преимущественно имиджевую функцию – помогают формировать доверие и узнаваемость бренда, хотя не всегда используются для прямого поиска жилья [13]. Всё же присутствие застройщика в соцсетях становится важным фактором лояльности и способом получения обратной связи от аудитории [13].

Возраст аудитории заметно влияет на выбор ею источников информации: молодые покупатели в большей степени доверяют цифровым каналам, тогда как старшее поколение чаще обращается к риэлторам или рекомендациям знакомых [7]. Традиционные каналы продвижения – печатные СМИ, выставки недвижимости – постепенно утрачивают влияние, уступая цифровым форматам. Таким образом, именно интернет-ресурсы сегодня играют ключевую роль на ранних этапах выбора жилья: агрегаторы, поисковые системы, сайты девелоперов и отзывы других покупателей создают основу информационного поля, в котором формируется решение о покупке.

Путь клиента при покупке жилья редко бывает коротким и простым. Сделка с недвижимостью требует значительных вложений и доверия к компании, поэтому будущие владельцы квартир стараются убедиться в надёжности застройщика на каждом этапе [8]. Принятие решения о покупке сопровождается множеством точек контакта (в среднем от шести до восьми), через которые клиент взаимодействует с брендом до момента заключения договора [8]. Процесс обычно разворачивается поэтапно. Потенциальный покупатель видит рекламу жилого комплекса на агрегаторе или в социальных сетях, переходит на сайт застройщика, знакомится с подробностями проекта и, заинтересовавшись, оставляет заявку через форму обратной связи. После этого следует коммуникация – звонок, переписка в чате или мессенджере, а затем, при наличии интереса, визит в офис продаж или шоурум

[1]. Такой маршрут позволяет клиенту постепенно убедиться в привлекательности и безопасности сделки.

В последние годы первая точка контакта всё чаще возникает в интернете – не через телефонный звонок, а через заполненную форму на сайте, сообщение в онлайн-чате или запрос в мессенджере [14]. Этот тренд отражает общее изменение потребительских привычек: людям удобнее общаться в переписке, где можно задать вопросы в удобное время, не опасаясь навязчивых звонков. Современные застройщики активно адаптируются к этим ожиданиям, расширяя спектр цифровых каналов. Помимо классических обращений по телефону и электронной почте, всё чаще используются онлайн-чаты и мессенджеры вроде Telegram и WhatsApp [14]. Доля телефонных звонков постепенно сокращается, тогда как текстовые формы коммуникации демонстрируют устойчивый рост. Например, в 2023 г. Telegram занял второе место по числу клиентских обращений, опередив обращения через веб-формы [12]. Особенно заметен этот сдвиг в сегменте массового жилья – эконом- и комфорт-класса, где клиенты ценят скорость и простоту взаимодействия. За последние два года количество обращений через мессенджеры выросло в несколько раз [14]. В премиальном и бизнес-классе переход происходит медленнее, но тенденция та же: всё больше покупателей предпочитают начать общение онлайн. Для многих клиентов переписка – способ сохранить конфиденциальность. Они неохотно сообщают номер телефона до тех пор, пока не убедятся в серьёзности продавца [9]. Поэтому грамотные девелоперы выстраивают коммуникацию так, чтобы не терять контакт на ранних этапах, предлагая консультации в удобных форматах и не оказывая давления. Ответом девелоперов на новую цифровую реальность стало внедрение омниканальных систем коммуникации. Суть подхода в том, чтобы объединить все каналы – звонки, чаты, мессенджеры, соцсети, формы заявок – в единую инфраструктуру, где можно отслеживать весь путь клиента [12].

Современные CRM-платформы и системы сквозной аналитики позволяют не только фиксировать обращения, но и оценивать эффективность каждого канала. Это помогает застройщикам понимать, где именно клиент «теряется» и какие точки контакта приносят наибольшую конверсию [12]. Такой подход даёт два эффекта: повышается удобство для покупателя и улучшается

управляемость внутренних процессов. Скорость отклика при этом имеет решающее значение. Исследования показывают, что если застройщик не отвечает в течение первых нескольких часов, вероятность потери клиента резко возрастает [12]. В условиях высокой конкуренции на рынке оперативность и качество обратной связи становятся такими же важными, как и сама цена квартиры.

Одновременно развиваются цифровые сервисы, которые сопровождают клиента на всех стадиях сделки. Онлайн-платформы банков, например «Домклик» от Сбербанка, позволяют подавать заявку, согласовывать условия ипотеки и даже оформлять часть документов дистанционно [10]. Благодаря этому значительная часть бюрократических процедур переносится в онлайн, а личная встреча требуется лишь на завершающем этапе – для подписания договора и приёмки квартиры. Тем не менее полностью исключить офлайн-контакты пока невозможно. Покупателям важно видеть объект своими глазами, общаться с менеджером лично, оценивать качество строительства. Поэтому наиболее успешные компании выстраивают гибридную модель, где цифровое взаимодействие дополняется традиционным сервисом.

Проведённый анализ показывает, что интернет окончательно стал главным пространством, где формируется поведение покупателей жилой недвижимости. Цифровая среда определяет не только то, как потребители ищут информацию, но и то, как они выстраивают отношения с застройщиками. Сегодня онлайн-инструменты сопровождают клиента на всём пути – от первого запроса в рамках поиска квартиры до финального подписания договора её купли-продажи.

Основные источники данных – это агрегаторы, поисковые системы, официальные сайты компаний и отзывы других покупателей. Именно эти каналы позволяют составить наиболее полное представление о проекте и оценить надёжность девелопера. При этом социальные сети и мессенджеры всё чаще становятся не просто фоном, а важным звеном коммуникации, где формируется доверие и происходит обратная связь.

Застройщики, в свою очередь, перестраивают маркетинговые стратегии, активно используя цифровые инструменты. Бюджеты всё чаще перераспределяются в пользу онлайн-каналов коммуникаций, где конкуренция за внимание аудитории растёт

с каждым годом. Для компаний становится принципиально важным поддерживать не только присутствие в интернете, но и единое, узнаваемое позиционирование на всех площадках – от корпоративного сайта до Telegram-канала.

Внедрение омниканальных систем связи и сквозной аналитики позволяет девелоперам лучше понимать своих клиентов и корректировать стратегию в реальном времени. Благодаря этим инструментам можно отследить, какие точки контакта оказывают наибольшее влияние на решение о покупке, а какие требуют улучшений. В итоге компания получает возможность выстраивать коммуникацию более точно и адресно, не теряя потенциальных клиентов в процессе.

Как уже говорилось, немаловажную роль играет и скорость реакции компании на запросы потребителей. Клиенты ожидают мгновенной обратной связи – чем быстрее застройщик отвечает на запрос, тем выше шанс, что пользователь не уйдёт к конкуренту. Для рынка недвижимости, где решения принимаются не спонтанно, а на основе долгого анализа и доверия, это становится ключевым конкурентным преимуществом.

Всё вышесказанное приводит к очевидному выводу: цифровая трансформация изменила не только методы продвижения, но и саму философию взаимодействия девелопера с покупателем. Если раньше основное внимание уделялось качеству объекта и традиционной рекламе, то теперь решающим фактором становится качество коммуникации в цифровом пространстве – прозрачной, оперативной и персонализированной. В ближайшие годы успех продаж всё в большей степени будет зависеть от того, насколько удобно и эффективно застройщик выстраивает цифровой клиентский путь. Уже сейчас можно говорить о формировании новой нормы: покупатель ожидает, что всё – от просмотра планировок до бронирования квартиры – можно сделать онлайн, быстро и без лишних барьеров. Тем не менее, важным остаётся баланс между технологиями и человеческим участием. Цифровые сервисы должны не заменять живое взаимодействие, а дополнять его, делая процесс покупки проще и прозрачнее. Компании, которые сумеют сочетать удобные онлайн-инструменты с внимательным сервисом и эмоциональным подходом, будут иметь преимущество на рынке.

Таким образом, интернет-поведение покупателей продолжает развиваться, подталкивая девелоперов к постоянному обновле-

нию инструментов маркетинга и коммуникации. Продуманное управление цифровыми точками контакта, актуальное содержание и оперативная поддержка формируют основу доверия, от которого напрямую зависит успешность сделок. В дальнейшем исследование этих процессов позволит лучше понимать динамику спроса и разрабатывать более точные модели взаимодействия с клиентами в онлайн-среде.

Список литературы

1. Антинескул Е. А., Исакова В. М. Особенности интеграции онлайн и оффлайн коммуникаций в маркетинге // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-integratsii-onlayn-i-offlayn-kommunikatsiy-v-marketinge/viewer (дата обращения: 12.10.2025).

2. Балашов И. Как менялось поведение пользователей на рынке недвижимости в 2023 году // РБК Компании. URL: https://companies.rbc.ru/news/WA4dEWLIUc/kak-menyalos-povedenie-polzovatelej-na-ryinke-nedvizhimosti-v-2023-godu/ (дата обращения: 10.10.2025).

3. Балашов И. Исследование в недвижимости: как ведут себя покупатели квартир // CMS Magazine. URL: https://cmsmagazine.ru/journal/items-issledovanie-v-nedvizhimosti/ (дата обращения: 05.10.2025).

4. Возмилов И. Д., Капустина Л. М. Маркетинговое управление проектами на рынке жилой недвижимости. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. 139 с.

5. Земскова Е. С. Анализ поведения потребителей в цифровой экономике с позиции теории поколений // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-povedeniya-potrebiteley-v-tsifrovoy-ekonomike-s-pozitsii-teorii-pokoleniy/viewer (дата обращения: 29.09.2025).

6. Зильберт А. Социальные сети в недвижимости: от унылых постов к захватывающим // Блог «Ашманов и партнёры». URL: https://www.ashmanov.com/education/articles/kak-privlech-vnimanie-k-brendu-zhk-v-sotsialnykh-setyakh/ (дата обращения: 04.10.2025).

7. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А. Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому. Технологии продвижения в интернете. М. : Бомбора, 2019. 224 с.

8. Михайлов А. Н. Анализ клиентского пути: как технологии помогают улучшить Customer Journey // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-klientskogo-puti-kak-tehnologii-pomogayut-uluchshit-customer-journey/viewer (дата обращения: 03.10.2025).

9. Михайлова А. С., Суздалева Г. Р. Факторы влияния на поведение потребителей: результаты эмпирического исследования рынка недвижимости города Перми и Пермской области // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-vliyaniya-na-povedenie-potrebiteley-rezultaty-empiricheskogo-issledovaniya-rynka-nedvizhimosti-goroda-permi-i-permskoy-oblasti/viewer (дата обращения: 30.09.2025).

10. На «Домклик» появилось цифровое сопровождение при покупке новостроек // РБК-Недвижимость. URL: https://realty.rbc.ru/news/68e8c9c39a7947707bb3792b (дата обращения: 06.10.2025).

11. Покупка жилья в России всё активнее уходит в онлайн // Яндекс.Журнал недвижимости. URL: https://realty.yandex.ru/journal/post/pokupka-zhilya-v-rossii-vsyo-aktivnee-uhodit-v-onlayn/ (дата обращения: 06.10.2025).

12. Сквозная аналитика рекламных каналов в недвижимости: отчёт сервиса Calltouch. 2021. С. 4–6. URL: calltouch.ru>Сквозная аналитика

13. Цао Цзыин, Тюрина Е. А., Филатов А. Ю. Модель формирования доверия онлайн-потребителей к сфере электронной торговли // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/model-formirovaniya-doveriya-onlayn-potrebiteley-k-sfere-elektronnoy-torgovli (дата обращения: 10.10.2025).

14. Шевченко Д. А. Цифровой маркетинг: обзор каналов и инструментов // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-marketing-obzor-kanalov-i-instrumentov/viewer (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 004.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОММУНИКАЦИЯХ КОМПАНИИ С КЛИЕНТАМИ

Елена Викторовна Балахонова[1], Виктория Сергеевна Маташова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Термин «искусственный интеллект» в настоящее время не только знаком, но и стал привычным даже людям, не имеющим отношения к сфере информационных технологий. Система, которую можно было бы соотнести с уровнем человеческого разума,

где бы для вычислений и автономного мышления применялись его механизмы, создавалась десятилетиями. Сейчас искусственный интеллект – это не просто программа с набором идеальных абстракций, а технология, кардинально повлиявшая на современную цивилизацию.

Одним из первых концепцию машины, которая могла бы имитировать любую человеческую мысль, предложил британский математик, логик и криптограф Алан Мэтисон Тьюринг (*Alan Mathison Turing*). В 1936 г. он создал математическую модель вычислений, получившую название «Машина Тьюринга». Обосновывая свой подход, Тьюринг рассматривал людей как идеализированных вычислительных агентов. Ссылаясь на ограничения нашего перцептивного и когнитивного аппаратов, он утверждал, что любой выполняемый человеком символический алгоритм может быть воспроизведён подходящей машиной Тьюринга [6].

Стремительная эволюция «думающих» машин началась в 1956 г. с создания американскими учёными: математиком Алленом Ньюэллом (*Allen Newell*) и специалистом в области социальных, политических и экономических наук Гербертом Александером Саймоном (*Herbert Alexander Simon*) программного обеспечения, имитирующего человеческое мышление на основе символической обработки информации. Их совместная работа положила начало когнитивной революции – междисциплинарной смене парадигмы в психологии, философии, информатике и нейробиологии. В результате многочисленных доработок уже в начале 1960-х гг. программа Ньюэлла и Саймона была способна решать математические задачи и доказывать теоремы, она получила специализированное название «Logic Theorist» [1].

В 1966 г. сотрудник Массачусетского технологического института Йозеф Вайценбаум (Joseph Weizenbaum) создал программу компьютерной лингвистики «ELIZA», тем самым положив начало новому направлению в области информационных технологий – созданию чат-ботов, т.е. программ, имитирующих общение с человеком посредством текстовых или голосовых сообщений. «ELIZA» была способна имитировать диалог с человеком, используя ключевые слова и паттерны. С её помощью находящиеся в стрессовой ситуации люди получали необходимую поддержку:

они печатали сообщение на подключённой к мейнфрейму[1] электрической пишущей машинке, через некоторое время им отвечал выступающий в роли психотерапевта чат-бот [7].

В дальнейшем чат-боты на базе искусственного интеллекта превзошли линейные боты прошлого поколения умением выходить за рамки простого алгоритма, обрабатывая новые сценарии без потери в качестве сервиса [2]. Виртуальный помощник стал чётко отвечать на запросы пользователя в разговорном стиле, уже не используя ключевые слова. Вместе с этим проходили исследования первых нейронных сетей, являющихся лишь частью широкого спектра технологий искусственного интеллекта, были созданы персептроны, искусственно выполняющие работу нервных клеток человеческого мозга.

Подобные эксперименты не только выявили фундаментальные принципы развития искусственного интеллекта, но и ознаменовали пришествие новой цифровой эпохи, которая, в свою очередь, требовала для полного раскрытия потенциала системы высоких показателей доступности данных и вычислительной мощности. Препятствием на пути совершенствования искусственного интеллекта стали ограничения в развитии сложных на тот момент алгоритмов, было недостаточно ресурсов для обучения нейронных сетей и программирования систем, которые могли бы адекватно обрабатывать естественный язык и абстрактные понятия. В связи с этим интерес учёных к данному направлению снизился, период 1970-х гг. получил название «зима искусственного интеллекта» [1].

Технологические прорывы возобновились только через 20 лет, когда появились понятия «опорные векторы»[2] и «глубокое обучение»[3], вошедшие в названия ряда самых эффективных алгоритмов машинного обучения. Они повлияли на распознание образов, обработку человеческой речи, а также на совершение выбора, отталкиваясь от большого объёма данных. Основой для будущих передовых технологий (компьютерное зрение, автоном-

---

[1] **Мейнфрейм – большой универсальный высокопроизводительный, отказоустойчивый сервер** со значительными ресурсами ввода-вывода, большим объёмом оперативной и внешней памяти.

[2] Метод опорных векторов – алгоритм машинного обучения, применяемый для задач линейной и нелинейной классификации, регрессии и обнаружения аномальных данных.

[3] Глубокое обучение – вид машинного обучения с использованием многослойных нейронных сетей, самообучающихся на большом массиве данных.

ная навигация и др.) стал глубокий нейросетевой подход (Deep Learning). Он является одной из ключевых особенностей современного искусственного интеллекта, позволяет создавать сложные и масштабируемые нейронные сети, способные обучаться на огромных объёмах данных.

Возрождение интереса к теме искусственного интеллекта произошло в 1997 г. после демонстрации его способностей в стратегическом мышлении и анализе: разработанный IBM суперкомпьютер Deep Blue одержал победу над чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым. В начале 21 в. в развитие искусственного интеллекта стали инвестировать крупные компании – Google, Facebook и Amazon, создававшие с его использованием свои многочисленные платформы и сервисы. Новые технологии и алгоритмы позволили значительно повысить точность и эффективность систем искусственного интеллекта, вследствие чего область их применения расширилась, включив в себя сферы финансов, транспорта, рекомендательных систем, медицины и др.

Одной из областей человеческой деятельности, в которой активно внедряется технология искусственного интеллекта, стал цифровой маркетинг. Несмотря на то, что данная технология пока далека от совершенства, она решает важные для любого бизнеса задачи – повышает эффективность и снижает издержки, например, за счёт использования частично заменяющих контактный персонал чат-ботов. Достижение целей компании во многом определяется предоставляемым ею своим клиентам удобным и своевременным обслуживанием, поэтому тенденцию на интеграцию чат-ботов в коммуникацию с потребителями можно рассматривать как универсальное на сегодня решение.

Чат-боты представляют одно из ответвлений искусственного интеллекта и зачастую работают на основе нейросетей. Развитие и расширение их функциональности происходит пропорционально прогрессу в соответствующей области компьютерной науки, демонстрирующей положительную динамику и значительные результаты. Не имея личного опыта, чат-боты способны обучаться на основе предоставленного им разработчиками материала, объёмы которого увеличиваются за счёт быстро растущей информации интернет-пространства. Машинное обучение постоянно расширяет базу знаний виртуального консультанта, и, как показывает практика, через несколько месяцев после внедрения чат-бот может ответить на 90 % задаваемых клиентами вопросов [4].

Многие крупные компании уже внедрили автоматическую коммуникацию с клиентами в свои приложения и сайты. В их число входят банки («Сбер», «Т-банк», «ВТБ»), операторы («Мегафон» и «Билайн»), «Почта России», а также некоторые государственные учреждения. Рабочие действия бота в «Сбере» заключаются в форматировании аудио- или видеообращения в текстовую форму, после чего её классифицируют в определённую смысловую тематику, где уже подбирается тот или иной сценарий. Голосовой ассистент «Почты России» наоборот направлен на формирование аудио-ответа, что происходит благодаря сервису Yandex Speechkit, который добавляет в произношение манеру человеческой речи. Это объясняется тем, что основной целевой аудиторией компании являются пенсионеры; аудиоформат воспринимается данным возрастным сегментом гораздо лучше, чем текстовый. Бот мобильного оператора «Мегафон» представлен в формате исходящих коммуникаций, где речь синтезирована на основе информации об абонентах. Голосовой робот способен перезвонить клиенту при условии, что тот назовет удобное для него время.

Взаимодействие человека и робота имеет определённые особенности: формирование впечатления от чат-бота у клиента строится не только на оценке времени его ответа, но и на форме и качестве подачи информации. Каждый бот взаимодействует в рамках своего Tone of voice (ToV)[4]: одни общаются неформально, предпочитая обращения на «ты» и поддерживая роль ближнего помощника-друга, другие – более формализовано, им свойственны обращение на «Вы», длинные сложносочиненные предложения и роботизированная манера речи.

Отдельная значительная роль выделена цифровому аватару[5] как критерию оценки восприятия потребителем созданного искусственным интеллектом ассистента. Цифровой аватар может играть роль представителя компании в виртуальном мире: отвечать на вопросы, проводить презентации, участвовать в виртуальных событиях. Он не просто копирует внешность человека, но способен имитировать его мимику, жесты, движения и голос [3].

---

[4] Tone of voice (англ. – тон голоса) – голос бренда, стиль и тон общения бизнеса с аудиторией.

[5] Цифровой аватар (AI-аватар) – виртуальное представление человека, созданное с использованием технологий искусственного интеллекта и машинного обучения.

Люди склонны антропоморфизировать «роботов-гуманоидов» больше, чем «механических негуманоидов», поскольку считают их более способными выполнять поставленные задачи и вызывать аффективные взаимодействия[6]. Внешний вид роботов является основным внешним социальным сигналом, который определяет отношение к ним потребителей. Для маркетинга внедрение эффективных социальных роботов крайне важно для изучения реальных ситуаций, в которых они действуют или будут действовать. В частности, важно моделировать не только описывающие человека, с которым взаимодействует робот, мультимодальные характеристики, но и ситуацию в целом, включая других возможных участников процесса, объекты и окружение [5].

Таким образом, важное отличие искусственного интеллекта, обеспечивающее повышение эффективности коммуникаций с целевой аудиторией, состоит в переходе от навязчивого донесения до неё информации к имитации (чем дальше, тем более правдоподобной) персонализированного человеческого общения. Благодаря машинному анализу, клиент не выслушивает ненужные ему предложения, получая только интересующую его информацию.

Тем не менее, чат-боты на основе искусственного интеллекта на данный момент имеют и существенные недостатки, которые снижают эффективность коммуникации с клиентами. Один из них – ограниченное понимание. Чат-боты пока не способны полностью удовлетворять потребности их пользователей, нередко они не понимают сложные или неоднозначные запросы. В данном случае, даже если предусмотрена возможность подключения человека-оператора, и клиент компании просит об этом, чат-бот может продолжать настойчиво предлагать ему свои услуги в решении проблемы, не считывая отрицательных эмоций (вплоть до сильного раздражения), поскольку не наделён эмоциональным интеллектом. Качество ответов чат-бота напрямую зависит от используемой для его обучения информации, а она далеко не всегда актуальна. Есть и ещё один связанный с информацией проблемный аспект – чат-боты обрабатывают самые разные данные, в том числе персональные, риск утечки которых довольно высок.

[6] Аффективные взаимодействия – процессы, связанные с эмоциональными реакциями (аффектами) и их регуляцией.

Список литературы

1. Краткая история искусственного интеллекта // Блог RevenueBot. URL: https://revenuebot.io/blog/2023/08/09/kratkaya-istoriya-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 12.09.2025).
2. Мегрибанова В. Нейросети в рекламе и маркетинге // Национальная премия бизнес-коммуникаций «Эффективность». URL: https://grandawards.ru/blog/nejroseti-v-reklame-i-marketinge#block-3 (дата обращения: 29.09.2025).
3. Реглис М. С., Сырникова Е. А., Матушкина О. Е. Создание виртуального аватара как инструмента для улучшения клиентского опыта в бизнесе: исследование того, как аватары могут повысить удовлетворенность и лояльность клиентов // Электронный научный архив УрФУ. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/143048/1/978-5-91256-730-8_083.pdf
4. Савченко Р. Технологии искусственного интеллекта в маркетинге и рекламе // Национальный рекламный форум. URL: https://advertisingforum.ru/blog/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-marketinge-i-reklame/ (дата обращения: 30.09.2025).
5. Шевченко Д. А., Крюкова Е. М., Зеленов В. В., Галстян В. В. Использование возможностей искусственного интеллекта в рекламе // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-vozmozhnostey-iskusstvennogo-intellekta-v-reklame/viewer (дата обращения: 14.09.2025).
6. The Computational Theory of Mind // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/computational-mind/ (дата обращения: 05.09.2025).
7. Weizenbaum´s nightmares: how the inventor of the first chatbot turned against AI // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/technology/2023/jul/25/joseph-weizenbaum-inventor-eliza-chatbot-turned-against-artificial-intelligence-ai (дата обращения: 12.09.2025).

УДК 172

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОДИНОЧЕСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА

Валерия Сергеевна Пенкина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Начало XXI века ознаменовалось реализацией многих прогностических сценариев, касающихся развития информационной

цивилизации. Современные технологии создали беспрецедентные условия для функционирования глобального социо-коммуникативного пространства, где общение в виртуальной среде протекает непрерывно. Интернет трансформировался в новую коммуникативную реальность, объединив человечество в своего рода «глобальную деревню» и «общество всеобщей коммуникации». Однако, парадоксальным образом, в этом постиндустриальном, информационном, сетевом и технотронном мире человек оказался подвержен феномену одиночества.

Дигитализация межличностных отношений оказывает существенное влияние на социальное признание, особенно в контексте социальной интеграции и участия. Укрепление связей, ускорение обмена информацией и повышение социальной видимости, с одной стороны, сопровождаются социальными проблемами, обусловленными одиночеством как социопатологией. Социопатологический аспект одиночества проявляется не только в интерсубъективной феноменологии страдания, но и в системных изменениях жизненного мира, включая использование развитого социального ИИ. В обществах с высоким уровнем цифровизации, как, например, Япония, инвестирующей в производство х-ботов для компенсации нехватки медицинского персонала, компаньоны с искусственным интеллектом (AICs) рассматриваются как техническая стратегия решения социальных проблем, в частности, повсеместного одиночества. В идеальном сценарии социальный ИИ будет способствовать трансформации системных и жизненных структур в направлении более эффективной социальной интеграции одиноких индивидов и предотвращения одиночества в будущем [2, с. 30].

В связи с этим, актуализируется необходимость критической оценки влияния цифровых решений на глобальную «борьбу с одиночеством», особенно в контексте текущих медицинских и эпидемиологических исследований. Хроническое чувство одиночества, наряду с другими факторами, такими как неполноценное питание, стресс, шумовое загрязнение или низкий социально-экономический статус, рассматривается в качестве патогенного фактора, способного повлиять на возникновение, проявление и течение ряда заболеваний. Таким образом, эффективная превенция одиночества может оказать значительное влияние на здоровье современного общества. Более того, обширные социальные

связи и развитые сети межличностного взаимодействия не всегда способны избавить индивида от чувства одиночества, изоляции и социальной отчужденности. Это обусловлено индивидуальными особенностями и факторами жизнестойкости, такими как определенные личностные качества, и зависит от субъективного восприятия ситуации как одиночества.

Проблема одиночества приобретает особую остроту, когда она рассматривается не только как потенциальная угроза здоровью, но и как источник социальных бедствий, что позволяет квалифицировать ее как новую форму прекариата. В этом контексте особенно уязвимы социальные группы, такие как больные, пожилые и социально незащищенные слои населения, в частности, дети и молодые люди. Это требует разработки междисциплинарных стратегий вмешательства в общественную жизнь, охватывающих сферы здравоохранения, политики, медицины, этики и другие релевантные области [1, с. 3].

Наиболее значимой проблемой представляется иллюзия социальной насыщенности, порождаемая медиа-пространством. Лента новостей в социальных сетях создает фантом причастности к жизни ближних, в то время как эти связи остаются феноменологически поверхностными. Индивид постепенно адаптируется к роли пассивного наблюдателя, ограничиваясь эрзац-действиями в виде «лайков», комментариев и репостов, что приводит к редукции потребности в аутентичном, интерсубъективном общении и, как следствие, к снижению уровня эмоциональной эмпатии.

Другой аспект проблемы заключается в деградации диалогической компетентности. Инструменты оперативной коммуникации, предоставляемые мессенджерами и социальными сетями, при всей их функциональности, обусловливают снижение глубины межличностного взаимодействия. Эмпирические данные, представленные в Journal of Social and Personal Relationships, указывают на то, что индивиды, предпочитающие опосредованную, онлайн-коммуникацию, демонстрируют двукратно повышенную подверженность социальной тревожности.

В текущем социокультурном ландшафте доминирует поколение Z, онтогенез которого неразрывно связан с технологиями мобильной связи, глобальной сетью Интернет, социальными медиа и технологиями искусственного интеллекта. Эмпирические исследования выявляют диссолюцию границ между онлайн-

и офлайн-реальностью в сознании представителей данного поколения, что препятствует адекватному осознанию фундаментальной ценности непосредственного, лицом-к-лицу общения в процессе формирования полноценных социальных связей – как межличностных, так и коллективных, в контексте принятия консенсусных решений и разрешения проблемных ситуаций. Поколение Z изначально демонстрирует склонность к минимизации непосредственного взаимодействия, при этом виртуальное общение приобретает доминирующий характер. Бытие «на связи» становится новым маркером экзистенции, однако современные технологии, напротив, подавляют вербальную коммуникацию, обусловливая кризис эмпатии. Результаты исследований свидетельствуют об активном снижении эмоциональной чувствительности в условиях прогрессирующей дигитализации коммуникаций, при этом за последнее десятилетие данный показатель снизился на 40 %.

Феномен одиночества претерпел существенную трансформацию. Современное «одиночество в толпе» принципиально отличается от традиционного понимания одиночества как острого экзистенциального переживания, как «состояния и ощущения индивида, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной изоляции, разрыва социальных связей, отсутствия значимого для него общения». В данном случае речь идет о страдании, обусловленном отсутствием Другого, который, тем не менее, присутствует как конститутивное условие как объективного, так и субъективного, по крайней мере, в воображении. Современный феномен одиночества имеет цифровой характер – это переживание дефицита аутентичной коммуникации, понимаемой как живое общение. Несмотря на интегративный потенциал современных информационно-коммуникационных технологий, необходимо констатировать их дезинтегрирующий эффект, в результате которого индивид, несмотря на избыточность коммуникации, остается в изоляции за пределами своего цифрового интерфейса [3, с. 80].

Оценка долгосрочных перспектив стремительного технологического прогресса и глобального погружения в информационный мир представляет значительную методологическую сложность. Однако уже сегодня, в контексте развития технологий искусственного интеллекта, можно констатировать проблему

утраты навыков аутентичной коммуникации между индивидами. Реализация данного сценария получает эмпирическое подтверждение в виде широкого распространения голосовых помощников и чат-ботов.

Современный коммуникативный ландшафт, с его иллюзией социальной насыщенности и эрозией глубинного диалога, являет собой симптом более фундаментального недуга: утраты подлинного «бытия-друг-с-другом», как это сформулировал бы Мартин Хайдеггер. Мы обменяли подлинное со-присутствие на удобное, но бесплотное со-подключение, превратившись в пассивных созерцателей в театре чужих, тщательно выстроенных жизней. В этом отчуждении мы лишены не только плодов подлинного общения – глубокой связи, но и самого процесса – активного, вовлекающего диалога, и, в конечном счете, собственной социальной сущности. Искать спасение в сфере цифрового этикета – значит упускать суть проблемы. Решение лежит в плоскости радикального онтологического выбора, в экзистенциальном бунте против этой предопределенной логики.

Первый шаг к исцелению – трансгрессия от роли «Наблюдателя» к позиции «Участника» через практику подлинного присутствия. Вместо бесцельного блуждания по ленте, где сменяются чужие, тщательно отфильтрованные образы, следует направить луч своего сознания на конкретного Другого. Этот акт интенциональности – это восстание против пассивности, против растворения в безликой массе. Вместо того чтобы щедро рассыпать лайки под десятками постов, совершите акт подлинного внимания: напишите послание, в котором ваша мысль всецело и безраздельно обращена к одному-единственному человеку. Так вы совершаете переход от состояния «Man» (безличного «некто») к осознанию своего «Dasein» (вот-бытия), который принимает на себя ответственность за свое бытие-в-мире-с-другими [4].

Второй шаг – преодоление поверхностности, возвращение к утраченному искусству диалогики. Мартин Бубер учил нас различать два модуса отношения: «Я-Оно», где Другой становится лишь объектом, инструментом или источником информации, и «Я-Ты», где Другой предстает как уникальная, нередуцируемая субъективность, встреча с которой происходит в полной взаимности и безусловном присутствии. Социальные сети и мессенджеры по умолчанию ориентированы на режим «Я-Оно», и наша

задача – сознательно и вопреки логике интерфейса перевести общение в плоскость «Я-Ты». Это требует практики внимательного вслушивания – не просто ожидания паузы, чтобы вставить свою реплику, но стремления уловить невысказанную эмоцию, вопрос, скрывающийся за вопросом. Это означает выбор в пользу голосового контакта или живой встречи, где рождается «между-нами» – то самое, ускользающее пространство подлинного диалога, которое не исчерпывается простой суммой двух участников.

Окончательный ответ на вызовы цифровой эпохи лежит в сфере экзистенциальной аскезы – сознательного самоограничения во имя высшей цели, которой является подлинное человеческое общение. Аскеза здесь понимается не как отказ от технологий, а как трансформация их из хозяев в слуг. Регулярно задавайте себе вопрос, как это завещал Сократ: «Делает ли этот способ общения меня более целостным, смелым и связанным с другими? Или он оставляет меня тревожным, рассеянным и одиноким в толпе виртуальных «друзей»?». И помните наставление стоиков: ваша лента новостей – лишь поток внешних впечатлений, на которые вы вольны не давать своего согласия. Не позволяйте ей определять ваше эмоциональное состояние и искажать ваше представление о социальной реальности. Ваша подлинная реальность – это люди, с которыми вы разделяете хлеб, время и молчание.

Таким образом, корень проблемы лежит не в самих социальных сетях, а в нашей готовности позволить им определять способ нашего бытия-с-другими. Выход – в ежедневном, решительном акте неповиновения. Это бунт одного послания, исполненного внимания, против сотни безликих лайков. Это бунт одного часа зрительного контакта против целого дня, проведенного в асинхронном чате. Это непоколебимая решимость встречать Другого как «Ты», а не как «Оно», даже если вся архитектура цифрового мира подталкивает нас к обратному. Именно в этом акте экзистенциального бунта и возрождается та самая, утраченная нами, подлинная связь.

Список литературы

1. Ермолаева М. А. Проблема одиночества среди людей в эпоху цифрового развития: эмпирическое исследование // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 3. С. 1–8.

2. Зарубина Ю. Н. Социальное одиночество в цифровую эпоху и инновационные методы его преодоления // Возможности и угрозы цифрового общества : сб. науч. ст. / под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой. Ярославль : Цифровая типография, 2019. С. 29–33.

3. Соловьева Л. Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7. С. 77–82.

4. Шачин С. В., Шачина А. Ю. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 1. С. 52–69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-obschestva-sotsialnoy-svobody-akselya-honneta (дата обращения: 24.10.2025).

УДК 316.334.22

ТЕНДЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Валерий Анатольевич Бобров[1],
Татьяна Евгеньевна Трямкина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Профессиональная структура страны, индустрии, рынка или сферы не только отражает уровень ее развития, но и задает определенные границы развития, тот «коридор» по которому движется социальный актор. Традиционно профессиональную структуру привязывают к профессиональному разделению труда, которое базируется на производственно-технологическом и функциональном содержании труда. В результате разделения труда обособляются профессии, а внутри них – специальности.

Современный мир существует в условиях повсеместной глобализации любых процессов. Такое явление повлекло за собой необходимость создания новой коммуникационной среды для государств, компаний, предпринимателей, которые вынуждены выживать и развиваться в предлагаемых обстоятельствах. Развитие Интернета и электронных СМИ дарило и дарит сфере комму-

никаций новые профессии и специальности, соответствующие растущим потребностям социальных сфер, индустрий и рынков.

Профессиональная структура коммуникационной сферы имеет общие национальные характеристики: рост доли интеллектуального труда, гендерная диспропорция, баланс занятости в пользу «большой» России, рост числа полупрофессионалов [6, 7].

Из-за стремительного развития профессий их изучение затрудняется, а систематизация уже полученных данных и знаний не формирует полную картину. Медиа-менеджер, маркетолог, директор по стратегическому планированию, креативный директор, арт-директор, директор по коммуникации, PR-менеджер, менеджер по рекламе, бренд-менеджер – это все лишь верхушка айсберга под названием «профессии современной коммуникационной сферы» [2]. В коммуникационной сфере эти изменения особенно заметны: традиционные профессии (журналист, PR-специалист, копирайтер) дополняются гибридными (контент-продюсер, digital-стратег, бренд-менеджер). Параллельно и коммуникационные науки в России развиваются на стыке журналистики, социологии и менеджмента, формируя новую профессиональную среду, где компетенции становятся междисциплинарными [3].

Междисциплинарность в широком смысле обновляет профессиональную структуру, где ключевым ресурсом становится способность адаптироваться и постоянно переосмысливать свою роль. Согласно исследованию «Кадры для коммуникационной отрасли», агентства и бренды все чаще ищут специалистов, способных одновременно выполнять функции креативщика, стратега и менеджера проекта [5]. Это отражает сдвиг от узкой функциональной специализации к универсальности кадров и их способности работать в условиях ведения проектов. Сегодня при оценке деловых качеств специалиста вместо понятия «профессионализм», предполагающего оценку уровня знаний и навыков профессионального характера, используется «компетентность», что уже включает оценку знания и навыки не только профессионального, но и межпрофессионального характера. Таким фактором изменения профессиональной структуры коммуникационной сферы стало развитие «индустрии влияния» или «influence industry». Компании все чаще прибегают не к стандартному использованию

рекламных инструментов, но к рекламе у инфлюенсеров с лояльной аудиторией. Эти изменения также повлекли за собой появление новых специалистов: специалистов по работе с блогерами, продюсеров контента, аналитиков платформ и контента [4].

Технологическая интеграция привела к формированию «цифровых экосистем», где коммуникационные специалисты управляют не только контентом, но и данными, алгоритмами и пользовательским опытом.

Стоит отметить, что многие из этих профессий позволяют работать в гибридном формате или удаленно, что приводит к изменению внутренней иерархии рекламных агентств. Коммуникационные сети внутри организаций становятся менее иерархичными, что ведёт к пересмотру профессиональных ролей и росту горизонтальных форм взаимодействия, что заставляет специалистов погружаться в тайм-менеджмент и проект-менеджмент, т.е. самостоятельную работу по выстраиванию рабочих процессов [8].

Как отмечают российские исследователи, отечественные коммуникационные профессии по-прежнему во многом опираются на журналистские и PR-традиции, однако тенденция к интеграции маркетинга, продюсирования и цифровых технологий усиливается. Важной особенностью является и то, что профессиональная идентичность специалистов в России находится в процессе становления: границы между профессиями не всегда четко определены, а функциональные роли часто пересекаются [1, 3].

В зарубежной практике трансформация профессиональной структуры коммуникаций описывается через модели сетевого менеджмента и адаптивных коммуникационных систем. В исследовании внутренних коммуникационных сетей крупных корпораций прослеживается тенденция того, что профессиональный статус в коммуникационной среде всё чаще определяется не формальной позицией, а вовлечённостью в сетевое взаимодействие и количеством коммуникационных связей [9].

Профессиональная структура коммуникационной сферы находится в процессе глубокой трансформации.

Основные тенденции, которые прослеживаются на современном рынке:

– гибридизация ролей и рост междисциплинарности;

– цифровизация процессов коммуникации и появление новых профессий;

– изменение иерархий и моделей взаимодействия в организациях;

– рост значимости продюсерского и стратегического мышления.

Российская коммуникационная индустрия постепенно адаптируется к этим изменениям, формируя собственную модель развития, в которой усиливается роль креативных и управленческих компетенций. Для рекламной отрасли 2022 год можно считать годом перестройки считают практики, отрасли быстро приспосабливаются, и отечественные копании создают возможности в рамках нового инструментария.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку новых профессиональных траекторий междисциплинарности коммуникационной сферы, и как текущий тренд – это осмысление влияния искусственного интеллекта на коммуникационные профессии.

Список литературы

1. Абрамов Р. Н., Михайлова О. Р. Социальные контексты рецепции ИКТ профессиями индустрии влияния // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1 (173). doi: 10.14515/monitoring.2023.1.2297

2. Гид профессий в области коммуникации, рекламы и PR. М. : Высшая школа рекламы МосГУ, 2012. URL: https://cmd.hse.ru/data/2016/05/30/1132082465/Гид%20профессий.pdf

3. Дзялошинский И. М., Шариков А. В. О современном состоянии и дальнейшем развитии сферы коммуникационных наук в России // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: http://www.mediascope.ru/2342

4. Итоги круглого стола «Кадры для коммуникационной индустрии – треки развития». URL: https://raso.ru/events_partners/tpost/0j156xlih1-itogi-kruglogo-stola-kadri-dlya-kommunik

5. Кадры для коммуникационной отрасли: анализ рынка труда и перспективы развития. URL: https://akarussia.ru/wp-content/uploads/2024/12/kadry_v_kommunikacionnoj_otrasli_2024_04_12_2024-1.pdf

6. Обзор рынка труда в сфере маркетинга, рекламы и PR. URL: https://penza.hh.ru/article/26242

7. Тихонова Н. Е. Профессиональная структура современной России: особенности и динамика // Общественные науки и современность. 2020. № 3. С. 18–34. doi: 10.31857/S086904990010067-5

8. Barnes M. [et al.]. Temporal Network Analysis of Email Communication Patterns in a Long Standing Hierarchy. URL: https://arxiv.org/abs/2311.13442

9. Dong Y. [et al.]. Inferring Social Status and Rich Club Effects in Enterprise Communication Networks. URL: https://ericdongyx.github.io/papers/PLOS15-social-status-rich-club.pdf

Раздел 4
РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 659: 316

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ: ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ

Маргарита Константиновна Карпова[1],
Яна Игоревна Тупикина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

В современном мире, где потребители сталкиваются с бесчисленным количеством брендов каждый день, эмоциональное взаимодействие выделяет компании, создающие глубокие и значимые связи с их аудиторией. Это не просто способ привлечения внимания; это стратегия создания лояльности и укрепления доверия. Эмоциональный брендинг – это процесс создания связи между брендом и его аудиторией на основе эмоций. Он фокусируется на том, чтобы вызывать у потребителей чувства, ассоциации и воспоминания, которые оказывают влияние на их поведение и предпочтения. Компании, которые мастерски используют эмоциональный брендинг, не только увеличивают свою узнаваемость, но и формируют сообщество преданных сторонников.

Для создания эмоционального брендинга требуется нечто большее, чем запоминающийся слоган и узнаваемый логотип. Ведущие бренды воздействуют на эмоции своей аудитории, чтобы сформировать более прочные и долгосрочные связи с помощью дизайна и других элементов брендинга [2].

Чтобы понять, почему эмоциональный брендинг так эффективен, нужно разобраться в роли эмоций в процессе обучения человека. Ученые считают, что эмоции играют важнейшую роль в выборе того, на что мы обращаем внимание, как мы ведем себя и как принимаем решения. Используя эмоциональные триггеры, команды брендов устанавливают более тесную связь со своей аудиторией, чем при использовании чисто информационного контента.

Концепция эмоциональной лояльности подразумевает глубокую личную связь и привязанность клиентов к бренду. Она возникает благодаря постоянному предоставлению первоклассного обслуживании, индивидуальным отношениям и приверженности убеждениям и целям потребителей. Эмоциональная лояльность важна, поскольку она формирует чувство доверия, сопричастности и симпатии к компании, что приводит к долгосрочному удержанию клиентов и их поддержке. Клиенты более склонны выбирать товары или услуги определенного бренда, а не его конкурентов, распространять положительные отзывы и оставаться с брендом даже при наличии конкурирующих товаров, если у них есть эмоциональная связь с брендом [1–5].

Сегодня эмоциональная лояльность выходит за рамки традиционной лояльности клиентов и затрагивает более глубокие эмоциональные связи клиентов с брендом. Эта мощная форма лояльности дает несколько ключевых преимуществ:

1) Повышение уровня удержания клиентов. Клиенты, эмоционально привязанные к бренду, реже переходят к конкурентам, что приводит к повышению уровня удержания.

2) Повышение лояльности к бренду. Эмоционально лояльные клиенты часто становятся амбассадорами бренда и с энтузиазмом продвигают его с помощью сарафанного радио и социальных сетей, эффективно стимулируя органический маркетинг.

3) Более высокая пожизненная ценность клиента: такие клиенты со временем тратят больше, поскольку эмоциональная связь с брендом побуждает их совершать частые покупки и пробовать новые предложения.

4) Устойчивость к изменениям на рынке. Бренды, с которыми у потребителей сильная эмоциональная связь, лучше справляются с колебаниями рынка и конкурентным давлением, поскольку их клиенты остаются лояльными даже в трудные времена.

5) Ценные отзывы и идеи. Клиенты, испытывающие эмоциональную привязанность, с большей вероятностью оставят искренний отзыв и поделятся практическими идеями по улучшению продукта или услуги.

6) Эффективность персонализированного маркетинга: он позволяет проводить более эффективный персонализированный маркетинг, поскольку бренды понимают потребности и предпочтения клиентов и учитывают их.

В мире, где люди ищут не только продукты, но и впечатления и эмоции, бренды должны научиться вызывать настоящие чувства у своей аудитории. Успешный эмоциональный брендинг помогает выделиться среди конкурентов и строить долгосрочные отношения на основе доверия и лояльности.

Формируя эмоциональную лояльность, бренды могут выстроить более устойчивые и выгодные отношения со своими клиентами, превратив их в долгосрочных партнеров, а не в разовых покупателей.

В арсенале маркетологов существует множество инструментов, направленных на укрепление эмоциональной связи между брендом и его аудиторией. Эффективное использование этих инструментов позволяет не только привлечь внимание потребителей, но и вызвать у них сильные положительные эмоции, которые способствуют повышению лояльности и узнаваемости бренда.

Эмоциональный брендинг включает в себя использование различных инструментов для построения глубокой связи с аудиторией. Вот некоторые из них [6]:

1. Визуальный брендинг.

Логотип, цвета и шрифты – это важнейшие элементы визуального восприятия бренда. Они должны вызывать положительные эмоции и помогать бренду выделяться на фоне конкурентов. Например, красный цвет вызывает активность и страсть, а синий – доверие и спокойствие. Визуальные элементы создают и поддерживают узнаваемость бренда, но они также могут вызывать эмоции и тем самым укреплять связь между брендом и потребителем, выходящую за рамки простого узнавания.

2. Сторителлинг (рассказ историй).

Сторителлинг – создание увлекательных историй, которые отражают ценности и миссию бренда, позволяет затрагивать глубокие эмоциональные струны у аудитории. На протяжении веков люди использовали истории для установления связей. Истории делают бренды более понятными, чем просто факты и цифры. Рассказывание историй – один из самых мощных инструментов эмоционального брендинга. Истории могут быть как о продукте, так и о потребителях, показывая, как бренд помогает людям достигать их целей. Сторителлинг помещает факты в контекст, благодаря чему аудитории легче воспринимать и запоминать представленную информацию [2].

3. Контент-маркетинг.

Создание вдохновляющего контента (видео, статьи, посты в социальных сетях) помогает углубить эмоциональную связь с аудиторией. Этот контент может быть полезным, интересным и вдохновляющим.

4. Персонализация.

Персонализация – адаптация коммуникаций под интересы и предпочтения конкретного потребителя, что создает ощущение уникального отношения и заботы со стороны бренда. Предоставление персонализированного опыта помогает удовлетворить потребности клиентов и вызывает их положительные эмоции.

5. Социальные сети

Социальные сети позволяют компаниям напрямую взаимодействовать с потребителями, узнавать их мнение и оперативно отвечать на их вопросы, тем самым формируя эмоциональную привязанность к своим клиентам. Активно участвуя в диалогах, бренды могут продемонстрировать внимание к деталям, эмпатию по отношению к клиентам и готовность удовлетворить их потребности [5].

Онлайн-профиль бренда укрепляется за счет участия в полезных обсуждениях, публикации содержательных материалов и открытого решения проблем клиентов. Это также помогает выстраивать эмоциональные отношения с покупателями

6. Эмоциональные маркетинговые кампании.

Яркие и трогательные рекламные кампании, апеллирующие к чувствам, могут значительно повысить вовлеченность. Такие кампании способны вызвать сильные эмоции и укрепить связи с клиентами.

7. Клиентский сервис.

Качественный и внимательный клиентский сервис способствует созданию положительных эмоций у потребителей, делая их взаимодействие с брендом еще более приятным.

8. Сенсорное воздействие.

Использование запахов, музыки, текстур и других сенсорных элементов значительно усиливает эмоциональное восприятие бренда. Например, уникальный аромат в магазине или специальная музыка создают нужную атмосферу.

9. Интерактив.

Интерактивные элементы – привлечение потребителей к участию в жизни бренда через конкурсы, опросы и игры, что усиливает их эмоциональную вовлеченность.

10. Ответственность.

Социальная ответственность – демонстрация заботы бренда о социальных проблемах и участие в благотворительных проектах повышает доверие и симпатию к бренду.

Эмоциональный брендинг не требует большого маркетингового бюджета. Можно выделить несколько советов, которые помогут компаниям использовать данную стратегию:

1. Выяснить, что беспокоит целевую аудиторию и какие эмоции вызывает у нее контент.

2. Создать убедительную историю бренда, которая вызовет эмоциональный отклик у аудитории. Нужно уделить внимание повествованию, а не на перечислении фактов и цифр.

3. Важно выбрать элементы дизайна так, чтобы они соответствовали истории бренда.

4. Собрать конкретные отзывы, основанные на эмоциональных реакциях.

Эмоциональный брендинг способен устанавливать более глубокие и долгосрочные связи с потребителями. Лояльность к бренду может показаться не такой важной для роста компании, как привлечение новых клиентов. Но если сравнить влияние десятикратных покупок одного клиента с привлечением нового клиента, который совершает одну покупку, ценность лояльности к бренду становится очевидной.

Список литературы

1. Дятлова Е., Ядерная Д. Бренд-платформа: как создать фундамент бренда, который ведет к росту. М. : Альпина Паблишер, 2024. 240 с.

2. Каплунов Д. Копирайтинг массового поражения: почему одни тексты продают, а другие нет. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2024. 336 с.

3. Музыкант В. Л. Реклама и PR-технологии в бизнесе : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью». М. : КноРус, 2023. 704 с.

4. Романенко Е. А., Мордашова С. Ю. Создание бренда работодателя и усиление eNPS: лучшие HR-практики : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2023. 207 с.

5. Савельев Д. В. Нейромаркетинг. Как влиять на решения потребителей в цифровой среде. СПб. : Питер, 2023. 304 с.

6. Эмоциональный брендинг: как вовлечь аудиторию и создать глубокую связь с клиентами // ROCK-WELL : сайт. URL: https://rock-well.ru/tpost/kxxhctexx1-emotsionalnii-brending-kak-vovlech-audit?ysclid=mh29t4xzdq172406452

УДК 659

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ВИДЫ ИНФЛЮЕНС-МАРКЕТИНГА

Маргарита Александровна Рязанцева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Использование инструментов рекламы, PR и маркетинга позволяет не только достигать краткосрочных целей, но и формировать долгосрочные стратегии и успешно развивать бизнес. Маркетинг охватывает широкий спектр методов, направленных на продвижение товаров и услуг. Реклама является неотъемлемой частью маркетинга, уровень развития рекламы определяет качество и эффективность рекламно-информационной деятельности компании и позволяет конкурировать с лидерами рынка. PR и маркетинг взаимодополняют друг друга, а их интеграция становится залогом успеха бизнеса.

В эпоху развития технологий наблюдаются изменения традиционных методов маркетинга. Инфлюенс-маркетинг представляет собой инновационную и современную стратегию маркетинговых коммуникаций, способствует продвижению уникального контента в цифровой среде и относится к цифровому маркетингу [1]. Механизм реализации инфлюенса-маркетинга заключается в привлечении внимания аудитории через влияние популярных личностей, обладающих значительным количеством подписчиков и репутацией в определенной сфере.

Также стоит отметить, что инфлюенс-маркетинг выделяют как технологию цифрового PR, так как ее психологическая основа это – доверие авторитету. Маркетинг влияния известен со вто-

рой половины XX в. как селебрити-маркетинг или маркетинг знаменитостей – инструмент для обращения к целевой аудитории устами популярных и известных личностей, которых целевая аудитория слушает, уважает и примеру которых она следует [10]. Главный принцип инфлюенс-маркетинга – нативная и ненавязчивая коммуникация с целевой аудиторией через рекомендации лидеров мнений.

В инфлюенс-маркетинге важно учитывать как специфику целевой аудитории, так и особенности работы с лидерами мнений.

Инфлюенсеры, как доверенные посредники, обладают способностью устанавливать эмоциональную связь с аудиторией, повышать узнаваемость бренда и сформировать позитивное восприятие уникального контента брендов. В свою очередь, создание уникального контента предоставляет инфлюенсерам рамки и структуру для стратегического развития контента и повышения их коммерческой ценности [2]. Чтобы повысить эффективность взаимодействия и снизить риски, необходимо тщательно выбирать блогеров, составлять детальные договора и брифы, оценивать результаты интеграций.

Современные методы инфлюенс-маркетинга подстраиваются под изменяющиеся условия рынка и предпочтения потребителей, что требует постоянного анализа и переосмысления подходов [7].

К современным методам инфлюенс-маркетинга относятся:

1) долгосрочные партнёрства [6];

2) сотрудничество с микроинфлюенсерами;

3) создание качественного и уникального контента (рекламные интеграции);

4) интерактивные кампании (розыгрыши, опросы, конкурсы и т.д.);

5) короткие видеоклипы;

6) пользовательский контент (отзывы о продуктах, рекомендации) [3, 5, 8, 9];

7) событийный маркетинг (мероприятия и прямые трансляции).

Бренды стараются устанавливать долгосрочные отношения с инфлюенсерами, что позволяет создавать целостные и эффективные кампании. Инфлюенсеры, в свою очередь, могут становится послами бренда, получать от них подарки и приглашения на мероприятия.

Также ещё одной тенденцией инфлюенс-маркетинга является сотрудничество с микроинфлюенсерами. Бренды всё чаще выбирают микроинфлюенсоров, так как они обладают значительным влиянием на потребительские предпочтения своей целевой аудитории.

Нишевые инфлюенсеры, обладающие глубокой экспертизой в определенных сферах, таких как косметика, путешествия, гаджеты, мода, кулинария, здоровье, спорт и искусство, обладают значительным влиянием на потребительские решения своей аудитории. В отличие от широко известных макро-инфлюенсеров, нишевые инфлюенсеры создают тесную эмоциональную связь с аудиторией, основанную на взаимном доверии и общих интересах. Эта модель коммуникации позволяет брендам более эффективно донести свое послание до целевой аудитории, повышая уровень доверия к продукту или услуге [4].

Создание качественного и уникального контента позволяет брендам отражать свои ценности и привлекать новые сегменты целевой аудитории. Видеобзоры продуктов, посты и истории в социальных сетях, которые публикуют инфлюенсеры, намного эффективнее влияют на поведение аудитории, чем традиционные методы рекламы.

Проведение интерактивных кампаний позволяет вовлечь аудиторию и способствует повышению охвата рекламного обращения.

Короткие видеоклипы пользуются сейчас большой популярностью из-за своей доступности и быстроты восприятия. Бренды при продвижении своих продуктов, продумывают тщательно не только форматы видео, но и подбирают инфлюенсеров, которые в креативной и интересной форме смогут прорекламировать их продукцию.

Проведение мероприятий, event позволяет брендам и компаниям доносить свои ценности, транслировать философию компании и привлекать новых партнёров.

Отзывы и рекомендации инфлюенсеров формируют доверие аудитории к бренду.

Виды инфлюенс-маркетинга описывают форматы взаимодействия и сотрудничества с инфлюенсерами. К видам инфлюенс-маркетинга относят:

1) спонсируемый контент (бренды платят инфлюенсерам за создание и размещение контента о продукции на их платформах);

2) аффилиатный маркетинг (инфлюенсеры получают комиссионные за каждую продажу, произведенную по их уникальным ссылкам или коду);

3) долгосрочные партнёрства (инфлюенсеры становятся амбассадорами бренда, поддерживая его на протяжении длительного времени);

4) событийные маркетинг (инфлюенсеры участвуют в мероприятиях, организованных брендом);

5) краудсорсинговый контент (бренды стимулируют своих клиентов и инфлюенсеров создавать контент, используя их продукцию)

6) сотрудничество с микро и макро инфлюенсерами;

7) короткий формат видео

8) контент, ориентированный на UGC (User-Generated Content) (бренды поощряют пользователей создавать и делиться контентом, связанным с их продукцией).

Инфлюенс-маркетинг как современный инструмент маркетинговых коммуникаций работает намного эффективнее, если планирование и организация процесса происходит с учётом специфики деятельности компании. Привести бренд или кампанию к успеху поможет регулярный контент, размещение публикаций на топовых и популярных интернет-площадках, взаимодействие с аудиторией, правильный выбор инфлюенсеров и оценка эффективности.

Список литературы

1. Бунько С. А., Якубюк В. В. Перспективы развития инфлюенс-маркетинга в современных условиях // Тенденции развития науки, образования и экономики в эпоху цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Липецк, 28 апреля 2022 г.). Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 17–22.

2. Вебер М. Стратегии и методы инфлюенс-маркетинга: уникальный контент как фактор эффективности // Символ науки. 2024. № 10-1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-metody-inflyuens-

marketinga-unikalnyy-kontent-kak-faktor-effektivnosti (дата обращения: 20.10.2025).

3. Иванченко О. В. Использование пользовательского контента в цифровой маркетинговой стратегии компаний // Предпринимательство, маркетинг и логистика в цифровой экономике : материалы Всерос. конф. (г. Орел, 28 октября 2022 г.). Орел : Орловский гос. ун-т имени И. С. Тургенева, 2023. С. 172–177.

4. Ильина И. А., Десятов Б. С., Струлев И. К. Инфлюенс-маркетинг как социальная технология продвижения образовательных услуг // Социология и право. 2022. Т. 14, № 3. С. 306–317.

5. Influence-маркетинг: как продвигать товары и услуги через лидеров мнений (2022) // Martrending. URL: https://martrending.ru/smm/influencemarketing?ysclid=ln70av0ga8614516901 (дата обращения: 20.10.2025).

6. Курасова О. В., Ринчинова А. Г. Особенности продвижения брендов по партнёрской механике в инфлюенс-маркетинге // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 7-1. С. 33–40.

7. Миргородская О. Н., Писарева Е. В., Дзотцоева К. А. Влияние цифровых технологий маркетинга на поведение потребителей // Устойчивое развитие сферы товарного обращения и услуг в условиях санкционных ограничений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, студентов и молодых ученых (г. Ростов-на-Дону, 27 мая 2022 г.). Ростов н/Д. : Ростовский гос. эконом. ун-т «РИНХ», 2022. С. 48–51.

8. Отойкова Я. С., Шишкина Д. Р. Инфлюенс-маркетинг как инструмент повышения эффективности продвижения бренда // Современные проблемы и перспективы развития индустрии гостеприимства и сферы услуг : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (г. Владимир, 15–16 ноября 2023 г.). Владимир : Владимир. гос. ун-т имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2023. С. 228–232.

9. Писарева Е. В. Инфлюенс-маркетинг как инструмент эффективной коммуникации в цифровой среде // Beneficium. 2023. № 4 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inflyuens-marketing-kak-instrument-effektivnoy-kommunikatsii-v-tsifrovoy-srede (дата обращения: 20.10.2025).

10. Чибисова Е. А., Кулюдина А. С. Инфлюенс-маркетинг: преимущества, риски, рекомендации // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inflyuens-marketing-preimuschestva-riski-rekomendatsii (дата обращения: 20.10.2025).

УДК 339.138

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕСТИНАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРОДВИЖЕНИЯ

Елена Викторовна Балахонова[1], Маргарита Евгеньевна Нагорнова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Современная индустрия туризма функционирует в условиях высокой конкуренции: страны и регионы стремятся сформировать привлекательный для потенциальных туристов образ, привлечь к себе внимание на глобальном рынке. Центральным элементом этих процессов становится туристическая дестинация, которая может рассматриваться не только как совокупность природных, культурных и инфраструктурных ресурсов, но и как комплексный объект продвижения, которому необходим системный подход к управлению и маркетингу.

В научной литературе понятие «туристическая дестинация» впервые зафиксировано в 1979 г. в работах австралийского учёного, сотрудника Школы бизнеса и административных исследований Сиднейского технического колледжа Нейла Лейпера (*Neil Leiper*), который в своей модели туристической системы выделил дестинацию как территорию, куда направляется турист и где происходит основное взаимодействие с туристическим продуктом [13]. Помимо самой туристической дестинации, в модель Н. Лейпера входят и другие элементы: туристы, индустрия туризма и географический компонент, который подразделяется на регион, порождающий туристов, транзитный регион и регион туристической дестинации [4].

В дальнейшем многие исследователи считали необходимым расширить модель Лейпера. Так, американский специалист по маркетинговым исследованиям и консалтингу Стэнли Клемент Плог (*Stanley Clement Plog*), связал развитие дестинации с психографическими характеристиками туристов, а именно: интеллектуальным уровнем туристских запросов, требованиями к комфорту во время путешествий, степенью консерватизма, склонностью к переменам, готовностью к приключениям и риску [6].

Американский специалист в области управления гостиничным бизнесом и туризмом Ричард Вильям Батлер (*Richard William Butler*) разработал модель жизненного цикла туристической дестинации, согласно которой она (дестинация) последовательно проходит пять этапов своего развития на свободном рынке при стабильном спросе: разведка, вовлечение, развитие, укрепление и стагнация [1].

Швейцарский исследователь Клод Каспар (*Claude Kaspar*) рассматривал дестинацию как точку кристаллизации спроса, подчеркивая её ключевое значение для развития туристического бизнеса. В рамках данного подхода туристическая местность выступает не только в роли коллективного производителя, но и как туристический продукт [3].

Директор датского Исследовательского центра туризма Вольфганг Фрамке (*Wolfgang Framke*) отметил, что термин «дестинация», несмотря на широкое использование, не имеет комплексного объяснения в науке. Он выделил два подхода к его пониманию: классический (бизнес-ориентированный) и социокультурный. Фрамке рассматривал дестинацию как сочетание интересов, услуг, инфраструктуры и аттракций[7], формирующих идентичность места. Она объединяет в себе два аспекта: статический (территория) и динамический (деятельность агентов и меняющийся под спрос набор услуг) [10].

Многогранность феномена туристической дестинации отражается в количестве существующих классификаций, которые варьируются от географических и пространственных до функциональных и поведенческих. Перечислим основные из них.

Профессор туризма в Лидском университете Беккета (Великобритания) Крис Купер **(***Chris Cooper*) и его соавторы предлагают классифицировать дестинации по целенаправленности их формирования, выделяя: столичные города; центры целенаправленного развития местных обычаев и культуры для привлечения туристов; города – центры для туров; центры, специально построенные для туристов [9].

Профессор менеджмента в области туризма в Университете Западной Англии Кристофер Холлоуэй (*Christopher Holloway*) использует критерий расположения основных достопримечательностей, различая узловые и линейные дестинации [11].

---

[7] Объект или система объектов, которые способны возбудить туристский интерес, легко доступны туристам и формируют у них позитивное восприятие путешествия; объекты показа и развлечения.

Американский экономист и маркетолог Филип Котлер (*Philip Kotler*) классифицирует туристические дестинации по количеству расположенных на их территории достопримечательностей, выделяя макро- и микродестинации. Макродестинации объединяют несколько туристических центров или целые регионы, тогда как микродестинации охватывают отдельные города или курорты [12].

Швейцарский бизнес-управленец и учёный-экономист Томас Андреас Бигер (*Thomas Andreas Bieger*) в свою очередь предлагает классификацию по уровню охвата территории, выделяя дестинации масштаба континента, международного региона, страны, туристического региона, города, туристического центра или местности, а также отдельных аттрактивных (привлекательных для туристов) точек [8].

Российские специалисты в области гостиничного и туристического менеджмента Михаил Анатольевич Морозов и Марина Николаевна Войт считают, что дестинации целесообразно классифицировать, исходя из двух ключевых факторов, влияющих на выбор туриста, – степени его осведомлённости о дестинации и уровня её привлекательности. На этой основе исследователи выделили следующие типы дестинаций: осознанно привлекательные, осознанно недоступные, незнакомые, нейтральные, дестинации с низкой степенью привлекательности, инертные и «горящие» дестинации [3].

Таким образом, основываясь на вышеприведённых разработках зарубежных и отечественных учёных, можно обозначить основные свойства и характеристики туристической дестинации:

1) дестинация представляет собой территориально ограниченную систему, объединяющую природные, культурные, инфраструктурные и социальные ресурсы для привлечения и обслуживания туристов;

2) дестинация выступает центральным элементом туристической системы, который обеспечивает взаимодействие между туристом и туристическим продуктом;

3) у дестинации динамический, открытый и адаптивный характер, что означает, что она может изменяться под влиянием внешних факторов;

4) для дестинации характерна конкурентоспособность, ключевыми факторами тут выступают привлекательность, качества услуг и состояние инфраструктуры;

5) дестинации свойственна цикличность развития: она проходит стадии жизненного цикла от зарождения до зрелости и стагнации;

6) важной характеристикой дестинации выступает её восприятие туристом, где важны имидж, ожидания и личные мотивы путешественника.

Позиционирование, продвижение и управление туристической дестинацией являются ключевыми задачами при формировании её привлекательности с точки зрения туристов, отмечают авторы монографии «Развитие туристских дестинаций: модели, методы, инструменты». При этом учёные отмечают, что эффективная реализация этих мероприятий невозможна без чёткого понимания сущности туристической дестинации и существующих подходов к её определению [5].

Говоря о продвижении туристической дестинации, стоит отметить, что маркетинг ставит задачу выявить и подчеркнуть её уникальные особенности, сформировать привлекательный образ, который выделит дестинацию среди конкурентов (часто весьма многочисленных).

Специалист в области связей с общественностью Лилия Геннадьевна Кирьянова определяет маркетинг туристических дестинаций как управленческий процесс, в рамках которого органы управления дестинацией и бизнес выделяют целевые группы туристов – текущих и потенциальных – и устанавливают с ними коммуникацию для выявления и влияния на их желания, потребности, мотивацию, предпочтения и отношения, связанные с принятием решений о путешествии. Кроме того, по мнению Кирьяновой, в этом процессе осуществляется формирование и адаптация туристического продукта в соответствии с потребностями туристов с целью достижения их максимального удовлетворения [2].

Одним из ключевых направлений продвижения дестинации является территориальный брендинг. Согласно его положениям, у дестинации должна быть уникальная идентичность, выраженная через символы, визуальный стиль, культурные коды и коммуникационные стратегии. По мнению автора этой концепции британского специалиста в области построения бренд-имиджа государства, национальной идентичности и репутации Саймона Анхольта (*Simon Anholt*), бренд территории складывается из восприятия её туристами, инвесторами и жителями [7]. Анхольт

сформулировал концепцию идентичности современного бренда территории, которая формируется под влиянием шести ключевых элементов, представленных в виде шестиугольника, в центре которого находится сам бренд: люди, культура, бизнес и инвестиции, внутренняя и внешняя политика, экспортные бренды и туризм. Успешное продвижение территории будет зависеть от гармоничного сочетания этих факторов, которое также должно способствовать созданию позитивного имиджа, привлекательного для жителей, инвесторов, туристов и деловых партнеров.

Таким образом, туристическая дестинация в современном понимании выступает не только как территория, обладающая туристическими ресурсами, но и как комплексный объект стратегического продвижения и управления. Её успешное развитие будет складываться из способности формировать конкурентоспособный имидж, выстраивать эффективные коммуникации с целевыми аудиториями и адаптироваться к изменениям внешней среды.

Список литературы

1. Гончарова Н. А., Кирьянова Л. Г. Управление жизненным циклом дестинации // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-zhiznennym-tsiklom-destinatsii (дата обращения: 29.08.2025).

2. Кирьянова Л. Г. Маркетинг дестинаций как современный подход к управлению туристским регионом // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketing-destinatsiy-kak-sovremennyy-podhod-k-upravleniyu-turistskim-regionom/viewer (дата обращения: 11.10.2025).

3. Морозова М. А., Войт М. Н. Теоретико-экономическое содержание понятия «туристская дестинация» // Вестник Российского нового университета. 2013. № 2. С. 188–195.

4. Сухов Р. И. Организация туристской деятельности : учеб. пособие. Ростов н/Д. : Южный федер. ун-т, 2016. 267 с.

5. Тимиргалеева Р. Р., Гришин И. Ю., Матюнина М. В. [и др.]. Развитие туристских дестинаций: модели, методы, инструменты : монография. Майкоп : ЭлИТ, 2020. 292 с. URL: https://201824.selcdn.ru/elit-125/pdf/9785604474525.pdf

6. Чученкова О. А., Голомидова Е. С. Отечественные и зарубежные концепции в географии туризма // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennye-

i-zarubezhnye-kontseptsii-v-geografii-turizma/viewer (дата обращения: 29.08.2025).

7. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. New York : Palgrave Macmillan, 2007. 149 p.

8. Bieger T. Management von Destinationen. Oldenburg, München und Wien, 2008. 365 p.

9. Cooper C., Fletcher J., Gilbert D. [et al.] (eds). Tourism: Principles and Practices. 3nd ed. Harlow: Prentice Hall, 2005. 842 p.

10. Framke W. The Destination as a Concept: A Discussion of the Business-related Perspective versus the Socio-cultural Approach in Tourism Theory // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2002. № 2 (2). P. 92–108.

11. Holloway Ch. J. The Business of Tourism. Harlow, England; New York : Financial Times Prentice Hall, 2006. 716 p.

12. Kotler P. Marketing for Hospitality and Tourism. New Jersey : Pearson Prentice Hall : Upper Saddle River, 2006. 893 p.

13. Leiper N. The framework of tourism: towards a definition of tourism, tourist, and the tourist industry // Annals of Tourism Research. 1979. № VI (4). P. 390–407.

УДК 659.1:004.8

ГИБРИДНАЯ МОДЕЛЬ В РЕКЛАМНЫХ КРЕАТИВАХ: КАК СОВМЕСТИТЬ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ДЛЯ ИЗБЕГАНИЯ РЕПУТАЦИОННЫХ РИСКОВ И УСИЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Наталья Владимировна Розенберг[1], Анастасия Михайловна Андрюшечкина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

За последние несколько лет искусственный интеллект (ИИ) стал одним из ключевых факторов, повлиявших на трансформацию всей рекламной индустрии. По данным АКАР за 2024 год уже 97 % российских компаний используют искусственный интеллект в своей работе. Интересен и тот факт, что 55 % организаций создают на базе ИИ свои технологические решения [2]. По данным опроса одними из самых популярных инструментов

являются ChatGPT, Midjourney, DALL-E или YandexGPT. Пользуются также и Gen-3 Alpha, Stable Diffusion, Suno [2].

По данным исследований АКАР нейросети применяются для всех ключевых этапов создания медиаконтента: от генерации идеи, до оптимизации медиапланирования. Наиболее популярные направления включают:

- Генерацию текстов и сценариев для рекламных кампаний;
- Создание визуальных материалов и адаптацию изображений под различные целевые аудитории;
- Автоматизацию медиааналитики и прогнозирование эффективности размещений;
- Работу с персонализированными предложениями на основе данных пользователей [2].

Однако стоит отметить, что внедрение нейросетей и искусственного интеллекта не всегда дает только положительный эффект, его бездумное применение несет серьезные репутационные риски для брендов. В данном случае возможны и усталость от нейроконтента, и снижение заинтересованности аудитории после того, как она узнает, что рекламный материал был создан при помощи ИИ. Поэтому большое значение при организации работы агентства или рекламного специалиста имеет создание гибридной модели взаимодействия с нейросетями [3].

Кроме того, на данный момент отсутствуют нормы контроля ИИ-контента, растёт риск распространения недостоверной информации, нет четко сформулированный правил работы с авторским контентом в сфере искусственного интеллекта. Самым важным аспектом при работе с нейросетью является то, что на данный момент пока законодательно не закреплено, кто является ответственным за контент, создаваемый ИИ.

Помимо всего прочего нейросеть не способна по-настоящему творить. Ее деятельность основана на уже существующих паттернах, что не позволяет создавать интуитивные и эмоционально насыщенные инсайты [1]. Для нее пока не свойственно чувство эмпатии, она лишь ориентируется на те ситуации, в которых ее обучали. Итоговый результат при работе с ИИ может получаться достаточно красочным, но какие-то глубинные темы он затронуть не может.

Также наблюдается и отторжение нейросетевого контента у аудитории. По данным исследований человек гораздо лучше воспринимает ту информацию, которую предоставляет ему ИИ, но, как только опрашиваемые узнавали, что для них этот контент подготовил искусственный интеллект, то они сразу же начинали отрицать приемлемость данного сообщения для них [3]. Так проявляется «эффект авторства ИИ, который привод к появлению эффекта «зловещей долины»: искусственно созданные реалистичные картины мира и живых существ вызывают отторжение у человека из-за возникновения тревоги и отвращения к таким картинам и объектам.

Отсюда возникает необходимость в создании гибридной модели взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Это позволят сделать так, чтобы криэйтор и ИИ были равноправными участниками креативного процесса. При таком подходе искусственный интеллект это только вдохновение для специалиста, а не полноценная его замена. Он убирает рутину из рабочего процесса и оставляет больше времени на создание по-настоящему ценного продукта.

Для успешной интеграции искусственного интеллекта в деятельность компании можно придерживаться следующих моментов:

1. Следует проанализировать какие задачи может выполнять ИИ для повышения эффективности работы компании.
2. Для старта работы с нейросетями необходимо делать пробные запуски и, учитывая их ошибки, уже внедрять технологии в основные проекты.
3. Не стоит забывать и об обучении сотрудников, чтобы сформировать культуру взаимодействия с ИИ.
4. Самое главное – это использовать ИИ не как замену человека, а как его дополнение.

Также здесь стоит отметить, что в данном случае очень важен человеческий контроль за деятельностью нейросети. Для оценки эффективности такой рекламы можно использовать стандартные методы такие как A/B-тестирование, анализ показателей вовлечённости, глубины взаимодействия с контентом [4].

Возможны и нейромаркетинговые методы: отслеживание движений глаз (eye-tracking), измерение активности головного мозга (EEG-анализ), изучение эмоциональных реакций по мимическим и физиологическим показателям. Эти анализы позволяют

определить, есть ли эмоциональный отклик у человека на рекламный продукт, созданный при помощи ИИ, или эта реакция отсутствует.

Но на данный момент стали формировать новые метрики, которые создает сам искусственный интеллект. Новые метрики, генерируемые искусственным интеллектом, позволяют оценивать и анализировать ранее неизмеряемые параметры коммуникации визуальный стиль, выразительность, индекс эмоциональной вовлеченности, соответствие ожиданиям потребителей. Эти показатели дают возможность анализировать не только количественные, но и качественные аспекты взаимодействия, отслеживая скрытые паттерны восприятия информации аудиторией.

В результате всех этих действий можно достигнуть баланс между машинной и человеком, где машина лишь помогает генерировать более качественный контент, а не заменяет полностью специалиста. Создание именно гибридной модели взаимодействия является основным направлением работы компаний с нейросетями. Такой симбиоз позволяет сохранить креативность и эмоциональный интеллект человека, дополняя их аналитической мощью и скоростью обработки данных ИИ. В результате специалисты могут сосредоточиться на стратегических задачах и творческой составляющей, передавая алгоритмам рутинные операции и первичный анализ данных. Именно такой подход позволяет сохранить баланс между человечностью и технологичностью. Таким образом, будущее рекламы не в противостоянии человека и машины, а в их грамотном симбиозе.

Список литературы

1. Анненкова А. В. Искусственный интеллект и нейронные сети в рекламной индустрии: новый тренд на автоматизацию и симбиотическое сосуществование человека и технических инноваций // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 10 (148). С. 1–7. doi: 10.60797/IRJ.2024.148.49

2. Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР). Искусственный интеллект и нейросети в коммуникационной индустрии : аналитический отчёт / Ассоциация коммуникационных агентств России. М. : АКАР, 2024. 40 с. URL: https://akarussia.ru/download/issledovanie-ii.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

3. Почему наш мозг саботирует ИИ-рекламу: три причины // Habr. 2024. URL: https://habr.com/ru/articles/933936/ (дата обращения: 16.10.2025).

4. Шабан А. П., Тупицына М. Д., Филатов Е. А. Рекомендации по оценке эффективности использования искусственного интеллекта для целей маркетинга // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 2. С. 29–34.

УДК 659

ВИЗУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Анна Юрьевна Питерова[1],
Богдан Павлович Киреев[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Визуальные доминанты представляют собой один из наиболее действенных инструментов в практике современного градостроительства и дизайна городской среды. Архитектурная доминанта – это выделяющийся элемент городской застройки, который становится центральным ориентиром в пространстве и служит визуальным символом города [4]. Согласно исследованиям, около 75 % жителей крупных городов ориентируются именно по архитектурным доминантам, воспринимая их как узнаваемые символы и точки притяжения [2].

Значимость визуальных доминант в организации городского пространства сложно переоценить, так как от грамотного их использования зависит не только эстетика городского ландшафта, но и функциональность пространства, качество жизни горожан и их эмоциональная привязанность к среде. В условиях глобализации, когда города сталкиваются с проблемой утраты культурной самобытности, архитектурные доминанты становятся инструментом устойчивого развития и средством укрепления местной идентичности [6].

Визуальная доминанта в архитектуре и градостроительстве определяется как элемент городской среды, который обладает

высокой степенью визуальной значимости и служит ориентиром в городском пространстве [2]. Основные характеристики архитектурной доминанты включают высоту, расположение, форму, функциональное назначение и роль в общем силуэте городской панорамы.

Историческое развитие концепции доминант показывает, что их создание было связано с формированием уникального образа городов [4]. Архитектурные доминанты служили не только практическим целям навигации, но и выражали социально-идеологические устремления общества. Вертикальная доминанта традиционно олицетворяла иерархическую структуру общества и силу власти.

Визуальные доминанты характеризуются несколькими ключевыми свойствами: они видны издалека с разных точек города, обладают запоминающейся формой и силуэтом, выделяются на фоне окружающей застройки благодаря масштабу, цвету или необычной архитектурной композиции [5]. Примерами таких объектов служат исторические памятники – Исаакиевский собор и Петропавловская крепость в Санкт-Петербурге, Эйфелева башня в Париже, сталинские высотки и комплекс «Москва-Сити» в столице России.

В современной градостроительной практике выделяют несколько типологий архитектурных доминант. Первая и наиболее традиционная классификация разделяет доминанты на два основных типа: высотные и стилистические. Высотные доминанты – это тонкие вертикальные конструкции, которые выделяются своей высотой над окружающей застройкой и видны издалека. Они создают четкую структуру городского пространства, формируя узнаваемый силуэт города. Такие доминанты исторически становились центрами концентрации значимых функций: храмы, здания органов власти, вокзалы, деловые центры. Стилистические доминанты характеризуются существенным стилевым контрастом с прилегающей городской застройкой [3]. Они провоцируют визуальное выделение благодаря уникальной архитектурной композиции, необычным материалам, цветовым решениям или формам, а не только благодаря высоте.

Помимо вышеуказанной классификации, современные исследователи выделяют горизонтальные или функциональные доминанты, которые влияют на город не за счет размеров или

местоположения, а благодаря привлекательности их функционального решения [1]. Это могут быть крупные торговые, деловые, общественные центры, которые становятся центрами притяжения для социальных активностей и интенсивного использования городского пространства.

Визуальные доминанты выполняют множество важных функций в организации городского пространства. Первостепенное значение имеет ориентационная функция – доминанты служат ориентирами для жителей и посетителей города, облегчая навигацию и восприятие городской среды [2]. Они создают систему ориентиров, позволяя людям быстро определить свое местоположение и найти желаемое направление движения.

Композиционная функция доминант связана с формированием гармоничного облика городской среды. Архитектурные доминанты задают определенный ритм городской застройке, создавая чередование акцентов и фона, что предотвращает монотонность композиции, особенно в районах с плотной жилой застройкой.

Идентификационная функция заключается в том, что доминанты формируют уникальный образ города и его идентичность [4]. Они воспринимаются не только жителями как символы города, но и транслируются в медиа, графических материалах и сувенирной продукции, способствуя формированию городского бренда. Городские доминанты становятся тем, благодаря чему город узнается, а его образ запоминается как жителями, так и туристами.

Социокультурная функция визуальных доминант выражается в их способности служить точками притяжения для социальных активностей и мероприятий. Доминанты часто располагаются на городских площадях, в узлах пересечения транспортных магистралей, создавая новые центры притяжения и стимулируя развитие прилегающих территорий.

Архитектура в целом и визуальные доминанты в частности играют ключевую роль в создании уникального облика города и формировании его идентичности [4]. Форма и стиль архитектуры служат визуальным символом города, выражая его культурные ценности, исторические корни и стремление к будущему.

Архитектурная идентичность приобретает значение устойчивой ценности, формирующей образ города в сознании его жителей и гостей. При анализе архитектуры как идентичности

выделяют три уровня: региональный, городской и объектный. На каждом из этих уровней архитектура несет ответственность за полноту воплощения культурного содержания и соответствия ландшафтно-климатическим условиям местности.

Процесс формирования архитектурной идентичности тесно связан с воплощением локальных традиций, культурных кодов и ремесленных традиций в структуру городской среды. Визуальные доминанты становятся средством сопротивления универсальному обезличиванию архитектурных решений и сохранения культурной самобытности в условиях глобализации.

Современные подходы к приданию зданиям, улицам, кварталам и городам «неповторимости» и «своеобразия» включают различные варианты синтеза средств выразительности в городской среде: благоустройство, установку памятных знаков и декоративной скульптуры, создание ландшафтных композиций и монументальной живописи [6].

В XXI веке парадигма формирования визуальных доминант претерпевает значительные изменения. Основополагающей парадигмой градостроительной идеологии нового века в мировой практике стали идеи реконструкции и ревитализации городской среды, сосредоточенные на совершенствовании эстетических качеств преобразуемых сооружений и общественных пространств.

Новые доминанты XXI века могут представлять собой как традиционные высотные объекты с необычной запоминающейся формой, так и здания с дискретным обликом – меняющие и дематериализующиеся фасады, скрытые медиа-экранами и цельными медиафасадами, ретранслирующими произвольно заданный контент или реагирующими на внешние природно-климатические факторы [5].

Помимо работы с традиционными архитектурными формами и цветом, визуальные доминанты города цифровой эпохи последовательно развивают восприятие пространства в нескольких уровнях. Высотные сооружения уже сформированной среды могут получить иное звучание в городском контексте путем формирования нового ритма визуальных акцентов через использование масштабных муралов и выделения новых визуальных пятен в городской ткани.

Технологические инновации позволяют интегрировать в городское пространство цифровые элементы: светодиодное освеще-

ние, интерактивные экраны, медиафасады, которые трансформируют визуальное восприятие города и создают новые возможности для формирования городских доминант. Такие решения способствуют многоуровневой функциональной интеграции в городское пространство и усилению образной выразительности современного города.

Визуальные доминанты играют критически важную роль в формировании городского пространства, влияя на ориентацию, эстетическое восприятие и идентичность города. Они служат не только практическими целями навигации, но и выражают культурные ценности, формируют социальные взаимодействия и укрепляют эмоциональную привязанность жителей к месту [2, 4].

Современный подход к проектированию визуальных доминант требует баланса между сохранением исторической идентичности города и его инновационным развитием. Новые доминанты должны вписываться как визуально, так и функционально в существующий городской ландшафт, соответствуя духу и образу места, а не противоречат ему [3].

Таким образом, в цифровую эпоху визуальные доминанты развивают новые формы выражения, интегрируя технологические инновации с традиционными архитектурными принципами. Понимание роли визуальных доминант в формировании городского пространства критически важно для создания комфортной, функциональной и эстетически привлекательной среды, которая отвечает потребностям современного общества и сохраняет культурную идентичность города.

Список литературы

1. Благовидова Н. Г. Динамика городских доминант как основа формирования современного города // AMIT: Архитектура и мысль. 2009. № 4. С. 1–20.

2. Доминанты в архитектуре // RUDESIGNSHOP. URL: https://rudesignshop.ru/blog/dominanty-v-arhitekture/

3. На высоте Петербурга // Коммерсантъ Санкт-Петербург. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5644836

4. Роль архитектуры в формировании идентичности города // ArchandArch. URL: https://www.archandarch.ru/wp-raznoobraznye-stati/rol-arhitektury-v-formirovanii-identichnosti-goroda.html

5. Специфика визуальных доминант в пространстве городов XXI века // Archi.ru. URL: https://archi.ru/elpub/99007/specifika-vizualnykh-dominant-v-prostranstve-gorodov-XXI-veka

6. Эсаулов Г. В. Об идентичности в архитектуре и градостроительстве // Архитектура и современное общество. 2018. № 3. С. 1–15.

УДК 659

ЮМОР В РЕКЛАМЕ: КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ СЕРЬЕЗНОСТЬ БРЕНДА, ОСТАВАЯСЬ СМЕШНЫМ

Анна Юрьевна Питерова[1],
Валерия Павловна Алексеева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Юмор становится все более популярным и востребованным в продвижении бренда, поскольку он способен привлечь внимание аудитории, создать эмоциональное вовлечение и сделать контент уникальным. Юмор в рекламе – это мощный инструмент, который помогает привлечь внимание аудитории, сделать бренд более запоминающимся и человечным. Однако чрезмерное и неуместное использование юмора может подорвать доверие к бренду, особенно если он позиционируется как серьезный и надежный [3].

Ключ к успеху – баланс: юмор должен быть легким, релевантным и не противоречить ценностям бренда. Он не должен оскорблять, быть слишком абсурдным или отвлекать от основного сообщения. Грамотное использование юмора в брендинге разрушает границы и создает дружеские отношения между потребителем и брендом. Это показывает, что компания общается с аудиторией на одном языке и опирается на ценности, важные для нее.

Существует большое количество примеров, когда компания пытается основным инструментом продвижения компании сделать юмор [4]. Но далеко не все из них успешны. Рассмотрим случаи, когда бренды сталкивались с негативной реакцией из-за неудачного юмора или двусмысленной рекламы.

Бренд Burger King – король троллинга в рекламе на протяжении многих лет. Он известен своими провокационными рек-

ламными кампаниями, которые привлекают внимание и вызывают споры. Так, французский Burger King решил порадовать потребителей новой рекламой, но создатели перестарались с креативом. Поющие бургеры выглядели неаппетитно и были похожи на ночной кошмар. Их пение вызывало только одно желание – закрыть глаза и поскорее забыть увиденное. Эта реклама не принесла ожидаемого эффекта и стала предметом насмешек от пользователей.

Сервис изучения иностранных языков «Дуолинго» оказался в скандальной ситуации из-за неудачной рекламы. В ролике, показанном во время Супербоул-2024, у совы «Дуолинго» неожиданно увеличиваются ягодицы, а затем оттуда появляется вторая птица. Пользователи соцсетей оказались в замешательстве: многие не поняли послания рекламы, другие возмутились неуместным юмором, особенно учитывая, что видео могли увидеть дети. Несмотря на то, что реклама стала вирусной, она вызвала негативную реакцию у большинства пользователей. Критики упрекнули «Дуолинго» в неумении правильно использовать юмор и в неуважении к своей аудитории.

В феврале 2020 года мясоперерабатывающая компания «Черкизово» запустила серию провокационных баннеров с намеком на производство водки. Рекламные посты в соцсетях содержали текст: «Если бы мы делали водку, она была бы… мясной», «Водка – это не наш профиль. Но если бы делали, то точно лучшую». «Черкизово» позиционировался как производитель здорового питания, а шутки про водку противоречили этому имиджу. Потребители посчитали юмор дешёвым и неуместным, особенно на фоне государственной политики по борьбе с алкоголизмом.

В 2012 году мобильный оператор МТС запустил серию рекламных роликов с участием певца Леонида Агутина. В одном из них звучала переделанная строчка из песни «Голубой вагон» – «Нам бы ночь простоять, да день продержаться…». Фраза, взятая из советского детского хита, была подана с намёком на похмелье, что контрастировало с семейным имиджем бренда. Оригинал («Голубой вагон») – ностальгический и семейный трек. МТС использовал его в ироничном контексте, что возмутило часть аудитории. После данного случая бренд стал избегать двусмысленного юмора в рекламе (например, перешёл на эмоциональные ролики про человеческие отношения).

В 2018 году в рекламе «Сбербанк Онлайн» пожилая женщина танцует под современную музыку, чтобы показать простоту приложения. Юмор был в демонстрации контраста между поколениями, но кампания вызвала шквал критики: многие увидели здесь унижение пожилых людей и возрастную дискриминацию. Ролик стал вирусным, но в негативном смысле, с жалобами в Роскомнадзор. Бренд извинился и убрал видео.

Перечисленные выше ситуации подтверждают тот факт, что юмор в рекламе – это риск, особенно если он затрагивает социальные, политические или этические темы. В России, где общественная реакция может быть резкой, брендам приходится быть особенно осторожными [5].

Чтобы избежать ошибок и создавать эффективную рекламу, важно понимать последствия неудачных рекламных кампаний и иметь представление об основных признаках некачественной рекламы:

- неприемлемое содержание: реклама, которая оскорбляет, дискриминирует или пропагандирует негативные стереотипы, вызывает отрицательную реакцию у аудитории;
- недостоверная информация: если реклама обещает больше, чем продукт на самом деле может, она вызывает разочарование у потребителя и подрывает доверие к бренду;
- отталкивающее содержание: реклама, которая вызывает негативные эмоции из-за плохого дизайна, нелепого сюжета или оскорбительного контекста, отталкивает аудиторию и лишает бренд потенциальных клиентов;
- игнорирование гео- и культурных особенностей: реклама, которая не учитывает культурные и региональные особенности аудитории, воспринимается негативно;
- нарушение закона: реклама, содержащая ложную информацию, сравнение с конкурентами без названия марки, использование чужого товарного знака, может привести к серьезным юридическим последствиям.

Юмор может быть мощным инструментом маркетинга, если он уместен, оригинален и соответствует ценностям бренда [6]. Вот примеры компаний, которые успешно использовали смешной контент для привлечения клиентов:

С момента основания в 2006 году Тинькофф Банк активно использовал провокационный маркетинг и самоиронию, чтобы

выделиться на фоне традиционных банков. Ключевым элементом стратегии стал образ Олега Тинькова и запоминающиеся персонажи, которые с юмором обыгрывали стереотипы о банковской сфере. В 2017–2019 годах в рекламе дебетовой карты появилась героиня Танька – простая девушка с ярким образом: «Танька не берет кредиты – Танька копит на черную «Ауди»!», «Танька не ведется на акции – Танька знает кэшбэк!». Одни считали её вульгарной, другие – близкой народу, персонаж запомнился и вызвал волну мемов. Результатом стали рост клиентской базы, узнаваемость бренда, лояльность молодой аудитории. Консервативная аудитория считала этот юмор «слишком дерзким» для финансового сектора. Но Тинькофф сознательно шел на такие риски, чтобы закрепиться в сознании как «неформальный» банк.

В 2022 году компания Heineken удивила поклонников, анонсировав крем для лица на основе пива под названием «Brewed Care». Это был дерзкий маркетинговый ход, сочетающий брендинг пивной компании с бьюти-индустрией. Бренд заявил, что создал крем для лица с экстрактом дрожжей и хмеля – ключевых ингредиентов пива. Утверждалось, что продукт увлажняет кожу и дает «эффект свежести», как холодное пиво. Упаковка напоминала пивную банку, а текстура крема – пивную пену. Фанаты бренда восприняли идею с юмором, называя крем «пивом для кожи». Маркетологи оценили смелость Heineken в выходе на бьюти-рынок. При этом компания официально подтвердила, что «Brewed Care» – это лишь маркетинговая акция.

Skittles много лет использует слоган «Попробуй радугу». Бренд как бы говорит: «Пробовать радугу – это прекрасно. Но любое другое взаимодействие с ней приведет к абсурдным и неуместным последствиям». Юмор строится на создании неловких, сюрреалистичных и часто отталкивающих ситуаций, которые возникают из-за физического контакта с радугой (Skittles). Ситуации, в которые попадают персонажи в рекламных роликах, вызывают легкое чувство стыда и неловкости за них. Например, ролик, где мужчина, у которого вместо пота из-под мышек высыпаются Skittles, пытается познакомиться с девушкой. Данная сцена вызывает смех у зрителя, так как ситуация максимально неудобная и социально неприемлемая.

Формула всех роликов одна: человек трогает/взаимодействует с Skittles, происходит нечто абсурдное и неловкое,

выводится слоган «Трогать радугу – плохая идея». Эта предсказуемость непредсказуемости создает мощный брендинг. Зритель ждет нового ролика, чтобы увидеть, до чего же они додумались в этот раз. Skittles не относятся к себе серьезно, кампания как бы говорит: «Да, мы знаем, что это странно. Но вам же нравится?», что вызывает симпатию. Они доказали, что бренд может быть успешным, будучи не милым и не идеальным, а странным, неудобным и по-настоящему смешным в своем собственном, уникальном стиле.

Приведенные примеры показывают, что даже крупные бренды рискуют, если не соблюдают баланс. Чтобы избежать провалов, всегда необходимо тестировать идеи на фокус-группах, производить мониторинг отзывов в реальном времени и придерживаться миссии бренда. Если юмор не работает – лучше отказаться от него. Именно поэтому для узнаваемости бренда существуют принципы создания хорошего юмористического контента:

1. Оригинальность – идея и содержание сообщения должны быть оригинальны и свежи по своей сути.
2. Естественность и уместность – рекламное сообщение должно быть понятным с первых секунд и вызывать улыбку, а не раздражение.
3. Органичность и ассоциативность – содержание ассоциируется с брендом и соответствует его духу.
4. Актуальность – в рекламе обыгрывается злободневная ситуация, которая требует разрешения и знакома потребителю.
5. Ироничность или провокационность – характер сообщения может быть ироничным, циничным, даже шокирующим, если это работает на достижение целей рекламной стратегии.
6. Персонифицированность – в центре рекламного сюжета оказывается выразительный, обаятельный, запоминающийся персонаж [1].

Стоит отметить, что брендинг в современном мире сталкивается с множеством абсурдных проблем. Жизненно важные сообщения, которые компания хочет донести до целевой аудитории, теряются в беспорядке и шумном современном рынке. Потребители все больше настораживаются от банальных маркетинговых приемов, которые кампании применяют регулярно, поэтому многие бренды стремятся пробуждать эмоции с помощью юмора в своих сообщениях. На создание юмористического

контента уходит немало усилий, но далеко не все кампании применяют его по делу или в подходящий момент. Бренды, применяющие юмор в своих рекламных кампаниях, обязаны обладать аутентичным характером в сообщениях. Также важна искренность и соответствие.

Кроме того, юмор должен передавать свежие и значимые идеи, чтобы голос бренда звучал четко. Сложно вызвать у людей эмоции без остроумия, поэтому некоторые кампании лишь ухудшают свой имидж, пытаясь использовать юмор: они стараются рассмешить аудиторию, но упускают ключевые элементы наподобие креативности и интеллекта. В итоге получается бездушный контент, лишенный эмпатии и человеческого тепла. Соответственно, бренды, которые хотят общаться с потребителем через юмор, должны иметь глубокое понимание состояния человека. Говорят, что юмор нельзя передать эффективно, если вы сами не относитесь к нему предельно серьёзно. Иногда послание, которое компания стремится донести до аудитории, приобретает нежелательную коннотацию [4].

Близкий контакт с аудиторией – основа успешного применения юмора в маркетинге. Нередко крупные корпорации утрачивают связь с потребителями и игнорируют их, поскольку лишились той человеческой сущности, которая раньше казалась им близкой и дружеской. Остроумие, не имеющее никакого отношения к рекламируемому товару или хотя бы к самому бренду, лишь отвлекает: забавляет, но не стимулирует покупки. Шутки, которые не учитывают культурные, возрастные и иные характеристики целевой публики, провоцируют массу негативных реакций и чувств, мгновенно переносимых на продукт и компанию [2].

Таким образом, разработка развлекательной, легко запоминаемой и повторяемой рекламы требует высочайшего искусства и безупречного исполнения. Юмор по-прежнему играет ключевую роль в брендинге сегодня, однако важно учитывать все перечисленные аспекты, чтобы реализовать поставленные задачи и не вызвать отторжения у аудитории.

Список литературы

1. Козлов А. В. Продвижение брендов в цифровой среде : учеб. пособие. М. : Проспект, 2024. 120 с.

2. Мамментурова Э. М., Петушкова Е. В. Юмор в рекламе как инструмент формирования идентификационной характеристики бренда // La Communication Actuelle. Discours de Transformations. Paris : LHarmattan, 2019. С. 135–142.

3. Мурзаева В. А., Курденкова М. С., Кондратьева Е. А. Юмор как основной тренд в продвижении личного бренда // Медиасреда. 2024. № 1. С. 55–58.

4. Пикалова А. С. Юмор в рекламе как фактор повышения доверия к бренду // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер – 2024) : сб. материалов Междунар. науч. конф. молодых исследователей. М. : Российский гос. ун-т им. А. Н. Косыгина, 2025. С. 118–121.

5. Станкин М. И. Психология в бизнесе (юмор как рычаг успеха). М. : Управление персоналом, 2004. 144 с.

6. Яковлев И. П. Стратегические компоненты имиджа : учеб. пособие. СПб. : Роза мира, 2009. 264 с.

УДК 659

ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК БРЕНДА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ БРЕНДА

Анна Юрьевна Питерова[1],
Никита Олегович Жаренков[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Потребность в формировании визуального языка у брендов возникла в XX веке в контексте развития массовой культуры, дизайна и рекламной индустрии. Однако истоки можно проследить гораздо глубже – в искусстве эпохи модерна и авангарда, где визуальная форма впервые начала восприниматься как самостоятельный носитель смысла. Пересекаясь с бурным развитием массовой коммерции XX века, модернистские художественные практики обрели новое измерение. Их эстетические открытия стали фундаментом для создания узнаваемого визуального языка брендов.

Исследователь и семиотик Умберто Эко в книге «Отсутствующая структура» отмечал, что визуальное сообщение обладает собственной грамматикой и синтаксисом, а потому может рассматриваться как язык, подчиненный правилам кодирования и декодирования. В этом смысле визуальный язык бренда – это система знаков, с помощью которой бренд транслирует свои ценности, идеологию и эстетические коды. Умберто Эко подчёркивает, что любой визуальный объект является знаком, подлежащим интерпретации, значение рождается на стыке кода и читательской практики. Для бренда это означает, что визуальные марки (цвет, паттерн, композиция, монтаж в видео) не имеют фиксированного смысла вне акта интерпретации – смысл образуется в коммуникативном поле [7].

Лотман рассматривает культуру как «семиосферу», где визуальные артефакты работают как вторичные моделирующие системы; визуальный язык бренда формирует культурный код, вступающий во взаимодействие с другими культурными знаками. Визуальные образы в рекламе – не просто украшение, а язык культуры, выражающий ментальные и ценностные структуры общества. Как следствие визуальный язык бренда – это код или набор кодов, который должен быть декларирован (бренд-гайд) и одновременно испытан на практике (рекламные кампании и другие точки контакта), потому что только через применение знак подтверждает свою работоспособность [6].

Визуальный язык работает как система идентичности. Полин Браун в книге «Эстетический интеллект» описывает понятие «ДНК бренда» как уникального сочетания эстетических кодов, через которые бренд выражает свою сущность. Полин Браун вводит понятие «эстетический интеллект», формулирует его в контексте рыночной экономики как управляемый ресурс – способность организации проектировать эстетические решения, которые резонируют с целевой аудиторией и переводят ценности бренда в чувственный опыт. Это означает, что визуальный язык – не только коммуникационная тактика, но и стратегический актив, который подлежит менеджменту. Эстетика становится инструментом стратегического управления восприятием, через визуальные элементы (цвет, свет, ритм, движение, текстуру, пропорции) бренд обучает аудиторию «чувствовать» его без слов [3].

Визуальный язык формирует не только узнаваемость, но и аффективную привязанность – эмоциональный отклик, который невозможно воспроизвести рациональными аргументами. Это особенно важно в цифровой экономике, где внимание становится дефицитом, а визуальные сигналы конкурируют за секунды восприятия. С точки зрения коммуникационной теории, визуальный язык выступает медиатором идентичности бренда – посредником между смыслом и восприятием. Он создает иллюзию целостности, даже если бренд представлен в десятках форматов: сайт, упаковка, видеоролик, оффлайн магазин, мерч и т.п.

Визуальный язык становится способом мышления – не просто передачей информации, а формой выстраивания смысловых миров. Здесь применим тезис Эко: «знак – это то, что можно интерпретировать». Следовательно, визуальный язык бренда – это система, в которой зритель становится соавтором. Он расшифровывает смыслы, соотносит их со своим культурным опытом и формирует личную картину бренда. Вопрос – «что сильнее: слово или изображение?» – некорректен в чистом виде. Изображение и слово работают в разных, но перекрывающихся полях. Семантическая нагрузка изображения обычно синтезируется с вербальной подписью, однако в условиях цифрового микроконтента визуальная составляющая часто «ведёт» повествование, задаёт тон и эмоциональную установку, а текст уточняет или закрепляет смысл. Важна роль потребительской интерпретации, изображение оставляет больше пространства для интерпретации, что делает его особенно эффективным для формирования эмоциональной привязанности и ассоциаций.

В эпоху «тирании алгоритмов» визуальный язык бренда вынужден адаптироваться под требования платформ. Современный маркетинг брендов неизбежно пересекается с алгоритмическим отбором контента на цифровых платформах, что трансформирует визуальный язык бренда из дизайнерской опции в стратегическую необходимость.

Визуальный язык выполняет три взаимосвязанные функции:

- когнитивно-перцептивную (облегчает распознавание и запоминание);
- эмоциональную (формирует аффекты и привязки);
- культурно-смысловую (представляет бренд как носитель ценностей и идентичности).

В современных условиях это не только вопрос дизайна, но и вопрос маркетинговой выживаемости: исследования российских аналитических агентств показывают, что визуальная консистентность коррелирует с повышением повторной вовлечённости и упоминаемости бренда в пользовательском контенте [1].

Рост использования короткого формата видеороликов свидетельствует о том, что бренды вынуждены активнее задействовать визуальные форматы, адаптированные под алгоритмы (вертикальная ориентация, динамичный монтаж), иначе они теряют охват и вовлечённость. Последовательность, узнаваемость визуальных кодов помогает не только зрителю распознать бренд, но и алгоритму интерпретировать контент как релевантный бренду. Это имеет подтверждение: активные бренды, получают больше взаимодействий, что стимулирует их развивать визуальные формы. Если ранее визуальный язык рассматривался преимущественно как средство эстетического выделения, то теперь он напрямую влияет на метрики: охват, вовлечённость, видимость.

Таким образом, для брендов, ориентированных на конкурентоспособность и визуальную дифференциацию, разработка визуального языка становится не только частью креативной стратегии, но и обязательным маркетинговым инструментом, адаптированным под требования алгоритмов. Отсюда следует, что анализ визуального языка бренда должен учитывать не только эстетический и семиотический аспекты, но и алгоритмическую логику платформы, в рамках которой бренд взаимодействует с аудиторией.

Ключевой характеристикой современного визуального языка является его мультимодальность. Он действует одновременно в статике (постер, упаковка), динамике (ролики короткого и длинного формата), пространстве (мерч, интерьер, витрина) и интерфейсе (сайт, лендинг, приложение). В эпоху цифровой медиасферы бренды обязаны проектировать визуальный язык, учитывая особенности каждого медиума: композиция и тип визуала, работа с движением, ритмом и монтажом в видео, архитектурная логика в витрине и магазине. Прагматический аспект визуального языка требует создания гибких, но узнанных паттернов, заменяющих длинные объяснения «кто мы» на мгновенное визуальное считывание.

Бьюти-ритейлер «Золотое Яблоко» является уникальным примером того, как визуальный язык способен укрепить иден-

тичность бренда. Бренд сознательно дистанцируется от традиционной эстетики парфюмерных сетей – вместо «стерильного» люкса он выстраивает атмосферу креативной лаборатории. Бьюти-ритейлер выстроил визуальную систему, ориентированную на глянцевую эстетику и медиа-ориентированные сценарии пользования. Упаковка, презентация продуктов и цифровой контент создают чувство «распаковки» и «праздника», что усиливает эмоциональное позиционирование как «ритейлера красоты-события» [4].

Российский бренд Predubezhdai представляет противоположный полюс – визуальная система построена на нарочитой небрежности, DIY-графике, постиронии и визуальных отсылках. Он позиционирует себя как «пространство, где косметика и селективная парфюмерия превращаются в арт-объект». Идентичность бренда основана на провокации: ирония, кривые шрифты и намеренно «небрендовые» креативы создают ощущение антигламура, что превращается в фирменный код. В интерьере используются мотивы детства поколения, выросшего в 1990-е. Это переводит визуальный язык бренда в эмоциональный пласт, ностальгия современность. Визуальный язык здесь – не просто оформление витрины, а создание пространства опыта, где бренд становится событием, а не просто точкой продажи. Это отличный пример того, как визуальный язык помогает бренду сформировать целостное восприятие и укрепить идентичность – «бренд с эмоциональным кодом».

Особое значение имеет взаимодействие брендов с арт-рынком. Эта стратегия демонстрирует, что в условиях клипового восприятия визуальный язык становится не «постером», а жестом, который нужно «считывать» – подобно современному искусству. Коллаборация «DomPérignon» и «Takashi Murakami» – пример того, как арт превращается в стратегический код коммуникации. Художник, создатель японского «суперфлэта», вводит визуальные маркеры его массово узнаваемого творчества в пространство элитарного бренда. В результате образуется новая гибридная семиотика: роскошь становится «игровой», доступной визуально, но недостижимой экономически. Это усиливает эмоциональный резонанс бренда через культурный контраст – «серьёзное» шампанское и «детская» эстетика.

Похожая логика прослеживается и в нишевой парфюмерии. Бренд «Les Liquides Imaginaires» выстраивает визуальный и смысловой контекст, где каждый аромат – история, флакон – амфора-ритуал, а упаковка – парфюмерный лонгрид. Аромат «Dom Rosa» основан на агропрактике высадки роз на виноградниках: растение служит биологическим индикатором состояния лозы, первым реагируя на болезни и «жертвуя» собой. Этот факт бренд превращает в философский тезис – роза как символ жертвенности и преходящей красоты. Идея отражена в форме и фактуре флакона, где металл и приглушённо-розовая палитра создают образ утончённой трагичности. Так визуальный язык превращает факт в миф, формируя премиальную символику.

Как отмечает Полин Браун, способность бренда соединять несочетаемое – ключ к формированию эстетической привязанности потребителя. Все примеры выше показывают, что визуальный язык – это системный подход, а не просто выбор красивого оформления.

Феномен художника «Banksy» стал одним из катализатором нового отношения к визуальной коммуникации. Граффити как публичное высказывание стало формой брендинга в искусстве. Сегодня бренды всё чаще используют визуальный язык, заимствующий элементы протеста – грубые шрифты, уличные надписи, ручной след. Таким образом, арт-рынок сформировал язык аффективной прямоты – визуал не столько «украшает», сколько спорит. Бренды, работающие в этой логике, используют визуальный язык как инструмент идеологической позиции. Например, кампании «Balenciaga» под руководством Демны Гвасалии представляют собой радикальный сдвиг в парадигме визуального языка. Они демонстрируют «антигламур» как новый язык элитарности. «Balenciaga» использует перевёрнутый код, «уродливое» становится желанным, холодная эстетика симулирует отчуждение, создавая эффект философской дистанции. Тем самым бренд выстраивает идеологический язык постиронии, визуал работает как критика капиталистического глянца, при этом оставаясь его частью [7].

Российские бренды показывают, как визуальный язык может быть адаптирован под локальный рынок. Международные премиум-бренды демонстрируют, как визуальный язык работает на уровне культуры, искусства и эмоций, помогает выделиться

и укреплять идентичность. Арт-коллаборации и визуальные культурные коды иллюстрируют, как визуальный язык становится мостом между брендом и культурой, усиливая символическую ценность.

В эпоху алгоритмов и клипового внимания визуальный язык помогает бренду «засветиться» в ленте. Фирменные цвета, характерные формы, узнаваемый монтаж и визуальные маркеры становятся «ключами» алгоритмов. Идентичность бренда усиливается, когда визуальный язык консистентен: одинаковые цвета, паттерны, тон, фото-видео-стиль во всех точках контакта (офлайн, онлайн, соцсети, упаковка). Это формирует ощущение целостности бренда. Визуальный язык формирует ощущение у потребителя, когда бренд воспринимается как обладающий качествами, которые не обязательно объективно ему присущи. Бренд – это «смысловой феномен», который работает не только с продуктом, но с опытом, ассоциациями и визуальными знаками.

Визуальная семиотика пересекается с вопросами «лингвистики изображения». Ролан Барт в работах по мифологиям указывал на двойной порядок знака, денотативный (что изображено) и коннотативный (что с этим связано). Это различие применимо и к брендингу, один и тот же визуальный элемент может быть денотативно нейтральным, но насыщенным коннотативными смыслами в зависимости от культурного контекста. Важно понимать, что визуальное высказывание – это не «сжатая версия текста». Оно располагает большим спектром многозначностей и требует от бренд-стратегии точного управления контекстом и рецепцией [2].

Нельзя игнорировать и прагматическую сторону, бренды сталкиваются с необходимостью адаптировать визуальный язык под алгоритмические правила распространения контента и механики платформ. Исследования российских аналитиков фиксируют, что визуальная последовательность, системность и наличие узнаваемых визуальных маркеров усиливают органическую распространённость контента и стимулируют пользовательский генеративный отклик. Это превращает визуальный язык не просто в эстетическую стратегию, но и в маркетинговую необходимость: бренды, стремящиеся к культурной и коммерческой устойчивости, обязаны систематизировать визуальный код [1].

С практической точки зрения разработка визуального языка требует междисциплинарного подхода. Семиотика и культуроло-

гия дают методологию декодирования. Дизайн и искусство – инструменты проектирования. Маркетинг и аналитика – критерии эффективности. Для академического исследования важна эмпирическая верификация – измерение степени визуальной консистентности, её влияния на узнаваемость, вовлечённость и ассоциативную структуру аудитории. Российские отчёты по медиапотреблению, исследования по визуальной идентичности и кейс-стади конкретных брендов способны дать оперативные данные для таких измерений [5].

В заключение, визуальный язык бренда предстает как сложная система, объединяющая эстетику, культуру и маркетинг. В условиях современных медиаи цифровых экосистем, он выполняет роль связующего звена между продуктом и публикой, между смыслом и вниманием. Формирование целостного визуального языка – не опция, а стратегическая необходимость: он укрепляет идентичность бренда, создает эмоциональную привязанность и обеспечивает устойчивость в культурном поле.

Список литературы

1. Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР) : отчёт о состоянии рекламного рынка России. М. : АКАР, 2024. URL: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id10657
2. Барт Р. Мифологии. М. : Академический проект, 2018. 320 с.
3. Браун П. Эстетический интеллект. HarperCollins, 2019. 336 с. URL: mann-ivanov-ferber.ru
4. Brand Analytics. Тренды визуального контента в России. URL: https://br-analytics.ru/blog/trends2023
5. Институт развития интернета (ИРИ). Исследование «Медиапотребление и цифровая идентичность». URL: https://iri.center/analytics/mediastrategies2024
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб., 2000. 704 с.
7. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Симпозиум, 2006. 544 с.

Раздел 5
ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО: ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 504(075)

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Валерия Александровна Комарова[1],
Анна Алексеевна Линькова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Взаимодействие общества и природной среды в современную эпоху приобретает критически важное значение. Масштабное преобразование природных систем человеком привело к возникновению комплекса экологических проблем планетарного характера. Технологическая экспансия и интенсивное использование природных ресурсов порождают необратимые изменения в биосфере, требующие переосмысления стратегии развития цивилизации.

Главная проблема, вопросы ответственности человека за сохранение природы и этические аспекты взаимодействия с окружающей средой остаются актуальными и требуют философского осмысления.

Концептуальное обоснование нового этапа эволюции природы и общества представлено в учении о ноосфере. Данная концепция раскрывает качественно иной уровень взаимодействия человека и природной среды, где разумная деятельность становится определяющим фактором развития. Формирование ноосферы предполагает интеграцию естественнонаучного и социогуманитарного знания для обеспечения гармоничного сосуществования природы и общества [2, с. 120].

Современная экологическая ситуация диктует необходимость перехода к модели коэволюционного развития. Это означает отказ от парадигмы покорения природы в пользу адаптивных механизмов взаимодействия общества и окружающей среды. Ключевым фактором становится внедрение природосберегающих технологий и формирование экологического сознания.

Экологическая деятельность приобретает системный характер, охватывая различные сферы общественной жизни. Ее основными направлениями выступают минимизация антропогенного воздействия на природные системы, сохранение биоразнообразия, создание экологически безопасной среды обитания. Особое значение приобретает развитие экологической этики, основанной на принципах ответственности перед будущими поколениями.

Развитие НБИК-технологий открывает новые возможности преобразования природы человека, что порождает комплекс этических проблем. Технократическое мышление, ориентированное на максимальную эксплуатацию природных ресурсов, должно уступить место экологически ориентированному подходу. Необходим переход к новой модели цивилизационного развития, основанной на принципах устойчивости и коэволюции природы и общества.

Формирование экологической культуры становится императивом современности. Это предполагает развитие системы экологического образования, внедрение природосберегающих технологий, создание эффективных механизмов охраны окружающей среды. Только комплексный подход к решению экологических проблем позволит обеспечить устойчивое развитие цивилизации в гармонии с природой [1, с. 352].

В своих работах В.И. Вернадский раскрыл суть и перспективы современных изменений во взаимодействии общества и природы, предложив научное обоснование качественных изменений, происходящих в результате деятельности человека. Он рассматривает общество как единство живой и неживой природы, как целостную систему, в которой человек играет ключевую роль активного субъекта. Это привело к появлению нового понятия – ноосферы, сферы разума, которая заменила биосферу. Ноосфера представляет собой высший уровень интеграции всех форм существования материи и характеризует преобразующую деятельность человека, основанную на научном понимании природных и социальных процессов и находящуюся в гармонии с общими законами развития природы. Достижение такого уровня, который можно назвать коэволюцией общества и природы, возможно только при условии гармоничного эволюционного развития общества и природы в направлении оптимизации их взаимодействия.

Эволюционный путь развития заключается в том, чтобы научно-технический прогресс общества и сохранение природы не противоречили друг другу. Вместо полного использования ресур-

сов природы, как предлагается концепцией научно-технической оптимизации, необходимо использовать оптимизированные адаптивные механизмы как для общества, так и для окружающей среды. Для решения экологических проблем необходимо разработать планетарную стратегию, которая представляет собой систему действий для облегчения решения задач и включает в себя техническое обновление производства и утверждение новой нравственности и экологической этики в сознании людей [5, с. 240].

С увеличением глобальных экологических потребностей и их интеграцией в общественную деятельность возникает новый вид социальной деятельности, который должен удовлетворять уже существующие экологические потребности и формировать новые, но уже разумные с точки зрения коэволюции. Развиваясь интенсивно, экодеятельность направлена на решение экологических проблем и выполнение функций, таких как устранение негативных последствий, сохранение природы, создание искусственных экологических условий для ускоренного социального прогресса [4, с. 99].

Экологическая этика играет все более значимую роль в современном обществе, где происходит взаимное развитие природы и человека. Основные принципы этой этики включают в себя глубокое понимание природы, взаимосвязь между обществом и окружающей средой, необходимость бережного отношения к природе, ответственность за сохранение ее для будущих поколений, а также разумное использование природных ресурсов. Эти принципы помогают людям осознавать и анализировать современную экологическую ситуацию, разрабатывать стратегии взаимодействия с природой, решать экологические проблемы и приобретать необходимые убеждения и навыки.

Начинать экологическое образование с детства важно, чтобы эти знания стали неотъемлемой частью нашего восприятия мира в целом. Категорический императив Канта о поступках, которые можно было бы принять как всеобщее правило, должен быть применен и к нашему отношению к природе, став экологическим императивом. Государства должны пересмотреть свою политику в отношении природы, чтобы решить экологические проблемы и справиться с вызовами, стоящими перед всем человечеством. Развитие новых технологий, таких как нано-, био-,

информационные и когнитивные технологии, приводит к появлению трансгуманизма, который нацелен на изменение природы человека и окружающей среды [3, с. 192].

Развитие новых технологий привело к возникновению течения трансгуманизма, которое нацелено на радикальное изменение человеческой природы с помощью НБИК-технологий (нано-, биологических, информационных и когнитивных). Исследователи этого направления обращают особое внимание на этические проблемы, связанные с активным вмешательством в человеческую природу. Человек, изменяя окружающий мир, сам теряет свою природу, углубляясь в стремлении удовлетворить свои потребности. Технологии и научный прогресс окружают человека, превращая его в часть производственного процесса, где управляет им «искусственный разум», стремящийся к рационализации и контролю над природой. Человек, подвергнутый программированию, теряет способность видеть красоту мира, подчиняясь лишь техническому прогрессу. Технический прогресс, связанный с развитием машинного производства, представляет собой систему накопления и применения технических знаний, влияя на все сферы современного общества и сводя их к понятиям науки, техники и рациональности. Техническое мышление характеризуется хищническим отношением к природе, вызывая необходимость защищать ее от эксплуатации и агрессивного воздействия техники. Потребительский подход техники не способствует гармонии между человеком и природой, а лишь разрушает ее «богатства». Мысли Ф. Г. Юнгера продолжает М. Хайдеггер, отмечая, что современный мир характеризуется господством техники, которая лишает человека мира, превращая все вещи в сырье.

Вопрос о взаимодействии человека с природой является одним из самых актуальных и обсуждаемых в наше время. Уже много лет исследователи изучают, как использование природных ресурсов влияет на окружающую среду и вызывает серьезные экологические проблемы. В результате этого появляются катастрофы, которые наносят непоправимый ущерб природе.

С каждым днем все больше людей задумываются о последствиях своей деятельности для биосферы. Для борьбы с глобальными экологическими проблемами были созданы специальные организации, которые посвящены охране окружающей среды и по-

иску новых решений. Эти инициативы направлены на то, чтобы наладить гармоничные отношения между человеком и природой.

Однако, несмотря на все усилия, существует опасность, что технический прогресс может принести больше вреда, чем пользы. Многие современные технологии нарушают естественный баланс в природе и могут привести к негативным последствиям для всего человечества. Поэтому важно развивать и применять только те технологии, которые не наносят ущерб окружающей среде и способствуют устойчивому развитию.

Список литературы

1. Арбатов А. Г. Экологическая безопасность в условиях глобальных изменений климата: теория и практика. М. : Наука, 2021. 384 с.

2. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Вода и устойчивое развитие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 256 с.

3. Иванов О. Б. Глобальные экологические проблемы современности: пути решения. СПб. : СПбГУ, 2020. 412 с.

4. Ковальчук М. В. Биосферные изменения и адаптация человечества к новым условиям существования. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2022. 312 с.

5. Петров А. Н. Современные подходы к сохранению биоразнообразия и природных экосистем. Екатеринбург : УрФУ, 2023. 288 с.

УДК 303.01

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СПРАВЕДЛИВ ЛИ ДОСТУП К ДАННЫМ И ТЕХНОЛОГИЯМ

Герман Михайлович Кириллов[1], Максим Михайлович Клочков[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Справедливость, занимающая центральное место в философских и правовых дискуссиях на протяжении всей истории человеческой мысли, сегодня претерпевает фундаментальную

трансформацию под влиянием цифровой революции. От Аристотеля, определявшего справедливость как воздаяние каждому по заслугам, до Джона Ролза с его теорией справедливости как честности, эта категория всегда отражала социальные идеалы своего времени. Однако стремительное развитие цифровых технологий – интернета, искусственного интеллекта, больших данных и машинного обучения – создало принципиально новую среду для человеческого взаимодействия, породив при этом уникальные формы неравенства, которые классические теории не могли предвидеть в полной мере [1, с. 45].

Актуальность переосмысления концепции справедливости становится особенно очевидной в контексте современных цифровых реалий, где традиционные парадигмы оказываются недостаточными для решения новых этических вызовов. Когда алгоритмы определяют доступ к кредитованию и страхованию, системы искусственного интеллекта влияют на судебные решения, а цифровые платформы формируют общественное мнение, сама природа социальной справедливости требует нового осмысления. Цифровая эпоха поставила под вопрос не только равный доступ к возможностям, но и такие фундаментальные понятия, как автономия личности, право на приватность и справедливое распределение цифровых благ.

Обращение к классическим теориям справедливости, в частности к концепции Джона Ролза с ее принципами равных базовых свобод и дифференциации, остается важным методологическим фундаментом для понимания современных процессов [1, с. 66]. Однако, как убедительно демонстрируют современные исследователи, этих рамок становится недостаточно для анализа новых форм цифрового неравенства. Кэти О'Нил в своей знаковой работе «Оружие математического поражения» наглядно показывает, как алгоритмы, маскирующиеся под объективные и нейтральные инструменты, на деле воспроизводят и усиливают существующие в обществе предрассудки, создавая тем самым «цифровые жернова» для наиболее уязвимых социальных групп [2, с. 78–82].

Еще более радикальный вызов традиционному пониманию справедливости бросает Шошана Зубофф своей концепцией «капитализма наблюдения». Она раскрывает механизмы новой эко-

номической системы, в которой человеческий опыт бесконечно извлекается, оцифровывается и превращается в прогнозные данные, становящиеся товаром на «рынках будущего поведения» [3, с. 145–148]. Эта система ставит под сомнение саму возможность справедливого распределения выгод в цифровой экономике, поскольку пользователь, чьи данные являются исходным сырьем, оказывается исключен из процесса распределения создаваемой стоимости.

Новизна предлагаемого подхода заключается в синтетическом рассмотрении этих концепций и системном анализе цифровой справедливости через призму трех взаимосвязанных измерений: справедливости доступа (преодоление цифрового разрыва), алгоритмической справедливости (обеспечение прозрачности и непредвзятости автоматизированных систем) и даннойческой справедливости (справедливое распределение прав и выгод, связанных с использованием персональных данных).

Первый и наиболее очевидный вызов цифровой эпохи – это цифровой разрыв. Если в индустриальную эпоху ключевым ресурсом и источником социального неравенства была частная собственность на средства производства, то в постиндустриальном обществе эту роль все больше играют информация и технологии. Систематическое неравенство в доступе к цифровой инфраструктуре, качественному интернету и необходимым цифровым навыкам между странами, регионами и различными социальными группами создает новую форму социальной эксклюзии, прямо противоречащую принципу равных возможностей, сформулированному еще Ролзом [1, с. 103]. Индивиды и целые сообщества, лишенные полноценного доступа к цифровой среде, оказываются на периферии современных социальных, экономических и политических процессов, что делает обеспечение всеобщей цифровой инклюзии необходимым условием для достижения социальной справедливости в XXI веке [4, 5].

Однако даже при гипотетическом достижении равного доступа возникает новая, более сложная для выявления и решения угроза – алгоритмическая несправедливость. Автоматизированные системы принятия решений, используемые в кредитовании,

найме, образовании и даже правосудии, часто обучаются на исторических данных, в которых уже закодированы существующие в обществе предрассудки и системные неравенства. Проблема усугубляется феноменом «черного ящика» – когда сложные модели машинного обучения выдают решения, не поддающиеся простой интерпретации и объяснению даже их создателями. Это ставит под удар фундаментальные правовые принципы, такие как право на справедливое судебное разбирательство и право на эффективные средства правовой защиты. Таким образом, современное понимание справедливости требует дополнения не только принципом равенства возможностей, но и требованиями прозрачности, объяснимости и подотчетности алгоритмических систем, определяющих жизненные шансы человека.

Третий, и возможно, наиболее фундаментальный аспект современной проблемы справедливости касается вопроса о справедливом отношении к персональным данным. В экономической модели «капитализма наблюдения», детально описанной Зубофф, пользователь, чьи персональные данные выступают основным сырьем, не получает адекватной доли создаваемой стоимости и лишен значимый контроль над своей цифровой идентичностью [3, с. 201–205]. Это порождает потребность в разработке концепции даннойческой справедливости – справедливого распределения прав, контроля и экономических выгод, связанных с использованием коллективно производимого цифрового ресурса. Реализация даннойческой справедливости предполагает признание за субъектом данных не только традиционных прав на защиту приватности, но и более современных прав – на забвение, на портабельность данных, а в перспективе – и на справедливую долю в прибыли, извлекаемой из их использования. Это представляет собой качественно новое измерение социальной справедливости, касающееся уже не только распределения материальных благ, но и распределения власти, контроля и автономии в цифровом пространстве.

Методологически осмыслить эти многогранные вызовы позволяет комплексный подход, включающий сравнительный анализ классических и современных теорий справедливости,

моделирование структуры цифровой справедливости и философско-правовой анализ новых цифровых реалий. Теоретическая значимость такого осмысления заключается в расширении и адаптации классического категориального аппарата социальной философии и этики к вызовам информационного общества. Практическая же ценность проявляется в возможности выработать конкретные рекомендации для законодателей, стремящихся регулировать цифровую сферу, и для разработчиков, создающих технологии, которые должны быть не только эффективными и инновационными, но и социально ответственными, прозрачными и этичными.

Цифровая эпоха не отменяет идею справедливости, но наполняет ее новым, сложным содержанием. Ключевые вызовы – цифровой разрыв, алгоритмическая дискриминация и даннаяческая эксплуатация – требуют комплексного ответа. Классические теории остаются важным ориентиром, но их необходимо адаптировать к новым реалиям. Достижение цифровой справедливости становится насущной задачей, от решения которой зависит, станет ли цифровое будущее пространством равных возможностей или новым источником системного неравенства. Дальнейшие исследования должны быть сфокусированы на разработке конкретных правовых и технических механизмов, обеспечивающих реализацию принципов справедливости на практике.

Список литературы

1. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 535 с.

2. О'Нил К. Оружие математического поражения: Как Big Data усиливает неравенство и угрожает демократии / пер. с англ. А. Карташовой. М. : АСТ, 2019. 380 с.

3. Зубофф Ш. Эра капитализма наблюдения: Борьба за человеческое будущее на новом рубеже власти / пер. с англ. О. В. Сосницкой. М. : Изд-во Института Гайдара, 2023. 728 с.

4. Смирнов А. А., Суровцев В. А. Цифровая этика: монография. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. 218 с.

5. Флорова И. В. Цифровое неравенство как вызов социальной справедливости в современном обществе // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2020. № 3. С. 145–165.

УДК 101.1:316.3+001.8.3

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ»

Герман Михайлович Кириллов[1],
Злата Дмитриевна Кузнецова[2],
Дарья Витальевна Новичкова[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Современное человечество сталкивается с беспрецедентными вызовами, связанными с ускоренным развитием технологий. Широкомасштабные социальные изменения, вызванные технологическим прогрессом, требуют глубокого осмысления и адекватного ответа со стороны общества. Особую актуальность приобретает проблема технологической безработицы, понимание и подготовка к которой становятся императивной необходимостью, если общество хочет воспользоваться преимуществами технологических новаций и избежать негативных последствий. Пандемия COVID-19 спровоцировала ускорение автоматизации во всем мире, создавая дополнительные вызовы для рынка труда [8, 9].

Технологическую безработицу можно определить как безработицу, обусловленную тем, что способность находить способы сохранить использование труда превышает способность находить новые применения труда. К наиболее серьезным негативным последствиям технологической безработицы исследователи относят появление так называемого «бесполезного класса» людей, не участвующих в экономическом производстве [5]. Этот антиутопический сценарий становится особенно актуальным в контексте возрастания пропасти между узкой элитой, усиленной передовыми технологиями, и массами безработных, что обостряет фундаментальные вопросы свободного времени, смысла жизни и мотивации в условиях наступающего посттрудового общества.

Современная научная мысль предлагает различные подходы к осмыслению этих вызовов. Яркий представитель технологического оптимизма К. Шваб утверждает, что дальнейшая автоматизация способна возобновить накопление капитала и экономический рост,

усиливая при этом управленческий контроль в производстве товаров и услуг [4]. С другой стороны, представители дискурса левого акселерационизма отстаивают социально-революционные возможности автоматизации. Особого внимания заслуживает позиция французского философа Бернара Стиглера, который призывает к фундаментальному «переосмыслению труда» [6]. Он предлагает отделить концепцию «труда» как осмысленного, интеллектуального участия от концепции «занятости» как дегуманизирующей, банальной работы.

Эта дискуссия вытекает из широкого обсуждения проблемы автоматизации, определившей трансформацию труда и общества на рубеже XX–XXI веков в контексте так называемого «когнитивного капитализма». Теория когнитивного капитализма становится все более значимой социальной теорией, учитывая ее внимание к социально-экономическим изменениям, вызванным распространением интернета и цифровых технологий. Сторонники этой теории подвергают сомнению классические определения труда и рабочей силы, предлагая новые концептуальные подходы к пониманию современного труда.

Согласно недавним исследованиям, некоторые из новых технологий подрывают деятельность целых отраслей, что потенциально ведет к повышению уровня технологической безработицы [1, 2]. По оценкам экспертов, около половины рабочих мест в мире и в России может быть автоматизировано к 2025–2035 годам [1]. Эти прогнозы требуют серьезного осмысления и подготовки. Стиглер рассматривает автоматизацию как один из величайших рисков современности, поскольку она ведет к исчезновению знания [7]. Философ говорит о возникновении «автоматического общества», где воздействие на индивидуумов регулируется алгоритмами, контролирующими принятие решений и мировоззрение людей.

Современный труд претерпевает серьезные трансформации, появляются новые формы взаимоотношений работника и работодателя. Мы наблюдаем переход от «тяжелого» капитализма к «легкому», в процессе которого фундаментально меняется природа трудовых отношений. Выбор профессии один раз и на всю жизнь сменяется временным пребыванием в трудовых отношени-

ях. Н. Срничек говорит о том, что автоматизация освобождает человека от тяжелого рутинного труда и дает возможность развивать творческий потенциал [3]. Однако общество продолжает верить в неизбежность экономического кризиса и захвата роботами рабочих мест, что отражается в преобладании антиутопического настроя в современной культуре.

Исторический анализ показывает, что трудовая этика сформировалась в период модерна, когда работа стала высшим благом [3]. Капитализм фундаментально изменил уклад жизни, приведя к тому, что крестьяне лишились земельных наделов и были вынуждены заниматься наемным трудом для выживания. Работа на производстве стала ценностью, потерять которую означало лишиться возможности выжить. В постсовременности происходит фундаментальная трансформация аксиологических аспектов труда. Аксиологический аспект труда периода модерна, сформированный как способ выживания, в постсовременности трансформировался в аспект, позволяющий идентифицировать человека в социуме [10].

Философский анализ проблемы ценностей труда неизбежно приводит нас к работам М. Хайдеггера и Ф. Ницше. Ценностная мысль возникает из мышления, которое оценивает вещи согласно их ценности и полагает их. Этот подход позволяет осмыслить современную трансформацию ценностей труда как закономерный исторический процесс. Автоматизация рабочих мест, освобождая человека от тяжелого труда, создает возможность для раскрытия интеллектуального и творческого потенциала. Однако она же лишает прежних аксиологических ориентиров, создавая необходимость формирования новых. Как справедливо отмечает Н. Срничек, «основой нового принципа полагания ценностей может стать социальная ориентированность и гуманизм, творческая самореализация на благо общества» [3].

Важно понимать, что робот и искусственный интеллект не могут заменить человека в таких сферах, как творчество, социальное взаимодействие, работа в изменяющихся условиях, наставничество и передача неявного знания [2]. Это указывает на потенциальные направления формирования новых ценностей труда. Современная трансформация труда представляет собой слож-

ный и многогранный процесс, требующий глубокого философского осмысления. Технологическая безработица и автоматизация создают серьезные вызовы, но одновременно открывают возможности для переосмысления роли труда в человеческой жизни.

Трудовая этика, возникшая в период модерна и основанная на преданности работе, уступает место новым ценностям, ориентированным на творческую самореализацию и социальную значимость. Этот переход требует «высшей осознанности» общества и переоценки традиционных представлений о труде. Формирование новых аксиологических аспектов труда должно основываться на принципах гуманизма, социальной ориентированности и творческой самореализации, что позволит преодолеть кризис идентичности и найти новые смыслы в условиях цифровой трансформации общества.

Список литературы

1. Бриньюльфссон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. М. : Аст, 2017.
2. Земцов С. П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. № 7.
3. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М. : Strelka Press, 2019.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2017.
5. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. М. : Синбад, 2019.
6. Stiegler B. Automatic Society. The Future of Work. Cambridge : Polity Press, 2016. Vol. 1.
7. Stiegler B. States of Shock: Stupidity and Knowledge in the 21st Century. Cambridge : Polity Press, 2015.
8. Blit J. Automation and Reallocation: Will COVID-19 Usher in the Future of Work? // Canadian Public Policy. 2020. URL: pubmed.ncbi.nlm.nih.gov
9. Chernoff A., Warman C. COVID-19 and Implications for Automation // Applied Economics. 2023. № 55 (17). P. 1939–1957.
10. Danaher J. Will life be worth living in a world without work? Technological Unemployment and the Meaning of Life // Science and Engineering Ethics. 2017. № 23 (1). doi: 10.1007/s11948-016-9770-5

УДК 141.7

КРИЗИС ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Полина Дмитриевна Гавриленко[1],
Максим Витальевич Тесемников[2],
Иван Сергеевич Балакирев[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Современное общество находится в эпицентре фундаментальных изменений, сравнимых по масштабу с промышленной революцией. Глобализация, тотальная цифровизация и доминирование капиталистической парадигмы перекраивают не только экономические и политические ландшафты, но и глубоко затрагивают внутренний мир человека. На этом фоне нарастает дискуссия о глубинном кризисе духовных ценностей, который проявляется в эрозии гуманистических идеалов, девальвации уникальности личности и доминировании утилитарных, материальных мотивов над смысложизненными поисками.

Эта проблема не является лишь предметом споров интеллектуалов; она находит отклик в повседневном опыте миллионов людей, ощущающих экзистенциальную пустоту, тревогу и потерю ориентации в усложняющемся мире.

1. Философский фундамент: что такое духовность и почему она в кризисе?

1.1. Сущность духовности

В классической философской традиции, особенно в русской религиозной философии, духовность понимается не как следование догмам, а как высшее проявление творческой свободы человека [1]. Это внутренняя работа по самопознанию, поиску истины, добра и красоты, стремление к трансцендентному и осмысленному бытию. Духовная культура – это сфера, где человек преодолевает свою биологическую и социальную ограниченность, созидая ценности, которые не сводятся к материальной выгоде.

1.2. Механизмы кризиса

Цифровой капитализм атакует духовность по нескольким направлениям:

– Коммодификация (превращение в товар): Все, включая человеческие отношения, эмоции и внимание, становится товаром. Дружба измеряется лайками, любовь – парными фото в социальных сетях, а самопознание подменяется потреблением мотивационного контента.

– Культ эффективности и продуктивности: Ценность человека все чаще сводится к его экономической полезности – карьерным достижениям, производительности, KPI. Внутренний мир, рефлексия, «непродуктивные» размышления о смысле жизни объявляются роскошью или отклонением от нормы.

– Информационная перегрузка: Постоянный поток информации, уведомлений и развлечений не оставляет «тишины», необходимой для глубокого самоанализа. Человек теряет способность к сосредоточенности и погружению в себя, его сознание фрагментируется.

2. Цифровой капитализм как машина новой реальности

2.1. Экономическая модель, основанная на внимании

Цифровой капитализм – это экономическая система, где основным ресурсом является внимание пользователя. Платформы (социальные сети, стриминговые сервисы, поисковые системы) конкурируют за этот ограниченный ресурс, чтобы монетизировать его через рекламу. Эта логика порождает:

– Экономику кликов: Ценность контента определяется не его глубиной или истинностью, а его способностью вызывать сильную эмоциональную реакцию (чаще всего негативную) и провоцировать вовлечение. Это ведет к триумфу сенсационности над анализом, кликбейта над серьезной журналистикой.

– «Выдыхание» смысла: Любая глубокая идея, любое духовное учение, попав в мясорубку цифрового распространения, рискует быть упрощенным, упакованным в формат «5 шагов к просветлению» и превращенным в очередной продукт для потребления.

2.2. Подмена ценностей: от Бытия к Обладанию [2]

Система целенаправленно формирует новую иерархию ценностей, где:

– Духовное развитие подменяется внешним успехом (количеством подписчиков, статусом, видимым благополучием).

– Смысл жизни редуцируется до погони за экономической выгодой и новыми уровнями потребления.

– Аутентичность и глубина личности вытесняются тщательно курируемым цифровым аватаром – идеализированным образом себя.

В результате традиционные нравственные ориентиры (долг, сострадание, служение, честь) теряют свою актуальность, так как не имеют прямого денежного выражения и плохо поддаются количественному измерению.

3. Социальные и психологические последствия: феномен духовного истощения

3.1. Молодежь в виртуальном ареале

Наиболее остро кризис переживает молодое поколение, для которого цифровая среда – это не дополнение, а основное пространство социализации, самоидентификации и коммуникации. Это приводит к:

– Эмоциональному обеднению: Замена живого, спонтанного общения, с его невербальными сигналами, тактильностью и совместным опытом, на опосредованное цифровое лишает человека богатства эмоциональных нюансов.

– Формированию «клипового» сознания: Восприятие мира становится мозаичным, поверхностным, неспособным к длительной концентрации и построению сложных причинно-следственных связей. Это затрудняет усвоение классического культурного наследия – литературы, философии, сложного кинематографа.

– Экзистенциальному вакууму: Постоянно находясь в шуме информационного поля, человек сталкивается с внутренней пустотой, когда остается наедине с собой. Внешние стимулы исчезают, и он не находит внутренних опор, подлинных смыслов, которые не были бы навязаны извне.

3.2. Симптомы духовного истощения

– Аномия: Состояние безнормности, когда старые правила утрачены, а новые не выработаны.

– Рост тревожности и депрессии: Как следствие потери ориентации и чувства несоответствия навязанным цифровым идеалам.

– Цинизм и релятивизм: Убеждение, что «все продается и все покупается», что обесценивает любые высокие идеалы.

4. Пути преодоления: от кризиса к обновлению

Преодоление духовного кризиса не означает отказа от технологий или возврата в прошлое. Речь идет о сознательном выстраивании новой гармонии.

4.1. Возвращение к философскому осмыслению

Необходимо возродить интерес к фундаментальным вопросам: «Кто я?», «В чем смысл моей жизни?», «Что есть добро и зло?». Философия, не как академическая дисциплина, а как практика вопрошания и рефлексии, должна стать инструментом личного сопротивления диктатуре поверхностности.

4.2. Развитие критического мышления и медиаграмотности

Важно учиться (и учить детей) фильтровать информационные потоки, понимать механизмы манипуляции вниманием, распознавать коммерческие и идеологические интересы, стоящие за контентом.

4.3. Переориентация образования, культуры и искусства

Эти сферы не должны служить лишь для подготовки «квалифицированных кадров» для экономики. Их первостепенная задача – формирование целостной, внутренне свободной личности.

– Образование должно включать гуманитарные модули, развивающие эмпатию, этическое чувство и способность к критической рефлексии.

– Культура и искусство должны создавать пространство для диалога, сопереживания и поиска смыслов, а не просто быть развлечением или инвестицией.

4.4. Осознанное использование технологий

Необходимо вырабатывать цифровую гигиену: сознательно ограничивать время в сети, создавать «островки тишины» для себя, культивировать живое общение и пребывание на природе.

Кризис духовных ценностей в эпоху цифрового капитализма – это не приговор, а исторический вызов [3, 4]. Его преодоление лежит на пути осознанного выбора каждого человека и общества в целом. Ключом к решению является не отвержение прогресса, а утверждение примата человеческого над технологическим, духовного над материальным, бытия над обладанием [5].

Формирование нового идеала личности – свободной (от манипуляций и зависимостей), ответственной (перед собой, другими и планетой) и внутренне цельной (интегрирующей достижения разума и глубину духа) – это та великая задача, от решения которой зависит наше общее будущее.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 1989.
2. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.

3. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М., 2018.
4. Зубов С. В. Цифровой капитализм: политическая экономия цифровых платформ // Вопросы философии. 2020. № 5.
5. Хан Б.-Ч. Общество усталости. М., 2020. 160 с.

УДК 316.772

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Владимир Иванович Носов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Не имея жесткой биологической программы, человек вынужден создавать ее самостоятельно, опираясь на культуру, традиции, моральные нормы, которые передаются из поколения в поколение через воспитание и обучение. Эта культурная надстройка формирует его поведение, определяет его ценности и цели, направляет его развитие. Именно поэтому человек является не просто биологическим организмом, а существом социальным, культурным и духовным.

Открытость и незавершенность человека, с одной стороны, делает его уязвимым, но с другой – дает ему безграничный потенциал для развития и самосовершенствования. Он способен адаптироваться к любым условиям, создавать новые технологии, осваивать новые знания, преобразовывать мир вокруг себя. Эта способность к адаптации и творчеству является ключевым фактором его успеха в эволюционной борьбе.

Однако разумность и духовность человека не являются гарантией его благополучия и гармонии. Они могут быть использованы как во благо, так и во зло. Человек способен на гениальные открытия и великие произведения искусства, но также и на жестокие войны и разрушительные действия против природы. В этом заключается трагическая дилемма человеческого существования: обладая свободой воли и разумом, человек несет ответственность за свои действия и их последствия.

Человек предстает как сложная и противоречивая сущность, сочетающая в себе биологическое, социальное, культурное и ду-

ховное начала. Его определение не исчерпывается ни естественнонаучным, ни гуманитарным подходом, требуя комплексного и междисциплинарного анализа. Понимание сущности человека является ключом к решению многих проблем современности, включая вопросы экологии, морали, социальной справедливости и будущего цивилизации.

Культура предстает как сложный и многогранный механизм, опосредующий взаимодействие человека с окружающим миром и с самим собой. Она является той самой средой, в которой формируется личность, где природные задатки трансформируются в социальные навыки, а инстинктивные побуждения обретают цивилизованные формы.

Важно отметить, что культура не является застывшей данностью. Она постоянно развивается и изменяется, реагируя на новые вызовы и потребности общества. Этот процесс динамичен и противоречив, он включает в себя как сохранение традиций, так и инновации, как преемственность, так и отрицание. Культурные изменения могут происходить постепенно, эволюционным путем, а могут носить революционный характер, приводя к кардинальным переменам в мировоззрении и образе жизни людей.

Понимание культуры как системы, обеспечивающей основные потребности человека, позволяет взглянуть на нее с практической точки зрения. Культура не просто набор духовных ценностей или эстетических предпочтений, но и инструмент выживания и процветания общества. Она включает в себя технологии, социальные институты, формы организации труда и производства, а также способы распределения ресурсов.

В современном мире, характеризующемся глобализацией и культурным многообразием, особенно важно понимать взаимосвязь между различными культурами и находить пути для их мирного сосуществования и взаимообогащения. Это требует отказа от европоцентристских представлений и признания ценности каждой культуры, а также уважения к ее уникальным особенностям и традициям.

Изучение культуры позволяет нам лучше понять самих себя, свое место в мире и свое предназначение. Культура формирует нашу идентичность, определяет наши ценности и направляет наши действия. Она является той самой нитью, которая связывает

нас с прошлым, настоящим и будущим, и позволяет нам чувствовать себя частью человечества.

Культура, таким образом, предстает как сложная и многогранная система, охватывающая все аспекты человеческой жизни. Она является результатом не только удовлетворения базовых потребностей, но и стремления к самовыражению, познанию и созиданию. При этом материальные и духовные аспекты культуры тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, образуя единое целое.

Современные антропологические исследования все больше подчеркивают динамичный и изменчивый характер культуры. Культура не является застывшей данностью, а постоянно развивается и трансформируется под воздействием различных факторов, таких как технологический прогресс, глобализация, миграция и социальные изменения. В то же время, культура обладает определенной устойчивостью и способностью сохранять свои основные ценности и традиции.

Одним из ключевых элементов культуры является язык, который служит не только средством коммуникации, но и способом передачи и сохранения культурного наследия. Язык формирует наше мышление и восприятие мира, определяя наши ценности, убеждения и нормы поведения. Кроме того, культура проявляется в различных формах искусства, таких как музыка, литература, живопись, скульптура и театр, которые отражают и формируют наши эстетические представления.

Изучение культуры является важной задачей для понимания человеческой природы и общества. Культурная антропология позволяет нам увидеть разнообразие человеческих культур и оценить вклад каждой из них в мировую цивилизацию. Она помогает нам преодолеть этноцентризм и развивать межкультурное понимание и сотрудничество.

Культура представляет собой сложное и многогранное явление, которое охватывает все аспекты человеческой жизни. Она является результатом удовлетворения базовых потребностей, стремления к самовыражению, познанию и созиданию. Изучение культуры является важной задачей для понимания человеческой природы и общества, а также для развития межкультурного понимания и сотрудничества [3, с. 471–472].

Культура, таким образом, предстаёт не как статичный набор достижений, а как динамичный, постоянно меняющийся процесс, формирующий и формируемый обществом и индивидом. Она пронизывает все сферы жизни, от высоких идеалов до повседневных привычек, и оказывает глубокое влияние на восприятие мира и взаимодействие с ним.

В контексте глобализации и ускоряющихся социальных изменений особенно важна способность к адаптации и созданию новых культурных форм. Культура становится инструментом самоопределения и социальной интеграции, позволяя сохранять идентичность в условиях многообразия и взаимодействовать с другими культурами на основе взаимопонимания и уважения. В этом процессе роль интеллектуалов и творческих деятелей возрастает, поскольку они выступают в качестве новаторов, предлагающих новые смыслы и формы культурного самовыражения.

Российская ситуация, отмеченная утратой старых и нехваткой новых традиций, требует осознанного подхода к формированию культурной политики. Необходимо не только критически осмысливать прошлое и настоящее, но и активно содействовать развитию новых культурных инициатив, поддерживать творческие сообщества и создавать условия для диалога между различными группами общества. Только таким образом можно преодолеть культурный вакуум и сформировать прочную основу для устойчивого развития страны.

При этом важно понимать, что создание новых культурных традиций – это не одномоментный акт, а длительный и сложный процесс, требующий времени, усилий и широкого участия общественности. Он предполагает не только воспроизводство прошлого опыта, но и творческую переработку и адаптацию его к современным условиям. В этом процессе важную роль играют образовательные институты, средства массовой информации и культурные организации, которые способствуют распространению новых знаний, формированию новых ценностей и развитию культурного самосознания.

Создание новых культурных традиций – это залог успешного развития общества, способного адаптироваться к вызовам современности и сохранять свою идентичность в глобальном мире. Это задача, требующая объединенных усилий государства, обще-

ства и каждого отдельного человека, осознающего свою ответственность за будущее своей культуры [2, с. 41] .

Власть, пронизывающая повседневную коммуникацию, проявляется в тонких механизмах социального контроля, закрепленных в языке и ритуалах. Через язык передаются не только знания, но и нормы, предписания, иерархии. Понятие "нормальности" конструируется и поддерживается посредством коммуникативных практик, исключая или маргинализируя иные способы выражения и бытия.В контексте глобализации и ускорения технологического прогресса, культура общения приобретает новые измерения. Виртуальное пространство становится ареной, где происходит постоянная переоценка ценностей, создаются новые идентичности и формируются альтернативные сообщества. Однако, это также открывает новые возможности для манипуляции сознанием и распространения дезинформации.

Культура общения характеризуется поливариантностью и фрагментарностью. Индивид сталкивается с множеством информационных потоков, различных точек зрения и противоречивых ценностей. Ориентация в этом сложном лабиринте требует критического мышления, способности к анализу и умения отличать достоверную информацию от фейков.

В современном обществе возрастает важность не только содержания коммуникации, но и формы. Способность выражать свои мысли четко, убедительно и уважительно становится ключевым навыком для успешной социализации и построения межличностных отношений. Культура общения предполагает эмпатию, толерантность и готовность к диалогу с представителями различных культур и мировоззрений [1, с. 548].

Сложность морально-этических суждений обусловлена их субъективным характером и зависимостью от культурных, исторических и индивидуальных особенностей. То, что считается добром и злом, прекрасным и безобразным, может существенно различаться в разных обществах и периодах времени. Более того, сами понятия морали и эстетики подвержены постоянной эволюции и переосмыслению.

В контексте коммуникации это означает, что участники диалога должны учитывать не только рациональные аргументы, но и ценностные установки друг друга. Понимание и уважение чужих моральных принципов становится необходимым условием

для достижения взаимопонимания и продуктивного сотрудничества. В противном случае, даже при наличии объективных фактов и логических доводов, коммуникация может зайти в тупик из-за несовместимости ценностных ориентаций.

Повышение компетентности в коммуникации предполагает, в частности, развитие способности к эмпатии и толерантности. Умение встать на место другого человека, понять его мотивы и ценности, даже если они отличаются от собственных, позволяет преодолевать коммуникативные барьеры и находить общие точки соприкосновения. Консенсус в таких ситуациях достигается не путем навязывания своей точки зрения, а путем взаимного учета интересов и ценностей всех участников.

Таким образом, коммуникация в сфере морально-этических суждений представляет собой не просто обмен информацией, а сложный процесс взаимного обучения и адаптации. Участники коммуникации не только повышают свою компетентность в предметной области, но и обогащают свой моральный опыт, расширяют границы своего понимания мира и самих себя. В результате, согласованные решения, принятые в условиях уважения и взаимопонимания, оказываются более обоснованными и устойчивыми.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы М. : Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 576 с.

УДК 172

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

София Олеговна Вавилова[1], Ангелина Александровна Радайкина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Бурное развитие информационного-коммуникационных технологий способствовало возникновению термина «цифрови-

зация». Повсеместное использование сети Интернет в 1990-е годы стало катализатором этого процесса.

В настоящий период человечество проходит этап ускоренного развития. Ряд научных деятелей характеризуют этот этап как «третью информационную волну», «технологическую сингулярность», «четвертую технологическую революцию». Так или иначе, социум подвергается генно-культурной эволюции. Роберт Фогель называет эту траекторию развития технико-физиологической эволюцией, а Джонас Солк – эволюцией метабиологической [3, с. 78].

Отсутствие общей концепции как Digital Humanities (Цифровых гуманитарных наук; далее DH) в целом, так и цифровой философии в частности, означает, что они реализуют себя через множество своих частных проявлений – программных инструментов и построенных на них исследовательских проектах. В этом смысле можно говорить, что к описанию внутреннего устройства DH хорошо подходит понятие ризомы, введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари в 1970-е годы, хотя и использовавшееся ими в ином контексте. Ризома есть децентрализованная форма упорядочивания, в которой отсутствует единый центр, концентрирующий в себе смысловой или материальный ресурс и определяющий периферийные элементы. Метафора ризомы хорошо показывает как взаимодействуют и развиваются DH и в них цифровая философия, подобно множеству разветвленных «корешков» – исследовательских проектов, иногда функционирующих независимо друг друга, иногда объединяющихся в некоторые формы коллаборации, в иных случаях, напротив, расходящихся в разные методологические стороны [1, с. 1168].

Одна из линий развития цифровой философии, занимающаяся онтологической проблематикой, генетически восходит к натурализму, монизму, физикализму. Цифровая онтология продолжает классическую программу реалистического редукционизма, причем один из наиболее активных представителей этой линии исследователей Э. Фредкин прямо называет свой проект «цифровым механицизмом». Как характеризует проект Э. Фредкина исследователь цифровой философии А. В. Макулин – «базовое предположение данной концепции заключается в том, что вселенная – это гигантский тьюринг – полный клеточный автомат» [1, с. 1168].

«Цифровое» в рамках цифровой онтологии выступает в роли объяснительного принципа устройства мира. Начало популяризации идеи, представляющей мир в качестве вычислительной машины, что также называют панкомпьютерализмом, принято относить к соответствующим идеям инженера и математика К. Цузе, высказанным им в работе «Вычисление пространства». Однако, несмотря на критику, данное направление поддерживается работами ряда ученых, преимущественно физиков и математиков, таких как С. Вольфрам и Г. Хайтин [1, с. 1168].

Термин визиософия предложен А. В. Макулиным в качестве обозначения исследовательского проекта по визуализации философского знания. Это направление находится на стыке философии сознания, философии языка и исследований инструментария цифровых технологий.

Основным тезисом визиософии является концептуализация и реализация «визуального поворота», по аналогии с «лингвистическим поворотом» начала XX века. «Визиософия – как образно-визуальная точка зрения на философию… на фундаменте концепций образно-визуального мышления, визуализации научного и философского знания, общей теории инфографики и технологий Digital Humanitius, концепций образной и визуальной логик. Общими идейными метаустановками являются два знаменитых поворота в развитии гуманитарных наук – визуальный поворот и вычислительный поворот» [1, с. 1169].

«Пучок корешков» ризомы цифровой философии объединен общей целью – раскрытием вопроса, каким образом цифровые технологии преобразуют социум и человека в самых различных областях и подсистемах. Например, в рамках цифровой социальной философии Е. Фишер изучает, каким образом цифровизация стала основным трендом и брендом «нового капитализма» вместо господствовавших там ранее глобализации и постмодернизма.

В рамках цифровой антропологии исследуются трансформации человеческой социализации, деятельности и ценностей. Например, исследование группы авторов, которые полагают, что «цифровой человек» станет принципиально иным аксиологическим субъектом по сравнению с предшественниками. Или с социально-эпистемологических позиций отследить, каким образом научное познание, обусловленное социальными предпосылками знания, изменяется в процессе цифровизации. Даже такие темы,

как религиозность, могут изучаться в рамках цифровой антропологии, как это делает К. Кьюсак, исследуя трансформации религиозности и подходов к ней в популярной культуре, определяющей характеристикой которой является протекание в цифровой среде [1, с. 1169].

Выделение философии цифровых медиа в качестве отдельного направления в рамках цифровой философии может показаться спорным с точки зрения классического разделения научных дисциплин по объектам исследования. Одной из групп исследовательских проектов в области философии цифровых медиа являются прагматически ориентированные исследования в области инструментов коммуникации. А. В. Макулин обобщает это в понятии «интеллектуальных систем» – «программного обеспечения, позволяющего расширять возможности гуманитарных изысканий посредством использования средств компьютерного программирования и моделирования, создания баз данных, алгоритмов извлечения ин формации, построения графических визуализаций и т.д.». Впрочем, большинство этих инструментов не специфичны для философии и могут рассматриваться как общие для всех DH [1, с. 1170].

Значительное место в ризоме цифровой философии занимают те ее исследовательские проекты, целью которых является социальная критика роли цифровых технологий в современном социуме, научная критика идей цифровой философии, критика практики DH и цифровой деятельности в целом. Критичность позиций может варьироваться от рассмотрения конкретных проблем цифровых технологий при общем признании ее в качестве инструмента деятельности, в том числе и научной, до полного киберскептицизма – утверждения о преимущественной вредоносности цифровых технологий или фиктивном характере цифровизации.

К умеренной критике относится работа немецкого профессора М. Таллера. Он выделяет ряд проблемных моментов в рамках применения цифровых технологий в гуманитарных исследованиях:

– потеря фокуса, что подразумевает, что внедрение цифровых технологий в научные исследования приводит к смещению целей исследования;

– сужение области применения, что означает происходящую на практике редукцию DH до цифровой обработки текстов;

– цикличный характер развития. М. Таллер указывает, что развитие DH представляет собой циклическое явление, при котором появление новых технологий вызывает первоначальный широкий исследовательский интерес у ученых-гуманитариев, что приводит к институциализации;

– технология – от Бога? Под таким заголовком М. Таллер рассматривает проблему фетишизации цифровых технологий. При этом, с другой стороны, у гуманитарного сообщества и социума в целом наблюдается и отношение к технике как к чему-то низкому и прагматическому [1, с. 1173].

Логично утверждать, что человек отражает ту среду, в которой он существует, начиная отсчет с физико-химической структуры, включая структуру коммуникации, свойства психики и заканчивая культурной и мировоззренческой составляющей.

Парадоксально, но цифровые технологии, стремительно формирующие экзоскелет человеческого мозга, создают огромную вероятность атрофических процессов природных интеллектуальных функций своего создателя – человека. Многокомпонентное ежедневное взаимодействие с цифровой средой происходит синхронно с изменением качества самой потребляемой информации. Например, подобное явление находит отражение в возрастании формализма отношений между людьми и упрощении структуры коммуникации, которая стала напоминать разветвленную ризому. Фактически цифровые разработки, вводя пользователей в стабильную зависимость, систематически изменяют само понимание и представление о качественном понимании образа человеческого интеллекта и его полноценной социальной и когнитивной процессуальности. Наша экзистенция, тесно связанная с цифровым миром, испытывает на себе ранее не происходившие трансформации. Не успевая окончательно адаптироваться к изменившимся условиям, человек предстает уже перед новыми «правилами» и «средствами». Тем не менее, весомая часть цифровых разработок воспринимается как обыденность и ежедневная необходимость, поэтому нами практически не осознается вся суть происходящего [3, с. 79].

Однозначно ответить на вопрос, каково влияние информационно-коммуникационных технологий достаточно затрудни-

тельно. Исследования учёных продолжаются и в теоретическом, и в практическом аспекте. Пополняется эмпирическая база для формулировки закономерностей и тенденций явления. Эмпирическая деятельность в данном направлении часто даёт противоречивый фактический материал, который требует дополнительных исследований когнитивных процессов. Влияет на объективность изучения и стремительно меняющаяся среда, которая интенсивно развивается, не позволяя точно фиксировать моменты изменений и их последствия. Эти проблемы остаются открытыми и требуют дополнительного времени для проявления тех или иных процессов, а также разработки необходимого для этого инструментария. Ясно одно, что современная личность подвержена трансформации под влиянием процесса глобальной цифровизации. Изучение этого феномена составляет один из векторов развития современной научной мысли [2, с. 205].

Список литературы

1. Груздев А. А., Самарин А. С., Илларионов Г. А. Проекты цифровой философии в контексте развития DIGITAL HUMANITIES // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2023. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proekty-tsifrovoy-filosofii-v-kontekste-razvitiya-digital-humanities

2. Ермаков П. Н., Ключко Д. С. Влияние цифрового мира на современного человека // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13, № 1. URL: https://mir-nauki.com/PDF/07PSMN125.pdf

3. Лазинина Е. В. Цифровые технологии как фактор влияния на социальную реальность современного человека // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-kak-faktor-vliyaniya-na-sotsialnuyu-realnost-sovremennogo-cheloveka

Раздел 6
ГУМАНИТАРНАЯ КАРТИНА МИРА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ

УДК 004.8

МОЖЕТ ЛИ КОМПЬЮТЕР МЫСЛИТЬ? ТЕСТ ТЬЮРИНГА И КИТАЙСКАЯ КОМНАТА

Герман Михайлович Кириллов[1],
Дмитрий Сергеевич Люльков[2],
Иван Андреевич Кручинкин[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Вопрос о возможности машинного мышления волнует человечество с момента появления первых вычислительных устройств. Ещё в XVII веке Рене Декарт утверждал, что машины не могут мыслить, поскольку лишены сознания и способности к настоящей речи. Однако с развитием компьютерных технологий эта проблема приобрела новую актуальность. Современные системы искусственного интеллекта демонстрируют впечатляющие результаты в различных областях – от распознавания образов до генерации текстов, – что заставляет задуматься о природе их «интеллекта».

Алан Тьюринг в своей знаменитой статье «Вычислительные машины и разум» (1950) предложил отказаться от абстрактного вопроса «Может ли машина мыслить?» в пользу более практического: «Может ли машина успешно имитировать человека в диалоге?» [1]. Согласно тесту Тьюринга, если компьютер способен вести беседу так, что человек-судья не может отличить его ответы от ответов другого человека, то можно считать, что машина обладает интеллектом.

Важно отметить, что Тьюринг не рассматривал свой тест как доказательство наличия сознания у машины. Он предлагал его как операциональный критерий, позволяющий избежать метафизических споров о природе мышления. В современной интерпретации тест Тьюринга эволюционировал в различные со-

ревнования, такие как конкурс Лёбнера, где чат-боты соревнуются в способности имитировать человеческое общение.

Критики теста Тьюринга указывают на несколько фундаментальных проблем:

– Поведенческий редукционизм: тест сводит сложное понятие интеллекта к внешним поведенческим проявлениям.

– Антропоцентризм: критерием интеллекта принимаются именно человеческие характеристики.

– Ограниченность диалоговой формы: тест не проверяет другие аспекты интеллекта, такие как творчество или эмоциональный интеллект.

Наиболее известным контраргументом против теста Тьюринга является мысленный эксперимент Джона Сёрла «Китайская комната» (1980) [2]. Сёрл предлагает представить человека, который не знает китайского языка, но находится в комнате с набором правил (набором инструкций), позволяющих ему манипулировать иероглифами так, чтобы отвечать на вопросы на китайском. Для внешнего наблюдателя человек в комнате понимает китайский, но на самом деле он лишь формально следует инструкциям, не понимая смысла.

Эксперимент Сёрла ставит под сомнение несколько ключевых положений классического ИИ:

1. Синтаксис ≠ семантика: формальная обработка символов не порождает понимания

2. Отсутствие интенциональности: у компьютера нет genuine intentional states (убеждений, желаний, намерений)

3. Проблема сознания: даже успешная имитация интеллектуального поведения не означает наличия субъективного опыта

Ответы на аргумент Сёрла можно разделить на несколько категорий:

– Аргумент системы: понимание возникает не у человека в комнате, а у системы в целом.

– Аргумент виртуальной машины: психические состояния могут быть реализованы на разных физических субстратах.

– Функционалистский ответ: если система функционально эквивалентна человеку, то она обладает и ментальными состояниями.

Развитие технологий машинного обучения, особенно появление больших языковых моделей (таких как GPT, BERT и дру-

гих), вновь актуализировало дискуссию о машинном мышлении [3, 4]. Современные нейросети демонстрируют способности, которые ранее считались исключительной прерогативой человека:

– Генерация связных текстов на естественном языке.

– Решение сложных логических задач.

– Творческая деятельность (сочинение стихов, создание изображений).

Однако остаётся открытым вопрос: являются ли эти способности свидетельством настоящего мышления или же это сложная статистическая обработка данных? Сторонники «сильного ИИ» указывают на то, что человеческое мышление также может быть описано как computational process. Критики же подчёркивают, что нейросети, несмотря на свою сложность, остаются системами pattern recognition без genuine understanding.

Современные исследования в области нейробиологии предлагают новые перспективы для понимания природы мышления. Изучение neural correlates of consciousness показывает, что сознательные переживания связаны с определёнными паттернами нейронной активности. Это ставит вопрос: могут ли аналогичные процессы быть воспроизведены в искусственных нейронных сетях?

Интегративная информационная теория сознания (IIT) Джулио Тонони предлагает математический подход к измерению уровня сознания системы [5]. Согласно этой теории, сознание зависит от способности системы интегрировать информацию. Если применять критерии IIT к современным компьютерам, то они пока не демонстрируют достаточного уровня integrated information.

В философии сознания доминируют несколько основных подходов к проблеме машинного мышления:

Функционализм утверждает, что ментальные состояния определяются их функциональной ролью, а не физической реализацией. С этой точки зрения, если компьютер может выполнять те же функции, что и человеческий мозг, он должен обладать и ментальными состояниями.

Биологический натурализм Сёрла, напротив, настаивает на том, что сознание является биологическим феноменом, связанным с конкретной биологической организацией.

Эмерджентизм предлагает компромиссную позицию: сознание может emerge из достаточно сложных систем, независимо от их физической природы. С этой точки зрения, компьютеры по-

тенциально могут обладать сознанием, если достигнут определённого уровня сложности и организации.

Дискуссия о машинном мышлении имеет не только теоретическое, но и практическое значение [6–8]. Если компьютеры действительно способны мыслить, это порождает серьёзные этические вопросы:

– Моральный статус искусственного интеллекта;

– Права мыслящих машин;

– Ответственность за действия автономных систем.

Кроме того, разработка продвинутых систем ИИ ставит практические вопросы безопасности и контроля, которые требуют заблаговременного решения.

Вопрос о том, может ли компьютер мыслить, остаётся одним из самых сложных и многогранных в современной науке и философии. Тест Тьюринга предлагает полезный поведенческий критерий, но не решает проблему сознания. «Китайская комната» Сёрла убедительно показывает разрыв между синтаксической обработкой и семантическим пониманием, однако современные достижения в области ИИ заставляют пересматривать и этот аргумент.

Дальнейшее развитие искусственного интеллекта, вероятно, потребует не только технических инноваций, но и глубокого философского осмысления природы сознания, мышления и интеллекта. Междисциплинарный подход, объединяющий философию, компьютерные науки, нейробиологию и когнитивную психологию, представляется наиболее перспективным для решения этой фундаментальной проблемы.

Список литературы

1. Тьюринг А. М. Вычислительные машины и разум // Mind. 1950. Т. 59. С. 433–460.

2. Сёрл Дж. Разум, мозг и программы // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Т. 3. С. 417–457.

3. Деннет Д. С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М. : ИД ЯСК, 2020. 384 с.

4. Пенроуз Р. Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики. М. : Едиториал УРСС, 2005. 402 с.

5. Тонони Д. ФИ: теория сознания, основанная на интегрированной информации. М. : Когито-Центр, 2021. 256 с.

6. Хофштадтер Д. Р. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. М. : АСТ, 2022. 752 с.

7. Шумский С. А. Нейросетевые модели сознания и мышления // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 45–58.

8. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford : Oxford University Press, 2014. 328 p.

УДК 1

ЦИФРОВОЙ ЛЕВИАФАН: ЭТИКА ДАННЫХ И НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ВЛАСТИ В XXI в.

Герман Михайлович Кириллов[1],
Артем Юрьевич Комаров[2],
Артем Игоревич Сташук[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Метафора Левиафана, предложенная Томасом Гоббсом в одноимённом трактате XVII века, традиционно символизировала абсолютную власть государства, обеспечивающую порядок и безопасность в обмен на добровольное ограничение индивидуальной свободы. Однако в XXI веке эта метафора приобретает новое философское звучание. Сегодня «Цифровой Левиафан» обозначает не просто централизованную политическую силу, но сложную совокупность институтов, технологий и алгоритмов, которые управляют обществом посредством данных. Если классический Левиафан Гоббса воплощал телесность государства – «искусственного человека», чья сила зиждется на согласии подданных, – то цифровой Левиафан представляет собой сетевое, распределённое образование, действующее незримо, но повсеместно. Его власть реализуется не через прямое принуждение, а через управление информационными потоками, формирование когнитивных привычек и алгоритмическое моделирование поведения.

Цель данного исследования заключается в философском анализе феномена «Цифрового Левиафана» как новой формы власти, выстраивающей социальный порядок на основе данных, алгоритмов и цифровой инфраструктуры. В задачи работы вхо-

дит, во-первых, проследить эволюцию метафоры Левиафана от классической политической философии к современным концепциям цифрового общества; во-вторых, проанализировать, как сетевые структуры власти формируют новые механизмы контроля; и, в-третьих, выявить этические и антропологические вызовы, связанные с алгоритмизацией общественной жизни. Объектом исследования выступает феномен цифровой власти, а предметом – её философско-этическое содержание и последствия для свободы личности.

Актуальность темы определяется тем, что в эпоху повсеместной цифровизации власть перестаёт быть исключительно атрибутом государства. Она становится распределённой между транснациональными корпорациями, платформами и сетевыми алгоритмами, которые формируют инфраструктуру контроля. Как показывает М. Кастельс, современное общество существует в форме сетей, а власть реализуется через управление потоками информации [6, с. 87]. В этих условиях данные становятся новым видом капитала, определяющим не только экономические, но и политические отношения. Скандал с Cambridge Analytica, когда персональные данные миллионов пользователей Facebook были использованы для микротаргетинга политической рекламы, продемонстрировал, как алгоритмы способны управлять не только потребительским поведением, но и демократическими процессами [12].

Степень разработанности проблемы отражает активное внимание философов, социологов и культурологов к проблеме власти в цифровом обществе. М. Кастельс предложил концепцию «сетевого общества», в котором власть циркулирует по каналам информации и коммуникации [6]. Ж. Бодрийяр развил идею симулякров и гиперреальности, показав, что в современном мире власть осуществляется через знаки, символы и медиированные представления [2, 3]. З. Бауман исследовал феномен текучей современности и ускользающего контроля в глобализированном мире [1]. В отечественной философии И. Стечкин обращается к проблеме цифровой этики и необходимости формирования ответственности в цифровой среде [9]. Вклад этих мыслителей заключается в том, что они заложили основы осмысления власти как сетевого, коммуникационного и символического феномена,

что позволяет рассматривать цифровизацию не только как технологический, но и как философско-политический процесс.

Однако обращение к гоббсовской метафоре Левиафана в контексте цифровизации остаётся сравнительно мало исследованным направлением. Современная философия данных и сетевой власти редко рассматривает цифровую трансформацию общественного договора, лежащего в основе гоббсовского понимания государства. В XXI веке этот договор приобретает новую форму: человек добровольно передаёт свои персональные данные – часть собственной свободы – в обмен на цифровое удобство, безопасность и участие в сетевом взаимодействии. Возникает то, что можно назвать «алгоритмическим общественным договором», где акт согласия выражается не через политическую волю, а через акцепт пользовательских соглашений и взаимодействие с интерфейсами.

Ещё одним слабо разработанным аспектом является антропологическая трансформация, связанная с переходом от страха перед государственным сувереном (у Гоббса) к страху перед исключением из цифрового пространства. Если для гоббсовского человека главным было сохранение жизни, то для современного цифрового субъекта – сохранение присутствия в сети. Таким образом, страх утраты «цифровой видимости» становится новой формой подчинения, а цифровой Левиафан выступает как невидимый суверен, управляющий через алгоритмы, привычки и желания, а не через прямое насилие.

Эти идеи позволяют расширить существующие подходы к анализу цифровой власти, соединяя классическую политическую философию Гоббса с теориями сетевого общества и этики данных. В таком ракурсе цифровая власть предстает как новая архитектура социального договора, где центром легитимности становится не государство, а алгоритм.

Новизна данного исследования состоит в интерпретации цифровой власти через призму метафоры Левиафана как новой формы социального порядка, где центром власти становится не суверен, а алгоритм. В отличие от гоббсовского Левиафана, который требовал видимого акта подчинения, цифровой Левиафан действует незаметно, внедряясь в повседневные практики через интерфейсы, приложения и системы рекомендаций. Его сила основана на манипуляции вниманием и управлении восприятием.

Эта новая архитектура власти сочетает в себе элементы биополитики (в терминах М. Фуко) и символического контроля (в духе Ж. Бодрийяра), превращая информационные потоки в инструмент формирования социальной реальности.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-аналитический, структурно-семиотический и системный методы. Сравнение классического и цифрового Левиафана позволяет выявить переход от принудительной к алгоритмической власти; семиотический подход помогает раскрыть механизмы производства гиперреальности и символического контроля; а системный анализ – рассмотреть цифровую власть как интегрированную сеть взаимодействий государства, корпораций и пользователей [10, 15]. Применение этих методов позволило комплексно рассмотреть феномен цифровой власти как философскую проблему, выходящую за пределы политической теории.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии концепции власти как распределённой и алгоритмической структуры, что расширяет возможности философского анализа современной социальной реальности. Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы могут быть использованы при формировании этических и нормативных принципов регулирования цифровых технологий, а также в разработке образовательных программ по цифровой этике и философии технологий [5, 8].

Рассматривая власть как способность формировать реальность, Ж. Бодрийяр отмечал, что современное общество живёт в состоянии гиперреальности, где знаки подменяют реальное [2, с. 73]. В цифровую эпоху это проявляется особенно остро: социальные сети и медиаплатформы создают мир, в котором человек взаимодействует не с действительностью, а с алгоритмически сконструированными образами. Э. Паризер показал, что персонализированные ленты новостей формируют «фильтровые пузыри», ограничивая информационное поле пользователя и закрепляя мировоззренческую изоляцию [14]. Таким образом, цифровая власть действует не только в сфере политики или экономики, но и в сфере сознания, определяя, что именно человек видит, во что верит и как интерпретирует реальность.

Проблема этики данных становится одной из центральных в философии XXI века. Как отмечает И. Стечкин, цифровая от-

ветственность должна стать новой формой этической рефлексии, учитывающей влияние алгоритмов на человеческие судьбы [9, с. 139]. Использование систем предиктивной аналитики, таких как COMPAS, выявило проблему алгоритмической предвзятости [11]. Аналогичные риски наблюдаются в России, где автоматизированные системы применяются в кредитовании, образовании и сфере госуслуг [4]. Возникает вопрос: кто несёт ответственность за решения, принятые машиной, если они влияют на доступ человека к социальным благам? Эти примеры показывают, что цифровизация требует формирования этической экспертизы технологий, способной предотвращать дискриминационные и несправедливые практики.

Этические вызовы универсальны. Предиктивная полиция, системы массового наблюдения, алгоритмы рекомендаций – всё это формирует новую реальность контроля, где границы приватности и свободы становятся всё более размытыми. Алгоритмы, подобные PredPol в США, распределяют ресурсы полиции на основе исторических данных, тем самым воспроизводя структурную предвзятость [13]. В России аналогичные дискуссии сопровождают проекты «Умный город» и системы видеонаблюдения с элементами искусственного интеллекта, усиливающие риск цифрового паноптикума [7]. Ш. Зубофф называет этот процесс «капитализмом слежки», подчёркивая, что данные превращаются в средство извлечения прибыли и управления поведением [16, с. 67].

Таким образом, цифровизация радикально меняет природу власти. Если классический Левиафан Гоббса имел центр и субъектность, то цифровой Левиафан распределён в алгоритмах, серверах
и платформах. Его власть не навязывается силой, а действует скрыто – через интерфейсы и пользовательские соглашения. Она безлична, но всепроникающа, что делает философию вновь необходимым инструментом критического осмысления.

Философская рефлексия над «Цифровым Левиафаном» позволяет выявить угрозы тотальной алгоритмизации и наметить пути к этически ответственному использованию технологий. Сохранение свободы и достоинства человека требует развития цифровой этики, критического мышления и правовых механиз-

мов, обеспечивающих прозрачность алгоритмов и защиту данных. Только сочетание философского, этического и правового подходов позволит превратить технологии в средство служения человеку, а не контроля над ним.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация: последствия для человека. М. : ВШЭ, 2004.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2006.
4. Власов А., Михайлов А. Алгоритмическое управление и цифровая бюрократия в России // Философские науки. 2021. № 5.
5. Иванов Д. Цифровая трансформация и большие данные в российском образовании // Вопросы философии. 2023. № 7.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
7. Смирнов П. Умный город и цифровой контроль: российский контекст // Общественные науки и современность. 2022. № 4.
8. Современные исследования по цифровой этике и философии технологий (2020–2024). URL: cyberleninka.ru
9. Стечкин И. Этика цифрового общества. М. : Изд-во РАН, 2018.
10. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. М. : ВШЭ, 2007.
11. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias // ProPublica, 2016. URL: propublica.org
12. Cadwalladr C., Graham-Harrison E. The Cambridge Analytica Files // The Guardian. 2018. March 18.
13. Lum K., Isaac W. To Predict and Serve? // Significance. 2016. № 13 (5). P. 14–19.
14. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You. Penguin Press, 2011. 294 p. URL: academia.edu
15. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. Basic Books, 2011. 384 p. URL: theguardian.com
16. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. New York : Public Affairs, 2019. 704 p.

УДК 303.01

ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОГО БЕССМЕРТИЯ: МОЖНО ЛИ ОЦИФРОВАТЬ «ЛИЧНОСТЬ»

Герман Михайлович Кириллов[1],
Софья Михайловна Клочкова[2],
Роман Сергеевич Тихонов[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Проблемы жизни, смерти и бессмертия человечеством осмысляются с древности. Уже Платон утверждал, что душа бессмертна, а тело смертно, что создавало различие между вечной природой сознания и тленностью материи. В эпоху научно-технического прогресса XX–XXI веков идея бессмертия получает новую форму – цифровую. Цифровое бессмертие понимается как гипотетическая возможность сохранения личности посредством технологий – переноса сознания или его копии на цифровые носители. На основе данных о человеке создаётся цифровая модель, имитирующая его память, поведение и реакции, а в перспективе – способная продолжать существование после смерти оригинала [1, 7]. Сторонники трансгуманизма рассматривают цифровое бессмертие как шаг к преодолению биологических ограничений [2]. Проекты вроде «Глобальное будущее 2045» провозглашают целью создание небиологических копий мозга человека, что должно обеспечить «вечное существование» личности в искусственной среде [1]. Однако противники указывают: копия не тождественна оригиналу, а субъективное «Я» не переносится – создаётся лишь новый объект, повторяющий прежние черты [7]. Это ставит под сомнение саму идею идентичности и непрерывности сознания.

Актуальность темы обусловлена стремительным развитием нейротехнологий, искусственного интеллекта и сетевых коммуникаций, которые сближают философию и технику. Уже сегодня создаются прототипы нейроинтерфейсов, позволяющих частично интегрировать мозг человека с компьютерными системами [4]. Одновременно появляются новые этические и правовые вызовы: вопрос о владении цифровыми данными, защите личной информации и определении границ «цифрового послесмертия» [5, 6].

Как отмечает Назарова, этические проблемы цифрового бессмертия переходят в онтологическую плоскость, заставляя переосмыслить понятие человека и смерть как категорию [6].

Главный вопрос цифрового бессмертия – сохраняется ли личность при копировании сознания. В классической философии этот вопрос связан с проблемой тождества. Согласно Локку, личность определяется памятью и потоком сознания: пока человек помнит себя, он остаётся тем же. Эта идея лежит в основе большинства аргументов в пользу цифровой идентичности [2]. Если копия воспроизводит память и характер, значит, она «продолжает» прежнее *Я*. Однако Дерек Пэрфит в книге *Reasons and Persons* показывает, что при копировании сознания нет «дополнительного факта» самости. Психологическая связанность не гарантирует сохранения субъекта – копия лишь разделяет сходные воспоминания и мотивации. В мысленных экспериментах Пэрфита, когда из одного мозга создаются две копии, каждая считает себя оригиналом, но первичное сознание не переживает этот процесс. Следовательно, копирование не есть продолжение личности, а рождение новой. Материалистическая позиция утверждает, что сознание не существует отдельно от тела. Личность – это функция мозга, а не абстрактный набор данных. Как писал К. Ламонт, «личность не может быть отделена от тела в большей степени, чем дыхание от живого организма». Отделение сознания от биологического носителя превращает его в символ или отражение, но не сохраняет саму сущность. При этом технологический оптимизм сторонников трансгуманизма базируется на представлении, что достаточно скопировать структуру нейронных связей – и сознание «воссоздастся» [1, 2]. Но подобный подход игнорирует внутреннюю динамику психики и уникальность субъективного опыта. Современные попытки понять цифровое бессмертие опираются на нейронауку и когнитивные исследования. Предлагается моделировать мозг как сеть взаимосвязанных элементов (коннектом), где личность – это совокупность нейронных паттернов [1, 7]. Однако, как подчёркивает Марк Хамфрис (Университет Ноттингема), коннектом фиксирует лишь статическое состояние мозга, не отражая силу синапсов, электрическую активность и динамику процессов. Даже точная карта нейронных связей не способна воспроизвести живое сознание [4]. Аналогия с фотографией уместна: снимок сохраняет форму, но не движе-

ние и жизнь. Проблема сознания, известная как «трудная проблема» Д. Чалмерса, остаётся открытой. Мы не знаем, как из физических процессов рождается субъективный опыт [7]. Даже если построить функциональную копию мозга, остаётся вопрос: возникнет ли у неё «внутреннее ощущение существования»? Для материалистов сознание – результат деятельности мозга, значит, его можно смоделировать [3]. Для дуалистов и идеалистов – это нематериальная субстанция, и никакая цифровая модель не воспроизведёт душу [7]. Поэтому цифровое бессмертие оказывается не только технологическим, но и метафизическим вызовом [6, 7]. Ряд философов вводит мысленные эксперименты постепенной замены нейронов искусственными аналогами. Предполагается, что если процесс идёт непрерывно, личность сохраняется [7]. Однако остаётся сомнение: не возникает ли при этом новая личность с прежними воспоминаниями? Даже постепенный перенос сознания не гарантирует сохранения субъективного потока «Я» [7]. Следовательно, оцифровка скорее создаёт нового субъекта, чем переносит старого [7]. Проблема цифрового бессмертия выходит за рамки философии сознания. Она затрагивает вопросы права, морали и социальной справедливости [5, 6]. Если цифровая копия сохраняет черты личности, должна ли она иметь правовой статус? Кому принадлежат данные оцифрованного человека? Можно ли «удалить» копию без её согласия – и не будет ли это «второй смертью»? Этические дилеммы усиливаются с появлением технологий, позволяющих создавать и изменять цифровые личности [5, 6]. Если личность можно копировать, возникает риск подделки сознания, манипуляций и утраты автономии [5, 7]. Цифровое послесмертие может стать формой эксплуатации памяти умерших [6]. Возникает и вопрос согласия: допустимо ли сохранять личность без прижизненного разрешения [6]? Трансгуманистический оптимизм обещает «вечную жизнь» в цифровой форме, но в действительности может привести к обесцениванию человеческой конечности [2, 1]. Смерть перестаёт восприниматься как завершение жизненного пути и превращается в технический сбой [7]. Это изменяет само понимание человеческого существования. Как отмечает Назарова, цифровое бессмертие заставляет философски переосмыслить границы бытия и смысл смерти. С точки зрения биоэтики, идея продления жизни любой ценой нарушает баланс между качеством и длительностью существования [6]. Если циф-

ровое бессмертие станет доступно лишь элите, это усилит социальное неравенство [6]. Появится новая форма стратификации – деление на «смертных» и «оцифрованных» [6]. Кроме того, цифровые копии могут использоваться в экономике как трудовые или информационные единицы, что приведёт к новым видам зависимости. Философы предупреждают: цифровое бессмертие не решает проблему смысла жизни, а лишь отодвигает её. Если сознание бесконечно существует в искусственной среде, то где граница личной истории и что остаётся от человеческой индивидуальности? Возможность бесконечного существования может привести не к освобождению, а к утрате подлинного опыта [6, 7].

Философия цифрового бессмертия соединяет метафизические, этические и технологические вопросы. Она демонстрирует, что попытка преодолеть смерть с помощью технологий приводит к радикальному пересмотру понятий личности, сознания и идентичности. Цифровое бессмертие остаётся гипотетическим, но уже формирует новую область философского поиска – философию цифрового бытия. Современные технологии позволяют моделировать поведение человека, но не гарантируют сохранения субъективного опыта. Даже если в будущем удастся точно воспроизвести структуру мозга, вопрос о том, будет ли эта копия «тем же» человеком, остаётся открытым. Скорее всего, речь идёт не о продолжении, а о создании новой формы существования, где память и характер станут информационными данными, а не живым опытом.

Список литературы

1. Глобальное будущее 2045: конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / ред. Д. И. Дубровский. М. : Изд-во Дубровского, 2013.

2. Жолобова Ю. В., Счастливцева Е. А. Философское содержание трансгуманизма в контексте кризисности человеческой природы // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3. С. 39–47.

3. Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М. : Политиздат, 1984.

4. Махашева Л. В. Digital Afterlife: цифровая смерть и проблема этики // Коммуникативное пространство современного мегаполиса : науч. онлайн-конференция. М., 2019. С. 48–54.

5. Назаров В. Н. Цифровой двойник как субъект информационной этики // Этическая мысль. 2020. Т. 20, № 1. С. 142–154.

6. Назарова Ю. В. Проблема бессмертия в контексте цифровой этики // Общество: философия, история, культура. 2021. № 11. С. 54–62.

7. Ротблатт М. Виртуальный человек: надежды и угрозы цифрового бессмертия. М. : АСТ, 2014.

Раздел 7
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

УДК 314.74, 339.9

ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Анна Николаевна Паршина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Европейский союз сформировал общее пространство, свободное от торговых и миграционных барьеров, что даёт гражданам возможность беспрепятственно жить и работать в любой стране-участнице, способствуя интенсивному экономическому взаимодействию и взаимовыгодному сотрудничеству. Вместе с этим, возникает комплекс проблем экономического, социального, ментального, юридического характера, которые необходимо решать не только на локальном, региональном и национальном уровнях, но и в рамках международного сотрудничества.

Стратегии отдельных стран в сфере регулирования трудовой миграции существенно различаются. Например, Германия, являясь одним из лидеров европейской экономики, привлекает большое количество иностранных работников.

Правительство использует различные инструменты для привлечения квалифицированной рабочей силы на немецкий рынок труда. Так, в рамках обновления нормативно-правовой базы одобрен «Закон об иммиграции квалифицированных специалистов», который упрощает возможности въезда для осуществления трудовой деятельности гражданами стран, не входящих в ЕС [3, с. 244].

Важным аспектом немецкой миграционной политики является система Blue Card EU («Голубая карта»), созданная специально для высококвалифицированных специалистов. Эта программа позволяет специалистам с высшим образованием легко

получать разрешение на работу и жительство в Германии, значительно сокращая бюрократические процедуры [4, с. 108]. Для пользователей данной системы снижены пороговые значения заработной платы для получения подобного документа, расширен перечень дефицитных специальностей и, соответственно, увеличен круг потенциальных претендентов, упрощена процедура воссоединения семьи для данной категории граждан.

Другой важной составляющей немецкого опыта является активная поддержка интеграции мигрантов через курсы изучения языка, профессионального обучения и помощь в поиске жилья и работы.

В 2024 году вступила в силу т. н. «карта возможностей», на получение которой претендует любой иностранец, подтвердивший полную эквивалентность полученной в стране происхождения квалификации или обладающий соответствующими компетенциями [3, с. 244].

Таким образом Германия стремится минимизировать негативные последствия миграции и увеличить положительный вклад иммигрантов в национальную экономику.

Франция имеет многолетнюю историю трудовой миграции, особенно из бывших колоний Африки и Ближнего Востока.

В настоящее время французская экономика испытывает нехватку рабочей силы в таких отраслях, как здравоохранение, строительство, сельское хозяйство и логистика. Дополнительное давление оказывают такие явления как стареющее население и низкая рождаемость, что усиливает зависимость от привлечения мигрантов. Вместе с тем население страны выражает высокую обеспокоенность миграционной ситуацией. Согласно опросу IFOP 68 % французов считают миграцию негативным фактором, а 75 % выступают за жесткие меры [2].

На фоне растущего миграционного давления власти Франции продолжают ужесточать миграционную политику. В январе 2024 года была одобрена реформа, включающая новые языковые требования для соискателей ВНЖ, ограничения на продление временных разрешений, а также ужесточение условий получения гражданства. В феврале 2025 года Сенат согласовал законопроект, запрещающий браки для мигрантов, находящихся во Франции нелегально [2].

Французские власти применяют смешанный подход, включающий как селективный отбор мигрантов по профессиональным критериям, так и соблюдение принципов равенства и недопущения дискриминации на рабочем месте.

Североамериканские страны также отличаются различными моделями регулирования миграции.

Так в Канаде функционирует онлайн-система для отбора кандидатов на иммиграцию в страну Express Entry. Сервис включает три основные программы: Federal Skilled Worker Program (FSWP) – для квалифицированных работников с иностранным опытом работы, Federal Skilled Trades Program (FSTP) – для квалифицированных специалистов по рабочим профессиям, Canadian Experience Class (CEC) – для тех, кто уже имеет опыт работы в Канаде [7].

Онлайн-система основана на баллах, начисляемых кандидату исходя из его возраста, образования, опыта работы, владения языком и других критериев. Благодаря этому канадцы эффективно привлекают именно тех специалистов, которые нужны местной экономике, одновременно поддерживая баланс этнического состава населения.

Также важной частью канадской миграционной политики является наличие провинциальных программ, позволяющих отдельным провинциям самостоятельно выбирать себе рабочую силу согласно своим экономическим нуждам.

США, как страна, которая была фактически основана мигрантами и продолжает принимать значительные миграционные потоки, стала примером для разработки миграционной политики, применяемой в других странах. В настоящее время американская миграционная политика построена на принципах конкуренции на рынке труда и диверсифицирована по категориям. Наиболее распространённые формы привлечения рабочей силы связаны с различными видами виз.

Категория виз H-1B предназначается исключительно для высококвалифицированных специалистов, обладающих специализированными знаниями и профессиональной подготовкой, востребованными американскими компаниями. Чаще всего данная категория охватывает профессионалов в областях науки, технологий, инженерии, математики, медицины и бизнеса [1, с. 110].

Особенностью данной категории является строгий лимит на выдачу виз, установленный правительством США на уровне примерно 85 тыс. ежегодно. Из указанного количества выделяются дополнительные квоты для выпускников американских вузов, имеющих ученые степени магистра или доктора наук. Выдача визы возможна лишь после успешного рассмотрения соответствующей петиции работодателем в Службе гражданства и иммиграции США (USCIS) и утверждения статуса специалиста на конкретном рабочем месте.

Альтернативой визе H-1B выступает категория L-1, предназначенная преимущественно для руководителей и ключевых сотрудников крупных международных компаний, осуществляющих переводы своих кадров в американские представительства организаций. Этот вид визы обеспечивает свободу перемещения профессиональных менеджеров и технических специалистов внутри единой международной корпоративной структуры, способствуя сохранению организационного единства и передачи необходимых навыков и компетенции.

Одним из преимуществ визы L-1 является отсутствие ограничений по годовому лимиту выдачи виз, а также возможность последующего перехода на постоянное жительство («green card») после завершения установленного срока пребывания.

Кроме вышеуказанных категорий, существует отдельная разновидность виз EB-5, которая предоставляется инвесторам, готовым вложить значительные средства в экономику США и создать новые рабочие места. Она представляет собой эффективный инструмент стимулирования экономического развития и привлекательна для зарубежных бизнесменов, стремящихся интегрироваться в экономическое пространство Соединенных Штатов [1, с. 111].

Несмотря на частые политические дебаты вокруг миграционной реформы, американская система остается привлекательной для многих потенциальных мигрантов, предлагая широкие возможности для карьерного роста и интеграции в американское общество.

Некоторые азиатские страны также демонстрируют инновационный подход к регулированию миграции:

Так традиционная японская культура, характеризующаяся высоким уровнем закрытости по отношению к трудовым мигран-

там, столкнулась с серьезным вызовом в связи с продолжающимся старением населения и снижением уровня рождаемости, и, как следствие, дефицитом трудоспособного населения.

Согласно данным Национального института исследований народонаселения и социальной обеспеченности Японии, к середине XXI века население страны сократится почти на треть, достигнув отметки ниже 100 млн человек. Подобная ситуация неизбежно ведет к возникновению трудностей в обеспечении необходимого объема работ в ряде ключевых секторов экономики [5, с. 82].

Осознавая масштаб предстоящих экономических последствий, правительство Японии начало разрабатывать политику постепенного открытия рынка труда для иностранных работников

В рамках решения возникших проблем была введена специальная категория виз для иностранцев, получившая название «Специалист определенной отрасли» (Specified Skills Visa). Эта категория создана специально для привлечения квалифицированной рабочей силы в наиболее уязвимых отраслях японской экономики, среди которых выделяют здравоохранение, строительство, сельское хозяйство, уход за пожилыми людьми, судостроение и гостиничный сервис.

Условия получения указанной визы достаточно строги. Заявители обязаны пройти специальное тестирование на владение языком и профессиональные знания, продемонстрировать соответствующий опыт работы и подтвердить свою квалификацию соответствующими сертификатами. После успешного прохождения процедуры соискатель получает право на временное проживание и работу в Японии сроком до пяти лет с возможностью продления.

Предпринимаемые правительством Японии меры стали значительным шагом вперед, поскольку ранее подобные виды занятости были практически закрыты для иностранцев. Теперь же страна активно привлекает кадры именно в те отрасли, где ощущается наибольший недостаток местных работников.

Зарубежный опыт регулирования международной трудовой миграции наглядно иллюстрирует многообразие возможных путей решения проблемы [6]. Опыт таких стран, как Германия, Франция, Канада, США и Япония, демонстрирует важность сочетания мультикультурного взаимодействия и специализированного контроля за качеством мигрантов.

Список литературы

1. Гарусова Л. Н. Эволюция иммиграционной политики США: фактор нелегальной миграции // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 104–117.

2. Мигранты во Франции: рост, вызовы и политика ужесточения. URL: https://internationalinvestment.biz/analytics/5617-migranty-vo-francii-rost-vyzovy-i-politika-uzhestochenija.html (дата обращения: 20.10.2025).

3. Надеждин А. Е. Миграционные процессы в ФРГ: особенности и перспективы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 242–258.

4. Ревенко Н. С. Политика Европейского союза в сфере международной трудовой миграции // Современная Европа. 2023. № 5. С. 105–118.

5. Рязанцев Н. С. Миграционная политика в контексте демографического развития Японии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 81–94.

6. Хохлов Е. Б., Сыченко Е. В. Правовое регулирование социально-трудовых отношений с иностранными гражданами : монография. М. : Юстицинформ, 2020. 320 с.

7. Express Entry: Federal Skilled Worker Programm. URL: https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/services/immigrate-canada/express-entry/who-can-apply/federal-skilled-workers.html (дата обращения: 20.10.2025).

УДК 316

ПРИЧИНЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИЗ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Денис Юрьевич Володин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Трудовая миграция характерна для современного рынка занятости. Отсутствие возможности трудоустроиться по специальности или недостаточный уровень заработной платы в регионе становятся причиной внутренних перемещений на рынке труда. Особенно показательной в этом отношении является миграция

молодежи. Благодаря современной системе обучения возможность получить качественное образование в крупнейших вузах страны стала доступной всем выпускникам. Во многих случаях после получения образования выпускники не возвращаются. Иногда отъезд из дома сопровождается переездом всей семьи. В итоге уезжают не только будущие молодые специалисты, но и представители трудоспособной части населения, опытные работники. С учетом стоимости обучения в ведущих вузах страны, в них поступают молодые люди, претендующие на бюджетную форму обучения, то есть регионы теряют наиболее талантливых и перспективных сотрудников. Это влечет за собой сокращение численности населения, рождаемости, дефицит кадров, замедление темпов социально-экономического развития [4, с. 3613].

Эта тенденция проявлялась и ранее: согласно исследованиям ВЦИОМ, 69% россиян различного возраста хотя бы один раз в своей жизни на определенный период времени уезжали из родного города в поисках дополнительных возможностей для самореализации. По результатам опросов общественного мнения, переехать в более крупный населенный пункт планирует около 70 % молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, и чем менее крупным является населенный пункт, в котором они проживают, тем более явно выраженными становятся такие намерения (рис. 1).

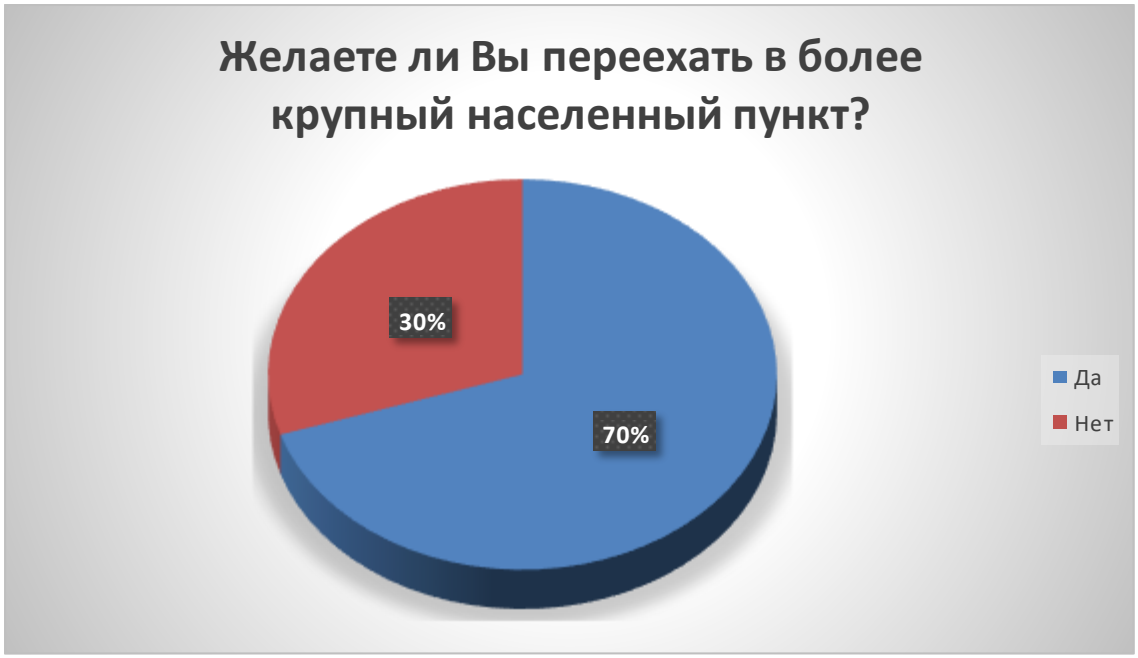


Рис. 1. Результаты ответа на вопрос «Желаете ли Вы переехать в более крупный населенный пункт?» (n = 1000) [7]

Возвратная миграция молодых людей остается незначительной, что связано и с возможностями трудоустройства, предоставляемыми уже во время обучения, и с возможным вступлением в брак. И несмотря на то, что проследить данные тенденции довольно сложно, тот факт, что в течение 2017–2023 гг. только в 19 субъектах страны удалось сохранить положительный миграционный прирост населения, – сам по себе показателен [3].

Согласно данным социологических исследований ВШЭ, Института экономики роста им. П. А. Столыпина, а также в соответствии с выводами, которые делают по результатам аналитики ученые, мегаполисы привлекают молодых людей не только более высоким качеством профессионального образования, возможностями последующего трудоустройства и профессионального развития, но и более высоким уровнем развития инфраструктуры. При этом столичные регионы предоставляют возможность получения качественного образования как по традиционным направлениям, так и по новым, востребованным специальностям, в том числе, с прохождением практики на современных предприятиях. Жизнь в большом городе как культурном центре, месте знакомства с единомышленниками, связана с возможностями установления новых социальных связей, участия в различных проектах, обеспечивает расширение собственных горизонтов, позволяет использовать преимущества более высокоразвитой социальной инфраструктуры [1].

Перечисленные тенденции наблюдаются и на рынке труда Пензенской области. Они являются следствием регионального неравенства, более высокой привлекательности профессионального образования в крупных городах, более высокого уровня развития социальной инфраструктуры и культурной среды. При этом, хотя Пензенская область и не относится к числу явно депрессивных регионов страны, экономика региона является традиционной, ориентированной на обрабатывающую и перерабатывающую промышленность, что приводит к недостатку рабочих мест и возможностей развития на рынке интеллектуального труда. Более низкий по сравнению со столичными регионами уровень социально-экономического развития влечет за собой и более низкий уровень заработных плат, определяя стремление молодых людей уехать, чтобы зарабатывать больше.

В результате Пензенская область в 2022 году возглавила антирейтинг регионов с максимальным «вымыванием» молодежи с рынка труда, а кадровый дефицит сотрудников по результатам развития рынка труда в 2024 году составил только по официальным данным около 3000 человек. Наиболее сложная ситуация сложилась в розничной торговле, медицине и фармацевтической отрасли, в сфере транспорта и логистики, организации перевозок. На промышленных предприятиях области и в сфере АПК сохраняется недостаток рабочих кадров. Наблюдается также дефицит кадров в системе образования [3].

Перечисленные ранее причины оттока молодежи из регионов сохраняют свою актуальность и для пензенского региона [9, с. 24]. Проводя исследование мотивов, которыми руководствуются молодые люди, направляясь в мегаполисы, журналисты пензенских СМИ указывают на значимость хорошего образования, решения жилищных проблем и организации интересного досуга [8].

Для минимизации негативных последствий и исправления сложившейся ситуации пензенские предприятия и региональные власти предпринимают определенные усилия. Например, с 2025 г. введены ежегодные выплаты молодым специалистам, работающим в ряде образовательных учреждений региона, в том числе, государственных или муниципальных организациях дополнительного образования. Самостоятельно установили такие выплаты для сотрудников, работающих в течение первых трех лет, и некоторые пензенские промышленные предприятия. В сфере здравоохранения, архитектуры и строительства, в сельскохозяйственном комплексе региона реализуются программы целевого обучения. Ярким примером сотрудничества работодателей и образовательных учреждений являются инвестиции в образование: за последние пять лет на инвестиции работодателей было в Пензенском государственном аграрном университете было создано 19 новых учебных лабораторий, в которых установлено новейшее оборудование. Реализуется региональная программа «Комплексное развитие сельских территорий Пензенской области», одним из важных направлений которой является предоставление материальной помощи на строительство или приобретение жилья. В селах области возводятся жилые помещения для аренды, строятся объекты социальной инфраструктуры. Не меньшую роль

в привлечении и удержании молодых специалистов играет совершенствование условий труда за счет модернизации оборудования. Уделяется внимание и уровню профессионального развития сотрудников, которые получают возможность повышения своего профессионального мастерства [6].

Таким образом, и для Пензенской области проблема трудовой миграции молодых людей выступает в качестве фактора, который оказывает негативное влияние и на кадровый потенциал области, и на социально-экономическое развитие региона в целом. Это связано с тем, что отъезд молодежи оказывает дополнительное негативное воздействие на снижение рождаемости, является одной из причин кадрового дефицита, снижает вероятность развития предприятий, роста производительности труда, использования современных технологий и научно-исследовательского потенциала предприятий в результате того, что именно молодые мотивированные специалисты, обладающие востребованными навыками и профессиональными компетенциями, являются основным элементом, условием такого рода позитивных процессов и изменений, их движущей силой [2, с. 33].

Несмотря на предпринимаемые усилия, решить эту проблему до настоящего времени не удается. В современной литературе, политике, средствах массовой информации предлагаются различные пути снижения уровня трудовой миграции молодых людей, сокращения кадрового голода в регионах. И встречаются в их числе довольно радикальные мнения, связанные с предложениями ограничить возможности для получения образования в вузах мегаполисов и крупных регионов для абитуриентов из российской глубинки [5, с. 169]. Такие предложения не просто спорны с точки зрения ограничения права на получение образования, но и неперспективны сами по себе: мало того, что такого рода ограничения могут стать причиной социального недовольства, так и самому оттоку молодых людей из регионов они не помешают: ничто не мешает уехать в поисках работы и по завершении образования в региональном вузе, техникуме. При этом на кадровый потенциал страны в целом такого рода меры окажут также негативное воздействия, так как не будут способствовать выявлению талантливой молодежи. Стоит признать тот факт, что, с одной стороны, качество образования во многих российских регионах – ниже аналогичного образования в крупнейших вузах страны,

а с другой стороны, понимать, что получение образования в крупном городе само по себе не является проблемой и даже позволяет сформировать отличный базовый потенциал выпускников. Важно создавать возможности для того, чтобы после получения образования они возвращались в регионы. Этому будут способствовать: создание дополнительных, в том числе, высокотехнологичных рабочих мест, с достойной оплатой труда и перспективами профессионального развития, оказание помощи в адаптации, улучшении жилищных условий. Социальная инфраструктура, поддержка малого предпринимательства, создание условий для развития тех направлений экономической деятельности, которые являются перспективными для региона, будут способствовать его повышению его инвестиционной привлекательности и инновационного потенциала [3].

В соответствии с этим в Пензенской области необходимо реализовать ряд мер, направленных на повышение качества профессионального образования, стимулирование и поддержку промышленных предприятий, повышение привлекательности для молодых людей предприятий аграрного сектора, развитие сферы туризма и услуг, материальную поддержку и стимулирование молодых специалистов. Важно совершенствовать и развивать социальную политику региона в целом, предоставлять коренным жителям дополнительные меры социального обеспечения и защиты. Целесообразно также проводить информационную политику, направленную, в том числе, и на выявление позитивных аспектов жизни в родном регионе, связанными, например, с более привлекательными условиями приобретения жилья по сравнению со столичными регионами и крупными мегаполисами. Мерой, которая может оказать положительное влияние на предпочтения абитуриентов при выборе образовательного учреждения, могут стать повышенные стипендии для студентов, поступивших на специальности, востребованные в регионе и взявшие обязательство отработать в течение определенного периода времени отработать согласно полученному образованию [8]. Несмотря на то, что политика выравнивания регионов по уровню социально-экономического развития является довольно длительной и приносит результаты отнюдь не сразу, важно продолжать ее реализовывать, использовать преимущества и потенциал Пензенской области, подчеркивать и развивать ее наиболее сильные стороны, способствовать формированию и поддержанию положительного

имиджа, развитию социально-экономических и культурных связей, в том числе, на международном уровне. Положительную роль в этом отношении играют воспитательные меры, связанные с формированием патриотизма, чувства любви и гордости за малую родину.

Список литературы

1. Внутрироссийская миграция молодежи: повышение привлекательности малых городов: социологическое исследование. 14 ноября – 22 декабря 2023 г. URL: https://stolypin.institute/storage/app/media/IMC4Stolypin%20Inst_Migration%20Survey_2024_FINAL-EXTRA%20PPT.pdf (дата обращения: 23.10.2025).
2. Клячко Т. Л., Семионова Е. А., Токарева Г. С. Образовательная миграция российской молодежи для получения профессионального образования. М. : Дело (РАНХиГС), 2022. 84 с.
3. Куда убегает молодёжь? Почему в Пензенской области сокращается население и трудящиеся молодые люди. URL: https://1pnz.ru/city_online/obshchestvo/news/kuda_ubegaet_molodyozh_pochemu_v_penzenskoy_oblasti_sokrashchaetsya_naselenie_i_trudyashchiesya_molodye_lyudi?ysclid=mgs6yxcjyc144111726 (дата обращения: 23.10.2025).
4. Леденёва М. В., Шамрай-Курбатова Л. В., Столярова А. Н. Проблема оттока молодежи из регионов России в крупнейшие центры притяжения и пути ее решения // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 10. С. 3613–3628.
5. Лисовская И. В., Омельченко Е. Л., Гарифзянова А. Р. Молодежь едет учиться в мегаполис: как не остаться в одиночестве // Вопросы образования. 2024. № 3 (2). С. 136–170.
6. Поторчин Е., Оксак Н., Филиппович М. Кадровый голод в агросекторе: как Пензенская область привлекает молодежь на село. URL: https://fedpress.ru/article/3367871 (дата обращения: 23.10.2025).
7. Почему молодежь переезжает – и хорошо ли это для страны? URL: https://expert.wciom.ru/material/pochemu-molodezh-pereezzhaet-i-khorosho-li-ehto-dlja-strany (дата обращения: 23.10.2025).
8. Профессор Юрасов: «Одна из причин миграции молодежи – региональное неравенство». URL: https://penzasmi.ru/tet-a-tet/104199/professor-igor-yurasov-o-tom-pochemu-molodye-lyudi-uezzhayut-iz-provincii?ysclid=mgs6zaxoxh172009091 (дата обращения: 23.10.2025).
9. Роговая А. В., Левченко Р. В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодежи из малых городов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 23–33.

УДК 352.075.1

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ САМОУПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАЧЕСТВ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Светлана Анатольевна Живодрова[1],
Павел Викторович Орлов[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Прогрессивное развитие любого государства в мире сопряжено с эффективностью реализации молодежной политики. В Российской Федерации представителей молодежи насчитывается 37 миллионов человек, что в общем количестве проживающих граждан составляет почти четверть населения страны [1].

Острота реализации молодежной политики, как сказано в распоряжении Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» определена тем, что открытость информационного и культурного пространства привела к неконтролируемой экспансии западной массовой культуры и появлению тенденции к аномии [2]. Иначе говоря, данная тенденция способствовала потере нравственных ориентиров у молодого поколения и замещению традиционных ценностей чужеродными.

Молодежная политика должна интегрировать ресурсы из разных источников для концентрации на таких ключевых направлениях, как обеспечение учебной и трудовой занятости молодежи, воспитание гражданственности и патриотизма, поддержка общественно значимых инициатив различных групп молодежи, детских и молодежных общественных объединений, организация отдыха и оздоровления молодежи [3, с. 176].

Молодежная политика России ориентирована на становление и развитие патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного поколения российских граждан, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие России, соблюдение прав, свобод и законных интересов молодых граждан, улучшение социально-экономического поло-

жения молодежи, активное ее привлечение к участию в государственном строительстве и развитии современного российского общества, учитывающей его актуальные потребности, вызовы и угрозы, стоящие перед страной [2].

Анализ содержания и направлений реализации молодежной политики в нашей стране позволяет выделить несколько групп проблемных вопросов, а именно: ценностно-идеологического; демографического; социально-экономического; управленческого и иного характера. Эффективность решения указанных групп проблем, как и поступательное развитие страны с точки зрения российских ученых и экспертов в области молодежной политики напрямую зависит от активности вовлечения молодого поколения в общественную и политическую жизнь страны, систему публичного управления, а также от развития молодежного самоуправления.

Вовлечение молодого поколения в самоуправленческие процессы начинается в большинстве случаев со школьного самоуправления, далее этот процесс подхватывают учреждения среднее профессионального и высшего образования. Однако нужно заметить, что не последнюю роль в этом процессе отводится законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов Российской Федерации и представительным органам местного самоуправления. Так, при Пензенской городской Думе был создан Общественный молодёжный совет с целью:

– изучения актуальных проблем представителей молодежи, проживающих на территории города и своевременного их разрешения в рамках компетенции различных органов местного самоуправления, а также подготовки рекомендаций по совершенствованию правовой базы реализации молодежной политики;

– содействия деятельности городских органов местного самоуправления в области регулирования прав и законных интересов молодежи;

– вовлечения молодежи в активную общественную и политическую жизнь города, региона, страны.

28 апреля 2006 года Пензенская городская Дума утвердила положение об Общественном молодежном совете, определив основные цели его функционирования:

1) разработка предложений по реализации прав молодежи на участие в управлении, а также содействие в создании условий

для проявления инициатив молодежи при формировании и осуществлении государственной молодежной политики;

2) содействие в приобщении наиболее активных и подготовленных молодых граждан к деятельности органов местного самоуправления, формировании их правовой и политической культуры, поддержка созидательной, гражданской активности молодежи [4].

Охарактеризуем на основе анализа функционирования Молодежного совета последних лет важнейшие направления деятельности и их результаты. В последние десятилетие актуализировалась потребность в расширении масштабов осуществления волонтерской деятельности. Члены и активисты кадрового резерва принимали активное участие в работе различных волонтерских объединений, организуя:

– помощь в пунктах временного размещения вынужденным переселенцам из Донецкой и Луганской Народных Республик;

– сбор и отправку гуманитарной помощи для Вооруженных сил Российской Федерации;

– подготовку дополнительного вещевого довольствия для мобилизованных граждан и т.д.

Одним из социальных направлений в деятельности Молодежного совета является участие в реализации проекта «Доступная среда для маломобильных групп населения», включающий в себя мониторинг доступности общественных мест и социально значимых объектов для людей с ограниченными возможностями. С этой целью членами Молодежного совета совместно с сотрудниками УГИБДД УМВД России по Пензенской области регулярно проводятся серии рейдов по центральным улицам города.

Еще одним важнейшим направлением детальности выступает борьба за обеспечение экологически безопасного условия проживания. В рамках достижения целей данного направления деятельности были организованы ряд мероприятий по экологическому воспитанию молодого поколения. В частности, совместно с ООО «Управление благоустройства и очистки» и школой лидеров «Росток» был запущен проект по проведению экологических уроков в школах города Пензы [5].

Реализация, запланированных мероприятий Молодежным советом, осуществляется на основе сотрудничества с органами государственной власти Пензенской области и городскими орга-

нами местного самоуправления, а также с профильными и некоммерческими организациями, на основе ранее заключенных соглашений.

Молодежный совет проводя работу по развитию самоуправления посредством мероприятий просветительско-пропагандистского характера позволяет представителям молодежи знакомиться со структурой органов муниципальной власти, основами муниципального права и нормотворческим процессом.

Таким образом, Молодежный совет при представительном органе местного самоуправления, представляя интересы молодого поколения, направляет свою деятельность на содействие органам публичной власти при реализации ими муниципальной молодежной политики, выявляя существующие проблемы, разрабатывая предложения их решения с учетом мнения лиц, в отношении которых она и реализуется.

Список литературы

1. «Почти четверть населения России составляет молодежь», – сообщила Голикова // РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/20240404/molodezh-1937896541.html

2. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации № 2233-р от 17 августа 2024 г. // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3399.

3. Тарасова Е. А., Живодрова С. А. Актуальные вызовы реализации молодежной политики // Управление и экономика: исследование и разработка : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22–23 декабря 2021 г.). Пенза : Приволжский Дом знаний, 2021. С. 174–177.

4. Об утверждении Положения «Об Общественном молодежном совете при Пензенской городской Думе» : решение Пензенской городской Думы № 363-22/4 от 28 апреля 2006 г. [в ред. от 17.02.2023] // Пензенские губернские ведомости. 2006. № 13. 17 мая.

5. Отчет Председателя Пензенской городской Думы за 2024 год // Пензенская городская Дума. URL: https://pgduma.ru/_glava-goroda/otchet-glavi/

Раздел 8
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 796.034.2

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ

Вадим Михайлович Анисимов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Несмотря на то, что преимущества регулярной физической активности и занятий спортом всегда рассматривались в качестве работающего инструмента поддержания здоровья, повышения сопротивляемости организма сезонным и хроническим заболеваниям, на определенном этапе развития российского государства и общества этому перестало уделяться достаточное внимание. И хотя вопросы физического воспитания дошкольников, школьников и студентов не утрачивали своей актуальности, вовлечению взрослого населения в занятия спортом на постоянной основе реализуемая государственная политика активно не способствовала. В то же время современное общество утратило прежний уровень мобильности, чему способствовали и повышение темпа жизни, стресса, занятости на работе, и увеличение личного транспорта, и сокращение уровня, круга реального общения людей в условиях информационного общества. От того же, насколько вовлечены в занятия регулярным спортом граждане, зависит не только состояние их здоровья, но и трудовой потенциал страны, гражданская активность, стремление к здоровому образу жизни, воспитание подрастающего поколения. Наличие достаточного количества возможностей для регулярной двигательной активности способствует и реализации личностного потенциала, восстановлению после травм, заболеваний, выявлению представителей молодежи, обладающих способностями для их реализа-

ции в профессиональном спорте и представления интересов региона, страны – как на региональном, так и на национальном уровне [3, с. 4].

Отсутствие необходимого внимания к данному вопросу привело к тому, что, по данным на начало 2018 года, в регулярные занятия спортом было вовлечено не более 20 % трудоспособного населения страны, что является ничтожно низким показателем [5]. При этом понятия и особенности массового спорта, наряду с профессиональным, определены в тексте федерального отраслевого закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1]. Однако само по себе такого рода закрепление не способствует повышению уровня вовлеченности граждан в занятия спортом. В результате значительное количество усилий на федеральном и региональном уровнях было направлено на изменение тенденции, а показатель «Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом» стал одним из основных критериев эффективности государственной политики в области физической культуры и спорта [2]. В результате усилий, предпринятых в том числе при реализации мероприятий государственной программы «Развитие физической культуры и спорта», в 2024 году количество россиян, систематически занимающихся спортом, по данным Министерства спорта, впервые превысило 80 млн. человек, что составило свыше 60 % от общей численности населения. Согласно поручению Президента РФ, к 2030 году данный показатель должен составлять не менее 70 %.

При этом очевидно, что на регулярность и уровень занятий спортом оказывают влияние как субъективные, так и объективные факторы. Это определяется способностями и потребностями личности, особенностями воспитания и образования. Потребность в регулярных занятиях спортом формируется, в том числе, под влиянием общекультурного фона и социальных предпочтений, моды на здоровый образ жизни, не без участия качественной информационной, профилактической работы, пропаганды. Одним из основных условий повышения данного показателя является доступность спортивных объектов и учреждений, высокий уровень развития спортивной инфраструктуры. Российская Федерация является федеративным государством, и все перечисленные характеристики, условия вовлеченности населения в занятия спортом

различаются еще и между субъектами страны [10, с. 486]. Целесообразно в этой связи оценить имеющийся региональный опыт [9].

Значительных успехов удалось добиться в работе по вовлечению населения в систематические занятия спортом в Санкт-Петербурге. В городе федерального значения создана система центров физической культуры, спорта и здоровья, работающих по месту жительства. Работу с населением проводят инструкторы, занятия осуществляются более чем по 50 видам спорта. Занятия проводятся для представителей различных возрастных и социальных категорий населения. Особое внимание уделяется спортивной реабилитации трудоспособного населения и вовлечению школьников и студентов в регулярные занятия различными видами спорта. Также практикуется проведение спортивно-массовых мероприятий для различных слоёв населения: детей дошкольного возраста, школьников, учащейся молодёжи, трудящихся, лиц с ограниченными возможностями здоровья, ветеранов. Примерами спортивных событий являются, напеример, фестиваль дворовых видов спорта «Двориада» с соревнованиями по городошному спорту, фрисби, мини-лапте, а также проект «Зарядки с соседями», в рамках реализации которого на придворовых территориях проводятся утренние физкультурные зарядки для всех желающих. Кроме тренировок и спортивных соревнований центрами проводится значительно число массовых мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни и на развитие дворового спорта как такового. В рамках поддержки дворового спорта за последние годы возведено более 500 плоскостных спортивных сооружений, в числе которых и универсальные спортивные площадки, и площадки, на которых обеспечена возможность подготовки и сдачи нормативов ГТО. Одним из основных преимуществ и сильных сторон центров является то, что они функционируют на безвозмездной основе и ориентированы на потребности различных возрастных групп. Для привлечения молодежи и повышения активности молодежных организаций и объединений при проведении спортивных мероприятий активно используются трансляции, флэшмобы, конкурсы, челленджи, прямые эфиры в социальных сетях [4, с. 32].

Собственный опыт в этом направлении государственной политики накоплен в Тюменской области. С 2020 года в регионе реализуется комплексная работа в рамках серии инициатив под

общим названием «Спорт во дворе», где инструкторы круглогодично 2–3 раза в неделю проводят занятия по 44 видам спортивных и физкультурных дисциплин. Благодаря финансированию из регионального бюджета возможность бесплатно заниматься спортом в спортивных клубах, на стадионах, в спортивных секциях получили в области люди пожилого возраста и дети, находящиеся в социально-опасном положении. Одним из эффективных инструментов повышения доступности спортивной инфраструктуры и совершенствования ее качества стало активное строительство дворовых площадок. Они находятся в непосредственной близости от места проживания граждан, и реализация на данных площадках организованных занятий по различным видам спорта привлекает представителей различных возрастных категорий. На постоянной основе с 2019 года в регионе успешно реализуется несколько проектов: «Лето со спортом», «На даче с физкультурой», «Спорт доступен каждому», «Физкультура на производстве», «Спортивный заряд». Проекты ориентированы на потребности, возможности и социальную среду различных категорий граждан, реализуются на базе спортивных студий, фитнес-клубов, образовательных учреждений, дворов, сельских спортивных площадок, предприятий. Одновременная направленность на различные категории населения обеспечивает комплексный положительный эффект. Особое внимание уделяется продвижению физической культуры и спорта, организации маркетинговой деятельности в рамках распространения необходимой информации. Основой маркетингового сопровождения выступает озвученное взаимодействие «Власть – Общество – Бизнес», в рамках которого используются самые различные каналы распространения соответствующей информации, предпочтительные для той или иной категории граждан [7, с. 3549].

В Удмуртской Республике особое внимание уделяется развитию и поддержке адаптивного спорта. Это способствует повышению доступности и вовлечению в регулярные занятия спортом лиц с ограниченными возможностями здоровья. На регулярной основе, например, проводятся соревнования среди школьников и студентов с ограниченными возможностями здоровья в рамках проекта «Лига мечты», который предполагает как проведение воспитательных и массовых спортивных мероприятий в течение

учебного года, так и организацию спортивных инклюзивных смен в оздоровительных лагерях для детей с ментальными нарушениями. Для максимального охвата регулярными занятиями спортом людей пенсионного возраста разработан и реализуется проект «Удмуртское долголетие». Для его реализации в 2020–2024 гг. было создано 67 спортивных клубов, для полноценного функционирования которых приобретено около 5 тысяч единиц оборудования, осуществлена подготовка 115 тренеров и инструкторов, открыты программы по ряду спортивных направлений: легкая атлетика, плавание, скандинавская ходьба, суставная гимнастика, теннис и др. Проводятся спортивные фестивали и выездные ярмарки здоровья с презентацией доступных различным категориям граждан направлений физической активности. Спортивные клубы создаются с учетом основных стадий спортивной жизни человека: дошкольные, школьные, студенческие, производственные, ветеранские [8, с. 226].

Одним из наиболее удачных признан региональный опыт Приморья, который Министерство спорта РФ рекомендовало применять другим российским регионам. Приморский край отличился значительным количество проводимых спортивных соревнований для граждан. Это как первенства и турниры по отдельным видам спорта (плаванию, хоккею, футболу, лёгкой атлетике), так и комплексные соревнования, включающие сразу несколько видов спорта, такие как спартакиады, зимние и летние игры «Дети Приморья», гонка ГТО и другие [6]. Регион по результатам реализации федерального проекта «Спорт – норма жизни» стал одним из лидеров среди субъектов РФ по количество вновь возведенных спортивных объектов, например, ледовых арен в Находке и Врангеле, центра керлинга во Владивостоке, гребной базы в Лучегорске. Не менее активно идет реконструкция существующих объектов: например, в 2024 году вновь заработал после масштабной реконструкции стадион «Урожай» в Камне-Рыболове, реконструируется «Авангард» в Арсеньеве. В развитие массового спорта активно вовлекаются современные технологии. Так, на основании инициативы, исходившей от губернатора края регион принимает участие в реализации двух пилотных проектов, направленных на цифровую трансформацию сферы спорта. Они предполагают использование цифровых сервисов, которые

информируют о возможностях занятий по различным направлениям, в режиме реального времени определяют загруженность бассейнов, стадионов и прочих объектов спортивной инфраструктуры, обеспечивают возможность записи для участия в спортивных мероприятий, брони и последующего проката спортивного инвентаря. Часть пунктов проката работают на безвозмездной основе: так жителям региона на базе муниципальных образований доступен бесплатный прокат лыжного оборудования. Муниципальные образования вовлечены в организацию работ по благоустройству велосипедных дорожек, лыжных трасс. Для представителей различных направлений массового спорта регулярно проводятся спортивные состязания, для участия в которых в некоторых случаях достаточно просто регистрации в системе учета граждан, самостоятельно занимающихся спортом. Для этого разработаны QR-коды «Регистрируйся и побеждай!», а победители проекта в различных возрастных категориях получают ценные призы. При этом ход проектов и дополнительные возможности, которые становятся доступными в процессе их реализации, активно освещаются в региональных средствах массовой информации, на сайтах органов государственной власти и в их аккаунтах в социальных сетях [6].

Таким образом, российские регионы обладают значительным опытом приобщения к регулярным занятиям спортом представителей различных категорий населения и разных социальных групп, в связи с чем дальнейшее обобщение и изучение, научное осмысление и распространение такого опыта могут сформировать основу для развития массового спорта в регионах, которые еще отстают по показателям вовлеченности граждан в систематические занятия спортом. Важнейшую роль в этой связи продолжает играть как наличие материально-технической базы, доступность занятий и объектов спортивной инфраструктуры, так и системная информационная работа.

Список литературы

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон № 329-ФЗ от 04.12.2007 (в ред. № 304-ФЗ от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ № 1661 от 30 сентября 2021 г. (в ред. № 1342 от 30 августа 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 41. Ст. 6972.

3. Архипова С. А., Нуждин Г. А., Тарасова Е. Г. Привлечение взрослого населения к занятиям физической культурой // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2020. № 6. С. 3–11.

4. Восколович Н. А., Юнусов Р. И. Проблемы вовлечения российского населения в занятия спортом // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 3. С. 31–41.

5. Горская И. Ю., Кравчук Т. А., Кравчук А. И., Зданович И. А. Анализ вовлеченности населения в занятия разными видами спорта в федеральных округах Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3 (64). С. 408–413.

6. Минспорт России намерен использовать опыт Приморья по вовлечению людей в массовый спорт. URL: https://sportprimorsky.ru/press-centre/15556-minsport-rossii-nameren-ispolzovat-opyt-primorya-po-vovlecheniyu-lyudey-v-massovyy-sport.html (дата обращения: 10.10.2025).

7. Реброва Н. П., Ивашкевич Т. В., Ленева Е. А. Социально-экономическое развитие региона: вовлечение молодежи в занятие физической культурой и спортом // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 7. С. 3549–3565.

8. Седоченко С. В., Савинкова О. Н. Изучение регионального опыта вовлечения населения в систематические занятия дворовым спортом // Наука и спорт: современные тенденции. 2024. № 12 (4). С. 225–230.

9. Седоченко С. В., Горобий А. Ю., Годунова Н. И. Модельные площадки регионов России, обеспечивавшие вовлечение школьников в систематические занятия спортом // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2024. № 4 (230). С. 73–77.

10. Шутова Т. Н., Глазкова Г. Б., Андрющенко О. Н. Способы привлечения населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2023. № 4 (218). С. 486–491.

УДК 796.034.2

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Вадим Михайлович Анисимов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Условием эффективности государственного управления является соответствие используемых методов особенностям развития общества. Поэтому современная система государственного управления не мыслится без использования современных цифровых технологий. Благодаря цифровизации государственного управления создаются предпосылки для повышения эффективности органов власти, повышения прозрачности их работы, качества предоставляемых государственных услуг. Не является исключением в этой связи и государственное управления в сфере физической культуры и спорта [4].

Несмотря на все специфические особенности проведения спортивных тренировок и соревнований, цифровые технологии довольно активно используются для планирования спортивных нагрузок, индивидуализации тренировочного процесса, измерения и передачи в режиме реального времени показателей нагрузки на спортсменов. Многочисленные март-устройства, такие как фитнес-трекеры, умные часы и датчики активности, помогают отслеживать физические показатели, анализировать результаты тренировок и корректировать программы занятий. Востребованы цифровые технологии и в системе управления спортивными сооружениями, бронирования билетов на спортивные соревнования, приобретения билетов, абонементов в фитнес-клубы и прочие учреждения спортивной инфраструктуры. Практически все крупные учреждения, функционирующие в системе спорта, равно как и спортивные клубы, секции, спортивные объединения для различных категорий граждан имеют сайты в сети интернет, что позволяет систематизировать деятельность, осуществлять бронирование тренировок и приобретение абонементов, проводить ин-

формационную работу и способствовать продвижению на рынке спортивных услуг, одновременно вовлекая в систематические занятия спортом все большее количество граждан. Наличие соответствующего опыта, с одной стороны, обеспечивает фундамент для использования цифровых технологий для государственного управления в сфере спорта, а также свидетельствует о том, что их применение благоприятно влияет на решение задач государственной политики в области физической культуры и спорта [10].

Несмотря на то, что системная работа по цифровизации государственного управления в области физической культуры и спорта началась позднее, чем это происходило в других сферах, к настоящему времени сформированы как нормативно-правовые, так и организационные, а также технические предпосылки [2, 6, 7]. Цифровизация государственного управления в области спорта названа в качестве одного из направлений развития в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года, на основании которой Распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. № 264-р были определены основные направления цифровой трансформации в обозначенной сфере [1]. В рамках ее реализации предполагается обеспечить:

– до 2027 года – внедрение электронных паспортов спортсменов с указанием всех данных, необходимых как для профессионального развития, так и для участия в спортивных соревнованиях;

– до конца 2028 года – полную электронную запись детей в спортивные школы и прочие спортивные учреждения, секции, объединения посредством использования учетной записи на портале Госуслуг одного их родителей. В настоящее время данная возможность уже предоставляется в отношении многих спортивных организаций и учреждений;

– к 2030 году также предполагается автоматизировать процесс присвоения спортивных званий и разрядов за счет использования цифровых технологий, а также обеспечить интеграцию федеральной государственной информационной системы ЕЦП «Физическая культура и спорт» как с региональными информационными платформами в области спорта, так и с порталами, цифровыми платформами прочих органов государственного управления для обеспечения межведомственного взаимодействия [1].

Одним из инструментов цифровизации государственного управления в сфере физической культуры и спорта стало создание цифровой платформы (ГИС ФКиС). Созданная по инициативе Министерства спорта РФ, она была введена в эксплуатацию осенью 2022 года и постепенно расширяет имеющийся функционал [9].

Благодаря возможностям платформы формируется общероссийский календарь спортивных мероприятий. Также на платформе размещаются отчеты о деятельности и результатах работы уполномоченных органов власти в сфере физической культуры и спорта. Дальнейшее развитие и интеграция федеральной ГИС с региональными информационными платформами позволит сформировать единое общероссийское цифровое пространство, участниками которого станут все заинтересованные организации и пользователи. В результате цифровизации как рядовые граждане, так и профессиональные спортсмены смогут оперативно получать информацию о возможностях тренировочной базы, доступности занятий спортом во всех регионах страны и их муниципальных образованиях [3].

Оказание сопутствующих онлайн-услуг, информационная политика платформы положительно скажется на доступности занятий в области физической культуры и спорта, обеспечит предоставление открытых данных о любом из объектов спортивной инфраструктуры. С учетом задач государственной политики в области физической культуры и спорта, стремлением повысить количество и долю граждан, занимающихся спортом систематически, благодаря ГИС ФКиС планируется формировать Национальный спортивный рейтинг для определения активности граждан и стимулирования участия в спортивных мероприятиях, вовлечения в сдачу нормативов «Готов к труду и обороне». Подобного рода открытость и комплексный характер платформы положительно скажется на взаимодействии между субъектами соответствующих спортивных отношений, позволит качественно сотрудничать регионам, принимать более обоснованные решения относительно места проведения спортивных состязаний, сравнивать и оценивать качество реализации спортивной политики государства по субъектам, определяя как реальные показатели в динамике, так и резервы оптимизации финансовых, материально-технических, трудовых ресурсов. Эксперты говорят о том, что

в будущем на базе платформы могут формироваться личные кабинеты как профессиональных спортсменов, так и любителей, а благодаря растущему числу используемых в сфере спорта приложений, гаджетов, устройств регистрируемые ими данные смогут обрабатываться и будут доступными для пользователей, обеспечивая возможность отследить динамику [5, с. 147].

С учетом того, что субъекты РФ не только характеризуются различным уровнем развития в области физической культуры и спорта, но и обладают различным уровнем технологического развития, цифровой зрелости, имеют как собственные преимущества, так и индивидуальные проблемы в сфере спорта, заданный на федеральном уровне тренд цифровизации государственного управления детализируется и поддерживается в региональных стратегиях развития спорта и принимаемых субъектами концепций цифровой трансформации. В качестве одного из примеров удачной работы выступает опыт Татарстана. Благодаря тому, что региональные власти вопросам цифровизации уделяют особое внимание, поддерживая реинжиринг управленческих процессов во всех сферах государственного управления, регион входит в тройку лидеров по формированию комфортной цифровой среды среди российских регионов. Сфера физической культуры и спорта исключением в этом плане не является: республика стала одним из первых регионов в стране, где еще в 2017 году был запущен Спортивный портал с возможностью поиска подходящих занятий и объектов спортивной инфраструктуры, где также размещается информация о проводимых спортивных мероприятиях, проводится разъяснительная работа относительно важности здорового образа жизни. Возможности портала постоянно расширяются [9].

Аналогичные по задачам цифровые сервисы функционируют сегодня во многих российских регионах. В качестве примеров можно привести порталы «ТамбовСПОРТ», «Алтайский спорт»; «Крымский спорт». Имеется опыт создания таких ресурсов применительно к отдельным видам спорта (например, сайт «Зимний и летний полиатлон в Башкортостане»). На порталах в режиме реального времени можно получать информацию о спортивных объектах, физкультурно-спортивных мероприятиях, присвоении спортивных разрядов. Цифровые технологии позволяют государству собирать данные со всех спортивных объектов, школ, меро-

приятий и соревнований, контролировать единые календарные планы, информацию об участниках соревнований, присвоение званий и категории. Инновационные решения, такие как системы онлайн-бронирования, электронные билеты и аналитические платформы для управления потоками зрителей, упрощают процесс организации мероприятий и делают регионы более привлекательными для национальных и международных турниров. Цифровые технологии помогают продвигать региональные спортивные объекты на международной арене, создавая условия для привлечения инвестиционных проектов и партнёрств [8, с. 31].

С учетом той роли, которую играют цифровые технологии в управлении физической культурой и спортом на региональном уровне, повышении доступности и качества информационного сопровождения, стоит отметить необходимость проведения сравнительной аналитической работы по субъектам. Это может быть формирование рейтинга на основе разработанных предварительно показателей или простое сравнение регионов по ним, однако, такого рода деятельность будет способствовать критическому осмыслению и распространению опыта цифровизации в области спорта наиболее успешных региональных решений. Попытка построения такого рейтинга уже была однажды предпринята Министерством спорта РФ, когда в 2020 году для российских регионов был рассчитан интегральный «Индекс цифровой трансформации сферы физической культуры и спорта». При расчете индекса учитывалась имеющаяся техническая база, аппаратное обеспечение, наличие квалифицированных кадров для ведения соответствующей деятельности, количество и качество работы цифровых сервисов для граждан, опыт использования аналитических инструментов и автоматизации базовых процессов в области физической культуры и спорта. Регионами с наиболее высокими показателями стали Москва, Московская область, Самарская область, Республика Татарстан. Стоит оценить возможность продолжения работы в этом направлении [4].

Таким образом, цифровизация государственного управления в области физической культуры и спорта, безусловно, характеризуется определенными преимуществами и дополнительными возможностями, выступает одним из условий и необходимых элементов государственной политики в этой сфере на современном этапе развития. При ее разработке и реализации, оценке

достигнутых результатов важно учитывать и то обстоятельство, что цифровизация во всех сферах, несмотря на все свои преимущества, демонстрирует и определенные вызовы, связанные с вопросами технической готовности, цифрового неравенства регионов, обеспечения конфиденциальности данных, формированием надежной системы кибербезопасности и этикой использования информационных технологий. Соответствующие вопросы также нуждаются в проработке и научном осмыслении.

Список литературы

1. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации физической культуры и спорта до 2030 г. : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 264-р от 7 февраля 2024 г. (в ред. 21 октября 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 7. Ст. 1007.

2. Дьяконов А. Д. Цифровая трансформация в сфере физической культуры и спорта // Экономика и управление в спорте. 2023. Т. 3, № 1. С. 39–50.

3. Инев М. А., Фролова А. К. Ключевые тенденции цифровизации физической культуры и спорта на современном этапе // Мир педагогики и психологии. 2025. № 3. URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/klyuchevye-tendentsii-tsifrovizatsii-fizicheskoj-kultury-i-sporta-na-sovremennom-etape.html (дата обращения: 10.10.2025).

4. Корельский А. С. Цифровизация физической культуры и цифровая трансформация государственного управления // Студенческий научный форум : материалы XVII Междунар. студ. науч. конф. URL: https://scienceforum.ru/2025/article/2018038617 (дата обращения: 11.10.2025).

5. Павлова А. В., Бурганов Р. Т. Особенности управления цифровой трансформацией физической культуры и спорта в контексте государственного управления // Физическое воспитание и студенческий спорт. 2024. № 2. С. 146–154.

6. Путилина В. Ю., Шилова М. В., Петров М. А., Петрова Л. Ю. Основные направления цифровой трансформации физической культуры и спорта в России // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. № 9. С. 100–106.

7. Самошкина А. С. Значение и перспективы развития цифровизации в области физической культуры и спорта // Молодой ученый. 2022. № 11 (406). С. 227–229.

8. Сомова А. Е. Цифровизация физической культуры и спорта // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. № 4. С. 30–35.

9. Цифровая трансформация в сфере физической культуры и спорта. URL: https://minsport.gov.ru/activity/digital-transformation/ (дата обращения: 10.10.2025).

10. Цифровая трансформация в сфере физической культуры и спорта. URL: https://digital.gov.ru/activity/gosuslugi/czifrovaya-transformacziya-v-sfere-fizicheskoj-kultury-i-sporta (дата обращения: 10.10.2025).

УДК 342.796

МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Вадим Михайлович Анисимов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Система государственного управления вместе со структурой государственной политики являются многообразными по своей направленности и задачам. Органы государственной власти согласно имеющимся у них полномочиям, действуя в пределах своей компетенции, решают задачи политического, экономического и социального развития страны. Социальная политика, в свою очередь, также включает в себя множество направлений, и одним из них выступает развитие, стимулирование и поддержка физической культуры и спорта. Особенностью данной сферы выступает то обстоятельство, что она реализуется одновременно в культурной и образовательной сфере, в рамках внутренней и международной политики государства, касается вопросов развития массового и профессионального спорта, выступает одним из элементов государственной молодежной политики и политики в сфере здравоохранения, сопряжена с вопросами духовно-нравственного и гражданского воспитания. Это свидетельствует о значительном политическом потенциале физической культуры и спорта, важности данной сферы для сохранения и преумноже-

ния здоровья нации, развития воспроизводственного потенциала, формирования базовых ценностей у представителей подрастающего поколения, поддержки внутреннего и внешнего имиджа страны, равно как и патриотизма населения. С учетом статистических показателей, характеризующих состояние здоровья россиян, снижения уровня активности, продолжающегося негативного влияния пагубных привычек, значимости участия в международных спортивных соревнованиях и всех прочих ранее перечисленных обстоятельств, определяющих значение спорта в жизни государства и общества, вопросы совершенствования государственной политики и организации государственного управления в данной сфере не утрачивают своей актуальности [8, с. 138].

Обращаясь к исследованию особенностей государственного управления в области физической культуры и спорта, стоит отметить, что в Конституции РФ как основном законе государстве, сформированы предпосылки и принципы государственного регулирования в данной сфере. В частности, в российском государстве, согласно ст. 41 Конституции [1], поощряется деятельность, которая способствует развитию физической культуры и спорта, а соответствующие полномочия находятся в совместном ведении федеральных и региональных органов государственной власти. Основным законодательным актом, в соответствии с которым определяются принципы, направления и ключевые особенности государственного управления в анализируемой сфере, является федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» № 329-ФЗ [2]. Он содержит основные понятия в исследуемой области, в том числе, определяет особенности массового и профессионального спорта, компетенцию органов государственной власти, особенности правового статуса спортивных организаций, инструменты формирования спортивной инфраструктуры.

Основными принципами государственной политики в обозначенной сфере выступают: обеспечение права на свободный доступ граждан к занятиям физической культурой и спортом и объектам спортивной инфраструктуры, создание единой нормативной базы, создание условий для вовлечения населения в регулярные занятия спортом, формирование предпосылок для саморегулирования, частно-государственного партнерства и совершенствования спортивной инфраструктуры [9]. В сферу государственного регу-

лирования входит также защита моральных и этических основ спортивной деятельности, а также установление запрета на любые формы дискриминации [2].

Общественная значимость области физической культуры и спорта для различных сторон жизни государства, политического, социального и экономического развития, в том числе, повышения качества и уровня жизни граждан, подтверждается тем, что основные цели государственной политики в обозначенной сфере сформулированы в указе главы государства «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Они касаются развития как массового, так и профессионального спорта, в том числе:

– вовлечение в регулярные занятия физической культурой и спортом представителей различных социальных групп;

– создание условий для развития спортивной инфраструктуры и повышения уровня доступности ее объектов, в особенности, для лиц с ограниченными возможностями здоровья;

– формирование условий, необходимых для повышения конкурентоспособности отечественного профессионального спорта [3].

С учетом названных направлений используются различные методы и инструменты государственного управления. К числу основных методов государственного управления в исследуемой сфере могут быть отнесены:

1. Административные методы, которые включают в себя такие аспекты государственного управления, как формирование нормативной базы, реализация государственных программ в области развития и поддержки массового и профессионального спорта, формирование уполномоченных органов государственной власти и определение уровня их компетенции, в том числе, распределение полномочий на федеральном и региональном уровне. В качестве уполномоченного федерального органа исполнительной власти в сфере спорта выступает Министерство спорта РФ. Его структурные подразделения действуют на региональном уровне. В соответствии с ранее отмеченными особенностями государственного управления в сфере спорта особую роль играет межведомственное взаимодействие, и часть полномочий по государственному управлению возлагается на Министерство просвещения РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, на

Министерство здравоохранения РФ и некоторые другие федеральные органы исполнительной власти [10, с. 19].

Под руководством Министерства спорта осуществляется лицензирование в сфере спорта, государственная аккредитация спортивных федераций, признание видов спорта и разработка правил спорта. В состав данной группы методов также входит ведение Всероссийского реестра спорта, установление квалификационных требований и категорий к судьям. Одним из важнейших административных методов управления в области спорта выступает осуществление контрольной и надзорной деятельности, которые способствуют устранению и предупреждению любой дискриминации, обеспечивают соблюдение установленных требований участниками спортивных мероприятий, субъектами спортивной деятельности. Одним из важнейших направлений контроля выступает разработка и проверка соблюдения антидопинговых правил [6, с. 128].

Нормативными актами устанавливается порядок проведения спортивных соревнований, на основании чего формируется график их проведения на предстоящий год, а также определяются принципы и порядок присвоения спортивных званий и наград.

Административными по своей сути методами также являются метод убеждения и стимулирования желаемого поведения субъектов общественных отношений в области спорта. Они используются в рамках пропаганды физической культуры и спорта, вовлечения населения в регулярные занятия спортом. В контексте данного направления деятельности, в частности, проводится широкая разъяснительная работа, массовые мероприятия по пропаганде спорта на федеральном и региональном уровне. В работу активно вовлекаются представители общественности, спортивные, молодежные, детско-юношеские организации, средства массовой информации, лидеры мнений. К административным методам управления в области спорта относится также управление образованием в области спорта. Данное направление включает в себя подготовку спортсменов, спортивных тренеров, спортивных судей, спортивных менеджеров [8, с. 139].

2. Экономические методы государственного управления призваны оказывать воздействие на материально-техническое и финансовое обеспечение в области спорта. В контексте данного направления деятельности из средств федерального и региональ-

ных бюджетов выделяются финансовые ресурсы для развития и совершенствования спортивной инфраструктуры, финансирования мероприятий, направленных на пропаганду спорта, массовых спортивных мероприятий, профессиональных спортивных соревнований. В финансировании нуждаются также учреждения спорта, в том числе, образовательные организации. Одним из примеров использования экономических методов государственного управления в области спорта является введенный относительно недавно социальный вычет по расходам на физкультурно-оздоровительные услуги. При соблюдении определенных требований он позволяет вернуть часть уплаченного налога на доходы физических лиц (НДФЛ) за расходы, связанные с физической активностью, например, за занятия в фитнес-клубах или спортивных секциях [8, с. 140].

3. Социально-психологические методы государственного управления используются для воздействия на социально-психологические отношения людей и характерны для управления физкультурно-спортивными организациями. В основе таких методов лежит психология и социология, использование материальных и нематериальных стимулов для профессиональных спортсменов, преподавателей образовательных учреждений в сфере спорта, тренеров. К этому направлению работы можно отнести также формирование имиджа российских спортсменов, воспитание нулевой терпимости к использованию допинга и воспитательную работу [7, с. 423].

Сказанное означает, что в системе государственного управления в области физической культуры и спортом активно используются все методы, и каждое направление характеризуется определенным значением и имеет определенные особенности и результаты реализации. В частности, в контексте административного регулирования сохраняет актуальность использование программно-целевого метода. С 2019 по 2024 год в рамках национального проекта «Демография» в качестве актуального направления поддержания здоровья нации был реализован федеральный проект «Спорт – норма жизни». Его задачи на практике решались в контексте государственной программы «Развитие физической культуры и спорта», обновленной в 2021 году на основании Постановления Правительства [4]. Общий объем финансирования проекта в течение пяти лет его реализации превысил

141 млрд. руб. Основная доля средств была направлена на совершенствование спортивной инфраструктуры в различных регионах страны. В общей сложности было возведено более 500 спортивных сооружений, модернизированы сотни площадок, подготовлены десятки тысяч специалистов. Проводится пропаганда здорового образа жизни, представители различных социальных и возрастных групп населения вовлекаются в постоянные занятия спортом. Соответствующая работа дает положительные результаты: более 23 млн. россиян участвуют в движении ГТО, из них 14 млн. уже успешно выполнили нормативы, а благодаря введению социального налогового вычета за физкультурно-оздоровительные услуги с 2022 года, доступность соответствующих услуг значительно повысилась. В результате всех перечисленных направлений работы в 2024 году количество россиян, систематически занимающихся спортом, превысило 80 млн. человек, что составляло 60,3 % от общего числа жителей России в возрасте от 3 до 79 лет. В рамках реализации программы также уделялось активное внимание совершенствованию кадрового потенциала. От наличия в сфере грамотных сотрудников (тренеров, инструкторов и т.д.) непосредственным образом зависит качество и профессионализм работы, проводимой как в сфере массового, так и в области профессионального спорта. Более 62 тыс. специалистов в сфере физической культуры и спорта прошли программы подготовки новых кадров и повышения квалификации, из них свыше 5,6 тыс. человек повысили квалификацию в 2024 году. Программа, рассчитанная до 2030 года, продолжает работать [5, с. 203].

Таким образом, система государственного управления в области физической культуры и спорта, равно как и используемые в ней методы формируются с учетом характерных особенностей спортивной сферы, той роли, которую она играет в поддержании и улучшении здоровья нации, нравственного и патриотического воспитания, в формировании и укреплении репутации страны на международной спортивной арене.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993 (в ред. № 8-ФКЗ от 4 октября 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон № 329-ФЗ от 04.12.2007 (в ред. № 304-ФЗ от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации № 309 от 7 мая 2024 г. // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ № 1661 от 30 сентября 2021 г. (в ред. № 1342 от 30 августа 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 41. Ст. 6972.

5. Алиев А. М. Аналитический обзор государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» // Экономика и управление в спорте. 2022. Т. 2, № 3. С. 201–210.

6. Андросова Г. А., Михайлова Е. Я. Критерии эффективности государственного управления отраслью физической культуры и спорта // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2021. Т. 4, № 2. С. 128–133.

7. Байкова У. С. Особенности государственного управления в сфере спорта // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 423–424.

8. Гуреева Е. А. Государственная политика и методы ее реализации в управлении российским массовым спортом // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2024. Т. 10, № 4. С. 138–155.

9. Жердева Ю. А., Авраменко А. В. Функционирование сферы физической культуры и спорта как важный фактор экономического развития государства // Вестник профессионального образования. 2020. № 2 (14). С. 108–113.

10. Коваленко Е. Ю., Шавандина О. А., Тыдыкова Н. В. Особенности государственного регулирования и управления в сфере физической культуры и спорта // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 2. С. 17–25.

УДК 796.034.2

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Вадим Михайлович Анисимов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Современное состояние и развитие сферы физической культуры и спорта определяется воздействием самых разных факторов внешней и внутренней среды. Их комплексное влияние определяет значимость качественной системы государственного управления в этой области, однако, и способствует возникновению специфических сложностей, требующих осмысления и последовательного решения.

С учетом того, что в последние годы Российская Федерация продолжает развиваться в непростых и беспрецедентных до этого момента условиях глобального внешнего давления и усиления внешнеполитических, экономических, социальных вызовов и рисков, сфера физической культуры и спорта требует повышенного внимания не только потому, что в немалой степени способствует сохранению здоровья нации, повышению качества и продолжительности жизни, но и в связи с тем, что спорт выступает в качестве одного из элементов гражданского, патриотического воспитания, влияет на формирование национальной гордости и самоидентичности, способствует поддержанию национального духа. Для обеспечения всех перечисленных эффектов сфера спорта требует объединения множества организационных, управленческих усилий, вложения материально-технических, кадровых и финансовых ресурсов. Отсутствие системного подхода, законодательные пробелы, несоответствие используемых организационных механизмов потребностям сферы, дефицит ресурсного обеспечения – становятся причиной снижения эффективности государственного управления в сфере спорта [10, с. 384].

Существующие на сегодняшний день проблемы и сложности государственного управления в сфере спорта можно классифицировать по различным основаниям, выделяя в их числе и вызовы внешней среды, и дополнительные риски, связанные

с несовершенством правового регулирования, дефицитом необходимых ресурсов и т.д.

Прежде всего, стоит отметить, что с нарастанием геополитической напряженности вокруг России еще в 2014 году, введением экономических санкций и особенно, с началом специальной военной операции международное сообщество, в особенности, представители недружественных стран, используют спорт в качестве инструмента международной политики и давления, вопреки всем этическим нормам, характерным для отношений в области спорта. Это проявляется в усиленном внимании, контроле в отношении российских спортсменов со стороны руководства международных спортивных организаций, явно политизированной в некоторых случаях системе выставления оценок на спортивных соревнованиях. Беспристрастность и объективность перестали быть базовыми принципами проведения международных соревнований, и особенно очевидно это в отношении именно спортсменов из России, в отношении которых не только демонстрируется предвзятость при оценке спортивных достижений, но и реализуется усиленный допинг-контроль. С 2022 года в отношении российских спортсменов действует запрет на допуск к целому ряду крупнейших международных спортивных соревнований. Очевидно, что с точки зрения относительно непродолжительной карьеры спортсменов, важности спортивных достижений и здравой конкуренции такого рода ситуация негативно влияет на мотивацию, снижает качество спортивной подготовки [8].

Целый ряд сложностей возникает и в связи с введением экономических санкций. В результате ухода с российского рынка многих известных производителей спортивного оборудования, инвентаря, спортивной формы, возникает недостаток и в сфере снабжения. В течение длительного времени значительная потребность в продукции, необходимой для материально-технического обеспечения сферы спорта, организации тренировочного процесса, спортивного питания, снабжения формой, оборудованием, спортивным инвентарем – закрывалась исключительно за счет импорта. В результате санкций образовался дефицит в обозначенной сфере, который просто не может быть покрыт отечественными производителям: с одной стороны, выпускаемой ими продукции просто недостаточно для отечественного спорта в целом, с другой стороны, отечественные аналоги в значительном

количестве случаев не обладают соответствующим качеством и необходимыми параметрами. Дополнительные финансовые сложности, связанные с ростом цен на билеты, закрытием воздушных коридоров, необходимостью перестраивать привычную логистику – становятся дополнительным фактором роста затрат, которые в значительной части ложатся на плечи самих спортсменов, родителей юных спортсменов, регионы. Несмотря на то, что все перечисленные сложности варьируются в зависимости от субъектов РФ, того или иного вида спорта – в целом соответствующие тенденции наблюдаются, сохраняя негативное влияние и на развитие массового спорта, и на конкурентоспособность профессионального спорта [1, с. 41].

Кроме внешних проблем и рисков существует также множество внутренних сложностей, которые также не способствуют повышению эффективности государственной политики в сфере спорта и решению всех стоящих перед ней задач. В этой связи стоит отметить тот факт, что несмотря на все попытки вовлечения большего числа граждан в регулярные занятия спортом, не всегда возможно это на практике потому, что российские регионы значительно различаются между собой по качеству и уровню развития спортивной инфраструктуры [2]. Сохраняется дефицит спортивных сооружений, одной из основных проблем выступает значительная коммерциализация сферы, которая проявляется и на уровне массового спорта в целом, и на уровне детских спортивных школ и секций. В результате для семей и одиноко проживающих граждан с низким уровнем доходов занятия спортом, спортивные секции – становятся просто недоступными. Это не позволяет выявить перспективных спортсменов среди представителей подрастающего поколения, негативно сказывается на доступности спорта в целом. Особенно негативно на возможности выявления перспективных спортсменов это влияет в «дорогих» видах спорта, требующих значительных расходов. В этом случае основную часть расходов несут на себе родители, и отсутствие средств у семьи спортивно одаренного ребенка фактически перекрывает ему доступ к спортивной карьере [9, с. 69].

Одновременно наблюдается и значительный перекос в количестве выделяемых ресурсов и информационной политики между видами спорта: в силу влияния моды сохраняется значи-

тельная дифференциация ресурсов, направляемых в развитие, стимулирование и поддержку того или иного вида спорта [2].

Одной из общераспространенных в последние годы проблем для различных сфер занятости в России стал недостаток кадров. В отрасли наблюдается значительный дефицит тренеров и их помощников, грамотных инструкторов. Особое значение это имеет для воспитания подрастающего поколения. В этом случае необходимыми элементами карьеры являются умение и желание работать с детьми, наличие мотивации к воспитанию молодежи, готовность к долгосрочной карьере тренера. С учетом того, что степень вовлеченности молодых людей в регулярные занятия спортом остается недостаточной, осложняется атомизацией, усилением влияния виртуальной реальности, низкой мотивацией [6, с. 81].

К числу организационных проблем, характеризующих качество государственного управления в области физической культуры и спорта и негативно на него влияющих, исследователи относят также недостаточную профессиональную подготовку и идеологическую мотивацию самих государственных служащих, занимающихся регулированием отдельных направлений развития спорта, снижение уровня развития спортивной науки, низкий уровень межведомственного взаимодействия заинтересованных в развитии спорта органов государственного управления [3, с. 790]. Сохраняется разбалансированность полномочий между органами государственной власти и субъектами в сфере развития физической культуры и спорта. Например, акцент в реализации государственных программ приходится на региональный и местный уровни, что не составляет единой системы, не способствует комплексному развитию физической культуры и спорта, определяет сохранение различного уровня развития между регионами [4].

Имеются и некоторые законодательные сложности. В частности, в научной литературе говорится о необходимости серьезного обновления отраслевого законодательства в связи с изменением условий и особенностей развития спорта, активной цифровизацией сферы. Нередко высказывает мысль и о необходимости систематизации норм в сфере спорта в рамках единого нормативно-правового акта (Спортивного кодекса Российской Федерации) [7, с. 308].

Не отличается высоким уровнем развития и интеграция по вопросам стимулирования и поддержки, регулирования в области физической культуры и спорта органов государственной власти, бизнеса и представителей общественности. И хотя в последние годы уделяется большее, нежели раньше, внимание информационному обеспечению, информационная политика в сфере физической культуры и спорта остается бессистемной, не способствует распространению актуальной и востребованной информации, последовательной пропаганде спорта и здорового образа жизни в целом. В этом случае важно использовать все имеющиеся ресурсы, объединять усилия государственных органов и представителей спортивного сообщества, бизнеса, общественности, привлекать потенциал социальных сетей, общественных объединений, СМИ, кинематографа. В течение последних лет в российской киноиндустрии были удачные образцы фильмов, прославляющих спортивных дух, мастерство, значимость системного труда и командной работы, мотивирующих к спортивным достижениям и само желание попробовать свои силы в спорте. Этот способ воздействия необходимо использовать и в перспективе, тем более, что история отечественного спорта знает немало впечатляющих побед и имен спортсменов, известных по всему миру [5, с. 152].

Обращение к практике государственного управления в области физической культуры и спорта свидетельствует о том, что данная сфера регулирования отличается как определенными особенностями, так и проблемами. Причины их появления связаны как с системными сложностями внутри страны, в том числе, причинами финансового порядка, так и с тем негативным влиянием, которое обусловлено положением России на современной международной политической арене и попытками недружественных стран оказать различного рода давление на страну. Так или иначе, перечисленные сложности на эффективность и условия развития физической культуры и спорта влияют отрицательно, в связи с чем требуют решения.

Список литературы

1. Арутюнова А. Е., Чайков Н. А. Перспективы управления сферой физической культуры и спорта в масштабах государства // Вестник Академии знаний. 2022. № 49 (2). С. 33–41.

2. Алтухов С. Меняется все: почему в России начала формироваться новая спортивная политика. URL: https://www.forbes.ru/sport/540900-menaetsa-vse-pocemu-v-rossii-nacala-formirovat-sa-novaa-sportivnaa-politika (дата обращения: 12.10.2025).

3. Белова А. В., Плотников Е. Г. Актуальные проблемы и перспективы развития физической культуры в Российской Федерации // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. по материалам национальной науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования кафедры физического воспитания Кубанского ГАУ. Краснодар, 2020. С. 786–792.

4. Грановесов И. Д. Проблемы в сфере государственного управления физической культурой и спортом и направления их решения // Актуальные исследования. 2023. № 10. URL: https://apni.ru/article/5780-problemi-v-sfere-gosudarstvennogo-upravleniya (дата обращения: 12.10.2025).

5. Изаак С. А., Щадилова И. С. Проблемы и способы повышения интереса населения к занятиям спортом // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 7. С. 149–153.

6. Краснова М. А. Проблемы государственного управления в сфере физической культуры и спорта // Инновации и инвестиции. 2023. № 5. С. 78–83.

7. Крюковских А. И. Формирование и развитие государственной политики в сфере физической культуры и спорта // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 306–308.

8. Мацюк Е. С. Проблемы государственного управления в сфере спорта в Российской Федерации. URL: https://scienceproblems.ru/images/PDF/2020/58/problemy-gosudarstvennogo-up.pdf (дата обращения: 12.10.2025).

9. Погорелый А. Е., Федосова Л. П., Федотова Г. В. Основные направления совершенствования механизма государственного управления развитием физической культуры и спорта // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 1. С. 66–70.

10. Пышкин А. И. Проблемы государственного управления спортом в Российской Федерации // Вестник науки. 2024. № 4 (73). С. 384–390.

УДК 008(470)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Дарья Вячеславовна Сосновская

Пензенский государственный университет, г. Пенза

В последние годы существенно изменилось восприятие культуры и её значение для общества. Всё более очевидным становится, что культурная сфера выступает одним из ключевых ресурсов социально-экономического прогресса.

Значение культурной политики для государства сопоставимо, а в ряде случаев не менее важно, чем экономическая или социальная политика. Через неё реализуется системное регулирование сферы культуры и поддержка социально значимой культурной активности. Массовое приобщение граждан к достижениям науки, культуры и технологического прогресса становится обязательным условием. Таким образом, культурная политика напрямую определяется общим вектором социально-экономического и политического развития страны и особенностями её социокультурного контекста.

В России идеологическим фундаментом современной государственной культурной политики является Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей России, утверждённая Указом Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Концепция закрепляет систему из 17 ключевых ценностей, включающую: жизнь, достоинство, права и свободы человека; патриотизм и гражданственность; служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкую семью; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм, милосердие, справедливость; коллективизм, взаимопомощь, взаимоуважение; историческую память и преемственность поколений; единство народов России.

В документе также вводится категория «антиценностей» – идеологии и практики, которые, по оценке авторов, противостоят духовно-нравственным устоям (такие как культ потребления, эгоизм, вседозволенность, иные интерпретации истории).

Концепция выступает фильтром при формировании культурных инициатив: государственные гранты, выбор тематик культурных программ, финансирование кинопроектов и спектаклей. Всё это должно согласовываться с выбранным идеологическим ориентиром.

В этом контексте национальный проект «Культура» (2019–2024) стал знаковым этапом трансформации отрасли: он послужил фундаментом для внедрения идеологически выверенной политики в культуре. Через реализацию нацпроекта были заложены материальные, институциональные и кадровые основы, позволяющие новую культурную стратегию встраивать в единые ценностные рамки и направлять развитие отрасли более осмысленно и согласованно с общей государственной парадигмой.

В рамках Федерального проекта «Культурная среда» произошло обновление материальной базы культуры. В городах и селах ремонтировались и строились дома культуры, сельские клубы, музеи, детские школы искусств – зачастую это важнейшие центры досуга и творчества на местном уровне. Например, по данным Министерства культуры Российской Федерации, за период нацпроекта было построено, реконструировано или капитально отремонтировано порядка 2041 культурно-досуговых организаций в сельской местности [3]. Большое внимание уделялось развитию библиотек: традиционные читальные залы превращались в современные модельные библиотеки – комфортные мультимедийные пространства с новой мебелью, техникой и книжными фондами. Всего за время нацпроекта созданы и модернизированы более 1229 муниципальных библиотек нового поколения [3]. Благодаря этому жители даже небольших городов и сел получили доступ к современным библиотечным услугам в уютной обстановке.

Ключевым направлением национального проекта стали инвестиции в человеческий капитал культурной сферы. В рамках федерального проекта «Творческие люди» по всей стране реали-

зовывались программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников культуры. В период 2019–2024 гг. обучение прошли свыше 205 тыс. сотрудников учреждений культуры [3], включая руководителей и творческих специалистов, что позволило существенно обновить кадровый потенциал отрасли и внедрить новые компетенции.

Особое внимание уделялось поддержке одарённых детей и молодёжи. Для талантливых юных музыкантов, художников и артистов были предусмотрены меры целевой поддержки: 120 грантов на реализацию творческих проектов, 600 стипендий для развития индивидуальных способностей, а также материальное стимулирование для 4 тыс. лучших работников сельских учреждений культуры [3]. Эти меры способствовали укреплению кадровой базы, формированию мотивации у молодых специалистов и признанию заслуг опытных сотрудников, обеспечив устойчивое развитие культурной среды в регионах.

Третье ключевое направление нацпроекта – внедрение цифровых технологий в культуру. Проект «Цифровая культура» включал оцифровку библиотечных и архивных фондов, создание электронных баз данных, а также развитие сети виртуальных концертных и лекционных залов. За годы реализации проекта было открыто 512 виртуальных концертных зала по всей стране [3]. Кроме того, в цифровом формате были оцифрованы тысячи единиц культурного наследия – например, свыше 22,5 тысяч фильмов из золотого фонда отечественного кино переведены в цифру, книги и документы стали доступны в электронных библиотеках [3].

Таким образом, нацпроект «Культура» заложил технические условия для того, чтобы культура шагнула в цифровую эпоху и стала более доступной массовому зрителю через интернет. Согласно заявлению вице-премьера Российской Федерации Татьяны Голиковой, уровень реализации национального проекта «Культура» по состоянию на 1 октября 2024 года составлял 99,7 % [6], что говорит о выполнении плановых показателей проекта.

Если национальный проект «Культура» можно охарактеризовать как масштабную программу модернизации инфраструктуры отрасли, то с 2025 года акцент государственной политики смещается на долгосрочное развитие культурной сферы. В этот период

вступила в силу государственная программа «Развитие культуры» [2], фактически ставшая преемницей завершённого в 2024 году национального проекта и обозначившая новые приоритеты в культурной политике.

Во-первых, политика перестала быть ориентированной исключительно на строительство и реставрацию – теперь ключевое внимание уделяется содержанию культурной жизни, устойчивому функционированию учреждений и качеству предоставляемых услуг. Во-вторых, в программу введены новые инструменты поддержки: например, «Земский работник культуры» призван привлечь специалистов в сельскую местность и укрепить кадровую структуру регионов [4].

Также пересмотрены показатели результативности: теперь не только учитываются объёмы капитальных работ, но и эффективность работы учреждений культуры, востребованность программ, вовлечённость аудитории, что позволяет оценивать реальный культурный эффект [4, 5]. При этом усилена межведомственная координация – культурные мероприятия интегрированы в смежные федеральные проекты, особенно связанные с семейной и социальной политикой.

Наконец, существенно перераспределены ресурсы: финансирование теперь акцентировано на операционную деятельность учреждений, поддержку творческих инициатив и проекты с устойчивым содержательным эффектом, а не лишь на капитальные затраты. Все эти изменения направлены на то, чтобы культура стала не просто обновлённой инфраструктурой, но живой, динамичной системой, способной отвечать интересам и потребностям современного общества.

Культура в России развивается и уже демонстрирует конкретные результаты. Так, нацпроект «Культура» (2019–2024 гг.) позволил существенно обновить инфраструктуру отрасли, укрепить кадровый потенциал и заложить техническую основу для «цифрового прорыва». Это не абстрактные идеи, а реальные объекты, проекты и программы, уже работающие в регионах.

При этом говорить о явных итогах новой госпрограммы «Развитие культуры» (с 2025 года) пока преждевременно: её реализация лишь началась. Тем не менее цели и направления выглядят сбалансированными: внимание смещается с одноразового ка-

питального обновления на устойчивое содержание, поддержку творческих инициатив, вовлечённость населения и социальную интеграцию. Усилена межведомственная координация, появляются новые инструменты поддержки (например, «Земский работник культуры»), пересмотрены критерии оценки эффективности.

Таким образом, перед отраслью стоят амбициозные задачи и перспективы. Чтобы культурная политика преобразилась не только на бумаге, потребуется гибкость, системность и постоянный диалог между государством, творческим сообществом и обществом. Но уже сегодня можно констатировать: Россия формирует новую культурную парадигму. Ее отличительными чертами становятся ориентация на содержательные аспекты (ценности и смыслы), а также стремление к устойчивому развитию и укреплению традиционных основ.

Список литературы

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры» : постановление Правительства РФ № 317 от 15.04.2014 (ред. от 25.12.2024) // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

3. Итоги реализации Национального проекта «Культура» : офиц. сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/natsionalnyy-proekt-kultura/itogi-realizatsii-natsionalnogo-proekta/ (дата обращения: 20.09.2025).

4. Паспорт государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры» на 2025 год : офиц. сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: https://culture.gov.ru/documents/pasport-gosudarstvennoy-programmy-rossiyskoy-federatsii-razvitie-kultury-na-2025-god03062025/ (дата обращения: 21.09.2025).

5. Правительство утвердило новую Стратегию государственной культурной политики до 2030 года : офиц. сайт Правительства России. URL: http://government.ru/news/52710/ (дата обращения: 21.09.2025).

6. Татьяна Голикова: нацпроект «Культура» реализован на 99,7 %. URL: https://объясняем.рф/articles/news/tatyana-golikova-natsproekt-kultura-realizovan-na-99-7/ (дата обновления: 20.09.2025).

УДК 314.01

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ БАЗЫ И ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Елена Александровна Сидорова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Современная демографическая ситуация в Российской Федерации продолжает оставаться одним из наиболее острых вопросов, непосредственно влияющих на национальную безопасность и перспективы социально-экономического развития страны. По данным официальной статистики [11], в 2024 году показатель естественной убыли населения достиг 596,2 тыс. человек, что на 20,4 % превышает аналогичный показатель предыдущего года. Такая негативная динамика обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, включая устойчиво низкий уровень рождаемости, сохраняющуюся высокую смертность населения трудоспособного возраста, а также недостаточно эффективную систему регулирования миграционных процессов.

В сложившихся условиях особую актуальность приобретает анализ нормативно-правовой базы, регулирующей демографические процессы в стране. Эффективность государственной политики в данной сфере определяется не только объемом выделяемых финансовых ресурсов, но и качеством правового регулирования, а также действенностью механизмов реализации установленных норм.

Конституция Российской Федерации [1] формирует фундаментальные основы государственной политики в демографической сфере. Следует отметить, что основной закон страны не содержит прямых упоминаний о демографической политике как таковой, закрепляет ряд принципиальных положений, создающих правовые предпосылки для решения демографических проблем. В частности, статья 7 Конституции провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Статья 38 гарантирует гос-

ударственную защиту материнства, детства и семьи, а статья 41 закрепляет право каждого гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь. Важное значение имеют положения статей 71–72 Конституции, разграничивающие полномочия между федеральными органами власти и субъектами Федерации в сфере регулирования демографических процессов.

Ключевым стратегическим документом в рассматриваемой сфере также является Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента № 1351 от 2018 г. [7]. В качестве основных целей Концепции были определены: стабилизация численности населения на уровне 142–143 млн человек к 2015 году; создание условий для роста численности населения до 145 млн человек к 2025 году; повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 70 лет к 2015 году и до 75 лет к 2025 году.

Примечательно, что, несмотря на снижение численности населения России на начало 2025 года до 146,028 млн человек (по сравнению с 146,151 млн на начало 2024 года), поставленные в Концепции цели по созданию условий для роста численности населения были достигнуты [11].

В рамках реализации государственной демографической политики особое значение приобрел национальный проект «Демография» (окончен 31.12.2024) [13]. Основной целью проекта являлось «увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет», при этом большинство целевых показателей проекта связано с формированием здорового образа жизни среди населения [12]. По итогам 2023 года, как сообщила вице-премьер Татьяна Голикова, все показатели нацпроекта были выполнены [10].

В 2025 году на смену национальному проекту «Демография» пришли новые проекты – «Семья» [15] и «Продолжительная и активная жизнь» [14], что свидетельствует о поступательном развитии системы государственного регулирования демографических процессов.

Отдельного внимания заслуживает Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [8], которая, однако, содержит ряд существенных недостатков. В частности, формулировка цели документа не отвечает требованиям измеримости и конкретности. Хотя в Кон-

цепции обозначены ключевые проблемы миграционной сферы (пространственное расселение населения, особенности миграционного поведения, угрозы безопасности пограничных территорий, проблема «утечки умов»), документ не содержит четких механизмов их решения, а также измеримых индикаторов достижения поставленных целей [12].

Среди специальных законодательных актов, направленных на регулирование демографических процессов, следует выделить Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ [2], предусматривающий меры по закреплению населения на Дальнем Востоке через механизм предоставления земельных участков. В социальной сфере действует комплекс нормативных актов, включающий Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [6], Федеральный закон «О государственной социальной помощи» [4], Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [5], а также Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [3]. Эти документы формируют систему социальных гарантий и мер поддержки различных категорий граждан.

Особое значение для демографического развития страны имеет утвержденная распоряжением Правительства РФ от 7 апреля 2025 года № 830-р Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года [9], которая ставит целью увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году. Данный документ дополняет стратегию семейной и демографической политики на период до 2036 года [16], направленную на увеличение рождаемости и улучшение здоровья населения.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная нормативно-правовая база демографической политики Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую систему, включающую как стратегические документы концептуального характера, так и конкретные законодательные акты.

Перспективы развития демографической политики связаны с реализацией новых национальных проектов, а также долгосрочных стратегических документов, что позволит создать более эффективную систему государственного регулирования демографических процессов.

Список литературы

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

2. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа : федер. закон № 119-ФЗ от 01.05.2016 (ред. от 18.07.2019) // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

3. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон № 256-ФЗ от 29.12.2006 // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/

4. О государственной социальной помощи : федер. закон № 178-ФЗ от 17.07.1999 // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/

5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/

6. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : федер. закон № 81-ФЗ от 19.05.1995 // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/

7. Концепция демографической политики до 2025 года : указ Президента № 1351 от 2018 г. // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/

8. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ № 622 от 31 октября 2018 г. // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

9. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ № 830-р от 7 апреля 2025 г. // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

10. Голикова заявила о выполнении всех показателей нацпроекта «Демография». URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/04/25/1034064-zayavila-o-vipolnenii-pokazatelei-natsproekta (дата обращения: 08.05.2025).

11. Естественная убыль пошла в рост. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7533665 (дата обращения: 08.05.2025).

12. Лебедева А. В., Кабанов О. В. Нормативно-правовая база государственной семейно-демографической политики в современной России // E-Scio. 2018. № 12 (27). С. 2–9.

13. Национальный проект «Демография»: офиц. сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography (дата обращения: 09.05.2025).

14. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» : офиц. сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/rugovclassifier/917/about/ (дата обновления: 09.05.2025).

15. Национальный проект «Семья» : офиц. сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/rugovclassifier/915/about/ (дата обновления: 09.05.2025).

16. Правительство утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года. URL: http://government.ru/news/54573/ (дата обновления: 10.05.2025).

УДК 069.1:930.244

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И РЕГИСТРАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Анастасия Дмитриевна Дворжанская

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Первые шаги по регистрации и охране памятников искусства и старины начались после установления советской власти. 10 октября 1918 года «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» опубликовали декрет Совета Народных Комиссаров от 5 октября о регистрации, приёме на учёт и охранении памятников искусства и старины.

Основные положения декрета:

1) Проведение первой государственной регистрации всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины.

2) Учёт предметов, имеющих научное, историческое или художественное значение, находящихся в частном владении.

3) Запрет на отчуждение, перемещение или изменение учтённых памятников без разрешения специальных коллегий в Петербурге и Москве.

4) Выдача охранных грамот владельцам учтённых предметов.

5) Право принудительного отчуждения памятников при угрозе их сохранности.

6) Обязанность учреждений сообщать о реквизиции или отчуждении памятников.

7) Ответственность за неисполнение декрета вплоть до конфискации имущества и лишения свободы.

Документ был подписан заместителем Народного Комиссара по просвещению М. Покровским, управляющим делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевичем и секретарём Совета Народных Комиссаров Л. Фотиевой [1, 2].

22 декабря 1918 года Народный комиссариат внутренних дел направил срочную телеграмму всем Советам рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, включая Пензенский, с требованием немедленно провести опись памятников старины и искусства в бывших частновладельческих имениях. Пензенский губисполком 27 декабря передал это распоряжение уездным исполкомам.

Однако на местах возникли серьёзные трудности с выполнением этого распоряжения. Главной проблемой стало отсутствие чётких критериев для оценки предметов, имеющих научное, историческое или художественное значение. Кроме того, в уездах не хватало квалифицированных специалистов, способных определить истинную ценность памятников.

Лишь Саранский уездный Совет смог предоставить опись 28 памятников старины из различных имений. В ней были указаны каменно-мраморные часы, рояль, картины, фигура «Конь», музыкальные инструменты, коллекции бабочек и чучела птиц, а также фарфоровый кувшин с монограммой 1831 года.

Остальные уезды либо сообщили об отсутствии памятников, либо проигнорировали запрос. Особенно показательно, что не были учтены памятники в Тарханах – усадьбе Лермонтова. Многие уисполкомы просто отписывались, например, Мокшанский УИК заявил, что если памятники и были, то они уничтожены при разгроме имений. Позднее выяснилось, что такие отчёты не соответствовали действительности, о чём свидетельствуют впоследствии обнаруженные памятники [3].

24 апреля 1919 года при отделе народного образования Пензенского губисполкома был создан подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. В его состав вошли

Равдель (заведующий), художники Блюменфельд и Петров, а также архитектор Бурышкин. Однако никаких документов о деятельности этого подотдела не сохранилось.

Ситуация изменилась 23 мая 1921 года, когда Наркомпрос ввёл Положение о губернских управлениях по делам музеев. На эти учреждения возлагались важные функции: организация и руководство музеями и заповедниками, регистрация и охрана памятников, создание музейных фондов, проведение археологических и реставрационных работ, а также организация выставок.

При Пензенском Губмузее был создан подотдел охраны памятников старины и народного быта под руководством Алексея Лукича Хвощева. Он разработал положение о создании в Пензе историко-бытового музея и смету на его содержание. Однако Главмузей Наркомпроса не одобрил создание самостоятельного музея, предложив включить его как отдел в существующий естественно-исторический музей.

1 октября 1922 года заведующим историко-бытовым отделом стал Борис Николаевич Гвоздев. Он продолжил работу А. Л. Хвощева и активно участвовал в деятельности Музейной комиссии, которая заменила упразднённый Губмузей. В комиссию также входили профессор И. И. Спрыгин (председатель), директор музея Е. К. Штукенберг и директор художественного музея Н. Ф. Петров. Основную работу вёл Гвоздев, занимаясь регистрацией памятников и ведением документации [6].

7 января 1924 года был издан декрет «Об учёте и охране памятников искусства, старины и природы».

В июле 1924 года Борис Николаевич Гвоздев посетил несколько мест в Пензенской губернии, где осмотрел памятники и достопримечательности. После этих обследований Музейная комиссия утвердила списки зарегистрированных памятников.

В первый список вошли 49 памятников в Пензе: предметы музейного значения, надгробия, памятники монументального искусства и архитектурные памятники. Во второй список включили 50 памятников по губернии, среди которых были усадьбы, церкви, монастыри и другие объекты культурного наследия.

Особо отметили усадьбу Лермонтова в Тарханах, по поводу которой Музейная комиссия приняла постановление о необходимости особой охраны этого места [7].

7 июля 1924 года научный сотрудник Пензенских заповедников А. А. Уранов осмотрел усадьбу Лермонтова в Тарханах и обнаружил, что она находится в плачевном состоянии.

Главный дом был двухэтажным, деревянным с кирпичной обкладкой, построенным на месте сгоревшего здания, где жил поэт. Дом сильно обветшал: комнаты нуждались в ремонте, полы разрушены, стены закопчены, штукатурка обвалилась.

Усадьба включала ряд каменных построек: людскую, сараи, конюшни, амбары. Все они находились в ветхом состоянии. Особенно плохо сохранился санный экипаж, на котором ездила бабушка поэта – он был разрушающимся, с утраченной обивкой.

Парк состоял из трёх частей: парковой зоны с липами и клёнами и двух плодовых участков. В парке сохранились деревья, связанные с памятью М. Ю. Лермонтова: древний вяз у юго-западного угла дома, группа лип, посаженных поэтом, дуб справа от тропинки к колодцу.

Церковь рядом с усадьбой содержала ценные иконы и церковную утварь, но в ней не проводились службы. Чембарским уисполкомом сделано постановление о закрытии церкви.

Несмотря на историческую значимость усадьбы, она не получала должного внимания и охраны со стороны властей [8].

13 ноября 1924 года Музейный отдел Главнауки сообщил пензенской Музейной комиссии, что «усадьба Лермонтова при селе Тарханы Чембарского уезда Пензенской губ. с церковью и часовней, ввиду их исторической значимости, согласно Декрета от 5/X–1918 г. и 7/I–24 г. взяты на учёт и под охрану Отдела музеев с возложением ответственности за порчу их или разрушение на те учреждения или частные лица, которые занимают усадьбу» [9].

Тем не менее, временно образованная при губполитпросвете Музейная комиссия после упразднения музейного подотдела при губоно в своём отчёте за 1924/25 гг. отмечала, что «даже Лермонтовская усадьба, исторический памятник всемирного значения, не находит должной охраны и внимания, и члены Музейной комиссии бессильны сделать что-либо существенное в этом направлении» [10].

В заседании Музейной комиссии от 23 июля 1924 года также решено было включить в список памятников искусства и старины кружева, имеющиеся в общем отделе Мокшанского УИКа

и уголрозыска, и принять на учёт картины, находящиеся в клубе при железнодорожной станции Белинская [4, 16].

Музейная комиссия за 1923–1924 годы работала в составе председателя профессора И. И. Спрыгина, директора губмузея Е. К. Штукенберг, директора художественного музея Н. Ф. Петрова и заведующего историческим отделом Б. Н. Гвоздева.

Комиссия испытывала серьёзные трудности в работе: не имела собственной канцелярии и средств на мероприятия. Текущую переписку вели то через музей, то через губполитпросвет. Основные проблемы: отсутствие средств на реализацию мероприятий, недостаточная осведомлённость о местонахождении ценностей и безразличное отношение на местах к охране памятников.

Благодаря поддержке начальника ГЗУ Тараненко и губполитпросвета состоялась важная поездка по губернии, в ходе которой обследовали 7 уездных городов и десятки сёл. По результатам утвердили первый список из 99 памятников.

Комиссия пыталась решить вопросы с земельными участками и строениями, но столкнулась с сопротивлением соответствующих отделов.

На следующий год планировали обследование памятников в Пензенском и Городищенском уездах, фотографирование объектов и созыв губернского съезда краеведения, но из-за нехватки средств эти планы не осуществились.

20 ноября 1924 года Музейной комиссией было взято на учёт ещё 33 предложенных Б. Н. Гвоздевым памятника искусства и старины [11].

Выявление памятников старины оказалось проще, чем их передача в музей. Это подтвердилось на примере мебели из имения Языкова: несмотря на поддержку Наркомпроса, губсельхозтрест отказался передавать её музею, ссылаясь на то, что декреты не предусматривают принудительной передачи имущества без разрешения Наркомзема [5].

Поездки заведующего историко-бытовым отделом Б. Н. Гвоздева показали безразличное отношение к памятникам старины как на местах, так и в Пензе. Музейная комиссия постоянно получала отказы на просьбы о выделении средств на регистрацию памятников [12].

Комиссия констатировала, что в Пензенской губернии существует около 140 церквей XVIII века, но из-за отсутствия средств их обследование было невозможно. Политика государства по искоренению религиозности привела к массовому закрытию и сносу церквей.

Из более чем 1000 храмов и часовен, существовавших до революции на территории современной Пензенской области, к началу Великой Отечественной войны осталось только две действующие церкви – Казанская в Кузнецке и Митрофановская в Пензе. К концу 1970-х годов сохранилось менее 300 храмов, большинство из них находились в полуразрушенном состоянии [13].

17 января 1925 года Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки направил в Пензенский Губмузей список из 22 архитектурных памятников, взятых на учёт. В Пензе были зарегистрированы кафедральный собор, церкви Введения (Михаила Архангела), Всех Святых, Никольская, Казанская, Преображенская, Покровская, а также Спасо-Преображенский мужской и Троицкий женский монастыри.

В Пензенском уезде на учёте состояли объекты в Грабово, Полеологово-Сергиево и Саловке. В Краснослободске значился Спасо-Преображенский монастырь. В Краснослободском уезде были учтены церкви в Большой Ивановке, Старо-Ямской слободе и две церкви в Уреях. В Инсаре числились Вознесенская церковь в Желябовском совхозе, старая каменная часовня и два памятника на братских могилах. В Рузаевском уезде была зарегистрирована церковь в селе Рузаевке [14].

В 1925 году Б. Н. Гвоздев активно занимался изучением и сохранением культурного наследия Пензенской губернии. Он провёл ряд важных экспедиций: участвовал в раскопках в Наровчате вместе с археологом Кротковым, посетил Рузаевку, Чертково, Авгору, Старое Акшино, Чемодановку и Селиксы. Также он совершил масштабное путешествие по Городищенскому уезду. В результате этих поездок было зарегистрировано 103 новых памятника искусства и старины.

Гвоздев успешно совмещал музейную работу с охраной памятников. Его деятельность включала обследование некрополей, сбор сведений о старинных зданиях и работу с экспонатами. Параллельно он занимался составлением списков объектов для учёта.

Несмотря на значительные усилия, работа одного человека без поддержки властей была малоэффективной. В 1925 году губернские органы объявили о фактическом прекращении охраны памятников из-за отсутствия финансирования. Попытки восстановить работу Губмузея не увенчались успехом.

В феврале 1926 года доклад Гвоздева об охране памятников сняли с повестки конференции, а его просьбу о восстановлении Губмузея проигнорировали. Лишь в мае 1926 года удалось создать музейное отделение как подотдел губполитпросвета. При нём существовала комиссия по охране памятников, куда вошли заведующий губархивом профессор А. Е. Любимов и директор областного музея Е. К. Штукенберг. Учёт и охрану памятников на местах должны были проводить уездные комиссии на общественных началах. Однако из-за отсутствия поддержки и финансирования вся работа вскоре прекратилась [15].

После прекращения работы Музейной комиссии в 1926 году подотдел губполитпросвета по делам музеев был упразднён. Несмотря на это, Главнаука продолжала попытки повлиять на Пензенский губисполком.

29 ноября 1926 года в губисполком поступило письмо из Главнауки с требованием наказать виновных в разборке двух башен Троицкого женского монастыря без согласования с музейными органами. Главнаука указала на отсутствие должного надзора за памятниками старины в губернии и рекомендовала восстановить подотдел по делам музеев при губоно.

Однако Пензенский губисполком отказался от восстановления музейного подотдела, сославшись на отсутствие большого числа памятников старины в губернии и нехватку средств [17].

Список литературы

1. Декреты и инструкция об учёте и охране памятников искусства, старины и природы. М., 1924. С. 23–25.

2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1008–1009.

3. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 477.

4. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2078. Л. 515–515 об., 516–518.

5. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2078. Л. 22, 25, 27–28 об., 29. Л. 604–604 об.
6. ПКМ, н/ф. Оп. 1. Д. 25. Л. 58–58 об.
7. ПКМ. Оп. 1. Д. 35. Л. 181.
8. ПКМ. Оп. 1. Д. 35. Л. 138–138 об.
9. ПКМ. Оп. 1. Д. 35.
10. ПКМ. Оп. 1. Д. 37. Л. 35 об.
11. ПКМ, н/а, подшивка «Памятники Пензенской обл. Туристские маршруты». Л. 5–6 об.
12. ПКМ, н/а, подшивка «Памятники Пензенской обл. Туристские маршруты». Л. 55 об.
13. ПКМ. Оп. 1. Д. 40. Л. 9.
14. ПКМ. Оп. 1. Д. 40. Л. 6–8.
15. ПКМ. Оп. 1. Д. 37. Л. 46.
16. ПКМ. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.
17. Дворжанский А. И. Деятельность губернской музейной комиссии по охране памятников искусства и старины // Лингвистическое, историческое и литературное краеведение. Памяти А. Н. и Б. Н. Гвоздевых посвящается. Пенза, 1997. С. 95–96.

УДК 351, 316

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ АСПЕКТОВ И НОРМАТИВНО–ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Наталья Алексеевна Валыгина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Государственная молодежная политика (далее – молодежная политика) в России занимает важное место в системе государственных приоритетов, поскольку именно молодежь считается главным двигателем социально-экономического развития страны, залогом будущего и стабильного развития.

Современная молодежная политика – это комплекс государственных мер, программ и мероприятий, направленных на всестороннее развитие молодежи, развитие ее потенциала, формирование

гражданской активности и создание благоприятных условий для самореализации и профессионального развития, которые в конечном итоге способствуют социально–экономическому развитию страны.

Согласно статье 2 Федерального закона от 30.12.2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежь – это социально–демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации [2].

Приоритетом молодежной политики является создание благоприятных условий, способствующих развитию, самореализации и социальной интеграции молодежи. Данная цель достигается посредством обеспечения доступа к образовательным, профессиональным, трудовым, культурным и спортивным ресурсам, поддержки молодежных инициатив и формирования безопасной и стимулирующей среды для активного участия молодежи в общественной жизни.

Субъектами являются государственные органы (Министерства, Ведомства, региональные и муниципальные администрации и т.д.), общественные организации и объединения (молодежные движения, неправительственные организации, ассоциации и т.д.), образовательные учреждения (школы, колледжи, вузы и т.д.), бизнес, работодатели, молодежь.

Объектами молодежной политики выступают: молодежь как социальная группа, молодежные инициативы и проекты, социальные ценности и нормы, инфраструктура для молодежи.

Эффективность молодежной политики обычно измеряется по следующим ключевым параметрам:

1) достигнуты ли поставленные цели (результативность);

2) степень участия молодежи в социально–экономической и культурной жизни общества;

3) уровень занятости и трудовой активности молодых людей;

4) достигнут показатель «Обеспечение реализации молодежной политики», а именно наличие институтов и инфраструктуры молодежной политики, коммуникаций, нормативно-правовое обеспечение отрасли [4, с. 160];

5) гибкость и способность приспосабливаться к меняющимся социально-экономическим и социально-культурным изменения;

6) уровень подготовки молодежи к профессиональной деятельности, в том числе и уровень образования и т.д.

Конституция Российской Федерации, являющаяся основным законом государства, закрепляет принципы верховенства закона, федеративного устройства, равенства граждан и приоритета прав и свобод человека и гражданина. В контексте молодежной политики конституционные положения играют важную роль в обеспечении прав молодежи:

– статья 29 – право на информацию;

– статья 30 – участие самой молодежи в общественно–политической жизни, формирование молодежных организаций и движений;

– статья 32 предусматривают право граждан участвовать в управлении государственными делами;

– статья 37 – право на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбирая род деятельности и профессию;

– статья 43 – право на образование и т.д. [1].

Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации – это ключевой документ, который регулирует правовые, организационные и финансовые основы поддержки и развития молодежи в России, а также определяет механизмы взаимодействия государства, общественных организаций и молодежи. В статье 4 выделяют следующие основные цели молодежной политики:

1) защита прав и законных интересов молодежи;

2) обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи;

3) создание условий для участия молодежи в политической [3], социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества;

4) повышение уровня межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде;

5) формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологиям экстремизма, агрессивного национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям и деструктивным идеологиям;

6) формирование культуры семейных отношений, поддержка молодых семей, способствующие улучшению демографической ситуации в Российской Федерации [2].

Стоит выделить ряд преимуществ Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации»:

1) закрепляет важность разработки молодежной политики в качестве приоритетного направления деятельности государства;

2) поддерживает создание молодежных центров и программ профессионального и личностного развития;

3) в нем закреплены права молодежи на участие в управлении, образовании, культуре и спорте, на доступ к информационным услугам;

4) создает условия для участия молодежи в волонтерских проектах, инициативах и движениях (развитие гражданской активности);

5) поддержка межрегиональных и международных программ, обмен опытом и передовой практикой в области молодежной политики.

Несмотря на преимущества закона, важно также учитывать его возможные недостатки:

1) закон содержит общие положения, но не всегда четко устанавливает конкретные механизмы реализации программ и инициатив, что может снизить их эффективность;

2) осуществление молодежных программ требует значительных финансовых вложений, а бюджетные ограничения могут затруднить их финансирование;

3) реализация положений закона может существенно различаться в субъектах Российской Федерации, что приводит к неравномерному развитию молодежной политики в стране.

Важно обозначить основные органы государственной власти, ответственные за молодежную политику в России, и четко разграничить их компетенции:

Президент Российской Федерации задает общий курс, определяя стратегические направления молодежной политики в нашей стране, утверждая федеральные программы и нормативно-правовые акты.

Правительство Российской Федерации занимается практической реализацией молодежной политики, разрабатывая и внедряя федеральные программы и мероприятия, и координирует

деятельность федеральных органов исполнительной власти в области молодежной политики.

Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации участвует в законотворческой деятельности, связанной с молодежной политикой, и осуществляет надзор за исполнением федеральных программ.

Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации разрабатывает и принимает законы в области молодежной политики, а также осуществляет контроль за их исполнением.

Более того, это также такие министерства Российской Федерации, как Министерство просвещения, Министерство науки и высшего образования, Министерство спорта, Министерство культуры.

Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации являются региональными органами исполнительной власти, ответственными за реализацию молодежной политики на уровне субъектов совместно с муниципальными органами и молодежными организациями.

Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) создает среду, в которой молодые люди могут раскрыть и продемонстрировать свои таланты, реализовать идеи и внести вклад в общество, в государство.

Росмолодежь активно проводит работу по развитию молодежных проектов посредством федеральных и региональных программ, грантов и субсидий, выделяемых общественными организациями [4, с. 162].

Росмолодежь создает среду, в которой молодые люди могут раскрыть и продемонстрировать свои таланты, реализовать идеи и внести вклад в общество, в государство. Также Росмолодежь вовлекает в волонтерскую деятельность и создает платформу для межпоколенческого общения и экспертного обмена.

Особое внимание Росмолодежь уделяет внимание развитию креативных индустрий и помощи молодым людям, которые оказались в трудной жизненной ситуации, адаптироваться к жизни и создает инклюзивную среду, где каждый может найти свое место и чувствовать себя комфортно и безопасно.

Одной из ключевых задач государства является формирование привлекательной среды для будущего поколения. Для разви-

тия молодежной политики в России требуется комплексный подход, который учитывает современные вызовы и потребности нынешней молодежи. Поэтому можно выделить следующие рекомендации:

1) необходимо разработать и юридически оформить систему, обеспечивающие участие молодежи в анализе проблем и выработке решений, которые непосредственного касаются самого молодого поколения;

2) важно использовать социальные сети и современные технологии для вовлечения молодежи в принятия решений;

3) необходимо развивать инфраструктуру, специально предназначенную для молодежи, такие места, как молодежные центры, технопарки, коворкинг-пространства и спортивные комплексы;

4) необходимо учитывать региональные и культурные различия, разрабатывать региональные стратегии молодежной политики, учитывающие местные потребности и традиции;

5) необходимо активно и всестороннее поддерживать молодежные общественные объединения, государственная поддержка может выражаться в официальном признании их вклада в реализацию молодежной политики, и популяризация это с помощью СМИ;

6) обеспечение соответствия образовательных программ текущим и прогнозируемым потребностям рынка труда.

Таким образом, молодежная политика представляет собой всеобъемлющий план действий, нацеленный на всестороннее развитие молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет. Она акцентирует внимание на равных возможностях, социальной и профессиональной реализации, и на укреплении межнационального и межконфессионального согласия.

Молодежная политика – это отражение ценностей и приоритетов государства, а также инвестиция в будущее страны. Она требует постоянного обновления, гибкости и внедрения новых, современных подходов.

Список литературы

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/

2. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон № 489-ФЗ от 30.12.2020 // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/

3. Агафонов А. В. Развитие государственной поддержки молодежного политического лидерства: современные вызовы и перспективы // Управленческое консультирование. 2024. № 4 (184). С. 158–171.

4. Рыжкова О. В. Система деятельности молодежной политики в регионах и ключевые показатели эффективности ее работы // Образование и проблемы развития общества. 2023. № 1 (22). С. 157–161.

УДК 342

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ксения Дмитриевна Лукьянова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Как любое направление управленческой деятельности публичное управление нуждается в определенных критериях эффективности, так как и принятие соответствующих решений, и их реализация, и действия государственных и муниципальных служащих нуждаются в оценке, которая позволит, с одной стороны, оценить качество работы, с другой стороны, сформирует предпосылки для определения уровня профессионализма, качества государственной и муниципальной политики по определенным направлениям и так далее. В этой связи эффективность государственного управления представляет собой соотношение возможных и реально достигнутых показателей, результатов, связанных с определением функций органов государственной власти и местного самоуправления, реализацией возложенных на них задач, соотношением существующих проблем, поставленных целей и задач и степени соответствия им полученных результатов [11, с. 7].

В связи с тем, что государственное и муниципальное управление с одной стороны, многообразно и разнонаправленно, а с другой стороны, тесным образом связано с такими параметрами как политическая стабильность, экономические расходы (связь с параметрами развития бюджетной системы, использованием бюджетных средств и так далее), социальная удовлетворенность, в практике публичного управления принято выделять критерии как экономической, так и социальной, а также экологической, внешнеполитической и прочих видов эффективности. При этом очевидно, что для того, чтобы такие критерии на самом деле действовали и могли быть использованы для определения эффективности государственного управления и его дальнейшего совершенствования, они должны быть общепринятыми и закрепленными на законодательном уровне.

При этом само определение эффективности государственного управления не является однозначным и общепринятым, включает в себя разнообразные аспекты и предполагает наличие разнообразных точек зрения, связанных со значительным количеством направлений публичной управленческой деятельности, многообразием органов государственного управления и местного самоуправления, разнообразием стоящих перед ними задач и возложенных на них полномочий. С развитием самой системы государственного управления и трансформацией общественных потребностей и интересов меняется и содержание, объем соответствующего понятия, совершенствуется с учетом требований реальности совокупность используемых для определения эффективности критериев: меняется как их качество, так и количество. В результате нормативная база является подвижной и часто меняется. В настоящее время основой определения эффективности государственного управления выступает Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» [5]. И первым в числе соответствующих критериев названо доверие к органам власти, функционирующим как на федеральном, так и на региональном уровне.

Значимость данного критерия и сам факт того, что он размещен на первом месте свидетельствует о практической значи-

мости, особой роли соответствующего феномена в системе государственного управления и местного самоуправления. Несмотря на то, что категория «доверие» используется сегодня в качестве исторического, морально-нравственного, культурного, экономического и социально-психологического понятия, очевидно, что в политической сфере она имеет определенные особенности, так как выступает основой и условием взаимодействия власти и населения, свидетельствует об эффективности работы органов власти, обеспечивает вовлечения граждан в принятие государственных решений, а значит, непосредственным образом влияет на формирование гражданского общества, готовность поддержать принимаемые решения, формирует предпосылки для социальной и политической стабильности, консолидации общества [6, с. 177].

Несмотря на то, что информационная открытость в различных источниках рассматривается в числе критериев эффективности функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, стоит отметить, что в современной научной литературе соответствующий термин не приобрел однозначного определения и широкого распространения с точки зрения научного исследования и обоснования. В целом информационная открытость определяется в качестве такого организационно-правового режима деятельности органа публичной власти, который обеспечивает возможность получения необходимого и достаточного с точки зрения потребностей граждан объема общественно значимых и востребованных сведений о его деятельности [7].

Значимость информационной открытости органов государственной власти и местного самоуправления определяется как особенностями информации, которая используется для принятия соответствующих управленческих решений, так и связью ее с основными параметрами качества и уровня жизни граждан. Поскольку выполняемые государственными и муниципальными органами многочисленные управленческие, нормотворческие и контрольные функции связаны со значительным объемом информации, от качества и полноты, актуальности которой зависит качество решений в определенной сфере, то информационная открытость, выступая одним из начал электронной демократии, направлена не только на то, чтобы обеспечить гражданам доступ к информации о работе, направлениях деятельности, эффективности публичных органов, но и на то, чтобы сформировать логи-

ку, процесс, закономерности обратной связи: обеспечив доверие население, использовать получаемые сведения как основу дальнейшего развития [6, с. 189].

Нормативной основой обеспечения информационной открытости и реализации соответствующего принципа в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления выступают такие нормативные правовые акты, как:

– Конституция РФ, в статье 29 которой определено право граждан на поиск, получение, хранение и передачу, а также использование информации любыми не запрещенными законом способами [1];

– в нормах федерального закона от 27 июля 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] открытость информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления определена в числе приоритетных принципов, формирующих основу нормативного регулирования сферы информационных технологий и защиты информации. При этом отмечается, что в целях органы государственных или общественных интересов, обеспечения защиты интересов отдельных лиц доступ может быть ограничен, если соответствующая информация отвечает критериям государственной, коммерческой или иной охраняемой законом тайны. Не менее значимым с точки зрения правового регулирования информационной открытости органов власти и местного самоуправления является упомянутое в законе требование на получение лицом информации, затрагивающей его права и свободы;

– одним из важнейших нормативных правовых актов в анализируемой сфере выступает федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [4], который и направлен на обеспечение и правовое регулирование информационной безопасности в системе государственного и муниципального управления. В законе раскрыты основные понятия, требования и условия размещения информации, перечислены и проанализированы принципы обеспечения доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. В этой связи предусмотрено, что соответствующая информация должна быть открытой, доступной, достоверной, но при этом обеспечить соблюдение прав

граждан на неприкосновенность частной жизни, защиту чести и репутации, сохранение личной и семейной тайны. В законе также еще раз закреплено и детализировано по сравнению с конституционными нормами право на свободный поиск, получение, передачу и распространение информации любыми способами, не запрещенными законом;

– федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2] определены особенности и порядок обращения граждан в органы государственной власти и рассмотрения соответствующих обращений.

Некоторые положения, направленные на нормативное регулирование и обеспечение информационной открытости органов государственной власти, содержатся и в прочих нормативных правовых актах. В качестве примера можно привести, например, требование об обязательном опубликовании нормативного правового акта в открытом доступе на том или ином ресурсе, в зависимости от уровня соответствующего законодательного акта.

Основными способами обеспечения информационной открытости выступают предоставление и распространение информации, которые могут быть реализованы на практике различными способами:

– посредством предоставления информации по запросу;

– путем организации встреч представителей органов власти и местного самоуправления с гражданами и представителями юридических лиц, общественных объединений и организаций (личные встречи, телефонные линии, прямые линии и пр.);

– путем обнародования информации, то есть опубликования в открытом доступе: в этом случае информация, в зависимости от существующих требований или на основании решения органа государственной власти (местного самоуправления) может размещаться в средствах массовой информации или на конкретных ресурсах в сети Интернет, в том числе, на официальных сайтах органов государственной власти;

– предоставление возможности пользователю ознакомиться с определенными сведениями, данными, документами;

– размещение данных в общедоступных местах, в том числе, на досках объявлений, информационных стендах, табличках и прочих аналогичных ресурсах, которые могут размещаться как в самих органах власти, так и в прочих публичных местах;

– присутствие граждан, представителей юридических лиц на заседаниях органов государственной власти и местного самоуправления, участие в работе общественных комиссий, советов и т.д. [8, с. 145].

Одной из современных тенденций, новым способом обеспечения информационной доступности органов государственной власти и местного самоуправления выступает создание аккаунтов в социальных сетях. Взаимодействие в этом случае является более оперативным, неформальным, что также формирует доверие, привлекая, в том числе, представителей молодого поколения [7].

Доказательством значимости информационной открытости органов государственной власти и стремления к ее повышению выступает тот факт, что с 2019 года Счетная палата ежегодно оценивает открытость органов власти в целом. И несмотря на то, что термин «открытость» в данном случае, безусловно, является более широким, чем понятие информационной открытости, рассматривая основные критерии, на основании которых проводится оценка и впоследствии формируется рейтинг открытости федеральных органов исполнительной власти как один из критериев эффективности их работы, стоит отметить, что они касаются открытости и качества размещения информации на официальном сайте ведомства, открытости представленных данных и качества взаимодействия, обратной связи органов власти с представителями общественности и юридических лиц. В общей сложности для оценки используется 120 критериев, и по результатам ее проведения в 2023 году, лидерами рейтинга стали Росстат, Росавтодор, Рослесхоз и Федеральная таможенная служба. В завершение рейтинга аудиторы Счетной палаты обобщают типичные ошибки и основные сложности и формируют соответствующие рекомендации по повышению открытости органов власти [9].

Обобщая сказанное, стоит подчеркнуть, что обеспечение информационной открытости выступает в качестве одного из обязательных элементов современной системы публичного управления [10], в связи с чем:

– обеспечивает возможность получения адекватного представления о действиях, решениях, задачах и функциях органов государственной власти и местного самоуправления, формирования мнения об их работы и результативности деятельности;

– формирует основы для обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления, в том числе, с заявлениями, обеспечивающими поступление информации по наиболее актуальным вопросам, что способствует обоснованности принимаемых решений и минимизации рисков, становится одним из условий эффективности государственной политики;

– является инструментом повышения эффективности и качества государственного управления и самоуправления за счет развития общественного контроля, способствует вовлечению граждан в принятие и реализацию решений в рамках государственного и местного управления, обеспечивает развитие институтов гражданского общества;

– позволяет синхронизировать процессы, происходящие на федеральном, региональном уровне и уровне местного самоуправления;

– создает предпосылки для подготовки населения к предполагаемым переменам и направления государственной политики;

– способствует минимизации рисков политической и социальной нестабильности.

Список литературы

1. Конституция РФ от 12.12.1993 // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон № 59-ФЗ от 2 мая 2006 г. // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

4. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : федер. закон № 8-ФЗ от 9 февраля 2009 г. // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

5. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации № 1014 от 28 ноября 2024 г. // Гарант. 2025. URL: http://www.garant.ru/

6. Алексеев М. С. Доверие населения к органам власти в информационном обществе: теоретико-методологические основы изучения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 177–191.

7. Будникова Н. С. Информационная открытость государства в России: органы исполнительной власти в социальных сетях // Социодинамика. 2023. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-otkrytost-gosudarstva-v-rossii-organy-ispolnitelnoy-vlasti-v-sotsialnyh-setyah (дата обращения: 22.01.2025).

8. Карасев А. Т., Руколеев В. А. Пассивная форма реализации принципа информационной открытости в деятельности органов публичной власти // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8, № 4 (32). С. 145–159.

9. Открытость государства в России: 2023. URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/Otkrytost-2023.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

10. Руколеев В. А. Активная форма реализации принципа информационной открытости в деятельности органов публичной власти // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 113–118.

11. Соколов А. А. Оценка эффективности деятельности в государственном и муниципальном управлении. Волгоград : Изд-во Волгоградского института управления филиала РАНХиГС, 2022. 32 с.

УДК 351.316

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИНСТИТУТ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Светлана Александровна Кузнецова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Для формирования правового и демократического государства в современной России необходимо взаимодействие граждан с государством.

Современные тенденции цифровизации и информатизации всех сфер жизнедеятельности общества оказывают существенное

влияние на функционирование государственных институтов и механизмы взаимодействия власти с гражданами. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение трансформации института обращений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления под воздействием цифровых технологий [6].

Обращение граждан является одним из ключевых способов реализации права на участие в управлении делами государства, а также важным инструментом коммуникации между обществом и властью. Цифровизация этого института открывает новые возможности для повышения его эффективности, однако также порождает ряд проблем и вызовов, требующих научного осмысления.

Внедрение цифровых платформ и сервисов для подачи, рассмотрения и мониторинга обращений граждан, несомненно, упрощает и ускоряет коммуникацию между гражданами и органами власти, делает процесс более прозрачным и подотчетным. В то же время, цифровизация института обращений граждан поднимает вопросы обеспечения информационной безопасности, защиты персональных данных, равного доступа граждан к цифровым государственным услугам [5].

Изучение влияния цифровизации на институт обращений граждан приобретает особую значимость в контексте стратегий развития электронного правительства и повышения качества государственного управления. Комплексный анализ проблем и перспектив цифровой трансформации данного института позволит выработать рекомендации по совершенствованию механизмов взаимодействия государства и общества.

Для дальнейшего раскрытия сути выбранной темы необходимо разобрать основные формы и виды обращений граждан, нормативно-правовое регулирование работы с обращениями граждан, процедуру взаимодействия с населением в рамках рассмотрения поступившего обращения [3, с. 83].

Институт обращений граждан исследовался и продолжает исследоваться экспертным сообществом с целью совершенствования деятельности органов власти по обеспечению эффективного взаимодействия с населением. Так, В. Н. Столярова, рассматривая обращения граждан с юридической точки зрения, отмечает, что «обращения выступают правовым механизмом, позволяющим гражданам защищать свои права» [6]. С управленческой точки зрения, по мнению А. С. Лолаевой, обращения являются

«источником информации, необходимой для принятия управленческих решений» [4, с. 19].

Право граждан на обращение реализуется по следующему алгоритму (рис. 1).

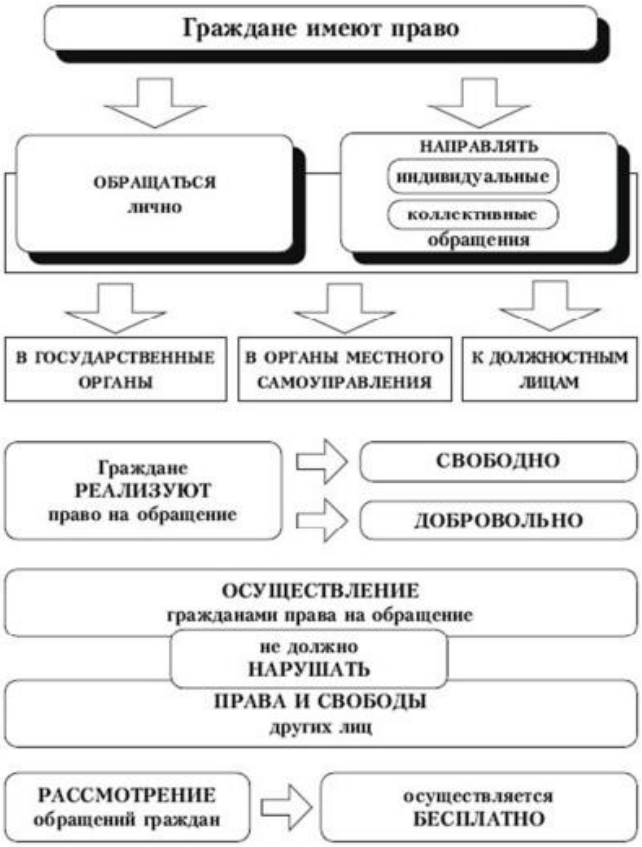


Рис. 1. Алгоритм реализации права граждан на обращение

Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [1] предусматривает подачу гражданами обращений в форме электронных документов, не регулируя вид и порядок такой подачи, как и сам процесс технологической работы с письменными, электронными и устными обращениями, в том числе при помощи автоматизированных информационных систем.

О. В. Танимов справедливо указывает, что «содержание правоотношений в условиях развития информационно-коммуникационных технологий должно обеспечивать возможность электронного обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления на всех уровнях по жизненно важным для них вопросам» [7, с. 11]. В то же время Д. А. Кутовой пишет, что имеющиеся у государства информационные сервисы повы-

шают качество государственного управления, но не способствуют непосредственной реализации права граждан на управление делами государства [2, с. 10].

Статистику обращений граждан рассмотрим на примере реализации данного института в Администрации г. Пензы (рис. 2).

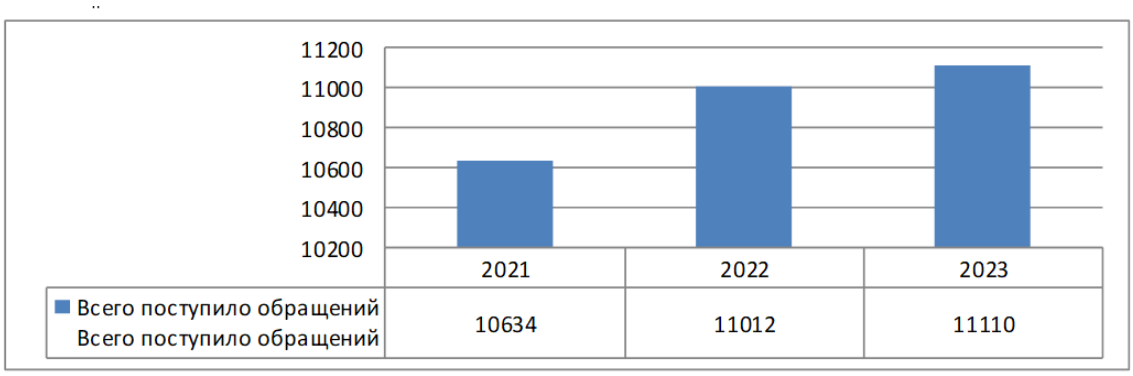


Рис. 2. Количество обращений граждан в Администрацию г. Пенза (2021–2023 гг.) [8]

Из приведенной статистики можно отметить растущий показатель обращений граждан в Администрацию г. Пенза. Одной из причин такого роста может быть улучшение доступности и качества услуг, предоставляемых Администрацией. Возможно, также повысился уровень осведомленности граждан о возможностях обращения в Администрацию г. Пензы и их заинтересованность в решении своих проблем через этот орган власти. Также, такой рост также может свидетельствовать о доверии граждан к деятельности муниципального органа власти и их уверенности в том, что их обращения будут рассмотрены и учтены.

Далее из общего числа обращений, рассмотрим статистику обращений граждан в Администрацию г. Пенза поступивших в электронном виде (рис. 3).

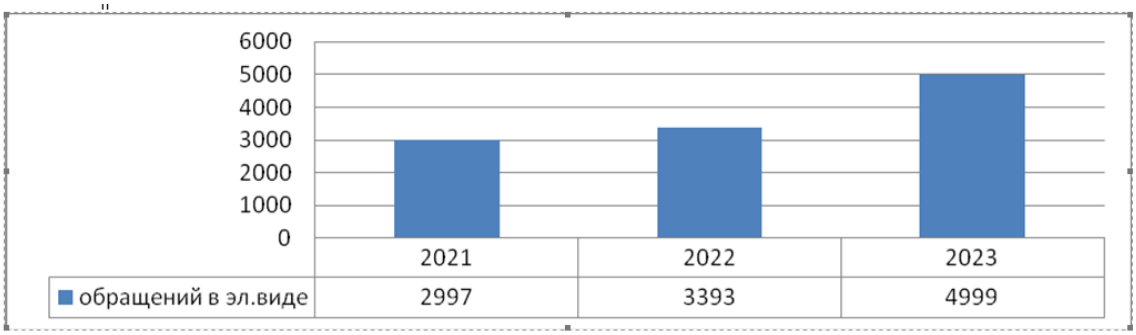


Рис. 3. Количество обращений граждан в Администрацию г. Пенза, поступивших в электронном виде (2021–2023 гг.) [8]

Из данных статистики видно, что примерно 30 % обращений граждане г. Пензы подают посредством электронных сервисов.

При переходе к цифровизации в институте обращений граждан в Российской Федерации возникают некоторые проблемы:

1. Доступность для всех слоёв населения. Не все граждане имеют доступ к интернету и могут использовать цифровые технологии для обращений.

2. Качество обслуживания. Структуры обращений граждан должны обеспечить возможность качественного обслуживания аудитории через цифровые каналы.

3. Безопасность данных. Цифровизация обращений граждан требует обеспечения высокого уровня защиты персональных данных граждан.

Однако, цифровизация также открывает новые перспективы для института обращений граждан:

1. Улучшение доступности. Цифровые технологии позволяют гражданам обращаться в институты обращений в любое время и из любой точки страны.

2. Эффективность обработки обращений. Цифровые системы могут обеспечить быструю и эффективную обработку обращений граждан.

3. Вовлечение граждан. Цифровые технологии позволяют проводить общественные консультации и опросы, чтобы учитывать мнение граждан при принятии решений.

Таким образом, цифровизация может повысить эффективность работы и доступность института обращений граждан в Российской Федерации, но требует решения определенных проблем, связанных с безопасностью и доступностью.

Список литературы

1. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон № 59-ФЗ от 02.05.2006 (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

2. Кутовой Д. А. Цифровая коммуникация в современном государстве как фактор социального программирования: теоретико-правовой анализ // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 10–13.

3. Лебедева Е. А., Сладкова А. В. О цифровых технологиях контроля в государственном управлении в зарубежных странах // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 83–88.

4. Лолаева А. С. Электронное правительство в России: перспективы дальнейшего развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 19–22.

5. Подъячев К. В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. 2017. URL: https://clck.ru/N32YL (дата обращения: 03.06.2024).

6. Столярова В. Н. Анализ процедур работы с обращениями граждан как одной из форм защиты их прав // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. 2014. № 6. С. 294–298.

7. Танимов О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 11–18.

8. Официальный сайт Администрации г. Пенза. URL: https://penza-gorod.ru/ (дата обращения: 03.06.2024).

УДК 316.012

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ И СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ксения Александровна Нелюбина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Семейная политика государства направлена на реализацию положений Конституции Российской Федерации, согласно которым наша страна является социальным государством, нацеленным на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие для каждого человека, улучшение благосостояния семей с детьми, преодоление бедности, стимулирование рождения в целях улучшения демографической ситуации (ч. 1 ст. 7) [1].

В Российской Федерации механизм государственной семейной политики направлен на укрепление семей, состоящих из мужчины и женщины, находящихся в зарегистрированном браке,

воспитывающих детей, обеспечивающих благосостояние и выполнение своих социальных ролей. Именно такие семьи составляют фундамент социально и экономически эффективного общества, повышают нравственность населения, популяризируют традиционные семейные ценности и представляют семью, как важнейшую ячейку общества.

Механизм реализации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранении традиционных семейных ценностей в Российской Федерации основывается на нормах Конституции российской Федерации. Именно государство и государственная политика отвечают за реализацию инструментов по развитию семей, работе с детьми, уделяя особое внимание многодетным, женщинам, совмещающим материнство и трудовую деятельность, детям, оставшимся без попечения родителей (ст. 38, 67.1, 72) [1].

Инструменты и методы реализации государственной политики России по защите семьи и традиционных ценностей включает систему элементов, которые взаимосвязаны между собой и представляют собой целый механизм. В данный механизм входят нормативно-правовые акты, регулирующие семейную политику в стране, демографическую и социокультурную политику, социальное обеспечение семьи, деятельность органов государственной власти. благотворительных, образовательных и иных организаций, работающих по укреплению и повышению успешности семей, поддерживающих родителей и детей, и продвижение образа России как хранительницы духовно-нравственных ценностей.

Цели и принципы государственной политики в сфере защиты семьи и сохранении традиционных семейных ценностей в Российской Федерации основываются на нормах конституционного и семейного права. Поэтому главной целью механизма реализации данной политики является укрепление семьи, защита ее интересов, повышение качества жизни членов семьи и реализация семьей своих функций.

При этом механизма реализации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранении традиционных семейных ценностей в Российской Федерации заключаются в обеспечении равенства семей, их самостоятельность в принятии решений, поддержка независимо от социального положения, а также защита прав членов семьи. Принципы можно сформулировать следующим образом:

– самостоятельность семьи. Семья имеет право самостоятельно принимать решения в отношении своей внутренней жизни;

– равенство. Все семьи имеют равное право на поддержку независимо от их социального положения и других факторов;

– ответственность семьи. Семья несет ответственность за воспитание, развитие и здоровье своих детей;

– партнерство. Государство и семья взаимодействуют в решении семейных вопросов, сотрудничая с общественными организациями;

– адресность и доступность помощи. Государство обеспечивает своевременную и эффективную помощь, особенно для семей, относящихся к группам социального риска [2].

Инструменты реализации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранении традиционных семейных ценностей в Российской Федерации включают материальную поддержку, социальную поддержку, правовую поддержку, а также социокультурную поддержку и поддержку трудовой деятельности. Рассмотрим данные инструменты подробнее.

Материальная поддержка государственной политики заключается в обеспечении целевых и общих выплат при рождении ребенка, ежемесячных пособий, материнском (семейном) капитале. Социальная поддержка заключается в предоставлении социальных услуг, помощи в преодолении трудностей и стабилизации материального положения. Правовая поддержка включает развитие законодательной базы, регулирующей семейные отношения и права детей, а социокультурная – укрепление традиционных семейных ценностей и нравственных основ семейных отношений. Поддержка трудовой деятельности означает создание условий, позволяющих работникам с детьми сочетать трудовую деятельность с воспитанием.

Механизм реализации государственной политики в исследуемой сфере также включает субъекты государственной политики, к которым относятся:

– органы законодательной и исполнительной власти;

– общественные объединения и благотворительные организации;

– работодатели и профессиональные союзы;

– средства массовой информации;

– другие субъекты [4].

В связи с вышесказанным, выделим ключевые аспекты механизма реализации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранении традиционных семейных ценностей в Российской Федерации (рис. 1).



Рис. 1. Ключевые аспекты механизма реализации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранении традиционных семейных ценностей в Российской Федерации [3]

В целом, механизм реализации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранении традиционных семейных ценностей в Российской Федерации направлен на создание комплексной системы, которая учитывает все аспекты жизни семьи и способствует её укреплению и благополучию в обществе.

Подводя итог, можно сказать, что механизм государственной семейной политики в России представляет собой взаимосвязанную

систему по реализации инструментов и методов организационного, экономического, и правового управления, направленных на развитие семей, популяризацию нравственных ценностей, укрепление норм традиционной семьи с акцентом на многодетность, улучшение семейного благополучия. Этот механизм включает в себя различные инструменты поддержки, такие как материальная помощь (пособия, материнский капитал), предоставление социальных услуг, создание благоприятных условий для труда и воспитания детей, а также утверждение традиционных ценностей. Субъектами политики являются органы власти всех уровней, общественные объединения, работодатели и другие организации.

Список литературы

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/

2. Богдан В. В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 71–79.

3. Конохов М. В. О некоторых вопросах правового обеспечения реализации государственной политики сохранения семейных ценностей и традиций // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 332–336.

4. Летова Н. В. Семейная политика как основа сохранения и обеспечения ценностей в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 1. С. 58–66.

УДК 351

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Игорь Сергеевич Редькин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Концепция «электронного правительства» является краеугольным камнем современной парадигмы публичного админи-

стрирования, направленной на повышение эффективности, прозрачности и доступности государственных услуг (рис. 1). В Российской Федерации его становление и развитие носит системный характер и реализуется в рамках национальных программ, таких как «Цифровая экономика» [4] и «Цифровое государственное управление».



Рис. 1. Общая схема предоставления цифровых услуг в РФ

Однако процессы цифровой трансформации в 85 субъектах РФ протекают неравномерно, что обусловлено значительной дифференциацией регионов по социально-экономическому, инфраструктурному и кадровому потенциалу. В этой связи объективная оценка эффективности внедрения системы «электронного правительства» на субнациональном уровне приобретает высокую научную и практическую значимость.

Наиболее комплексным показателем является Индекс цифровизации Минцифры России, который оценивает регионы по четырем ключевым направлениям: цифровые навыки населения, ИТ-инфраструктура, цифровизация госуправления и цифровая экономика.

Данные табл. 1 наглядно демонстрируют значительный разрыв между регионами. Более четверти всех субъектов РФ имеют низкий уровень цифровизации, в то время как лишь пятая часть относится к группе лидеров. Это свидетельствует о сохраняющемся «цифровом неравенстве» территорий.

Эффективность внедрения системы раскрывается через конкретные количественные показатели.

Таблица 1

Распределение субъектов РФ по уровню цифровизации в 2023 году (на основе Индекса Минцифры) [1]

Уровень цифровизации	Количество субъектов РФ	Доля от общего числа, %	Характерные представители
Высокий	18	21,2 %	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Татарстан, Московская обл., ХМАО
Средний	45	52,9 %	Красноярский край, Свердловская обл., Новосибирская обл., Краснодарский край
Низкий	22	25,9 %	Республики Тыва, Алтай, Калмыкия, Курганская область

Как видно из табл. 2, за четыре года наблюдается устойчивый рост по всем ключевым метрикам. Особенно значительный прогресс достигнут в охвате населения подтвержденной учетной записью на ЕПГУ и в доле услуг, предоставляемых в электронной форме. Это говорит об успешной интеграции портала в систему взаимодействия государства и граждан.

Таблица 2

Динамика ключевых показателей развития «электронного правительства» в РФ в среднем по регионам (2020–2023 гг.) [1, 3]

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Динамика, 2023 к 2020
Доля населения с подтвержденной учетной записью на ЕПГУ, %	68,5 %	76,2 %	81,4 %	85,1 %	+16,6 п.п.
Доля государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в электронном виде, %	72,1 %	78,5 %	83,9 %	88,3 %	+16,2 п.п.
Уровень проникновения широкополосного доступа в интернет (ШПД), домохозяйств %	78,9 %	81,5 %	84,2 %	86,8 %	+7,9 п.п.
Доля МФЦ, предоставляющих услуги в электронном виде, %	90,5 %	94,8 %	97,2 %	99,1 %	+8,6 п.п.

Для углубленного понимания факторов эффективности проведем сравнение двух групп регионов (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная характеристика регионов с высоким и низким уровнем цифровизации (по итогам 2023 года) [1, 2]

Критерий	Регионы с высоким уровнем (на примере Татарстан, ХМАО)	Регионы с низким уровнем (на примере Республика Тыва, Курганская обл.)
Бюджетные расходы на ИТ на душу населения, руб.	4500–7000	800–1 500
Уровень проникновения ШПД в сельской местности, %	85–92 %	45–60 %
Доля IT-специалистов в общей численности занятых, %	2,8–3,5 %	0,8–1,2 %
Интеграция региональных информационных систем с федеральными, %	95–98 %	70–80 %

Проведенный сравнительный анализ позволяет выявить ключевые факторы, сдерживающие развитие «электронного правительства» в ряде регионов: недостаточное финансирование, слабое развитие телекоммуникационной инфраструктуры, особенно в сельской местности, и дефицит квалифицированных кадров.

Несмотря на позитивную динамику, система сталкивается с рядом вызовов:

– Цифровой разрыв: Сохранение значительного отставания многих регионов по уровню инфраструктуры и цифровых компетенций населения.

– Кадровый дефицит: Нехватка квалифицированных ИТ-специалистов в органах государственной власти на региональном и муниципальном уровне.

– Ведомственная разобщенность: Проблемы совместимости и интеграции различных информационных систем (межведомственные барьеры).

Рекомендации:

– Разработка и реализация целевых программ поддержки «цифровых аутсайдеров» с акцентом на развитие инфраструктуры и цифровое просвещение.

– Стимулирование притока ИТ-кадров в госсектор через программы стажировок, повышения заработной платы и реализации интересных проектов.

– Ускорение внедрения сквозных цифровых платформ и сервисов (например, на основе ГосТех), нивелирующих проблему ведомственной разобщенности.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в Российской Федерации в целом достигнута значительная положительная динамика в деле построения «электронного правительства». Ключевые количественные показатели демонстрируют устойчивый рост. Однако основная проблема заключается в резкой дифференциации субъектов РФ по уровню эффективности внедрения. Успешность цифровой трансформации государственного управления в регионе напрямую коррелирует с объемами финансирования, состоянием телекоммуникационной инфраструктуры и наличием квалифицированных человеческих ресурсов. Дальнейшая работа должна быть сфокусирована на выравнивании уровня цифрового развития регионов через адресную поддержку и тиражирование лучших практик.

Список литературы

1. Индекс цифровизации : офиц. сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/statistics/rating/ (дата обращения: 15.10.2025).

2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/ (дата обращения: 15.10.2025).

3. Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций). URL: https://www.gosuslugi.ru/ (дата обращения: 15.10.2025).

4. Цифровая экономика : государственная программа Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 15.10.2025).

УДК 351

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Кирилл Игоревич Киселев

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Физическая культура и спорт – одна из самых быстрорастущих социальных отраслей в мире за последние десятилетия, оказывающая влияние на самые важные стороны жизни людей.

Деятельность, имеющая свои законы, порядки, правила это спорт. Его главное отличие – повышенная энергия и активность. Его развитие обусловлено следующими причинами: потребностями общества в характерной сфере образовательной и игровой деятельности.

В своем учебном пособие «Государственное и муниципальное управление» С. Ю. Наумов отмечает, что физкультура и спорт также интенсивно воздействуют на экономику всего государства и общественной жизни [1, 3].

Спорт, культура физического воспитания – это не только здоровье нации, но и укрепление в стране национальной безопасности. Планомерное, всестороннее и качественное обеспечение отечественного спорта – необходимость, обязанность, долг всех уровней власти .

Объектами управления в сфере физической культуры и спорта являются организации физкультурно-спортивной направленности с их ресурсами, которые функционируют с целью привлечения различных слоев населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом. К таким объектам относятся:

– спортивные клубы, кружки в образовательных учреждениях, действующие как на добровольной, так и профессиональной основе;

– детско-юношеские спортивные школы, спортивно-технические школы, клубы физической подготовки, специализированные школы олимпийского резерва;

– образовательные учреждения и научные организации в сфере ФКиС (вне зависимости от организационно-правовой формы, всех типов);

– муниципальные физкультурно-оздоровительные, спортивные и спортивно-технические сооружения (стадионы, плавательные бассейны, спортивные залы, корты, велотреки и пр.);

– иные организации по месту жительства вне зависимости от формы собственности [7].

В настоящее время наша страна реализует активную государственную политику в сфере развития физкультуры и спорта. Акцент в ней сделан на развитие массового спорта как инструмента оздоровления населения и спорта высоких достижений как части имиджа России на международной арене.

Определяется государственная политика в сфере физической культуры и спорта на федеральном уровне, а далее конкретизируется на уровне её отдельных субъектов.

На федеральном уровне за физическую культуру и спорт отвечает Министерство спорта Российской Федерации [4]. Министерство спорта Российской Федерации (Минспорт России) – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере физической культуры и спорта, а также по оказанию государственных услуг (включая предотвращение допинга в спорте и борьбу с ним) и управлению государственным имуществом в сфере физической культуры и спорта [8].

Структурным подразделением центрального аппарата Минспорта РФ является Департамент образования, науки и международных отношений. Департамент осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики в области профессионального образования, науки, научно методического, антидопингового обеспечения в сфере физической культуры и спорта [2].

Далее развитие в сфере спорта высших достижений регулирует Департамент спорта высших достижений. Также к функциям данного отдела относится выработка и реализация государственной политики в сфере спорта высших достижений и подготовки спортивного резерва.

Стоит обратить внимание на еще один важный структурный элемент Минспорта РФ – Департамент физической культуры и массового спорта [9]. Данное подразделение осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики в сфере физической культуры и массового спорта [5].

Для координации деятельности по развитию физической культуры и спорта в системе образования Минспортом России и Минобрнауки России создана Межведомственная комиссия по совершенствованию системы физического воспитания в образовательных учреждениях (далее – комиссия) [6, 7].

Также, ежегодно утверждается Сводный календарный план всероссийских и международных физкультурных мероприятий среди обучающихся. Соответствующие мероприятия включаются также в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных и спортивных мероприятий.

Для развития студенческого спорта был образован Российский студенческий спортивный союз. Это общероссийская общественная организация, которая объединяет в себе объединить 63 региональных отделения в 7 федеральных округах. В соответствии с Федеральным законом

«О физической культуре и спорте» Российский студенческий спортивный союз является субъектом физической культуры и спорта в РФ.

На региональном уровне также существует исполнительный орган власти, курирующий вопросы физической культуры и спорта – Министерство физической культуры и спорта. Министерство является исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, осуществляющим функции по участию в проведении государственной политики в сфере физической культуры и спорта. Органы власти субъектов РФ осуществляют деятельность по разработке и созданию законодательных актов, регулирующих вопросы спорта и физкультуры.

Современная система управления и организации взаимодействия различных субъектов индустрии спорта представлена тремя уровнями управления: федеральным, региональным и местным, включает в себя государственные, общественные и общественно-государственные организации. При этом все уровни взаимодействуют между собой. Особым участником дан-

ной системы являются средства массовой информации (СМИ), которые информируют граждан о профессиональном и массовом спорте, а также современных преобразованиях в данной области.

Список литературы

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон РФ № 329-ФЗ от 04.12.2007 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/
2. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон № 172-ФЗ от 28.06.2014 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/
4. О Министерстве спорта Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации № 607 от 19.06.2012 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ № 661 от 30.09.2021 // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/
6. О Межведомственной комиссии по совершенствованию системы физического воспитания в образовательных учреждениях : приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ и министерства образования и науки РФ № 85/106 от 08.02.2010 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/
7. Об утверждении положения о Департаменте государственного регулирования в сфере спорта Министерства спорта Российской Федерации : приказ Министерства спорта РФ № 629 от 12.08.2021 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/
8. Об утверждении положения о Департаменте спорта высших достижений Министерства спорта Российской Федерации: приказ Министерства спорта РФ № 755 от 04.10.2021 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/
9. Об утверждении положения о Департаменте физической культуры и массового спорта Министерства спорта Российской Федерации : приказ Министерства спорта РФ № 759 от 04.10.2021 // Консультант-Плюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/

УДК 351

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Кирилл Игоревич Киселев

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Пензенская область – регион, где физическая культура и спорт широко культивируются среди различных групп населения.

Государственная политика в области физической культуры и спорта в регионе выстраивается в рамках общероссийского [2] и регионального законодательства. Законодательство Пензенской области в области физической культуры и спорта составляет Устав Пензенской области [5], Закон от 21.04.2005 № 800-ЗПО «О физической культуре и спорте в Пензенской области» [3, с. 12] и принимаемые в соответствии с ним иные нормативные правовые акты Пензенской области.

Так, закон Пензенской области от 21.04.2005 № 800-ЗПО «О физической культуре и спорте в Пензенской области» (в ред. от 12 августа 2022 г. № 3871-ЗПО) определяет основы политики органов государственной власти Пензенской области в области физической культуры и спорта на территории Пензенской области – одного из приоритетных направлений социальной политики Пензенской области [4].

В целях реализации государственной политики в области физической культуры и спорта на территории Пензенской области реализуется государственная программа «Развитие физической культуры и спорта в Пензенской области» [5]. Общее управление сферой физической культуры и спорта в Пензенской области осуществляет Правительство Пензенской области.

К полномочиям Правительства Пензенской области в области физической культуры и спорта относятся:

– определение основных задач и направлений развития физической культуры и спорта в Пензенской области, принятие и реализация государственных региональных программ развития физической культуры и спорта и межмуниципальных программ в области физической культуры и спорта;

– участие в подготовке программ развития видов спорта в Российской Федерации в части включения в них мероприятий по развитию детско-юношеского спорта (включая школьный спорт), массового спорта, спорта инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в Пензенской области в соответствии с Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1];

– содействие развитию профессионального спорта путем Предоставления государственной поддержки физкультурно-спортивным организациям, основным видом деятельности которых является развитие профессионального спорта;

– содействие в осуществлении мероприятий по подготовке спортивных сборных команд Пензенской области к всероссийским, межрегиональным и региональным официальным спортивным мероприятиям и по участию в них, в том числе путем предоставления государственной поддержки региональным спортивным федерациям в соответствии с Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и нормативными правовыми актами Пензенской области;

– создание условий для осуществления инновационной и экспериментальной деятельности в области физической культуры и спорта в Пензенской области и внедрения достигнутых результатов в практику [4].

Непосредственно, государственное управление в сфере физической культуры и спорта в Пензенской области осуществляет Министерство физической культуры и спорта Пензенской области [6].

Министерство физической культуры и спорта Пензенской области является исполнительным органом государственной власти. Основное направление его деятельности – реализация государственной политики в сфере физической культуры и спорта на территории региона.

Министерство в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, Уставом и законами Пензенской области, постановлениями и распоряжениями Губернатора и Правительства Пензенской области, иными нормативными правовыми актами,

а также Положением о Министерстве физической культуры и спорта Пензенской области от 20.01.2016 № 26-пП [4].

Министерство осуществляет взаимодействие с иными государственными органами Пензенской области, территориальными органами федеральных органов исполнительной власти по Пензенской области, а также с органами местного самоуправления муниципальных образований Пензенской области, учреждениями, организациями независимо от их организационно-правовой формы, объединениями граждан в соответствии с действующим законодательством.

Министр осуществляет руководство деятельностью Министерства на основе единоначалия и несет персональную ответственность за выполнение возложенных на Министерство задач и осуществляемых им функций, за организацию работ и создание условий по защите государственной тайны в Министерстве, соблюдение установленных законодательством ограничений по ознакомлению со сведениями, составляющими государственную тайну. Министр имеет первого заместителя и заместителя, назначаемых на должность и освобождаемых от должности Губернатором Пензенской области в установленном действующим законодательством порядке. На период временного отсутствия Министра его полномочия исполняет первый заместитель или заместитель.

Для рассмотрения наиболее важных вопросов, которые относятся к полномочиям Министерства физической культуры и спорта Пензенской области, в качестве совещательного органа создается коллегия Министерства.

Как правило, в состав Коллегии могут выходить представители Министерства и подведомственных Министерству организаций; представители спортивных организаций по видам спорта; представители исполнительных органов государственной власти Пензенской области и органов местного самоуправления муниципальных образований, а также представители общественных организаций. С целью обеспечения взаимодействия граждан Российской Федерации, общественных объединений и иных некоммерческих организаций с Министерством физической культуры и спорта Пензенской области для учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты их прав и свобод в 2016 г. министерством создан общественный совет. Общественный совет

является коллегиальным совещательно-консультативным органом [7].

Деятельность Общественного совета основывается на принципах законности, гласности, коллегиальности и ответственности за принимаемые решения.

Структура общественного совета состоит из председателя, заместителя председателя, секретаря и членов совета.

Основной формой деятельности Общественного совета является заседание. Сама же деятельность Общественного совета основывается на коллективном, свободном и деловом обсуждении вопросов, отнесенных к компетенции совета, и принятии по ним решений, активном участии в работе совета его членов.

На уровне муниципальных образований политику в сфере физической культуры и спорта осуществляет Комитет по физической культуре, спорту и молодежной политике города Пензы. Комитет является иным органом местного самоуправления, возглавляемым председателем Комитета.

Итак, важное место в системе государственного управления физической культурой и спортом отводится региональным органам управления. Общее управление сферой физической культуры и спорта в Пензенской области осуществляет Правительство Пензенской области. Непосредственно, государственное управление в сфере физической культуры и спорта в Пензенской области осуществляет Министерство физической культуры и спорта Пензенской области. Цели и задачи этих органов специальной компетенции отражены в соответствующих положениях об этих органах управления.

Список литературы

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон РФ № 329-ФЗ от 04.12.2007 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/

2. О Министерстве спорта Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации № 607 от 19.06.2012 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/

3. О физической культуре и спорте в Пензенской области : закон Пензенской области № 800-ЗПО от 21.04.2005 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/

4. Об утверждении Перечня государственных программ Пензенской области : постановление Правительства Пензенской области № 718-пП от 11.10.2012 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/

5. Об утверждении государственной программы Пензенской области «Развитие физической культуры и спорта в Пензенской области» : постановление Правительства Пензенской области № 812-пП от 01.11.2013 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/

6. Об утверждении Положения о Министерстве физической культуры и спорта Пензенской области : постановление Правительства Пензенской области № 26-пП от 20.01.2023 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/

7. Об общественном совете при Министерстве физической культуры и спорта Пензенской области : приказ Министерства физической культуры и спорта Пензенской области № 3-ОХ от 22.01.2016 // Консультант-Плюс. 2023. URL: http://www.consultant.ru/

УДК 1

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ВЛАСТЬ: МИФ О «ПЕНЗЕНСКОЙ ОПАЛЕ» В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕКАТЕРИНЫ II

Герман Михайлович Кириллов[1],
Валерия Александровна Адова[2],
Кристина Андреевна Зуева[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Екатерина II вошла в историю не только как политический деятель и реформатор, но прежде всего как монарх-философ, чьё мировоззрение формировалось под непосредственным влиянием идей европейского Просвещения. Её интеллектуальное становление происходило в диалоге с текстами и личностями величайших мыслителей эпохи – Вольтера, Дидро, Монтескьё, Д'Аламбера, Беккариа. Императрица не просто читала их произведения, но стремилась активно включиться в интеллектуальное пространство Просвещения, позиционируя себя как просвещённую прави-

тельницу, способную реформировать огромную империю на принципах разума, законности и гуманизма [3, 6].

Переписка с философами составляла важнейшую часть её духовной и интеллектуальной жизни и служила не только личному удовлетворению, но и политической цели – создания образа России как европейской державы, открытой прогрессивным идеям [6]:

– С Вольтером (1763–1778) императрица вела обширную корреспонденцию, обсуждая вопросы веротерпимости, совершенствования законодательства, роли образования в преобразовании общественных нравов и устранении предрассудков. Вольтер восторженно называл её «Северной Семирамидой» и видел в ней воплощение идеала просвещённого монарха, способного соединить власть с мудростью. Их переписка превратилась в своеобразный интеллектуальный манифест эпохи [3].

– Дени Дидро был приглашён в Петербург в 1773–1774 годах, где в личных продолжительных беседах с императрицей обсуждались грандиозные проекты реформирования образования, судебной системы, проблема крепостного права и пути модернизации России. Дидро составил для Екатерины обширный план преобразований, многие идеи которого, хотя и не были реализованы в полной мере, повлияли на последующие реформы.

– С Жаном Д'Аламбером и Фридрихом Мельхиором Гриммом Екатерина обменивалась мнениями о природе власти, философских основаниях законодательства, необходимости распространения знаний как условия общественного прогресса и путях цивилизационной модернизации России.

– Идеи Чезаре Беккариа о гуманизации уголовного права и отмене пыток произвели на императрицу глубокое впечатление и нашли отражение в её законодательной деятельности [3].

Центральной, стержневой идеей её социальной философии было глубокое убеждение: просвещение народа есть единственный подлинный путь к его благоденствию, нравственному совершенствованию и политической стабильности государства. В знаменитом «Наказе» Уложенной комиссии (1767) – документе, который она сама составляла, опираясь на труды Монтескьё и Беккариа, – императрица сформулировала свою философскую программу: «Народ не может быть счастлив без просвещения...

невежество есть мать всех пороков и источник всех бедствий» [3, с. 145].

Екатерина II, будучи искренней приверженкой идей Просвещения, теоретически и философски выступала против насилия как метода государственного управления. В многочисленной переписке с Вольтером, Дидро и другими европейскими корреспондентами она неоднократно подчёркивала своё стремление править «милосердно», «по законам разума», а не по произвольному деспотическому капризу. Она мечтала о государстве, в котором разум, образование и гуманные законы постепенно заменят страх, принуждение и насилие как основные механизмы власти. Идеал просвещённого абсолютизма предполагал патерналистскую, но доброжелательную власть монарха- философа, ведущего народ к прогрессу через постепенное просвещение умов.

Однако суровая реальность российского самодержавия и социальных противоречий империи жестоко опровергала эти благородные философские идеалы. Пугачёвское восстание 1773–1775 годов стало подлинным экзистенциальным вызовом для просвещённой монархини, поставив её перед трагическим выбором между философскими убеждениями и прагматической необходимостью сохранения государственной власти. Бунт, охвативший огромные территории Поволжья, Урала и Приуралья, грозивший самому существованию государственного порядка и монархии, заставил императрицу столкнуться с фундаментальным противоречием между гуманистической теорией и жестокой практикой власти.

Восстание Емельяна Пугачёва, выдававшего себя за «чудесно спасшегося» императора Петра III, было не просто локальным бунтом, но глубоким социальным кризисом, выявившим накопившиеся противоречия крепостнической системы. Для Екатерины это было не только военно-политической угрозой, но и философским разочарованием – доказательством того, что просвещение не успело проникнуть в народные массы, что невежество породило веру в самозванца и готовность к разрушительному бунту.

События августа 1774 года в Пензе ярко иллюстрируют этот трагический конфликт между идеалом и реальностью. Вице-губернатор Андрей Петрович Всеволожский, столкнувшись с приближением многочисленных отрядов Пугачёва к городу, принял решение открыть городские ворота без боя, капитулировать перед

превосходящими силами повстанцев. С точки зрения гуманистической этики и заботы о благе подданных, его решение можно было бы счесть разумным и даже милосердным – оно спасло жизни многих горожан, предотвратило разграбление и кровопролитие. Но с позиции государственной необходимости, с точки зрения сохранения престижа и авторитета императорской власти, это был акт малодушной капитуляции, предательства долга, подрывавшего сам принцип государственного порядка [1].

Реакция Екатерины была жёсткой, но при этом глубоко противоречивой и, можно сказать, трагической. В письме генералу Петру Ивановичу Панину, одному из главных руководителей подавления восстания, от 13 августа 1774 года она с горечью и гневом писала: *«Города Саратов и Пенза достойны сожаления... начальники их оказались малодушными и беспечными»* [1, с. 156]. Императрица была вынуждена действовать жёстко – Всеволожский был немедленно арестован, заключён под стражу в Казани и предан суду. Его карьера и репутация были уничтожены, он провёл несколько лет в заключении, хотя в итоге избежал смертной казни и был освобождён по амнистии [1, 2].

Однако принципиально важным, ключевым для понимания философской позиции Екатерины является следующий факт: гнев императрицы был направлен исключительно на конкретных чиновников, на персонально виновных должностных лиц, а не на город как социальный организм и не на его население. Это была не месть, не коллективное наказание, не акт деспотического произвола, а административное, юридически обоснованное наказание за невыполнение должностного долга. Екатерина, даже в условиях жесточайшего социального кризиса, старалась оставаться верной своим просветительским принципам, избегая слепого насилия и коллективной ответственности. Она наказывала виновных, но не город, не народ.

Отсутствуют какие-либо документальные свидетельства о том, что Екатерина II наложила на город Пензу как на географическое, административное и культурное целое какие-либо долгосрочные санкции, ограничения, запреты или «опалу» – в том числе в сфере образования, культурного развития или экономики. Репрессивная политика была строго ограничена и исчерпана уголовным преследованием непосредственных виновников сдачи города. Более того, как будет показано далее, всего через двена-

дцать лет Пенза стала одним из городов, где открылось Главное народное училище – что было бы невозможно, если бы существовал какой-либо царский запрет или опала [1, 4].

Трагедия Пугачёвщины научила императрицу важнейшему философско-политическому уроку: просвещение должно опережать социальные потрясения, образование является лучшей профилактикой бунта. Невежество народа, его податливость демагогии самозванца, неспособность к рациональной оценке ситуации убедили Екатерину в том, что без массового, всеобщего образования невозможно построить стабильное, гуманное и прогрессивное государство. Просвещение из культурного идеала превратилось в её глазах в политическую необходимость, в инструмент предотвращения будущих катастроф. Этот вывод, этот горький урок восстания стал философским и идеологическим фундаментом её последующих масштабных образовательных реформ [7].

Высочайший указ от 20 января (2 февраля по новому стилю) 1786 года «Об учреждении главных народных училищ» стал подлинной кульминацией, вершиной просветительских устремлений Екатерины II и воплощением её социальной философии [4, 6]. Этот фундаментальный документ знаменовал собой создание первой в истории России системы всесословного, массового, доступного образования. Указ предписывал в обязательном порядке открыть Главные народные училища в двадцати пяти губернских городах Российской империи, и Пенза, как центр наместничества, естественным образом вошла в их число.

С точки зрения социальной философии и истории общественной мысли, этот шаг представлял собой подлинно революционный проект. Впервые в истории России образование, доступ к знанию и культуре становилось правом и возможностью не только для привилегированного дворянства, но и для широких слоёв свободного населения – мещан, купцов, разночинцев, детей духовенства [1, 6]. Это был сознательный, идеологически обоснованный отход от традиционной сословной замкнутости, от жёсткой социальной иерархии и попытка создать механизм вертикальной социальной мобильности через образование и личные заслуги, а не через происхождение.

Цели реформы, чётко и ясно изложенные в преамбуле «Устава народным училищам» и сопутствующих официальных

документах, носили явно выраженный просветительский, гуманистический характер [4, 6].

Учебная программа Главных народных училищ, разработанная при участии выдающихся педагогов эпохи, была амбициозной и охватывала широкий спектр знаний: чтение и письмо на русском языке, арифметику, основы геометрии и механики, географию (включая познания о различных странах и народах), историю (как российскую, так и всеобщую), основы физики и архитектуры, а также катехизис – который в данном контексте понимался не столько как религиозную догматику, сколько как основу нравственного, морального воспитания личности.

Екатерина видела в этих новых учебных заведениях мощный инструмент социальной инженерии: они должны были создать принципиально новый антропологический и социальный тип подданного – образованного, просвещённого, рационально мыслящего, законопослушного, способного к продуктивному труду и общественно полезной деятельности. Это была попытка изменить саму природу российского общества через систематическое воздействие на сознание подрастающих поколений.

Важно отметить, что реформа имела и политико-идеологическое измерение. После травмы Пугачёвского восстания Екатерина осознала, что стабильность государства не может основываться только на военной силе и репрессиях. Просвещённые, грамотные подданные, понимающие законы и свои обязанности перед государством, представлялись ей гораздо более надёжной опорой престола, чем невежественная, легко поддающаяся демагогии масса. Образование становилось инструментом политической стабильности.

Именно здесь, в этом ключевом моменте, кроется философско-исторический источник, первопричина мифа о «пензенской опале». Для понимания ситуации необходимо чётко разграничить два принципиально различных типа образовательных институтов: Главное народное училище и университет – это учреждения, абсолютно несопоставимые по юридическому статусу, социальным целям, образовательным функциям и месту в системе просвещения.

Главное народное училище и университет представляли собой качественно различные, несопоставимые, разноуровневые образовательные институты, выполнявшие принципиально раз-

ные социальные функции. Учреждение училища в Пензе не было и не могло быть «заменой» или «субститутом» университета, так же как начальная школа не является заменой высшему учебному заведению. Это был логичный, естественный шаг в реализации общегосударственной просветительской программы по созданию системы светской начальной школы во всех губернских центрах империи [4].

Этот факт однозначно, неопровержимо свидетельствует о том, что Пенза не была исключением, не находилась в опале, не подвергалась дискриминации в образовательной политике. Напротив, город развивал свою образовательную инфраструктуру точно в том же ключе, по тем же законам и принципам, что и другие губернские центры империи – Воронеж, Тамбов, Калуга, Кострома и многие другие. Пенза была органично включена в общероссийское просветительское пространство.

Более того, открытие в 1786 году Пензенского главного народного училища отнюдь не стало изолированным, единичным событием, но послужило отправной, фундаментальной точкой для последующего органичного развития всей системы среднего образования в городе. История этого учебного заведения демонстрирует поступательную, логичную, последовательную эволюцию образовательной инфраструктуры Пензы.

В 1804 году, в рамках масштабной реформы народного просвещения, проведённой при императоре Александре I, Пензенское главное народное училище было официально преобразовано в Пензенскую мужскую гимназию – престижное, элитное среднее учебное заведение классического типа [1, 5]. Гимназия стала ключевым, центральным образовательным институтом региона, готовившим способных юношей из различных сословий к поступлению в столичные университеты (Московский, Санкт-Петербургский) и Казанский университет, открытый в том же 1804 году.

Эта прямая институциональная преемственность – от Главного народного училища (1786) через малые училища к классической гимназии (1804) – является веским, неоспоримым документальным доказательством того, что образовательная траектория Пензы развивалась последовательно, целенаправленно, планомерно, в полном соответствии с общероссийскими тенденциями,

и никогда не была прервана, заторможена или ограничена каким-либо мифическим царским «запретом» или «опалой».

Напротив, эта эволюция свидетельствует о том, что город был полноценно интегрирован в общеимперскую систему просвещения, участвовал в реформах и пользовался плодами просветительской политики Екатерины II и её преемников. Выпускники Пензенской гимназии получали качественное образование, продолжали обучение в университетах и делали успешные карьеры на государственной, научной и культурной службе.

Таким образом, анализ указа 1786 года и его последствий в контексте социальной философии Просвещения позволяет сформулировать следующие принципиальные выводы:

1. Учреждение в Пензе Главного народного училища было органической частью общероссийской образовательной реформы Екатерины II и ни в коей мере не являлось актом особой милости, прощения или отмены несуществующей опалы.

2. Терминологическая путаница, смешение, отождествление понятий «училище» и «университет» в последующие исторические периоды – в публицистике XIX века, мемуарах, краеведческой литературе – стало одной из ключевых, фундаментальных причин формирования и укоренения мифа о «пензенской опале».

3. Исторический факт открытия Главного народного училища и его последующего успешного преобразования в классическую гимназию категорически, окончательно опровергает тезис о забвении, игнорировании или целенаправленном торможении образовательного развития Пензы со стороны центральной власти.

Открытие первого высшего учебного заведения университетского типа в Пензе – Пензенского индустриального института – 1 ноября 1943 года завершило почти двухвековую эволюцию образовательной системы города, начатую ещё екатерининским указом 1786 года [5]. Однако это событие не было «триумфом исторической справедливости», «снятием мифического проклятия Екатерины» или результатом некоего морального искупления. Оно стало закономерным следствием совокупности объективных исторических причин и чрезвычайных обстоятельств военного времени.

В Российской империи размещение университетов подчинялось строгой региональной логике и государственному планированию. Университеты создавались не везде, а избирательно –

как мощные образовательно-научные центры в ключевых административных, культурных и экономических узлах страны, призванные обслуживать обширные регионы [5].

Пенза на протяжении всего имперского периода, вплоть до XX века, оставалась типичным губернским городом с преимущественно аграрно-купеческой специализацией. Отсутствие в городе мощного промышленного потенциала, крупных научных школ и статуса столицы крупного учебного округа делало его малопривлекательным для размещения университета с точки зрения общегосударственных приоритетов. Существовавшей сети университетов считалось вполне достаточно для обеспечения империи необходимыми кадрами. Таким образом, «запоздание» в открытии университета было обусловлено не карательными мерами или царской опалой, а объективной периферийностью Пензы в системе высшего образования империи.

Подлинным катализатором, радикально прервавшим эту многолетнюю традицию, стала Великая Отечественная война. Масштабная эвакуация промышленных предприятий и научно-учебных заведений из прифронтовых районов в глубокий тыл в корне изменила ситуацию. В 1941–1942 годах в Пензу были эвакуированы несколько крупных оборонных заводов, что резко повысило индустриальный статус города и создало острую потребность в инженерных кадрах.

Решающим событием стала эвакуация в Пензу в 1943 г. Одесского индустриального института. На его базе 1 ноября 1943 г. был создан Пензенский индустриальный институт (ныне – Пензенский государственный университет). Это был не результат планового развития, а вынужденная мера военного времени, которая, однако, открыла городу дорогу к статусу университетского центра [5].

Миф о «пензенской опале» живуч потому, что он психологически удобен и драматургически привлекателен. Человеческому сознанию свойственно искать простые причинно-следственные связи в сложных исторических процессах. Схема «проступок (сдача города) – наказание (запрет университета) – искупление (открытие вуза в 1943)» создаёт законченный моральный нарратив, удовлетворяющий потребность в справедливости и исторической драме [1].

Многофакторная реальность – периферийный статус города, логика государственного планирования, случайность военной

эвакуации – с трудом укладывается в массовое сознание. Гораздо проще и эмоционально привлекательнее верить в историю о гневе императрицы и вековом проклятии.

В публицистике и краеведческой литературе XIX – начала XX века понятие «университет» часто использовалось расширительно, как синоним любого «значительного учебного заведения». Упоминание указа 1786 года об учреждении училища в процессе устной и письменной передачи трансформировалось в утверждение об университете, закрепилось в местной традиции и стало частью городской идентичности.

Эта семантическая подмена повторялась из поколения в поколение, превращая терминологическую неточность в якобы исторический факт. Разрыв между научным пониманием и массовым сознанием создал благодатную почву для мифа.

В советский период миф получил дополнительную идеологическую поддержку. Он идеально вписывался в официальную парадигму критики «деспотизма царизма». Образ Екатерины II как мстительной самодержицы, способной наказать целый город на столетия, служил иллюстрацией пороков «старого режима» и оправдывал революционные преобразования [1].

Упрощённый образ императрицы – то мудрой правительницы, то жестокой тиранки – оказался востребован массовым сознанием. Легенда о пензенской опале ложилась на вторую часть этого образа, создавая психологически убедительный портрет.

Главная причина живучести мифа – разрыв между академическим знанием и массовым историческим сознанием. Региональная история долгое время развивалась как сфера собирания легенд и преданий, а не критического анализа источников. Увлекательная, эмоционально насыщенная, но ложная версия истории, передаваемая в экскурсиях, популярных брошюрах и школьных рассказах, оказывалась сильнее сухих архивных данных.

Миф стал частью локальной идентичности, «своей» историей, от которой общество не спешило отказываться. Это ставит перед современным обществом задачу критического исторического просвещения – воспитания навыков верификации информации, анализа источников и различения факта от интерпретации.

Миф о «пензенской опале» – историографический конструкт, не подтверждаемый документами и противоречащий просветительской философии Екатерины II. Императрица, воспитан-

ная на идеях Вольтера и Дидро, видела в образовании главный инструмент прогресса и никогда не использовала его лишение как метод наказания [1, 3, 6]. Репрессивные меры 1774 года были адресными, направленными на конкретных виновных чиновников, а не на город [1, 2].

Указ 1786 года о создании Главных народных училищ был воплощением просветительского проекта массового образования. Пенза естественным образом включалась в общероссийскую систему просвещения, не являясь ни исключением, ни объектом особой милости [1, 4]. Позднее открытие университета объясняется периферийным статусом города и случайностью военной эвакуации [1, 5].

Живучесть мифа обусловлена психологической привлекательностью простых схем, терминологической путаницей между училищем и университетом, и дефицитом критического исторического просвещения [1, 2].

Реальная история Пензы богаче мифа: она показывает не мстительность монархини, а последовательность просветительской политики, не проклятие города, а логику государственного управления, не триумф справедливости, а роль случайности в истории. Екатерина II предстаёт как философ на троне, стремившийся просветить народ.

Этот пример напоминает о важности критического исторического мышления. В эпоху информационного изобилия умение различать факт и интерпретацию становится необходимым элементом гражданской культуры. История мифа о пензенской «опале» служит уроком того, как невежество порождает легенды, а просвещение – единственный путь к исторической истине.

Список литературы

1. Тюстин А. В. История Пензенского края с древнейших времён до конца XIX века. Пенза, 2010. 320 с.

2. Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1989. 256 с.

3. Екатерина II. Сочинения. М. : Современник, 1990. 384 с.

4. Указ «Об учреждении главных народных училищ». 20 января 1786 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 730. Оп. 1. Д. 102.

5. Дворжанский В. П. Пензенский государственный университет: страницы истории. Пенза : Изд-во ПГУ, 2008. 150 с.

6. Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб. : Лениздат, 1992. 447 с.

7. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М. : Мысль, 1986. 237 с.

Раздел 9
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

УДК 316.62

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Виталий Максимович Сергеев[1], Андрей Михайлович Топорков[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

В конце XX – начале XXI века молодёжь предстает как особая социальная группа, насыщенная противоречивыми ценностными ориентирами. С одной стороны, глобализация и информационное пространство открывают доступ к «мировой культуре» и новым моделям жизни, с другой – сохраняются традиционные локальные и национальные ценности. «Особенностью последних лет явилось специфическое сочетание глобализации и изоляционизма» [2]. В подобных условиях исследователи ставят вопрос: какие ценности являются ведущими для этого поколения и как они направляют его поведение.

Поведение человека определяется теми приоритетами и идеалами, которые он считает «важным» или «хорошим». Это можно рассматривать как экзистенциальный выбор: представители молодого поколения, столкнувшись с множеством альтернатив (семья или карьера, свобода или безопасность и т.д.), вынуждены самостоятельно соотносить личные ценности и социальные нормы при планировании жизни.

Ценностные ориентиры современной молодёжи

Обширные социологические опросы показывают, что сегодня в ценностной иерархии российских молодых людей доминируют личные и семейные блага. Согласно исследованию, первые строчки занимают семейные ценности: для 97 % опрошенных важны здоровье и безопасность членов семьи, для 96 % – отношения в семье, для 95 % – материальное благополучие семьи.

Далее идут вопросы условий жизни («инфраструктура в месте проживания» и «возможности для достижения целей» – по 94 %, экологическая обстановка – 90 %) и макроэкономические факторы (экономическая ситуация – 89 %, наличие полноценного досуга – 83 %). Ниже по значимости расположены ценности личностного развития (продвижение по карьерной лестнице – 81 %, социальный статус – 72 %, творческая самореализация – 71 %). На последних позициях находятся социально-общественные ориентиры: участие в политической и общественной жизни (52 %) и волонтёрство, помощь другим (49 %) [2].

Таким образом, рассматриваемая группа демонстрирует прагматизм в ценностях: личное и семейное благополучие выходят на первый план, в то время как альтруизм и общественная активность отходят на второй план. Это согласуется с тем, что в списке главных жизненных ориентиров респондентов лидируют «высокий уровень благополучия» (58 %) и «спокойная жизнь с работой и семьёй» (54 %), тогда как стремление «изменить мир» отмечают лишь 17 % опрошенных, беззаботную жизнь без будущего выбирают 9 %, а поиск популярности – 6 %. Всё это является смещением в сторону утилитарных («общественно полезных») и домашних ценностей, тогда как идеализм и грандиозные проекты видятся сравнительно малозначимыми.

Важен также аспект социальных норм: молодые склонны поддерживать формальные правила и нормы. Опрос показал, что большинство молодых россиян (78–74 %) считают обязательным соблюдать нормы Уголовного кодекса и Конституции РФ даже «если они кажутся не совсем справедливыми или устаревшими». При этом каждый второй (55 %) готов «в зависимости от ситуации» соблюдать семейные традиции и обычаи, и лишь около четверти считает семейные правила безусловно обязательными [2]. Это указывает на высокую нормативность ценностной системы: формальные государственные законы признаются важнее неформальных обычаев и сугубо личных правил. Такая готовность следовать формальным нормам (наряду с либеральной трактовкой этого требования) свидетельствует о роли государства как регулятора поведения молодой аудитории.

Свобода, независимость и экзистенциальный выбор.

Наряду с семейным уклоном среди молодых отмечается сильная потребность индивидуальной свободы и независимости.

В рассматриваемой демографической группе ценится независимость, проявляющаяся в высоком желании заняться предпринимательством и «работать на себя» [3]. Представители поколения в два раза чаще по сравнению со старшим поколением говорят о желании открыть собственное дело, видя в предпринимателе образ независимости, успеха и «красивой» жизни. При этом не столько стремление к прибыли вдохновляет их, сколько шанс самореализации и независимости от семейных или государственных ограничений.

С другой стороны, реалии сегодня сдерживают эти устремления. В фокус-группах и опросах молодые респонденты говорят: «Мы с женой хотели открыть своё дело, но все посчитали и передумали» [1]. Возникает социальное напряжение: стремление к свободе и собственному проекту составляет одну из важнейших ценностей, но доступность её реализации сомнительна. Если это поколение не сможет реализовать данную ценность, то, по мнению исследователей, это может привести к разочарованию, чувству собственного бессилия, цинизму и отказу от высоких целей. Это показывает дилемму «позитивной» и «негативной» свободы: молодые хотят позитивной свободы – возможности строить жизнь по своим ценностям, но сталкиваются с ограничениями, превращающими свободу скорее в иллюзию.

Таким образом, ценность свободы выступает как важный фактор, определяющий поведение, но подлинная свобода выборов часто оказывается недостижимой. В терминах экзистенциализма человек находится «между небом и землёй»: с одной стороны, он принимает ответственность за свой свободный выбор (смена профессии, иммиграция и т.п.), с другой – сталкивается с абсурдом обстоятельств, когда свобода ограничена (например, экономическими или политическими рамками).

Социальная идентичность и культурные влияния

Социальная идентичность поколения сочетает традиционные и современные элементы. С одной стороны, подавляющее большинство молодых россиян считает себя гражданами своей страны, при этом 76 % хорошо знакомы с историей страны и 73 % – с историей своей семьи [2]. Сохраняется высокая ценность межличностных связей: 91 % респондентов считают важным поддерживать тёплые отношения со всеми членами семьи. С учётом философских категорий, это свидетельствует о том, что

идентичность формируется в рамках социокультурной традиции и семейных норм, сохраняя ориентиры старших поколений (хотя и с запросом на самостоятельную реализацию).

С другой стороны, глобализация и интернет вносят в идентичность элементы мировой культуры. Западная массовая культура стала неотъемлемой частью образов и предпочтений: около трети россиян до 35 лет увлекаются зарубежной поп-музыкой, хип-хопом или техно [3]. Более того, значительная часть опрошенных (около 60 % по данным фокус-групп) относится положительно к западным странам и хотела бы работать или жить за рубежом, в то время как среди старшего поколения положительное отношение к Западу лишь у 30 %. Таким образом, представления о «идеальном обществе» у многих молодых сопряжены с образом «западной жизни» – во многом через призму материального достатка и правовой защищённости. Но это культурное восприятие носит поверхностный характер и не предполагает безоговорочной поддержи западной политики: большинство сохраняет патриотические установки.

Следовательно, социальная идентичность современного поколения формируется на стыке национальных и глобальных ценностей. Люди ощущают свою причастность к стране (патриотизм, гражданственность) и вместе с тем активно ассимилируют глобальные культурные тренды.

Именно это двойственное сочетание объясняет, почему представители молодого поколения одновременно высоко ценят семейные традиции и правила (например, соблюдение законов – 78–74 %) и легко переключаются на западные культурные модели. Такая неоднозначность отражает процесс формирования идентичности в эпоху информационного плюрализма: молодые осуществляют селективную интериоризацию тех традиций и норм, которые соответствуют их личным целям и ожиданиям.

Мораль и нормативность

Нормативность ценностной системы проявляется не только в признании формальных законов, но и в относительной трансформации моральных установок. Представители поколения меньше фокусируются на классических морально-этических категориях альтруизма и коллективизма, предпочитая утилитарные и прагматичные критерии. Так, участие в волонтёрской деятельности и помощь другим людям значимы лишь для половины

респондентов (49 %), а необходимость добиваться известности практически не значима (6 % мечтают о популярности) [2]. Это можно связать с моральным релятивизмом и прагматизмом: если традиционная моральная норма («помогать другим – это хорошо») по-прежнему формулируется большинством как желательная, то на практике она уступает место «морали успеха» и «морали личного комфорта», ценящим личные достижения и благополучие.

В этом контексте свобода (ценность автономии) и мораль часто вступают в конфликт. Представители поколения стремятся к свободе выбора и личной реализации, но в то же время признают важность законов и правил: 78–74 % полагают, что нормы УК и Конституции обязательны, даже если «они кажутся не совсем справедливыми» [2]. Это означает, что опрошенные в целом согласны с тем, что поведение должно нормироваться не только личными желаниями, но и общеобязательными стандартами. Философы такой позиции отмечают, что нормы (юридические и нравственные) служат ориентирами поведения и ограничивают произвольность «экзистенциального выбора» личности. При этом современное поколение не спешит ратифицировать сверхнормативные идеалы – например, религиозные правила обязательны лишь для 6–26 % в зависимости от группы [2]. Таким образом, их моральный облик сочетает светскость (отказ от догматизма) с гражданским сознанием (уважение к формальным законам).

Молодое поколение характеризуется наличием обширного и разнообразного набора ценностей, в которых гармонично соседствуют традиционное и новое. В поведении рассматриваемой группы на первый план выходят ценности семьи и личного благополучия (здоровье близких, стабильность, комфорт), а социально-общественные и идеалистические ориентиры оказываются менее приоритетными. В то же время данное поколение демонстрирует стремление к свободе и независимости: многие готовы заниматься предпринимательством, ценят самостоятельный выбор жизненного пути. Тем не менее они признают значимость формальных норм и законов, поддерживая конституционные правила жизни в обществе. Таким образом, ценностная система современного молодого человека совмещает прагматизм (ценность материального благосостояния) с умеренным конформизмом (признание общественных норм), а социальная идентичность

включает и национальный компонент (патриотизм), и открытость к глобальным ценностям (толерантность к культуре Запада).

Эта двойственность отражает ключевой парадокс века – необходимость выбирать подчас диаметрально противоположные ориентиры. Поколение делает «экзистенциальный выбор» в условиях глобализации: одними и теми же руками оно стремится и к материальному достатку, и к социальной справедливости; желает и личной свободы, и признания универсальных законов. Поведение в XXI веке определяется именно таким сложным сочетанием ценностей, которое не сводится к простой «традиции» или «модерну», а предполагает постоянную работу сознания над выстраиванием собственной системы приоритетов.

Список литературы

1. Современная молодежь // Фонд Общественное Мнение : [сайт]. 2024. URL: https://fom.ru/TSennosti/15039 (дата обращения: 15.10.2025).

2. Ценности молодежи // Всероссийский центр изучения общественного мнения : [сайт]. 2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения: 14.10.2025).

3. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения // Левада-Центр : [сайт]. 2020. URL: https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoj-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya (дата обращения: 14.10.2025).

УДК 373.1

КАК СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ ВЫБИРАЕТ ПРОФЕССИЮ

Ирина Александровна Рудакова[1], Софья Александровна Чевакина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Российский рынок труда претерпевает значительные изменения: с одной стороны, на его конъюнктуру влияют политические и экономические процессы, влияя на соотношение спроса

и предложения по отдельным направлениям и специальностям. С другой стороны, ощутимым становится давление работников нового типа – представителей так называемого поколения «Z». На сегодняшний день доля молодежи среди трудоспособного населения России составляет 35 % [4], при этом, по оценкам практиков в сфере HR, «зумеры» занимают ориентировочно 25 % рынка труда [9]. И именно они теперь во многом определяют предложение в области профессий и требования к своей будущей работе, которые вынуждены учитывать работодатели.

К «зумерам» («Z») на основе теории поколений в современной социологии и экономике относят молодых людей, которые родились в промежутке с 1997 по 2012 гг. [1]. И хотя данное деление является условным, оно позволяет обозначить совокупность существенных социально-личностных черт, которые характеризируют современную молодежь и отличают ее от предыдущих возрастных групп. «Зумеры» определяются как «поколение Digital, возникшее в период глобализации и цифровизации», с детства окруженное гаджетами, прекрасно разбирающееся в технологиях и различных трендах [9]. Они ориентированы на собственные интересы, ценят личные границы, гибкость, баланс между работой и личной жизнью (отдавая предпочтение личному), смыслы и собственный «опыт», возможность делать самостоятельный выбор и влиять на свою работу [6]. Эти особенности во многом характеризуют профессиональные предпочтения современных молодых людей.

Определяться с будущей профессией сегодняшние школьники начинают в средних и старших классах. По результатам исследования проекта единой модели профориентации «Билет в будущее», реализуемой в рамках нацпроекта «Молодежь и дети», в 2025 году большинство выпускников 11-х классов (71,7 %) либо четко определились с профессией, либо находились на стадии активного выбора [11]. Стоит отметить, что среди источников информации, которые используются молодыми людьми при принятии решения о специализации, первое место занимают средства массовой коммуникации: Интернет, выполняющий функцию конвергенции СМИ (72,6 %), а также телевидение, печатные СМИ, рекламные плакаты и брошюры, радио (суммарно – 44,7 %). На втором месте – родители, родственники, знакомые (49,2 %). Профориентационные мероприятия совокупно составляют 40,1 %

[10]. При этом, большее влияние на окончательный выбор оказывают мнения референтных групп или отдельных значимых других: «молодежь ориентируется практически в равной мере на два основных фактора: это рекомендации родителей и родственников (41,3 %) и информация в сети Интернет (38,1 %). Далее по значимости – следование собственной мечте (27,7 %) и информация, транслируемая традиционными СМИ (27,1 %). Сведениями, получаемыми в ходе профориентационной работы, руководствуются 18,4 % [4]. В целом, можно говорить о том, что представители поколения «Z» стремятся сделать собственный выбор, но с учетом мнений социально-значимых групп. Молодежи часто свойственна определенная доля романтизации будущей профессии. Во многом это связано с возрастными и психологическими особенностями восприятия мира, отсутствием реального опыта работы в той или иной сфере, а также недостаточной осведомленностью об интересующем профессиональном направлении. Результаты социологических исследований позволяют сделать вывод о том, что сегодня информированность молодых людей о профессиях невысокая [10]. Особенно недостаточно актуальной информации о востребованных специальностях, в которых нуждается бизнес и государство в конкретный период времени. Поэтому в данном случае родители или «значимые взрослые» становятся своеобразным гарантом правильного выбора, «приземляя» мечты молодых людей и связывая их профессиональные интересы с жизненными реалиями.

Представители поколения «Z» иначе воспринимают работу и относятся к ней. Для многих будущая профессия – это не способ «выжить» или принести пользу обществу, что было свойственно, например, для поколений «бэби-бумеров» и «X», а способ самовыражения, поиска себя, приобретения «нового опыта». Ряд исследований доказывают, что «для современной молодежи важнейшими факторами при выборе профессии являются возможности самореализации, профессионального роста» [3, с.103] и следования своим интересам. Происходит смещение акцентов с «таких традиционных ценностей, как стабильность и социальная защищенность, в сторону гибкости, независимости и творческого потенциала» [3, с.103]. В большинстве случаев (52,6 %) в основе выбора будущей профессии у «зумеров» – «интересный характер работы и интересная сфера деятельности», далее – соот-

ветствие личным способностям, склонностям (40,7 %) [4]. Доходность профессии и материальный достаток также остаются важными [10], однако наблюдается тенденция к изменению предпочтений молодежи: несмотря на высокую роль денежного вознаграждения «прослеживается тренд к усилению значения нематериальных факторов, таких как комфортные условия труда, возможности для обучения и профессионального развития» [3, с.103]. Меняется само отношение молодого поколения к заработной плате: данный аспект все чаще рассматривается не как основная цель при трудоустройстве, а как некий обязательный сопутствующий фактор, само собой разумеющееся обстоятельство, но при этом доход должен быть изначально существенным. Молодые специалисты, выходя на рынок, сразу претендуют на высокие зарплаты, не имея при этом соответствующего опыта работы, практических навыков, а зачастую и необходимого уровня знаний. Анализ ожиданий молодых людей продемонстрировал значительные зарплатные претензии «зумеров»-выпускников: показатели сильно превосходят средние значения по рынку, в том числе отмечаются и крайне высокие, неадекватные запросы в 100/200/300 тыс. руб. и выше [4]. Таким образом, идеальная профессия современной молодежи представляется как любимое, интересное дело, которое позволяет заниматься саморазвитием, получать положительные эмоции и впечатления. Важно, чтобы работа была спокойной, без напряжения и стрессов с гибким графиком и солидным материальным доходом. Финансовые возможности должны быть не просто достаточными для жизни, а именно высокими, позволяющими снять ограничения в потреблении [5].

В целом, распределение факторов выбора будущей профессии совпадает с общей тенденцией на рынке: согласно результатам социологического опроса ВЦИОМ, проведенного в апреле 2024 г., россияне выбирают специализацию «в основном по личным интересам и предпочтениям, а мнение семьи и окружения играет большую роль, чем профориентация» [2, с. 152]. При этом среди критериев выбора профессии интерес занимает первое место (56 %), на втором месте – высокая оплата труда (31 %) и только на третьем месте – востребованность на рынке. Востребованность в данном случае определялась как «текущая потребность в работниках организаций различных секторов экономики» [2, с. 154].

В связи с тем, что профессиональные представления у молодежи сформированы неполно [10] (во многом, как это ни парадоксально в нынешнее время, по причине низкой информированности об актуальных профессиях, отсутствия реальных представлений об особенностях работы в выбранном направлении и условиях труда), молодые люди ориентируются на свои личные интересы и мечты, а востребованность конкретных специальностей не является ключевым фактором при выборе, закономерным становится разочарование в профессии, «депрофессионализация» [10]. Как результат – широко распространенная на российском рынке тенденция трудоустройства не по специальности, когда молодежь работает в сфере, не связанной с полученным образованием.

По итогам приемной кампании 2025 года, Минпросвещения РФ представило рейтинг наиболее популярных направлений обучения в стране. В пятерке лидеров – информатика и вычислительная техника, экономика и управление, образование и педагогика, медицина, машиностроение [13]. Если говорить о наиболее востребованных профессиях в России по состоянию на конец 2024 года, то первые места в данном перечне занимают медицинские работники, инженеры, аналитики и IT-разработчики [15]. И хотя при сравнении полученных результатов совпадения между запросом рынка и осваиваемыми направлениями присутствует, исследователи отмечают: около 40 % молодых людей не работают по той специальности, которую получили. Кроме того, более трети из них не пытались трудоустроиться по профессии [8]. Таким образом, поступление на определенную специальность не гарантирует дальнейшую работу в соответствующей сфере. Помимо всех прочих причин «лабильность» профессионального выбора связана, в том числе и с социально-психологическими особенностями поколения «Z». По результатам исследований, молодые люди стали быстрее определяться с будущей профессией, однако к этому выбору они начали относиться гораздо проще: теперь данное решение не оценивается как «сверхзначимое», «единственно правильное» или «на всю жизнь»: в любой момент его можно изменить, перепрофилироваться и найти альтернативную работу [11]. Многие «зумеры» относятся к выбору профессии несерьезно, «как к своего рода эксперименту», и если что-то не понравилось, то готовы бросить начатое и перейти в другую сферу: они ищут новые смыслы, связи со своими ценностями, оценивают

интерес, удобство и комфорт для себя, подстраиваются под свое текущее настроение и желания. Ведь изначально выбор специальности и был сделан на основе личных предпочтений.

Часто у современной молодежи мотивация работать по профессии отсутствует изначально. Так происходит, если решающим фактором при поступлении была воля родителей, что отличалось от желания самого молодого человека, если он так и не смог окончательно определиться со сферой своих профессиональных интересов или не смог поступить непосредственно туда, куда планировал (ситуация «поступил, куда получилось», «учусь ради диплома»). В данных случаях низкая мотивация сказывается на качестве учебы студента, на его отношении к учебному процессу и приводит к профнепригодности. Выпускники, относящиеся к данной категории, в большинстве случаев уже во время учебы или сразу после окончания учебного заведения ищут для себя альтернативы трудоустройства в других сферах.

Те, кто решают работать по направлению, соответствующему полученному образованию, также не всегда остаются в профессии после начала трудовой карьеры. Играют роль личные обстоятельства, изменение конъюнктуры рынка, расхождение между представлениями о выбранной работе и реальностью, а также неспособность «зумеров» включаться в рабочий процесс, подстраиваться под требования: новое поколение не соответствует устоявшейся парадигме взаимоотношений работодателя и работника. Все чаще на местах отмечают, что с новым поколением взаимодействовать крайне тяжело. Согласно опросу, проведенному в декабре 2024 года, 52 % компаний «столкнулись с трудностями при найме и управлении сотрудниками, родившимися после 2000 года». Среди претензий, которые высказывали работодатели, – «завышенные ожидания по зарплате при недостатке опыта и знаний, быстрая потеря интереса к задачам и работе в целом, чрезмерная эмоциональность и чувствительность к критике» [11]. Также отмечалось, что с «зумерами» сложно коммуницировать из-за их клипового мышления и проблем с концентрацией внимания [11].

По словам руководителей, сейчас в компаниях остро ощущается дефицит «именно высококвалифицированных кадров, которые имеют определенный опыт и хотят работать», хотят учиться, стараться и прикладывать силы. Представители поколения «Z»

остро реагируют на критику, обижаются, часто ленятся и легко увольняются [14]. Кроме того, 50 % из них отказываются от работы, проекта или задания, основываясь на личной этике: если таковые не соответствуют их ценностям, представлениям и интересам, связанным с экологической повесткой, комфортной атмосферой в коллективе, соблюдением баланса между работой и личной жизнью; 44 % по тем же причинам отказываются от работодателя в принципе [7]. Пост-миллениалы склонны выбирать ту работу и профессию, которые соответствуют их мироощущению, они требуют хороших условий труда, гибкий индивидуальный график, соблюдения их личных границ, не соглашаются на переработки, напрямую высказывают руководству свое недовольство или несогласие. Кроме того, поколению «Z» свойственны сложности со взаимодействием в коллективе, а также проблемы с дисциплиной: молодые люди часто опаздывают, срывают дедлайны или прибегают к «гостингу» (внезапно исчезают и не выходят на связь) [9].

Современная молодежь все чаще отказывается от классической вертикально выстраиваемой карьеры с продвижением от помощника к специалисту, а затем руководителю и директору. «Зумеры» придерживаются другого подхода: «им проще и интереснее освоить несколько базовых уровней в разных направлениях, не углубляясь в каждое до экспертизы» [12]. Поэтому закономерным стало появление в 2025 году нового тренда, который получил название «поливоркинг» – «осознанное одновременное совмещение разных профессий и увлечений, которые помогают развиваться и получать удовольствие от работы» [12]. Данное явление отличается от традиционных подработок, которые свойственны всем предыдущим поколениям: для «зумеров» это не просто работа ради заработка, а осознанный выбор, который позволяет им учиться и развиваться в разных сферах. Можно в любой момент легко менять работу и выбранную профессию, не опасаясь остаться без заработка. Таким образом подкрепляется философия жизни современной молодежи под лозунгом «хочу, могу, выбираю». На практике же подобный формат совмещения несет в себе риск снижения профессионализма и квалификации: специалист во всем и ни в чем одновременно.

Другой тренд, который также свойственен для поколения «Z» – выход на микропенсии. Так называют «осознанный пере-

рыв в работе на пару месяцев или больше, чтобы отдохнуть, перезагрузиться, заняться собой или путешествовать» [12]. Еще один отголосок особого отношения молодых людей к себе, своим интересам, желаниям и потребностям. Формат «поливоркинга» вполне способствует данному тренду, так как позволяет много работать в короткий промежуток времени и формировать сбережения на отдых. Подобный ритм жизни соответственно накладывает отпечаток и на выбор профессий, благодаря которым можно позволить его реализовать. Как правило, это творческие направления, а также различные специализации в сфере услуг. Закономерно исследователи отмечают значительное увеличение доли новых форм трудовой занятости, в числе которых удаленная работа и проектная деятельность, что отражает и одновременно поддерживает тенденцию к мобильности и независимости [3].

Таким образом, ценность профессионального выбора снижается, уменьшается лояльность молодых соискателей по отношению к работодателям, молодежь не боится потерять работу [7], в любой момент поменять специализацию, остановить карьеру. Современное поколение становится все более требовательным, и в сложившейся ситуации дефицита кадров диктует свои условия, с которыми их окружению приходится считаться. Все чаще молодые люди выбирают профессию исходя из сугубо личных интересов, игнорируя запросы и потребности общества и руководствуясь только собственными устремлениями. Настоящих профессионалов и специалистов, которые замотивированы и готовы по-настоящему работать, все меньше, а их ценность на рынке стремительно возрастает. В свою очередь, все это сказывается на качестве труда в различных сферах и влияет на уровень социального благополучия общества в целом.

Список литературы

1. Баканова И. Г., Соколова Ю. А. Что сегодня выбирает школьник: ВУЗ vs СПО // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-4. С. 27–30.

2. Волошина И. А., Новиков П. Н., Мухина И. И. Востребованные профессии: сущность, признаки, разновидность // Социально-трудовые исследования. 2024. № 4 (57). С. 150–161.

3. Диннер И. В. Трудовые ценности и их влияние на профессиональное самоопределение молодежи: эмпирический анализ // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2025. № 2. С. 97–105.

4. Зинич А. В. Мотивы и социально-профессиональные ориентации молодежи при выборе профессии // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 133–138.

5. Ковалевская Е. В. Представления об идеальной карьере и идеальной профессии у современной молодежи // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 3. С. 1–10.

6. Комфорт и технологии: что нужно зумеру для работы // Mail. 2025. 12 апреля. URL: https://mail.ru/article/561260-komfort-i-tehnologii-chto-nuzhno-zumeru-dlya-raboty/

7. Кузнецова Е. Работа со смыслами // Коммерсант. 2024. 30 мая. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6729391

8. Михеева Е., Калашникова А., Кунева А., Манина А. Работа не по специальности: почему это так распространено. Тенденции и анализ. URL: https://fil.unn.ru/rabota-ne-po-spetsialnosti-pochemu-eto-tak-rasprostraneno-tendentsii-i-analiz/?ysclid=mhj5uggilf239670048

9. Надобникова Е. Поколение Z: секреты привлечения и здоровых рабочих отношений с зумерами. URL: https://vc.ru/hr/1302347-pokolenie-z-sekrety-privlecheniya-i-zdorovyh-rabochih-otnoshenii-s-zumerami

10. Рассадина Т. А. Профессиональные намерения старшеклассников Ульяновской области // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4 (64). С. 19–37.

11. Российские подростки стали определяться с будущей профессией к 11 классу // РБК. 2025. 3 августа. URL: https://www.rbc.ru/society/03/08/2025/688ba43d9a7947c9eec1c691

12. «Таксую для души, а так у меня свой бизнес»: как зумеры придумали поливоркинг. Новый тренд или модный ярлык? // RT. 2025. 9 июля. URL: https://dzen.ru/a/aG51w1ckRk23guwD

13. Топ-10 самых популярных направлений в вузах в 2025 году // Фоксфорд. 2025. 9 октября. URL: https://media.foxford.ru/news/high-minprosveshhenie-samye-populyarnye-napravleniya-v-vuzakh-2025

14. Туманов М. Бизнес и дефицит кадров // BFM.ru. 2025. 14 октября. URL: https://dzen.ru/a/aO46FCSR60Sv413E

15. Чупина И. П., Журавлева Л. А., Зарубина Е. В. [и др.]. Проблема выбора профессии среди молодежи // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 311–317.

УДК 659

ОТТОК МОЛОДЕЖИ ИЗ ПРОВИНЦИИ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Дарья Михайловна Щербакова[1],
Владислав Сергеевич Ермаков[2]

[1]Пензенский государственный университет, г. Пенза
[2]Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва

Внутренняя миграция молодежи является одним из наиболее значимых факторов, формирующих социально-экономический ландшафт современной России. Устойчивый отток молодого, наиболее активного и образованного населения из малых городов и сельских территорий в ограниченное число крупных центров ведет к углублению региональной асимметрии, депопуляции обширных территорий и снижению человеческого капитала в регионах-донорах. Данная проблема, актуальная для многих стран мира, в российском контексте приобретает особую остроту в связи с географическим масштабами страны и неравномерностью распределения экономических возможностей. Целью настоящей статьи является комплексный анализ феномена оттока молодежи из российской провинции. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1. Выявить и систематизировать основные причины, побуждающие молодежь покидать малые города и регионы.
2. Проанализировать последствия данного процесса для регионов-доноров.
3. Рассмотреть существующие и потенциальные меры политики, направленные на регулирование миграционных потоков.

Методологической основой исследования послужили анализ данных Росстата, результаты социологических опросов (ВЦИОМ, «Яков и Партнеры»), а также научные публикации, посвященные миграционной тематике на примере конкретных регионов России [1–6]. Исследования констатируют, что внутренняя миграция в России имеет ярко выраженный центростремительный характер. Согласно исследованию, лишь 12 из

89 субъектов РФ являются чистыми акцепторами (реципиентами) молодежи, в то время как около 45 регионов выступают донорами, теряя значительную часть своих талантливых выпускников. Ключевыми точками притяжения неизменно остаются Москва и Санкт-Петербург, которые за четыре года совместно обеспечили чистый приток более 70 тысяч молодых людей в возрасте 17–18 лет. За ними следуют другие крупные университетские центры, такие как Новосибирская, Томская, Нижегородская области и Республика Татарстан. Опрос, проведенный в мае 2025 года, показал, что о желании уехать из своего населенного пункта заявляют 27 % россиян в возрасте 18–24 лет и 22 % в группе 25–34 года. Наибольшая доля желающих переехать сконцентрирована в небольших городах и малых населенных пунктах (25 %), тогда как в Москве и Санкт-Петербурге этот показатель не превышает 9 %. Это свидетельствует о том, что проблема наиболее остро стоит в провинции.

Образовательная миграция является ключевым драйвером этих процессов. Более 800 тысяч студентов-очников обучаются не в своем регионе. Характерно, что регионы-акцепторы не только привлекают абитуриентов, но и сталкиваются с оттоком части выпускников вузов, которые либо возвращаются домой, либо устремляются в другие центры. Тем не менее, они сохраняют у себя значительную часть приехавших, тем самым постоянно пополняя свой человеческий капитал за счет провинции. Причины, побуждающие молодых людей покидать малую родину, носят комплексный характер и могут быть систематизированы по нескольким группам. Главным «магнитом» для молодежи являются возможности для трудоустройства и построения карьеры, сосредоточенные в крупных городах. Провинция зачастую не может предложить диверсифицированный рынок труда, особенно для высококвалифицированных специалистов. В моногородах и сельской местности доминируют узкоспециализированные предприятия или аграрный сектор, которые не всегда соответствуют профессиональным амбициям и полученному образованию молодежи. Молодые люди стремятся в города, где сосредоточены офисы крупных компаний, IT-кластеры и сфера услуг, сулящие более высокий уровень дохода и перспективы профессионального роста.

Доступ к качественному высшему образованию является мощнейшим фактором «выталкивания» на начальном этапе миграции. Региональные вузы часто воспринимаются абитуриентами как менее престижные по сравнению со столичными. В результате выпускники школ из провинции массово подают документы в университеты Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных центров. Этот образовательный переезд часто становится точкой невозврата, так как после окончания вуза молодые специалисты, как правило, закрепляются в месте учебы, где уже сформированы социальные связи и открыты лучшие карьерные возможности. Немаловажную роль играет и разрыв в качестве городской среды и доступности инфраструктуры. Молодежь при переезде рассчитывает на транспортную доступность, развитую инфраструктуру для отдыха (кафе, клубы, парки) и многофункциональные общественные пространства. В провинции с этим зачастую существуют проблемы. Исследования также отмечают прямую связь между любовью к родному городу и субъективным ощущением счастья: среди тех, кто любит свой город, счастливыми себя чувствуют 77 %, а среди тех, кто не любит – лишь 36 %. В возрастной группе 18–24 лет симпатию к своему населенному пункту испытывают только 59 % опрошенных.

Центростремительная миграция молодежи имеет глубокие и долгосрочные негативные последствия для развития российских регионов. Утечка человеческого капитала: регионы теряют наиболее перспективную и образованную часть молодого поколения. Это ведет к обеднению интеллектуального и творческого потенциала территории, снижению инновационной активности и консервации технологической отсталости.

Демографический кризис и старение населения: массовый отток молодежи усугубляет естественную убыль населения, приводит к демографическому старению и диспропорциям в половозрастной структуре. Это создает дополнительную нагрузку на социальную систему и здравоохранение в регионах.

Экономическая стагнация: сокращение численности экономически активного населения ведет к дефициту кадров, в том числе в стратегически важных отраслях, и сужению внутреннего рынка. Это отпугивает потенциальных инвесторов и затрудняет экономический рост, создавая замкнутый круг депрессии.

Усиление пространственного неравенства: концентрация молодежи в нескольких центрах усиливает разрыв в социально-экономическом развитии между столичными агломерациями и периферией, что представляет угрозу для пространственной целостности и сбалансированного развития страны.

Сложность проблемы требует комплексного подхода, сочетающего меры федерального и регионального уровня. Необходима целенаправленная политика по диверсификации экономики моногородов и регионов-доноров, созданию высокопроизводительных рабочих мест, в том числе в несырьевых секторах. Перспективным направлением является поддержка и развитие местных цепочек добавленной стоимости в агропромышленном комплексе, что может создать привлекательные рабочие места для сельской молодежи, соответствуя ее ожиданиям. Также эффективны программы субсидирования переезда для специалистов в бюджетной сфере («Земский доктор», «Земский учитель»), которые могут быть расширены на другие дефицитные профессии.

Для снижения образовательной миграции необходимо укреплять потенциал ведущих региональных университетов, развивать партнерские программы между вузами и местными предприятиями. Важной задачей является создание в регионах центров притяжения для талантливой молодежи – научных парков, инновационных кластеров, IT-хабов, которые предоставляли бы возможности для реализации амбициозных проектов без необходимости переезда в столицу. Ключевым фактором закрепления молодежи является комфортная среда проживания. Это предполагает масштабные инвестиции в модернизацию жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, здравоохранения, а также создание современной социальной и досуговой инфраструктуры (коворкинги, библиотеки, спортивные комплексы, арт-пространства). Инновационным предложением является концепция создания высокотехнологичных биоэкопоселений на малозаселенных территориях, которые сочетали бы преимущества современного качества жизни с близостью к природе. Необходимо продвижение позитивного имиджа регионов, поддержка местных сообществ и инициатив, программ по развитию soft skills и предпринимательских компетенций среди молодежи. Как показало исследование в Череповце, именно целенаправленная молодежная политика, разработанная с учетом мнения самих молодых людей, может стать действенным инструментом противодействия оттоку.

Проблема оттока молодежи из российской провинции является системной и многогранной. Ее корни лежат в объективном неравенстве экономических, образовательных и инфраструктурных возможностей между центрами и периферией. Устойчивые миграционные настроения среди молодого поколения ведут к серьезным негативным последствиям для регионов-доноров, угрожая их долгосрочному устойчивому развитию и углубляя пространственный разрыв в стране. Преодоление сложившейся ситуации требует не разовых мер, а последовательной и комплексной государственной политики, направленной на опережающее развитие регионов. Стратегия должна включать экономическую диверсификацию, создание современных рабочих мест, укрепление высшей школы в регионах и кардинальное улучшение качества городской среды. Без создания в провинции условий для профессиональной и личной самореализации молодежи остановить центростремительную миграцию будет невозможно. Дальнейшие исследования должны быть сфокусированы на оценке эффективности конкретных региональных программ и изучении обратных миграционных потоков (из центров в провинцию) как потенциального ресурса развития территорий.

Список литературы

1. Impacts of urban-rural migration on domain-specific satisfaction. Cities, 2025. URL: researchgate.net

2. Мониторинг эмиграционных настроений. 2025. ВЦИОМ. URL: wciom.ru

3. Образовательная миграция разделила страну на три неравные части // Независимая газета. 2025. 8 июня.

4. Одинцов А. В., Шипицин А. И., Марченко А. Ю. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 335–354.

5. Опрос «Яков и Партнеры» и «Ромир»: Почти 27 % молодых россиян выразили желание уехать с «малой родины» в большие города // Forbes.ru, 2025. URL: forbes.ru>society

6. Ученые Курчатовского института предложили строить биоэкопоселения для остановки оттока молодежи // BakuInform, 2024. URL: bakuinform.az>ru/news

Раздел 10
ПРАВО КАК ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 347

МЕСТО НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Александр Владимирович Первушкин[1], Олег Игоревич Михайлович[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Основным Законом нашей страны закреплено, что «каждый гражданин имеет право на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности» (ст. 34) [1]. Правовые положения о владении, использовании и распоряжении различными вещами во многом определяются естественными свойствами последних в зависимости от их экономического назначения, с учётом их ценности и общественных интересов. В связи с этим не только теоретическое, однако и большое практическое значение имеет научная классификация объектов гражданских правоотношений. Его цель состоит в том, чтобы служить руководством для определения правовой системы конкретного имущества и определения объёма и содержания прав и обязанностей участников гражданских правоотношений.

Согласно статье 209 ГК РФ «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать своё имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться иным образом» [2]. Владелец имеет право даже уничтожить имущество, если это не нарушает право-

вые нормы и другие правовые акты, а также права и интересы других лиц. Одним из новых полномочий собственника по российскому законодательству является его право передавать имущество в доверительное управление другому лицу – доверительному управляющему. Поэтому определено, что владелец имущества имеет право определять юридическую судьбу вещей. Недвижимость все чаще становится объектом специфических гражданско-правовых сделок. Поскольку недвижимость была включена в систему рыночного оборота, стали широко использоваться сделки купли-продажи, бартер, пожертвования, наследование, залоги и другие сделки.

Отметим, что в российском законодательстве термин «недвижимое имущество» появился достаточно поздно, а его юридического определения вообще не существовало. Все это объясняет существование различных взглядов ученых касательно изучаемой проблемы. Такие ученые, как Д. И. Мейер, К. П. Победоносцев, В. И. Синайский, Г. Ф. Шершеневич и другие, неоднократно в своих трудах исследовали вопросы, затрагивающие те или иные аспекты недвижимости. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в науке гражданского права XVIII–XIX веков усилия цивилистов были нацелены на выработку либо признаков недвижимости, либо перечня ее объектов, который видоизменялся в зависимости от развития общественных отношений и появления новых объектов.

Некоторые учёные считают, что царь Федор Иоанович впервые употребил термин «недвижимость» в российском праве во время введения крепостного права в 1597 году, когда помещикам были выделены большие участки, которые требовали защиты земель. Закрепление фиксировалось в крепостных книгах [5, с. 18]. В течение года счета и документы записываются в тетрадь в порядке согласования, а через год эти документы заносятся в книгу с двумя буквенными индексами – названием объекта недвижимости и именем собственника.

Принято считать, что в советском гражданском праве нет категории недвижимости. В применении к статье 21 ГК 1922 года отмечено: «С отменой собственности на землю деление имущества на движимое и недвижимое упразднено» [6, с. 27]. Однако особенности объективного существования недвижимости отражены в законодательстве. Возникли независимые законодатель-

ные ветви, такие как земельное право, водное право и право о недрах. В советском гражданском законодательстве были специальные положения о правовой системе зданий и домов [3, с. 22].

В Законе РСФСР «О собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 года [3], а затем Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года термин «недвижимое имущество» впервые был использован в сфере современного российского права, восстанавливая разделение вещей на движимое и недвижимое.

Хотя долгое время статья 130 ГК РФ, предусматривающая классификацию объектов на движимое и недвижимое имущество не претерпевала серьезных корректировок законодателем, а внесенные изменения предполагали лишь добавление или исключение отдельных позиций в списке, вопросы о целесообразности данного перечня и закрепленных статьей 130 ГК РФ критериев отнесения вещей к категории недвижимых до сих пор поднимаются в доктрине гражданского права.

Нет сомнений в том, что недвижимость имеет значение гражданских прав, поэтому необходимо изучить законы и нормативные акты о недвижимости как объекте гражданских прав.

В настоящее время правовая концепция недвижимого имущества как объекта гражданского права и вопрос о его правовой системе приобрели особое значение в силу сложности и разнообразия объектов недвижимости (земля, ее недра, водные объекты, леса, жилые и нежилые здания), определения и понимания понятия недвижимости, ее статуса в качестве объекта гражданских прав, а также регулирование этих правоотношений.

Содержание понятия «недвижимое имущество» сводится к распространению на определенную группу вещей особого правового режима. Объект недвижимости представляет не только частный, но и общественный интерес. Существование недвижимости как гражданской категории неразрывно связано с государственным надзором.

«Трудно переоценить значение недвижимости для политической, экономической и правовой систем любого организованного общества. Несмотря на то, что производные нематериальных объектов (имущественные права, деньги, ценные бумаги) периодически имеют производные, имеющие определенное значение, как для отношений товарного производства, так и для пра-

вового регулирования имущественного оборота, основой и высшим смыслом государственности всегда была и остается только недвижимость. Для публичного права земля, ее недра и ее поверхность, в том числе покрытые лесом или водой, земля и даже части, разделенные на условные участки с относительно различным правовым статусом (системами), всегда являются территорией страны» [8, с. 32]. Недвижимость включается в систему рыночного оборота посредством таких сделок, как покупка, продажа, залог, наследование и сдача в аренду вместе с ней.

Фундаментальное различие между недвижимым имуществом и движимым имуществом заключается в том, что право на недвижимое имущество – это не право на одну вещь, а в пределах одной вещи [7, с. 123]. Только в собственной пространственной проекции личность может обрести полноту личной свободы. Эта правовая система называется недвижимостью. Образно говоря, недвижимость – это юридический случай, в котором человек получает абсолютную свободу передвижения, за исключением добровольных обязательств и общественных ограничений.

Недвижимость возникает по своему природному естеству как результат проприетарного освоения пространства свободной личностью, принадлежащей к оседлым народам. Все остальные объекты могут считаться недвижимостью только путём искусственного отнесения их к таковым правопорядком. Постановка недвижимости на кадастровый учёт есть лишь юридико-технический акт квалификации правового режима недвижимости применительно к точно описанному пространству.

Особая общественная значимость оборота недвижимости вызвала желание государства занять свое место среди частных лиц. Напротив, естественной причиной разницы в обороте имущества между движимым и недвижимым имуществом является сложность отражения ипотечных прав и признания права собственности. Для удовлетворения этой потребности в защите прав и их распоряжении достаточно условно принудительно внести реальное право в реестр без юридической ценности права.

Современное законодательство о владении недвижимостью достаточно обширно, включая большое количество правовых актов различных отраслей права.

Среди кодифицированных правовых актов, регулирующих отношения собственности на объекты недвижимости, главное

место занимает ГК РФ. Часть первая ГК РФ заложила начало современного этапа развития законодательства о недвижимости. Гражданский кодекс РФ (часть первая) определил понятие недвижимого имущества. Первоначально статья 130 ГК РФ предусматривала, что к недвижимым объектам относятся участки, недра, изолированные водные объекты и все, что тесно связано с землей, то есть то, что нельзя перемещать без нанесения непропорционального ущерба их использованию, в том числе леса, многолетние насаждения, здания, сооружения. До сих пор требуемые характеристики менялись много раз [9, с. 98], в результате изолированные водоемы, леса и многолетние насаждения были исключены из списка недвижимости, а недостроенные постройки включены в недвижимость. Таким образом, ГК РФ относит недвижимость к самостоятельному объекту гражданских правоотношений и предусматривает для нее особую правовую систему, главной особенностью которой является необходимость государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ст.131, 164 ГК РФ)».

При определении собственности ГК РФ ограничивается перечислением традиционного разделения властей, составляющих содержание имущественных прав: согласно статье 209 ГК РФ собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом.

Гражданский кодекс предусматривает некоторые особенности приобретения и осуществления права собственности в отношении недвижимого имущества.

Согласно нормам статьи 218 ГК РФ можно выделить ряд причин для получения права собственности на объекты недвижимости. Хотя они и не являются исчерпывающими, традиционно используются первоначальный и производный методы получения права собственности.

Среди них первоначальный способ приобретения права собственности на объект недвижимости включает:

– «создание недвижимого имущества;

– признание права собственности на самовольную постройку;

– признание права собственности в порядке приобретательной давности;

– признание права собственности на бесхозяйные объекты недвижимости» [10, с. 85].

К производным способам приобретения права собственности относятся:

– «гражданско-правовые договоры и иные сделки, направленные на отчуждение объектов недвижимости;

– наследование имущества;

– переход права собственности на имущество при реорганизации юридического лица;

– выплата пая членом жилищного, жилищно-строительного, дачного, гаражного или иного потребительского кооператива за квартиру, дачу, гараж, иное помещение, предоставленное кооперативом этому лицу» [4, с. 362].

Среди указанных оснований возникновения права собственности на объекты недвижимости можно выделить установленный статьей 225 ГК РФ специальный порядок приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи, предусматривающий постановку бесхозяйного объекта недвижимости на учет в качестве такового в органе, осуществляющем регистрацию прав на объекты недвижимости [11].

Развитие и функционирование рынка недвижимого имущества обусловлено спецификой самого объекта рыночных отношений. Специфическими характеристиками недвижимой собственности являются: редкость, специфика оборота и кругооборота объектов недвижимости, капиталоемкость, уникальная полезность, стационарность.

Недвижимое имущество является значимым объектом социально-экономических отношений, элементом рынка и составной частью механизма государственного вмешательства, что позволяет рассматривать его в качестве фактора социально обусловленного экономического роста хозяйствующих субъектов и государства. Поэтому, обеспечение конкурентоспособности хозяйствующих субъектов в многом зависит от эффективности управления недвижимым имуществом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. О собственности в РСФСР : закон РСФСР № 443-1 от 24.12.1990 (ред. от 24.06.1992, с изм. от 01.07.1994) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416 (утратил силу).

4. Абрамова М. В. К вопросу о понятии недвижимого имущества // Юрист. 2002. № 4. С. 22–25.

5. Бакаева И. В. Гражданское право: общая часть : учебник / под ред. И. В. Бакаевой. Ростов н/Д. : Феникс, 2018. С. 573 с.

6. Воронин И. К. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним на территории Российской Федерации. М. : Мигалион, 2003. 18 с.

7. Козырь О. М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М. : Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1998. 165 с.

8. Лужина А. Н. Недвижимое имущество: понятие и отдельные виды : учеб. пособие. М. : РГУП, 2017. 150 с.

9. Семенова Е. Г. Имущественные права на недвижимость в системе объектов гражданских прав // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31). С. 31–35.

10. Петрушкин В. А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости : монография / науч. ред. В. В. Витрянский. М. : Статут, 2014. 281 с.

11. Шаблова Е. Г., Жевняк О. В. Гражданское право : учеб. пособие / под общ. ред. Е. Г. Шабловой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 136 с.

УДК 343.163

СМЫСЛ ПОНЯТИЯ «НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ» ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ, СУДА

Александр Владимирович Феоктистов[1], Алексей Игоревич Савоськин[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Известно, что правонарушение напрямую связано с таким понятием, как деликт, являющим собой проступок, последствием

которого считается необходимость восстановления нарушенного права в имущественном выражении в рамках цивилистики в пользу лица, претерпевшего нарушение своих прав [1].

Ряд отличительных черт, характеризующих действия, которые составляют деликт в деянии при нанесении ущерба органами дознания, предварительного расследования преступлений, прокуратуры и суда, определен в ст. 1070 ГК РФ [2].

Анализ структурных элементов правонарушения в рамках гражданского права России позволяет выделить следующие составляющие:

– объекты правонарушения названы в нормах, предусматривающих меры ответственности за ущерб, причиненный ввиду осуществления противоправного деяния органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда;

– субъекты выражаются в виде исчерпывающего перечня уполномоченных лиц, куда входят органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Неправомерные деяния органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в совокупности с причинно-следственной связью между названными деяниями представляют объективную сторону правонарушения в гражданском праве. «Субъективная сторона выражается в отношении рассматриваемых уполномоченных лиц (субъектов правонарушений) к осуществленным ими противоправным деяниям» [9, с. 167].

Тенденции, которые можно наблюдать сегодня в сфере деятельности государственных структур скорее вызывают больше сомнений и представляются не таким надежным инструментом защиты прав и свобод человека, каким изначально задумывался, ввиду «прогрессивного развития факта снижения доверия к должностным лицам органов власти из-за совершения данными гражданских правоотношений субъектами противоправных действий» [6, с. 344].

По смыслу ст. 1070 ГК РФ, «вред, причиненный гражданину действиями работников суда, прокуратуры, в процессе предварительного следствия или при дознании должностное лицо несет за это соответствующую ответственность»66. Вместе с тем, существует проблема определения незаконности действий (бездействий) должностных лиц, которая выражается в узком, огра-

ниченном круге видов противоправных поступков, за которые может наступать ответственность [2].

Пунктом первым взятой за рассмотрение статьи российский законодатель регламентирует следующее: «незаконное осуждение; незаконное привлечение к уголовной ответственности; незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде; незаконное привлечение к административной ответственности в виде административного ареста; незаконное привлечение к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности лица».

В данном контексте обратимся к мысли, сформулированной М. А. Шаныгиным. Так, автор указывает на то, что вместе с вышеназванными видами незаконных действий должностных лиц, в гражданском законодательстве следует правонарушений, отразить влекущих также и следующие виды ответственность: «несоблюдение процессуальных сроков при судопроизводстве; допрос подозреваемого в отсутствии адвоката; допрос несовершеннолетнего подозреваемого в отсутствии опекуна или родителей; физическое насилие, угрозы, шантаж в отношении подозреваемого при допросе с целью получения показаний» [9, с. 167].

Уместным является замечание А. А. Жарикова: «понятие «незаконные действия» не выражает с достаточной полнотой всех признаков и видов правовых явлений и нуждается в специальных оговорках, расширительном толковании и дополнительных характеристиках в рамках отраслевого законодательства» [5, с. 37].

Проблеме недостаточности понятия «незаконные действия» органов предварительного расследования преступлений, прокуратуры, суда также в одной из своих работ уделяют внимание А. А. Рудат и Д. И. Самодуров. Авторы указывают на то, что законодателю «необходимо дополнить перечень незаконных действий (бездействий), перечисленных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ, и предусмотреть следующие дополнительные основания: незаконное применение принудительных мер медицинского характера, воспитательного воздействия; помещение подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы; выемку предметов и документов, содержащих охраняемую федеральным

законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях» [8, с. 50].

В соответствии со статьей 151 ГК РФ, «моральный вред, выраженный в физических или нравственных страданиях, причиненных нарушениями личных неимущественных прав или посягательствами на нематериальные блага гражданина, может быть компенсирован в денежном эквиваленте. (ст. 151 ГК РФ). Вместе с тем, для большинства людей восстановление доброго имени, а также принесение публичных извинений со стороны государственных органов являются наиболее важными власти обстоятельствами, чем получение возмещения в виде денег. В законодательстве РФ существует норма, регламентирующая, что в обязанности прокурора входит принесение «официальных извинений реабилитированному лицу за причиненный ему вред (ст. 136 УПК РФ). Безусловно, данное положение дел способствует повышению уровня нравственности в отечественном обществе, прежде всего потому, что моральная сторона изучаемого вопроса важна для реализации идей правового государства. Несмотря на благие намерения, на сегодняшний день все так же можно столкнуться с недобросовестным исполнением своих обязанностей должностными лицами, поэтому существует необходимость введения общей нормы в Гражданский кодекс РФ. Так, например, в Российской газете была опубликована статья под названием – «Заслужили прощение», посвященная вопросу принесения прокурором извинений невиновному лицу.

По смыслу содержания статьи, «в ходе следствия было установлено, что человек невиновен, но за данный период он уже успел натерпеться от проводимых следственных действий. Кроме присужденной ему компенсации суд обязал прокурора принести извинение уже потерпевшей стороне, но вышестоящая инстанция исключила этот пункт из постановления». Также стоит отметить, что законодатель закрепил данный вид ответственности в приказе МВД России от 15 августа 2002 г. № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции» [4]. Представленный документ регламентирует извинение в качестве некого института ответственности, однако данные нормы относятся лишь к сотрудникам полиции и не распространяются на иных должностных лиц госу-

дарственных органов власти: «Извинения гражданину Российской Федерации, иностранному гражданину и лицу без гражданства, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции, приносятся сотрудником полиции, нарушившим права и свободы гражданина, или вышестоящим по отношению к этому сотруднику руководителем (начальником)».

По нашему мнению, необходимо закрепить категорию «извинения» в целях должного осуществления реабилитации незаконно осужденного лица и в гражданском законодательстве, как общее правило для всех органов государственной власти и их должностных лиц. Если на практике все будет реализовано именно так, то тогда у причинителя вреда появится возможность заслужить прощение, а потерпевший получит, соответственно, извинения. Представляется, что никакие слова не смогут сгладить углы нанесенной моральной травме, но хотя бы изменят отношение окружающих людей к лицу, бывшему ранее осужденным, но в последствии оправданным судом [7].

По общему правилу для того, чтобы любая обязанность, прописанная в законе, соблюдалась соответствующими лицами, существуют санкции за их неисполнение. В связи с указанным, считаю, что следует также сформулировать механизмы (в данном случае санкции), которые поспособствуют должному осознанию вины и представлению извинений со стороны органов государственной власти.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сказать следующее: очевидна недостаточность проработанности правовой основы незаконных действий сотрудников дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Понятие «незаконные действия» не охватывает весь спектр признаков правовых явлений и нуждается в расширительном толковании и дополнительных основаниях в рамках отраслевого законодательства. Нет должного закрепления многих, встречающихся в реальной жизни, видов незаконных деяний в отношении подозреваемых, обвиняемых, заключенных со стороны органов предварительного расследования преступлений, прокуратуры, суда.

Исчерпывающий характер оснований ответственности является главной проблемой. Действующий порядок денежного возмещения за «незаконное содержание под стражей, и судебную ошибку не может компенсировать всех негативных последствий

противоправных деяний в отношении гражданина. Также отметим, что основным видом возмещения вреда является денежное возмещение, а моральной стороне таких правоотношений не уделено должное внимание, в то время как психологические страдания, которые были нанесены лицу, чьи права были нарушены, в последствии оказывают значительное негативное влияние на жизнь человека и окружающих его людей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 14-ФЗ от 26.01.1996 (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции : приказ МВД России № 795 от 15.08.2012 // Российская газета. 2012. № 203.
5. Жариков А. А. Процессуальный порядок возмещения вреда, причиненного незаконной деятельностью органов предварительного расследования // Право в Вооруженных Силах. 2008. № 9. С. 36–38.
6. Линде А. Г. Незаконные действия органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Молодой ученый. 2021. № 22. С. 344–345.
7. Назимова Е. С. Особенности ответственности за вред, причиненный личным неимущественным благам граждан в результате деятельности органов предварительного следствия, прокуратуры и суда // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 138–141.
8. Рудат А. А. Сущность гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Вестник Международного института экономики и права. 2017. № 2. С. 48–54.
9. Шаныгин М. А. Правонарушение и его состав как основание ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Наука. Общество. Государство. 2017. № 3. С. 166–170.

УДК 343.1

ОСНОВАНИЕ (УСЛОВИЯ) ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ И СУДА

Александр Владимирович Феоктистов[1], Алексей Игоревич Савоськин[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Основание (условия) ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда является предметом общего исследования таких отраслевых наук, как гражданское право (гражданско-правовая конструкция возмещения причиненного вреда), уголовное и уголовно-процессуальное право (институт реабилитации), гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное право (специфика процедуры рассмотрения данной категории дел). В гражданском законодательстве этому вопросу уделяется внимание в ст. 1070 ГК РФ, которая содержит условия гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный физическому лицу в результате незаконных действий указанных органов власти.

Субъектный состав данных правоотношений специфичен. Кредиторами (иначе потерпевшими) в данном случае выступают как физические, так и юридические лица (вред которым причиняется в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности), а должниками (причинителями вреда) являются правоохранительные государственные органы (органы дознания, предварительного следствия, прокуратура и суда), но ответчиком в данных отношениях, в отличие от ст. 1068 ГК РФ, является не работодатель (государственное учреждение), а казна Российской Федерации.

В. Ф. Муравский субъектом, обязанным возмещать вред, согласно ст. 1070 ГК РФ, считал государство, а не конкретный правоохранительный орган, причинивший вред. Перечисленные органы он определял как звенья специально созданного государством аппарата в целях суверенного права на уголовное преследование виновных в совершении преступления лиц и отправления правосудия. Целесообразность возложения ответственности на государство объясняется и тем, что незаконная деятельность правоохранительных органов рассматривается как нарушение государством своей обязанности по охране прав, свобод и законных интересов граждан [1; 7, с. 45].

Проводя анализ норм ст. 1069, 1070 ГК РФ, С. Б. Цветков определяет ответственность за вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами, как обязанность государства возместить за счет казны вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) этих органов либо должностных лиц при осуществлении ими властных полномочий от имени государства [8, с. 33].

И. Л. Ивачев, ссылаясь на нормы ГК РФ, делает вывод, что в законодательстве указан исчерпывающий перечень оснований, при наличии которых у государства возникает обязанность возместить вред:

1) причинение вреда гражданину или юридическому лицу в результате действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления;

2) причинение вреда гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности;

3) причинение вреда гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекшей последствий, предусмотренных в ст. 1070 ГК РФ;

4) причинение вреда гражданину или юридическому лицу при отправлении правосудия.

При решении вопроса о юридической природе имущественной ответственности государства необходимо иметь в виду, что основания такой ответственности неоднородны. Необходимыми условиями возникновения ответственности государства являются как факт незаконного осуществления властных полномочий

органом государства (публично-правовой аспект), так и факт нарушения частной жизни гражданина (частноправовой аспект) [6, с. 3].

А. П. Сергеев и ряд других авторов считают, что стоит отказаться от законодательного закрепления перечня незаконных действий, актов правоохранительных органов и суда, ответственность за которые наступает в установленном п. 1 ст. 1070 ГК РФ порядке и указать, что ответственность наступает за любые незаконные действия указанных органов, поэтому их нужно понимать в широком, а не в узком смысле слова [5, с. 35].

В перечень наиболее существенных нарушений прав, указанный в ст. 1070 ГК РФ [2], входят: незаконное осуждение, незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконное наложение административного взыскания в виде ареста или исправительных работ. Так как данные действия нарушают одно из самых ценных неимущественных прав – право на личную свободу и неприкосновенность личности, ответственность наступает на условиях объективного вменения. Таким образом, специфическая черта данной ответственности состоит в том, что при существовании юридических фактов, указанных в данной норме, для ее наступления не обязательно наличие вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, поэтому достаточно установления усеченного состава правонарушения.

Это регламентирует и п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», который гласит: «По общему правилу, установленному пунктами 1 и 2 статьи 1064 ГК РФ, ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред, если оно не докажет отсутствие своей вины. В случаях, специально предусмотренных законом, вред возмещается независимо от вины причинителя вреда (пункт 1 статьи 1070, статья 1079, пункт 1 статьи 1095, статья 1100 ГК РФ). Обязанность по возмещению вреда может быть возложена на лиц, не являющихся причинителями вреда (статьи 1069, 1070, 1073, 1074, 1079 и 1095 ГК РФ)».

Некоторые сложности возникают при определении ответственности за действия суда, так как подходы к определению понятия «правосудие» различаются [4, с. 19]. Согласно п. 2 ст. 1070 ГК РФ право на возмещение вреда, причиненного при осуществлении правосудия, возникает, если вина судьи установлена вступившим в законную силу приговором суда. Правосудие не исключает полный объем судейской деятельности, а отражается в ее основной функции – деятельности по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел в процессе судебного заседания. Поэтому для органов суда установлен особый режим наступления гражданско-правовой ответственности. Некоторые авторы считают, что в данной норме есть законодательный пробел, так как ответственность в случае совершения судьей незаконных процессуальных действий, которые не связаны с разрешением дела по существу и не влекут последствий в виде незаконного лишения гражданина свободы, никак не регламентируется данной статьей. Поэтому она может быть дополнена положениями о том, что вред, причиненный незаконной деятельностью судьи, не связанной с указанными в п. 1 и п. 3 ст. 1070 ГК РФ действиями, должен быть возмещен на общих основаниях в полном объеме за счет средств Российской Федерации.

Обязательства по возмещению вреда гражданину или юридическому лицу возникают лишь при причинении данным субъектам вреда. На сегодняшний день нет специального федерального закона, регулирующего процедуру возмещения вреда. По общим правилам он возмещается в полном объеме. Также необходимо руководствоваться нормами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», который действует по сей день. Утвержденное данным Указом Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда и Инструкция по применению данного Положения могут применяться в частях, не противоречащих действующему российскому законодательству. Гражданское и уголовное законодательство содержит перечень того, что подлежит возмещению в полном объеме в данных случаях:

1) заработок, пенсия, пособия и иные трудовые доходы, которых потерпевший лишился в результате осуществленных в отношении него незаконных действий;

2) судебные издержки и расходы, понесенные потерпевшим на оказание ему юридической помощи;

3) имущество потерпевшего, конфискованное по приговору суда и обращенное в доход государства, в том числе вклады, облигации государственных займов, выигрыши и иные ценности;

4) убытки по сделкам, которые не могли быть своевременно исполнены;

5) лишение возможности принять наследство или сохранить его от расхищения;

6) суммы, выплаченные гражданином на оказание юридической помощи;

7) штрафы и процессуальные издержки во исполнение решения суда;

8) компенсация морального вреда;

9) иные расходы.

Убытки считаются за весь период от незаконного ограничения свободы и до вынесения реабилитирующего документа правоприменительного органа.

Наряду с правом на полное возмещение имущественного ущерба потерпевший имеет право на компенсацию причиненного ему морального вреда, которая в данном случае осуществляется независимо от вины причинителя (ст. 1100 ГК РФ). В ст. 136 УПК РФ [3] в дополнение к данной мере возмещения морального вреда указывается на:

1) принесение реабилитированному официального извинения от имени государства за причиненный вред (извинения приносит прокурор);

2) помещение в средстве массовой информации сообщения о реабилитации, если сведения о применении мер уголовного преследования в отношении реабилитированного лица были распространены по радио, телевидению или в иных средствах массовой информации;

3) направление по требованию реабилитированного письменных сообщений о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или жительства.

Потерпевший имеет право предъявить иск о компенсации причиненного ему морального вреда в денежном эквиваленте. Для этого ему следует обращаться с ним в порядке гражданского судопроизводства.

Также одним из важных условий является причинная связь между наступившим вредом и противоправным поведением причинителя вреда. Согласно ст. 15 ГК РФ убытки – нечто, что было причинено. То есть должна возникнуть прямая причинно-следственная связь между деянием субъекта и убытками. Отсутствие связи между поведением (неисполнением или недолжным исполнением обязательства) и причиненными убытками является основанием для освобождения от ответственности.

Сделав вывод на основе вышесказанного, можно говорить о том, что сущность гражданско-правовой ответственности и правоотношений, при осуществлении которых был причинен вред физическим и юридическим лицам в результате незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, выражается в их частно-публичном предназначении, но процедура возмещения (компенсации) причиненного вреда осуществляется на частноправовых основаниях. Также можно выделить много особенностей и пробелов в данных правоотношениях, таких как отсутствие в обязательных условиях наступления ответственности вины правонарушителя и сложности в определении ответственности при отправлении правосудия. Приоритет в регулировании этого института принадлежит гражданско-правовым нормам, что говорит о том, что иные отрасли права занимают подчиненную позицию по отношению к гражданско-правовой регламентации

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 14-ФЗ от 26.01.1996 (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Агибалова Е. Н. Возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 18–25.

5. Гражданское право: учебник : в 3 т. Т. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. 1040 с.

6. Ивачев И. Л. Возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (конституционно-правовой аспект) // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 8. С. 3–6.

7. Муравский В. Ф. Субъекты обязательства по возмещению вреда, причиненного правоохранительными органами // Российский следователь. 2006. № 6. С. 45.

8. Цветков С. Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 33–34.

УДК 343.2/7

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Ян Эдуардович Красковский[1],
Сергей Юрьевич Чупряков[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Общественная опасность преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта не вызывает сомнений. Результатом преступной халатности, незнания и намеренного несоблюдения правил дорожного движения становятся дорожно-транспортные происшествия, которые влекут за собой тяжкие последствия для жизни и здоровья граждан, экономический ущерб

государственной и частной собственности, могут стать причиной длительного лечения, значительного ухудшения качества жизни, негативно влияют на кадровый потенциал [1, 6]. Недостаточный уровень культуры дорожного движения становится причиной вовлечения в преступления и административные происшествия в рассматриваемой сфере несовершеннолетних граждан, что формирует дополнительные угрозы общественной безопасности. Нарушение правил дорожного движения, управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, несоблюдение правил технической эксплуатации транспортных средств и прочие преступления постоянно становятся предметом обсуждения и научного осмысления, а сохранение значительного числа соответствующих преступлений требует совершенствования стратегии противодействия их совершению [7, с. 253].

Согласно данным Информационного центра МВД, в 2023 г. было зафиксировано 132,5 тыс. дорожно-транспортных происшествий, и более 14 тыс. из них завершились летальным исходом. В 2024 году ситуация осталась практически неизменной: в стране произошло 132 тыс. дорожно-транспортных происшествий. Число пострадавших в них граждан составило 164,7 тыс. чел., количество погибших – 14,4 тыс. человек [5]. По-прежнему распространенными остаются столкновения в результате нарушения правил дорожного движения, в том числе, выезда на встречную полосу, съезды с дорог и наезды на пешеходов. Особые опасения вызывает поведение несовершеннолетних граждан как участников дорожного движения. Кроме того, что они могут пострадать в результате совершения транспортных преступлений взрослыми, отсутствие достаточного количества знаний и развитого чувства опасности, пренебрежение правилами дорожного движения, игры вблизи проезжей части, управление транспортными средствами без наличия водительского удостоверения, а также распространение средств индивидуальной мобильности становятся причиной увеличения числа ДТП с участием детей и подростков. И последствия таких происшествий могут стать летальными.

Стоит отметить, что одним из направлений государственной политики Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности является формирование условий для противодей-

ствия преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта. В этой связи реализуются, например, организационные и технические меры, связанные с обновлением дорожной сети, обустройством дорог элементами безопасности, формированием маршрутом к социально значимым объектам, использования цифровых технологий для ситуативного регулирования транспортного потока с учетом распределения нагрузки в течение дня и особенностей пешеходной нагрузки. Положительное влияние на поведение участников дорожного движения и укрепление дисциплины, прежде всего, водителей, оказывает развитие системы фотовидеофиксации нарушений ПДД. За последние семь лет количество комплексов на дорогах увеличилось более чем в два раза, расширился их функционал. Реализованы также изменения в КоАП и УК РФ, связанные с усилением ответственности за совершение отдельных видов правонарушений в сфере дорожного движения. Ведется активная информационно-профилактическая работа среди представителей целевой аудитории: организуются социальные кампании по профилактике ДТП, например, общероссийский проект «Продвижение безопасности», стимулируется создание детских радио-, телепрограмм и сериалов по безопасности движения [4, с. 298].

Летом 2025 года Министерство внутренних дел РФ объявило о разработке новой Стратегии повышения безопасности на дорогах. Предыдущий стратегический документ действовал с 2018 по 2024 год, после чего новый документ еще не был разработан. Основной целью обновленной Стратегии является сокращение гибели граждан в результате ДТП на 50% к 2030 году и снижение уровня смертности в два раза до конца 2036 года. Основой Стратегии объявлен проактивный подход к совершенствованию государственной политики в управлении дорожно-транспортной сферой и повышением уровня дорожно-транспортной безопасности. В Стратеги предполагается:

– внести изменения в действующее законодательство в рамках уточнения правового статуса субъектов системы обеспечения безопасности дорожного движения, участников движения и порядка эксплуатации транспортных средств, в том числе их новых видов;

– определить особенности участия в дорожном движении и статуса водителей с определенными особенностями здоровья;

– усилить уголовную ответственность за совершение общественно опасных деяний, повлекших за собой гибель или причинение тяжкого вреда здоровью;

– усилить ответственность за неоднократное нарушение правил безопасности дорожного движения;

– сделать упор на профилактику законопослушного поведения участников дорожного движения, повышение качества их обучения, уровня грамотности и гражданской ответственности [3].

Особое внимание необходимо уделить решению современных проблем безопасности дорожного движения, а также тем возможностям, которые связаны с использованием цифровых технологий как инструмента повышения безопасности дорожного движения и снижения числа совершаемых преступлений и правонарушений.

В частности, в связи с влиянием на сферу дорожного движения технического прогресса в регулировании и установлении принципов привлечения к юридической ответственности остро нуждается сфера использования средств индивидуальной мобильности. Количество сообщений о дорожно-транспортных происшествиях и нарушениях лиц, использующих, например, электросамокаты, стремительно растет. Рост популярности данных средств передвижения, повышение их доступности и отсутствие возрастного ценза приводит к росту числа пострадавших как среди лиц, управляющих такого рода средствами индивидуальной мобильности, так и среди других участников дорожного движения. Некоторые изменения в этой связи в законодательство был внесены: например, в ПДД было включено понятие средства индивидуальной мобильности (СИМ), в КоАП РФ внесены меры административной ответственности для лиц, управляющих СИМ с нарушением правил дорожного движения. Но это не способствовало решению проблемы, что подтверждается данными статистики: число дорожно-транспортных происшествий с участием СИМ увеличилось по сравнению с прошлым годом сразу на 42,8 %. При этом, несмотря на кажущуюся «легкость» таких

правонарушений по сравнению с автомобилями как признанными источниками повышенной опасности, в 4426 происшествиях пострадали 4,6 тыс. человек, а 54 из них – погибли. Основное количество происшествий произошло с использованием электросамокатов, взятых в аренду. Общественная опасность такого рода средств передвижения и поведения лиц, не соблюдающих правила дорожного движения при их использовании налицо. Однако до настоящего времени, согласно разъяснениям Верховного суда, лица, управляющие СИМ, рассматриваются как пешеходы, а в случае нарушения ими ПДД, повлекшего причинение тяжкого вреда здоровью или смерть другого участника дорожного движения – несут ответственность на основании ст. 268 УК РФ. Поскольку число средств индивидуальной мобильности на дорогах увеличивается, равно как и количество каршеринговых сервисов, привлекая внимание, в том числе, несовершеннолетних граждан, подобная правовая неопределенность не способствует формированию ответственности участников дорожного движения, повышению уровня их гражданской сознательности и юридической грамотности. В результате складывается привычная модель безответственного поведения на дороге, халатное отношение к правилам дорожного движения, формируется модель мировоззрения, допускающая нарушение ПДД. Для участников дорожного движения это недопустимо как в целом, так и в связи с тем, что в будущем многие из них будут управлять автотранспортными средствами, не обладая необходимым уровнем культуры и правосознания [8].

В целях повышения безопасности дорожного движения, ответственности и юридической грамотности лиц, использующих СИМ, в том числе, несовершеннолетних граждан, предлагается на уровне законодательства реализовать следующие изменения:

– на всей территории страны установить единый минимальный возраст для использования средств индивидуальной мобильности. В настоящее время в некоторых регионах страны введены соответствующие ограничения, некоторые сервисы проката СИМ сделали это самостоятельно: например, в Москве с начала сезона 2025 года тестируется система верификации через Mos ID: для аренды электросамоката необходимо подтвердить свою личность

через портал Mos ID. Если пользователю ещё нет 18 лет, доступ к системе кикшеринга заблокируют. Верификация возраста довольно легко может быть обеспечена входом на Госуслуги, а установление единых требований по всей стране будет способствовать повышению качества и эффективности регулирования;

– по аналогии с другими транспортными средствами установить административную ответственность для владельцев соответствующих средств, доверивших право управления ими несовершеннолетним гражданам, не достигшим установленного возраста, также для владельцев каршеринговых сервисов, не соблюдающих соответствующие ограничения;

– в связи с установлением предельного возраста для использования СИМ заменить административные наказания за нарушение ПДД в виде административного штрафа, который чаще всего оплачивается родителями, на обязательные работы с учетом возрастных ограничений, а в случае повторного аналогичного нарушения согласно принципу административной преюдиции рассматривать вопрос о привлечении к уголовной ответственности.

Еще одним ресурсом повышения эффективности деятельности по противодействию преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта является использование современных цифровых технологий. Их благоприятное воздействие на дисциплину участников дорожного движения и эффективность управления им доказано внедрением камер, фиксирующих ПДД, «умных» светофоров и пешеходных переходов. Ориентируясь на опыт зарубежных стран и российских мегаполисов, необходимо активно вовлекать и использовать цифровые технологии и далее. Например, в 2024 году в Москве на нескольких пешеходных переходах была протестирована работа светофора с биометрической камерой для задач распознавания лиц: в случае нарушения ПДД изображение пешехода выводится с предупредительным сигналом на электронное табло, которое расположено в непосредственной близости от места нарушения [2, с. 31].

С использованием цифровых технологий могут оказывать влияние на своих клиентов и каршеринговые компании по аренде СИМ, устанавливая для нарушителей ПДД повышенные тарифы, сервисные штрафы, временную блокировку доступности сервиса.

Таким образом, совершенствование механизмов противодействия преступлениям против безопасности движения и экс-

плуатации транспорта в современных условиях нуждается в разработке и реализации системных мер, которые способствовали и повышению качества контроля, и усиление ответственности за многочисленные нарушения правил дорожного движения, а также преступления, повлекшие за собой смерть и причинение тяжкого вреда здоровью. Важнейшую роль продолжает играть профилактическая деятельность, что особенно актуально в отношении несовершеннолетних участников дорожного движения. С учетом уровня технологического развития современного общества все более значимым является вовлечение информационных технологий в противодействие и предупреждение транспортных преступлений.

Список литературы

1. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. (в ред. от 25 июня 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 2.
2. Быков А. И. Некоторые перспективы использования цифровых технологий в предупреждении дорожно-транспортных происшествий // Безопасность дорожного движения. 2023. № 4. С. 30–33.
3. МВД РФ подготовило проект стратегии повышения безопасности дорожного движения. URL: https://www.vesti.ru/article/4592765 (дата обращения: 20.10.2025).
4. Собалирова З. Х. Совершенствование механизмов противодействия преступлениям в сфере безопасности дорожного движения // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 4. С. 298–302.
5. Статистика ДТП по России. URL: https://rusdtp.ru/stat-dtp/ (дата обращения: 20.10.2025).
6. Толмачев Н. А., Устинов А. А. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 10. С. 34–38.
7. Шерпеева А. З. О некоторых мерах предупреждения дорожно-транспортных преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6. С. 253–261.
8. Электросамокаты забуксовали в поправках // Новостное агентство «Коммерсант». 02.04.2025 : офиц. сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7622769 (дата обращения: 14.10.2025).

УДК 343.2/7

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Ян Эдуардович Красковский[1], Сергей Юрьевич Чупряков[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

В случае нарушения участником дорожного движения существующих правил последствия его поведения, а значит, и их общественная опасность могут быть различными. В этой связи привлечение к юридической ответственности может предполагать как административную, так и уголовную ответственность. Кроме того, в данной сфере правоотношений сохраняется и вызывает множество дискуссий понятие административной преюдиции. В соответствии с этим одним из условий обоснованного привлечения субъекта к уголовной ответственности за совершение преступления против безопасности движения и/или эксплуатации транспорта является правильная квалификация преступлений.

Некоторые из возникающих в этой связи вопросов можно рассмотреть на примере квалификации преступлений по ст. 264 УК РФ [1]. Согласно ч. 1 данной статьи предусматривается уголовная ответственность для субъекта, нарушившего при управлении механическим транспортным средством правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, что повлекло за собой причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью потерпевшего. В качестве квалифицирующих признаков в данной статье предусмотрен ряд обстоятельств, характеризующих особенности совершения преступления, что предполагает как особенности квалификации, так и применение более строгих мер уголовной ответственности в связи с общественной опасностью деяний.

Согласно ч. 2 статьи 264 УК РФ квалифицирующими признаками являются:

– нахождение лица в состоянии алкогольного опьянения;

– оставление места совершения преступления;

– совершение преступления субъектом, который лишен права управления транспортным средством или вовсе не имеет его [5, с. 46].

Для вменения лицу квалифицирующего признака, связанного с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения необходимо соблюсти порядок установления нахождения лица в таком состоянии. С 1 марта 2023 года действует обновленный порядок освидетельствования водителей на состояние алкогольного опьянения и направления на медицинское освидетельствование. Все обозначенные в нем требования должны быть соблюдены, иначе квалифицирующий признак может быть вменен [3]. Как и ранее, отказ лица от прохождения медицинского освидетельствования влечет за собой вполне конкретные последствия: субъект признается лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения

Неоднозначная ситуация возникает, если субъект скрылся с места ДТП. Кроме того, что такое поведение представляет собой самостоятельный квалифицирующий признак, установление состояния алкогольного опьянения в данном случае также невозможно, то есть при назначении наказания он не может быть вменен.

При установлении возможности вменения оставления места ДТП как квалифицирующего признака, в соответствии с разъяснениями Верховного суда [2], важно учесть ряд обстоятельств. Обязанность водителя принять, в случае дорожно-транспортного происшествия, меры для остановки транспортного средств, включить аварийную сигнализацию и дожидаться на месте сотрудников Госавтоинспекции, распространяется только на ДТП, в которых пострадали люди. В случае причинения вреда имуществу других собственников имеется возможность оформления дорожно-транспортного происшествия по Европротоколу. При таких обстоятельствах, равно как и если вред причинен только имуществу самого нарушителя, участник дорожного движения имеет право покинуть место ДТП, в связи с чем к административной ответственности привлекаться не будет [6, с. 21].

Для квалификации же действий водителя по п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ важно помнить о том, что его действия не могут быть квалифицированы как оставление места совершения пре-

ступления, если они обусловлены крайней необходимостью. Но и в этом случае важно понимать следующие обстоятельства. В качестве крайней необходимости рассматривается необходимость доставления лица, пострадавшего в ДТП, для оказания помощи в медицинское учреждение, если по определенным причинам иные способы предоставления медицинской помощи (вызов бригады скорой помощи, использование для доставки пострадавшего лица попутных транспортных средств) были невозможны. Если лицо не использовало имеющиеся возможности оказания помощи или доставки пострадавшего субъекта в медицинское учреждение, а также если субъект не вернулся впоследствии на место ДТП, его действия не могут быть квалифицированы как крайняя необходимость, в связи с чем ему обоснованно инкриминируется п «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ [9, с. 678].

Факт нахождения лица на месте ДТП или его возвращения устанавливается на основании показаний свидетелей, видеозаписей с места происшествия, составленных при участии субъекта сотрудниками правоохранительных органов процессуальных документов, а также на основании прочих источников получения и фиксации соответствующей информации. Факт вызова сотрудников скорой помощи или правоохранительных органов другими людьми не выступает доказательством оставления места совершения ДТП, что подтверждается не только соображениями здравого смысла, но и материалами судебной практики. Так, кассационная жалоба в отношении гражданина А., обвиняемого по ч. 3 ст. 264 УК РФ в нарушении правил дорожного движения, повлекших по неосторожности смерть человека, была отклонена. В жалобе сторона обвинения настаивала на необходимости квалификации действий обвиняемого по п «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ, однако показаниями свидетелей и прибывших на место ДТП сотрудников Госавтоинспекции обвиняемый не покидал места дорожно-транспортного происшествия, отвечал на вопросы сотрудников правоохранительных органов. В кассационной жалобе в качестве аргумента в пользу его отсутствия на месте совершения преступления указывалось на факт вызова скорой помощи третьими лицами. Однако, согласно показаниям самого виновника произошедшего, подтвержденных показаниями свидетелей, было установлено, что при попытке вызова скорой помощи для

пострадавшей, он узнал, что это было оперативно сделано ранее очевидцами происшествия [4].

Для правильной квалификации по статье 264 УК РФ важно иметь в виду и другие возникающие в этой связи вопросы. В частности, стоит понимать, что участниками дорожного движения одновременно являются тысячи людей, с чем и связана значительная общественная опасность ДТП и транспортных преступлений в целом. В результате нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств могут пострадать несколько субъектов, здоровью которых, при этом, может быть причинен вред различной степени тяжести. Для правильной квалификации преступления важно учесть ряд моментов:

– в случае причинения вреда различной степени тяжести двум и более пострадавшим действия виновного лица квалифицируются по той части статьи 264 УК РФ, в соответствии с которой предусматривается более строгая ответственность за наступившие последствия;

– причинно-следственная связь между дорожно-транспортным происшествием и вредом здоровью должна быть установлена в отношении каждого потерпевшего, так как тот факт, что одному из них был причине вред здоровью средней тяжести, отнюдь не является доказательством причинения аналогичного вреда другим пострадавшим. В случае возникновения вопросов, противоречий в показаниях или позициях сторон необходимо проводить судебную медико-криминалистическую и судебную медицинскую экспертизы для установления связи имеющихся телесных повреждений участника дорожного движения с конкретным дорожно-транспортным происшествием [8, с. 285].

Кроме того, что пострадать в результате преступления могут два и более лиц, само дорожно-транспортное происшествие нередко является результатом нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств двумя или несколькими участниками дорожного движения. В этом случае каждый из них, после установления связи между поведением и наступлением общественно опасных последствий, предусмотренных уголовным законодательством, несет уголовную ответственность по соответствующей части ст. 264 УК РФ [7, с. 59].

Еще одним квалифицирующим признаком, который упоминается в ч. 2–6 ст. 264 УК РФ, является совершение преступления

лицом, лишенным или не имеющим права управления транспортным средством. И одной из проблем в этой связи выступает вопрос квалификации действий не самого субъекта совершения преступления, а того лица, который передает в этом случае право управления транспортным средством, если это не происходит иначе. С учетом уровня общественной опасности транспорта и дорожно-транспортных происшествий в целом, значительного количества сопряженных с этой сферой рисков, важно оценить перспективы повышения ответственности для таких субъектов. В этом случае собственник, осознавая опасность отсутствия права управления транспортным средством по причине того, что такое право у лица отсутствует или оно было лишено его в связи с совершением серьезных правонарушений, тем не менее, безответственно нарушает требования законодательства. А результаты такого нарушения могут быть довольно серьезными. В настоящее время передача транспортного средства лицу, не имеющему или лишенному права управления, влечет за собой привлечение к административной ответственности с наложением административного штрафа в размере сорока пяти тысяч рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет. С одной стороны, размер административного штрафа является внушительным, и административная ответственность по данной статье постоянно усиливается. С другой стороны, общественная опасность соответствующих деяний предполагает необходимость введения уголовной ответственности или административной преюдиции с привлечением к уголовной ответственности в случае повторного совершения аналогичного правонарушения. В качестве довольно эффективного инструмента воздействия на поведение собственников транспортных средств может быть предложено также распространения на соответствующие транспортные средства общих требований о конфискации транспортного средства в доход государства в случае вынесения обвинительного приговора лицу, управлявшему автомобилем [9, с. 683].

Перечисленные вопросы и сложности квалификации деяний по статье 264 УК РФ, безусловно, не исчерпывают тех проблем, которые возникают при назначении наказания как по рассмотренной статье УК РФ, так и в случае привлечения к ответственности за совершение иных преступлений в рассматриваемой сфере, однако, подтверждают тот факт, что для назначения обоснован-

ного наказания и совершенствования института уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств важно учесть множество аспектов, что позволит правильно квалифицировать действия участников дорожного движения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. (ред. № 282-ФЗ от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. (в ред. от 25 июня 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 2.
3. О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения : постановление Правительства РФ № 1882 от 21 октября 2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 44. Ст. 7564.
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции № 77-2753/2022 от 23.06.2022. URL: https://судебныерешения.рф/69198517 (дата обращения: 20.10.2025).
5. Белова А. В. Нормы квалификации преступлений в сфере дорожного движения // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 45–52.
6. Бован Е. Д. Актуальные проблемы квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, если оно сопряжено с оставлением места его совершения // Отечественная юриспруденция. 2022. № 2. С. 19–24.
7. Демидов Ю. Н. Проблемы квалификации преступлений в сфере дорожного движения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 56–63.
8. Суворина М. С., Шигонин А. Б. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений: коллизии норм и пути их преодоления // Вестник науки. 2025. Т. 2, № 10. С. 282–296.
9. Трушкин И. Е. Актуальные проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 5. С. 676–684.

УДК 347.4

ФУНКЦИИ И ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Александр Владимирович Хорев[1],
Кристина Владимировна Шкаева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Прокурор в уголовном процессе занимает две стороны: обвинительную и надзорную. Каждая из функций реализуется им в равной степени и не противоречит друг другу.

Прокурор в суде первой инстанции задает один ключевой вопрос: виновен ли подсудимый в совершенно преступлении.

В уголовном процессе прокурор реализует свои функции и полномочия через:

1) участие в рассмотрении дел;

2) вносит представления на необоснованные приговоры, определения и постановления суда;

3) фигура государственного обвинителя – здесь главная задача прокурора действовать в рамках законности и следовать букве закона, дабы не привлечь к ответственности невиновного человека и не оправдать виновного;

4) надзор за реализацией и обеспечением прав обвиняемого.

Смеем сказать, что в настоящий момент функции и полномочия прокурора составляют единую часть законности в процессе, так как именно на прокурора возложены обязанности за тем, чтобы все права и свободы обвиняемого не нарушались.

В Российской Федерации уголовный процесс простроен как система [1]. С. Э. Воронин под системой понимает совокупность элементов и связей между ними [3, с. 231].

В системе уголовного процесса, каждая из стадий взаимосвязана и взаимообуславлена, каждая из стадий является самостоятельной частью, в которой, связаны между собой деятельности субъектов уголовного процесса, а именно дознавателей и следователей, прокуроров и судей [2, с. 12].

Четкость уголовного процесса обусловлена тем, что от этого зависит насколько будет осуществлена защита прав и интересов личности.

Уголовный процесс имеет свои стадии, которые взаимодополняют друг друга, и невозможно обойти какую-либо стадию, стадийность происходят последовательно. Каждая из стадий уголовного процесса выполняет свои функции и задачи, соответственно невозможно обойти одну из стадий, так как от результата одной стадии, зависит другая стадия, то есть правовой результат выступает основание для реализации следующей.

В системе уголовного процесса выступает взаимосвязанность и взаимообусловленность его процессуальных стадий, каждая из которых либо порождает следующую стадию, либо сама является порождением предыдущей стадии. Отметим, что несмотря на это, выделяются императивные стадии в силу нормы закона (стадия исполнения решения) и диспозитивные, то есть реализуются участниками уголовно-процессуальных правоотношений (обжалование).

Каждая из стадий уголовного процесса имеет такие свойства, как:

1) задачи, вытекающие из назначения сущности судопроизводства;

2) круг лиц;

3) процессуальная форма;

4) особый характер уголовно-процессуальных отношений;

5) итоговый процессуальный акт (решение), которым завершается цикл вышеперечисленных процессуальных действий и отношений и влекущий переход дела на следующую ступень (если не прекращается уголовное дело или уголовное преследование) [4, с. 12].

В российском уголовном судопроизводстве выделяют восемь стадий, шесть из них имеют основной характер и две стадии дополнительные, которые можно назвать исключительными.

Судебное производство в суде первой инстанции судья единолично либо суд коллегиально в количестве трех профессиональных судей, либо суд присяжных решают ряд вопросов, связанных с предметом доказывания по уголовному делу.

Решающие вопросы совпадают с теми вопросами, которые решались на стадии предварительного расследования. Итогом данной стадии является вынесение постановления либо определения о прекращении уголовного дела и уголовного преследования. Главное, что вынесет суд на этой стадии –обвинительный либо оправдательный приговор.

Согласимся с В. П. Божьевым в том, что с началом судебного производства прокурор утрачивает властно-распорядительные полномочия и выступает как сторона в процессе [6, с. 77].

На основании этого, смеем предположить, что в комплекс полномочий прокурора в суде первой инстанции входит:

1) защита прав граждан от незаконного и необоснованного решения суда;

2) установление истины и беспристрастности судей.

Правовой статут прокурора в суде первой инстанции значительно разнится от правового статуса других участников процесса.

Так, прокурор, как государственный обвинитель является процессуально независимым, что выражается через принятие им решение в процессе суда.

Л. А. Курочкина в свое время отмечала, что прокурор не может продолжать поддерживать государственное обвинение, если оно не нашло доказательства [5, с. 10].

Прокурор правомочен заявлять отвод, ст. 61 и 66 УПК РФ гласит, что участие прокурора в предварительном следствии не препятствует ему продолжать участвовать в деле в качестве государственного обвинителя.

Например, в случае, когда судья назначает предварительное слушание по какому-то делу, то прокурор обязан присутствовать в этот момент на слушание (как вариант реализации данного положения выступает случаи, когда защита решила заявить ходатайство об исключении каких-либо доказательств. Данное ходатайство выступает основанием для проведения предварительного слушания).

На основании ч. 1 ст. 237 УПК РФ в процессе предварительного слушания, суд может счесть, что рассматриваемое уголовное дело необходимо направить обратно прокурору.

Функции прокурора как государственного обвинителя осуществляются публично и полномочия свои он реализует вне зависимости от воли других субъектов, так как он действует от имени государства.

Несмотря на то, что прокурор является участником на всех стадиях уголовного судопроизводства, набор его полномочий и функций и характер функций на каждом этапе разнится.

К примеру, в суде первой инстанции прокурор выстраивает свою работу на таких принципах, как состязательность и равно-

правие. На это указывает и ст. 15 УПК РФ, где сказано, что прокурор не имеет преимущества перед стороной защиты, так как стороны равноправны перед судом.

Отметим, что прокурор обладает процессуальной самостоятельностью, которая выражается через фигуру государственная обвинителя.

Несмотря на высокий процессуальный статус прокурора, как обвинителя, его самостоятельность ограничена, по сравнению с адвокатом. Прокурор при отстаивании своего обвинительного заключения не имеет право выражать свое собственное мнение и самостоятельно давать оценку доказательствам по уголовному делу, и личная заинтересованность прокурора также не должна быть.

Деятельность прокурора в судебных стадиях, выражается в следующем:

1) участие в исследовании доказательств;

2) поддержание в суде обвинения в качестве государственного обвинителя;

3) формулирование предложения суду по содержанию приговора;

4) содействие суду в принятии обоснованных и законных решений;

5) в случае, если суд вынес необоснованное постановление, необходимо подготовить представление о пересмотре.

Полномочия прокурора в суде первой инстанции, как государственный защитник выражаются в том, что он выявляет, устраняет нарушенные права не только подсудимого, но и других участников процесса.

Например, в процессе рассмотрения в суде уголовного дела прокурор уполномочен:

1) допрашивать свидетелей;

2) заявлять ходатайства о проведении дополнительных экспертиз;

3) затребовать направления на запросы в специализированные учреждения;

4) излагать выдвинуто обвинение;

5) предоставлять доказательства виновности.

Процессуальные функции прокурора, как защитника выражаются через:

1) ходатайствовать об отмене или изменении меры пресечения на более мягкий вид;

2) инициировать дополнительную безопасность участникам процесса (например, защита свидетелей, присяжных заседателей);

3) ходатайствовать о проведении закрытого судебного заседания;

4) заявлять отводы;

5) ходатайствовать о назначении адвоката;

6) заявлять гражданский иск.

Надо сказать, что функции прокурора в судебном процессе преследуют главную цель – это законность. В большинстве случаем прокуроры реализуют свою функцию обвинения, поэтому действовать должны в рамках закона и защищать интересы всех участников процесса.

Таким образом, прокурор в суде первой инстанции реализует свои функции и полномочия, как сторона обвинения.

При этом, как показывает анализ ст. УПК РФ в суде первой инстанции обеспечивает сохранность законности и обоснованного обвинения.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Багаудинов Б. Б. Институт отказа в возбуждении уголовного дела – проблемы правоприменительной практики // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 2 (54). С. 12–16.

3. Воронин С. Э. Теория и практика расследования преступлений в сфере миграционной безопасности: монография. Красноярск : Изд-во Сибирского института бизнеса, управления и психологии, 2015. 281 с.

4. Волкова Н. С. Теоретический аспект понятия и содержания стадий уголовного процесса // E-Scio. 2017. № 1. С. 12–15.

5. Курочкина Л. А. Проблемы обеспечения прокурором прав участников судебного разбирательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 112 с.

6. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Я. Гаврилова. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 572 с.

УДК 347.4

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

Александр Владимирович Хорев[1],
Кристина Владимировна Шкаева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания является той частью прокурорской деятельности, которая осуществляется в рамках уголовного судопроизводства, урегулированного УПК РФ и статьей 37.

Однако общие параметры надзорных полномочий прокурора определены в ст.22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2] в трех группах:

1) по выявлению нарушений закона, а также причин и условий;

2) по устранению нарушений;

3) по предупреждению.

На основе вышеуказанных положений характеризуются задачи прокурорского надзора в исследуемой сфере:

1) выявлять нарушения законов, допущенные органами дознания;

2) принимать меры прокурорского реагирования;

3) осуществлять деятельность по предупреждению нарушений законов органами дознания в ходе осуществления процессуальной деятельности, выявляя причины и условия.

По справедливому замечанию Ю.К. Якимовича, прокурор, осуществляя, уголовное преследование, одновременно выполняет и функцию надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования [5, с. 49]. Но прокурорский надзор должен способствовать осуществлению уголовного преследования органом дознания, поскольку это является обязанностью последнего согласно ст.21 УПК РФ. В связи с этим можно конкретизировать задачи прокурорского надзора, направленные на осуществление законного уголовного преследования. Прокурор должен:

– принимать меры прокурорского реагирования по обеспечению своевременного и поступательного уголовного преследования органом дознания по уголовному делу с учетом принципа разумных сроков уголовного судопроизводства;

– выявлять и устранять нарушения требований УПК РФ по производству следственных действий, в том числе по их своевременному производству, в рамках осуществления уголовного преследования органом дознания;

– добиваться принятия органом дознания одного из предусмотренных УПК РФ итогового процессуального решения с использованием всех возможностей для направления уголовного дела в суд для разрешения его по существу в целях наказания виновного в совершении преступления.

Безусловно, задачи прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания должны быть дополнены обязанностью прокурора обеспечивать права и законные интересы всех лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу. Сформулированные задачи прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания не претендуют на исчерпывающий характер, но при этом они способствуют реализации целенаправленного и поступательного надзора прокурора.

Объекты прокурорского надзора – органы дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель, которые осуществляют процессуальную деятельность. Однако основную часть процессуальной деятельности осуществляет дознаватель.

Полномочия прокурора, составляющие содержание прокурорского надзора за действиями и решениями дознавателя, на второй стадии – предварительного расследования, подчиняются единой цели обеспечения законности процессуальной деятельности, прав и законных интересов участников уголовного процесса. В этих целях прокурору предоставлены разнообразные средства осуществления надзора в отношении дознавателя (органа дознания и других его должностных лиц), нашедшие отражение в его полномочиях, урегулированных в ст. 37 УПК РФ: требование устранения нарушений закона, изучение материалов уголовного дела, дача по ним письменных указаний, дача согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения или о производстве иного

процессуального действия, допускаемое на основании судебного решения, отвод и отстранение дознавателя от дела, отмена незаконных и необоснованных постановлений, возвращение уголовного дела на дополнительное дознание и многие другие.

О. А. Науменко пишет о самых распространенных нарушениях, допускаемых в ходе дознания, как дознавателем, так и органов дознания: незаконное производство следственных действий после приостановления дознания по уголовному делу, необоснованное приостановление дознания, неполное изложение обвинения в обвинительном акте, поверхностные допросы участников уголовного судопроизводства, несвоевременное признание потерпевшим и производство его допроса и др. [3, с. 101]. Д. А. Сычев в своей работе высказывается, что стоит расширить содержание оснований рассматриваемого надзорного полномочия за счет предоставления прокурору права добиваться ликвидации не только нарушений законных требований и правил, но также того, что можно отнести к способствовавшим совершению этих нарушений обстоятельствам [4, с. 156]. Полагаем, следует согласиться с позицией Д. А. Сычева.

Реализация данного процессуального средства надзора прокурора взаимосвязано с другим его полномочием, согласно которому прокурор имеет право ознакомиться с материалами уголовного дела, находящегося, в том числе в производстве дознавателя согласно ч .2.1 ст. 37 УПК РФ.

Надзор прокурора за действиями и решениями органа дознания и дознавателя будет более эффективным, если при выявлении нарушений закона им будут даны рекомендации по тому, как осуществить исправление сложившейся ситуации. Здесь уместно сказать о таком процессуальном средстве прокурора по надзору, как его право давать дознавателю указания в письменном виде (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Не менее значимы полномочия прокурора по обеспечению законности и обоснованности решений дознавателя о применении мер процессуального принуждения, производстве процессуальных действий, поскольку при этом ограничиваются права и законные интересы гражданина, в том числе конституционные. Ряд мер процессуального принуждения могут быть применены и процессуальные действия произведены дознавателем, органом дознания по решению суда, в связи с чем прокурор контролирует законность и обоснован-

ность ходатайства дознавателя, которое возбуждается им перед судом.

Указанное надзорное полномочие прокурора проявляется в даче согласия либо в отказе дачи согласия на ходатайство дознавателя (органа дознания), о чем говорится в п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ [1]. Тем самым прокурор имеет возможность исключить случаи незаконного и необоснованного применения мер процессуального принуждения, производства процессуальных действий.

Помимо этого, прокурор, реализуя свои надзорные полномочия, присутствует в судебном заседании, в котором рассматривается ходатайство дознавателя о применении меры процессуального принуждения или о производстве процессуального действия. Надзорное полномочие прокурора по участию в судебном заседании в указанных случаях предусмотрено п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Следующие полномочия прокурора, также предусмотренные в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, призваны обеспечить надлежащее, объективное и беспристрастное отношение дознавателя к проведению дознания, поскольку могут быть выявлены обстоятельства, не позволяющие дознавателю участвовать в производстве по делу, либо дознаватель неэффективно, заинтересованно по иным мотивам, не на должном уровне осуществляет процессуальную деятельность. В ходе реализации надзорных полномочий прокурора в этой части им может быть произведен отвод дознавателя. Такое решение прокурор может принять как по заявлению об отводе иными участниками уголовного процесса, так в случае собственного заявления дознавателя об отводе. Об этом говорится в п. 9 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Если же прокурор самостоятельно придет к убеждению в том, что дознаватель не справляется с производством по уголовному делу, то он вправе отстранить дознавателя от осуществления дознания по уголовному делу. При этом стоит уточнить, что это полномочие прокурора изложено п. 9 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и он уполномочен принять решение об этом при совершении дознавателем нарушений требования УПК РФ. Кроме того, признать неэффективность производства по уголовному делу прокурор может не только из-за действий и решений конкретного дознавателя, но также всего органа дознания. И тогда в соответствии с п. 11 и 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен передать уголовное дело следователю.

На заключительном этапе дознания надзорные полномочия прокурора должны быть полностью реализованы не только в отношении прекращенных уголовных дел, но и в отношении уголовных дел, по которым дознаватель вынес обвинительный акт или обвинительное постановление. Можно с уверенностью заключить, что при окончании дознания прокурор одновременно выполняет обе функции: надзорную и уголовного преследования, полномочия по реализации которых, впрочем, достаточно сложно разграничить.

В связи с окончанием дознания прокурор располагает такими надзорными средствами, как утверждение постановлений дознавателя о прекращении уголовного дела, утверждение составленного дознавателем обвинительного акта или обвинительного постановления. Прокурор в зависимости от его оценки дознания может как утвердить перечисленные итоговые процессуальные акты дознания, так и отказать в их утверждении, направив уголовное дело на дополнительное дознание, о чем говорится в пп. 13–15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, для устранения выявленных им нарушений закона, других недостатков проведенного дознания. Тот или иной правовой акт прокурорского надзора влечет за собой ряд юридических последствий: восстановление нарушенного права человека и гражданина, придание юридической силы решению дознавателя или пресечение и предупреждение нарушений в его работе. Наличие у прокурора властно-надзорных и процессуальных полномочий дают ему возможность непосредственно вмешиваться в существо деятельности по производству дознания на любом этапе, давать оценку этой деятельности, как с точки зрения ее законности, так и целесообразности, не только предупреждать, но и самому устранять нарушения законности.

Особенность правовых средств прокурорского надзора в отношении органов дознания и процессуальной деятельности дознавателей заключается в том, что прокурор сам отменяет незаконные процессуальные акты дознавателей; не обращается с просьбой о производстве каких-либо следственных действий, а дает об этом письменные указания, обязательные для лиц, производящих расследование в форме дознания. Не участвуя в производстве предварительного расследования, не осуществляя определенные следственные и иные процессуальные действия, не

принимая уголовное дело к своему производству, тем не менее, прокурор активно вмешивается в расследование.

Процесс реформирования досудебного производства отразился на дознании: в 2013 г. появилось дознание в сокращенной форме, которое характеризуется ограниченными сроками производства.

Данная форма производства ввиду некоторых особенностей ее нормативной регламентации создает условия для возможного нарушения прав и законных интересов. Можно выделить основные задачи прокурорского надзора в данной сфере уголовно-процессуальной деятельности:

1. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме;

2. Надзор за соблюдением сроков сокращенного дознания;

3. Надзор за законностью и обоснованностью решений и действий дознавателя при окончании дознания в сокращенной форме.

Прокурор, используя полномочия, предусмотренные пп. 3, 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, вправе в порядке осуществления надзора отменить незаконное или необоснованное постановление дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме и возвратить уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке либо внести требование об устранении нарушения федерального законодательства. В 33% случаев прокуроры реагируют на выявленное нарушение именно посредством внесения требования.

Однако, представляется, что использование данного полномочия правомерно, если речь идет не о нарушениях, связанных с вынесением поднадзорными органами незаконных и необоснованных постановлений, для устранения которых в п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ законодателем предусмотрен особый порядок реагирования путем отмены указанных решений. Аналогично необходимо поступать прокурору в случае установления незаконности постановлений дознавателя об отказе в удовлетворении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, а также о прекращении дознания в сокращенной форме и продолжении производства по уголовному делу в общем порядке.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон № 2202-1 от 17.01.1992 (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

3. Науменко О. А., Семенцов В. А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 543 с.

4. Сычев Д. А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 198 с.

5. Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса : монография. СПб. : Юридический центр, 2015. 234 с.

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Александр Владимирович Первушкин[1],
Олег Игоревич Михайлович[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

Недвижимое имущество играет важную роль в современном обществе. Оно используется для различных целей, таких как жилье, коммерческая деятельность, производство и другие. Данное обстоятельство обусловливает тот факт, что недвижимое имущество является одним из основных объектов гражданских прав и составляет значительную часть национального богатства.

Учитывая значимость категории «недвижимое имущество» для общества и государства, законодатель закрепляет его специальный правовой режим, исследованию которого посвящено множе-

ство работ современных ученых-правоведов. Несовершенство законодательства и достаточно обширная нормативно-правовая база не только не помогает ликвидировать существующие проблемы гражданско-правового режима недвижимого имущества, но и способствует возникновению новых как теоретических, так и практических проблем.

Одной из проблем правового регулирования недвижимости является отсутствие единого подхода к определению понятия «недвижимость». В некоторых странах недвижимость включает только землю и связанные с ней объекты, в других – также здания и сооружения. Это приводит к различиям в правовом режиме недвижимости и затрудняет международное сотрудничество в этой сфере.

Другой проблемой является сложность процедуры регистрации прав на недвижимость. В некоторых странах эта процедура может занимать несколько месяцев и требовать большого количества документов. Это создает дополнительные барьеры для развития рынка недвижимости и привлечения инвестиций.

Еще одной проблемой является недостаточная защита прав собственников недвижимости. В некоторых случаях это может привести к нарушению прав владельцев и потере их имущества. Для решения этой проблемы необходимо усилить защиту прав собственников и обеспечить более эффективное применение законов о недвижимости.

В соответствие с ч. 1 ст. 35 Конституции РФ: «Право частной собственности охраняется законом» [1], а согласно ч. 1 ст. 46 Конституции РФ: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [1]. Судебная защита права собственности – это комплекс мер, направленных на защиту прав и законных интересов собственников. Она включает в себя рассмотрение споров о праве собственности, признание права собственности, восстановление нарушенного права и возмещение убытков, причиненных нарушением права собственности.

Защита права собственности является составной частью защиты гражданских прав в целом. Вещно-правовые способы защиты права собственности – это способы защиты, направленные на защиту права собственности от нарушений, связанных

с лишением владения или ограничением права пользования имуществом. К вещно-правовым способам защиты относятся виндикационный иск (иск собственника об истребовании своего имущества из чужого незаконного владения) и негаторный иск (иск об устранении нарушений права собственности, не связанных с лишением владения), а также иск о признании права собственности.

Реализация права на виндикационный иск происходит в случае лишения права владения недвижимым имуществом в соответствие со ст. 301 ГК РФ: «Собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения» [2]. Данным способом защиты пользуется собственник имущества, который лишен права владения. Подавая виндикационный иск собственник должен доказать наличие у него права собственности на данное имущество.

Необходимо отметить, что гражданское законодательство предусматривает право ответчика на возражение против изъятия имущества из своего владения в том случае, если он является добросовестным приобретателем, согласно п. 1 ст. 302 ГК РФ: «Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли» [2].

При подаче виндикационных исков принципиально важное значение имеет срок давности по иску. В настоящее время срок давности искового заявления определяется двумя способами, в связи с чем на практике возникают определенные проблемы.

Первый подход заключается в том, что срок исковой давности начинает течь с момента как истец должен был узнать о нарушении своего права.

Второй подход к определению срока исковой давности состоит в том, что он начинается с момента фактического лишения права собственности.

На сегодняшний день подход к определению срока исковой давности в виндикационных требованиях определяет суд. Считаем, что в законе необходимо уточнить срок виндикационного требования в исковом порядке, в том числе для требований о виндикационном взыскании, поскольку собственник не всегда может знать о нарушении своего права.

Еще одной проблемой гражданско-правового регулирования недвижимого имущества является проблема принудительного прекращения права собственности путем изъятия земельных участков из владения собственников без их согласия. Это может произойти, например, если на земельном участке обнаружены полезные ископаемые или на земельном участке необходимо проложить федеральную трассу.

Для решения этой проблемы необходимо разработать более эффективные механизмы изъятия земельных участков, которые бы учитывали интересы как собственников, так и государства.

Согласно ст. 235 Гражданского кодекса РФ: «Право собственности прекращается:

– при отчуждении собственником своего имущества другим лицам;

– отказе собственника от права собственности;

– гибели или уничтожении имущества;

– при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом» [2].

В соответствии со ст. 44 Земельного кодекса РФ: «Право собственности на земельный участок прекращается:

– при отчуждении собственником своего земельного участка другим лицам;

– отказе собственника от права собственности на земельный участок;

– по иным основаниям, предусмотренным гражданским и земельным законодательством» [3].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что «законодатель под основаниями прекращения права собственности подразумевает предусмотренную законом совокупность юридических фактов, влекущих прекращение права собственности» [4, с. 18].

Одним из способов прекращения права собственности является принудительное изъятие земельных участков для государ-

ственных или муниципальных нужд, осуществляемое в соответствие со ст. 279 ГК РФ: «Изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд осуществляется в случаях и в порядке, которые предусмотрены земельным законодательством. В результате изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд осуществляется:

– прекращение права собственности гражданина или юридического лица на такой земельный участок;

– прекращение права постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения земельным участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности;

– досрочное прекращение договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности,или договора безвозмездного пользования таким земельным участком» [2].

Как отмечают А. А. Байкалов и О. А. Подшивалова, исследуя судебную практику по вопросу изъятия земельных участков, «Изъятие (выкуп) земельных участков не должно являться противоправной мерой и никаким образом нарушать законные права и интересы правообладателей этих земель. Неукоснительное соблюдение процедуры изъятия (выкупа) способствует соблюдению законности процедуры, эффективной защите прав и интересов собственников земельных участков, снижает риски незаконного поведения должностных лиц государственных и муниципальных органов» [4, с. 19].

Процедура изъятия (выкупа) земельных участков для государственных и муниципальных нужд регламентирована законом, а соблюдение установленного законом порядка изъятия способствует соблюдению принципа законности при осуществлении процедуры изъятия.

Главное условие, которое должно быть соблюдено при изъятии земельного участка – действительно ли данное изъятие преследует общественный интерес. Общественный интерес представляет собой интерес общества в целом или его отдельных групп, который не может быть обеспечен действиями отдельных индивидов или их групп без вмешательства государства. Считаем, что только существенный общественный интерес может

являться причиной принудительного прекращения права собственности.

Согласно п. 5 ст. 279 ГК РФ: «Правообладатель земельного участка должен быть уведомлен о принятом решении об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд в соответствии с земельным законодательством» [2]. Однако на практике зачастую встречаются ситуации, когда правообладатель не был должным образом уведомлен об изъятии его участка, что является основанием для отказа в удовлетворении требования о принудительном изъятии. Таким образом, органы публичной власти, действуя в общественных интересах, не всегда считаются с интересами собственников недвижимого имущества, и зачастую принудительное прекращение права собственности поддается произвольному регулированию властей. Как свидетельствует судебная практика, суды признают акты органов публичной власти незаконными, если изъятие земельных участков не соответствует принципу исключительности, заложенному в ст. 49 ЗК РФ. Считаем, что решение об изъятии земельного участка должно быть обоснованным и подтверждаться рядом доказательств, перечень которых необходимо установить законодательно на федеральном уровне.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Земельный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 136-ФЗ от 25.10.2001 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

4. Байкалов А. А., Подшивалова О. А. Судебная практика по вопросу изъятия земельного участка в публичных интересах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-1 (81). С. 18–20.

УДК 172

ПРОБЛЕМА ДЕЗИНФОРМАЦИИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕННОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Оксана Сергеевна Исаева[1],
Дарья Юрьевна Большакова[2],
Альбина Альбертовна Гаджибаева[3],
Яна Максимовна Хадарина[4]

[1,2,3,4]Пензенский государственный университет, г. Пенза

В условиях слияния информационных потоков и ускоренного обращения цифровых данных границы между правдой и вымыслом теряют четкость с внушительной скоростью. Проблематика дезинформации приобретает все больший вес на стыке политического, общественного и правового взаимодействий, придавая особое значение юридическим регуляторам, которые не просто обеспечивают защиту сведений, но и становятся краеугольным камнем формирования общественного доверия. На фоне распространения постправды существенно возрастает потребность в критическом анализе истинного предназначения права: возможно ли, чтобы нормативные средства эффективно препятствовали потокам дезинформации? Какие иные задачи и разнообразие функций должно взять на себя правовое регулирование в эпоху информационного изобилия?

Трансформация роли традиционных источников информации очевидна – массив информации, потребляемой гражданами, переместился преимущественно в Интернет, включая интерактивные веб-ресурсы, многочисленные социальные сети, а также иные формы цифрового взаимодействия. Рост технологических возможностей расширил доступ простых граждан к различным источникам, одновременно облегчая путь для «демонстрации» материалов, частично или полностью оторванных от объективной действительности.

Динамика распространения недостоверных сведений тесно соотносится с феноменом дезинформации, особенно когда речь заходит о так называемых «фейковых новостях». Технологии сознательного искажения истины появились задолго до становле-

ния данного термина; исторически применялось выражение «газетная утка», служившее обозначением преднамеренных искажений на страницах печатных изданий. Особый вклад в становление этого понятия внес эксперимент, в рамках которого были сознательно опубликованы ложные сведения об особенностях поведения уток с целью изучения степени доверия читающей аудитории. По завершении исследования истинная сущность опубликованной информации была официально раскрыта (отсюда выражение – «газетная утка»).

Само выражение «фейковые новости» появилось сравнительно недавно и подвергается пристальному анализу академического сообщества, специалисты которого указывают на недостоверность как на ключевую идентификационную характеристику подобного типа сообщений. В современном медиапространстве такая категория информации, выполняя функции манипулятивного воздействия, преимущественно транслируется с помощью платформ социального общения, оказывая значительное влияние на коллективное мировосприятие.

По мере обострения проблемы распространения недостоверных сведений, акценты в научных дискуссиях всё чаще смещаются на поиск действенных методов сдерживания фейковых сообщений. Разные школы внутри профессионального сообщества предлагают вариативные подходы к нивелированию рисков, возникающих вследствие манипулятивного информационного воздействия. В частности, инициатива регулирования деятельности алгоритмов со стороны владельцев цифровых платформ подвергается всестороннему анализу, поскольку возлагает на такие компании юридическую ответственность за последствия публикации недостоверных материалов [1, с. 12].

Глобальная актуализация необходимости создания системного контроля за распространением фейковой информации приводит к тому, что противоправным вмешательствам стараются противостоять путём внедрения законодательных инициатив. Оперируя установленными протоколами, органы власти предоставляют отдельным лицам возможности для обращения за защитой через иски по фактам нарушения права на личную тайну. Однако, несмотря на наличие правовых инструментов, эффективность подобных механизмов часто оказывается недостаточной для сдерживания волн «фейков».

Дискуссии о балансе между мерами противодействия и сохранением основных свобод в информационной среде получили новый импульс на международном уровне. В 2017 году в США проводился специализированный семинар, где обсуждались сложности дифференциации достоверных и ложных сведений, а также оценивалась опасность чрезмерной зарегулированности медийного пространства в случае неоправданной активности государственных институтов. Повышение риска превышения полномочий государственных органов часто связывают как раз с технологическими и юридическими трудностями четкого разграничения фейковых публикаций и правдивого «контента».

Специалисты в области медиа, помимо правовых и надзорных мер, выдвигают идеи реформирования структуры информационного образования: считается перспективным повысить уровень медийной грамотности общества, инициировать программы технологического просвещения и мотивировать провайдеров интерактивных интернет-услуг к практикам нейтральной модерации. Не менее значимым аспектом видится лицензирование журналистов, что способствует укреплению доверия к новостным агентствам и ограничению потока дезинформации.

Среди иных вариантов предлагается установление обязанности социальных сетей нанимать сторонних лицензированных специалистов по проверке фактов для оценки достоверности контента, который размещают пользователи. Как только указанные специалисты определят, что некоторая информация обоснованно подвергается сомнению, платформа под угрозой наложения санкций будет обязана пометить контент как спорный или вводящий в заблуждение.

Другие ученые и эксперты, в свою очередь, фокусируют внимание на стадии проектирования платформ социальных сетей. В последние годы все шире используются технологические решения для предотвращения вреда, причиняемого свободным потоком информации. Архитектура онлайн-платформ, а именно то, как они спроектированы, может предполагать создание структур для предотвращения причинения вреда и формирования правильного отношения к нарушениям закона и норм, а также для продвижения важных для общества и государства ценностей [1, с. 13].

Потенциальные направления современного регулирования сферы фейковых новостей могут быть систематизированы сле-

дующим образом. Во-первых, можно предусмотреть внедрение законодательных актов, прямо запрещающих создание и распространение недостоверной информации. Во-вторых, потенциально можно реализовать механизмы саморегулирующих и сорегулирующих практик борьбы с искажением информации – к примеру, путем формирования экспертных юридических сообществ, объединяющих профессиональных журналистов и научных работников с целью блокирования потоков дезинформации в информационной среде; созданием интернет-площадок, предназначенных для оповещения населения о распространении фейковых сюжетов; организация массовых социальных акций, нацеленных на просвещение граждан относительно проблематики «fake news» и особенностей динамики ложных сообщений в онлайн-коммуникациях. Третья позиция предполагает разработку альтернативных моделей пресечения фейкового дискурса, среди которых можно выделить учреждение специализированных межведомственных структур, занимающихся анализом угроз для стабильности правовой среды.

Наиболее эффективной стратегией противостояния дезинформационному воздействию на сегодняшний день является интеграция разнонаправленных мер – совмещение патерналистской модели, предоставляющей государственным органам инициирующую функцию и контроль, с адаптивной парадигмой, распределяющей ответственность между провайдерами цифрового контента и пользователями, что позволяет регуляторам определять принципы цифрового взаимодействия, не вмешиваясь избыточно в саму практику. Следовательно, исключительно важное значение приобретает последовательное внедрение правовых норм, обязывающих цифровые платформы к мониторингу и ограничению недостоверных публикаций, параллельно с внедрением программ по развитию критического восприятия информации среди населения.

Исторически противодействие феномену дезинформации преимущественно концентрировалось на корректировке работы массмедиа и борьбе со слухами, что зачастую приобретало форму жесткой идеологической фильтрации. Тем не менее, современные реалии характеризуются стремительным усложнением механизмов, мотивов и путей распространения ложных сведений, что предъявляет принципиально новые требования к скорости и мно-

гоуровневости реакции как со стороны государственных институтов, так и общественности. Традиционно государство отвечает на подобные вызовы совершенствованием нормативно-правовых механизмов, тогда как гражданское общество прибегает к выстраиванию коммуникативных соглашений и формированию коалиций для согласования поведения и минимизации рисков от дезинформационных атак.

Современное российское законодательство имеет ряд норм, предъявляющих требования к достоверности и безопасности распространяемых сведений, а также к ответственности за их нарушение. О. А. Снежко указывает на отсутствие конституционных норм относительно доступа граждан к достоверной информации, за исключением случаев, когда эта информация касается вопросов состояния окружающей среды. При этом российским законодательством конкретизировано и раскрыто само понятие «достоверная информация» [2, с. 11]. Например, права граждан на получение достоверной информации о деятельности полиции, о факторах, влияющих на состояние здоровья и способствующих его сохранению, закреплены на законодательном уровне.

В последние годы законодатели все активнее внедряют специальные инструменты, направленные на борьбу с умышленным распространением недостоверной информации. Эскалация технологий взаимодействия между людьми и бурное развитие цифровых платформ настоятельно требуют от социума формирования адекватных барьеров для сдерживания потоков искажающих знание сообщений и минимизации последствий их воздействия на массовое сознание. Стоит предположить, что вектор увеличения числа нормативных документов, регулирующих данную область общественных отношений, сохранится в обозримой перспективе. Вместе с этим, трансформация подходов предполагает смещение акцента с исключительно юридического преследования субъектов, причастных к созданию и распространению «фальсифицированных данных», в сторону усиления взаимодействия между всеми вовлечёнными элементами – начиная с инициатив профессиональных ассоциаций, заканчивая цифровыми сервисами и гражданским сообществом. Механизмы такого партнерства зачастую реализуются посредством специализированных соглашений, сводов правил профессионального поведения, а также через иные форматы коллективной ответственности [2, с. 11].

К числу наиболее острых вызовов, сопровождающих существование информационного общества, относятся обеспечение права человека на достоверную информацию, противодействие заведомо ложным данным и предотвращение актов диффамации на интернет-площадках. Эволюция средств фабрикации и очень быстрого движения по различным каналам фейковых материалов, наглядно проиллюстрированная возникновением таких феноменов, как дипфейки, осложняет задачу удержания контроля над качеством передаваемых сведений. В таком контексте первостепенной задачей становится поиск оптимальной точки равновесия между защитой свободы выражения мнения и необходимостью законодательного ограничивания манипулятивного контента, а также формирование скоординированной системы противодействия дезинформационным потокам как на уровне национальных правовых систем и механизмов, так и через регулирующие алгоритмы ведущих социальных онлайн-платформ.

Анализ законодательства прошлых лет и современных тенденций показывает увеличение количества правовых норм, регулирующих распространение информации и предъявляющих требования к ее качеству. Такое развитие правовой системы является ответной реакций общества и государства на возникающие угрозы манипулирования сознанием людей путем введения их в заблуждение через трансляцию недостоверных и опасных, в том числе и экстремистских, сведений и идей. Сложность реализации противодействия дезинформированию обусловливается различными факторами: это и большие объемы распространяемой информации, которые не позволяют своевременно выявлять факты публикации недостоверных сведений, и сложность построения информационного материала, и невозможность получения его официального опровержения из открытых источников, что не позволяет удостовериться в неверном его содержании без проведения дополнительных мероприятий и привлечения специалистов различного рода, и трансграничность информационного пространства, делающая невозможным привлечение к установленной законом ответственности за совершение преступлений и правонарушений в области распространения информации субъектов, находящихся за пределами Российской Федерации. При этом с другой стороны защиты населения от дезинформационного воздействия стоит вопрос обеспечения его гражданских прав и сво-

бод, в том числе на свободу слова, вероисповедания, объединения и получения не защищенной законом информации.

В различных государствах проблема дезинформации признаётся актуальной, однако, подходы к её преодолению демонстрируют широкий спектр использования правовых инструментов, что связано с разнообразными типами национальных правовых систем, особенностями государственного устройства и политической культуры. С учётом того, что массовый характер явления дезинформации, особенно в цифровой среде, был зафиксирован сравнительно недавно, точно определить оптимальные стратегии пресечения данного рода информационных проявлений пока затруднительно. В контексте динамичных изменений со стороны цифровых технологий современные правовые модели сталкиваются с необходимостью выработки этических и регуляторных систем, способных одновременно сохранять инновационный потенциал и нивелировать угрозы, возникающие в результате чрезмерного вмешательства в информационную среду.

Обеспечение действенного ответа на вызовы дезинформации требует солидарности усилий не только государственных структур, но и представителей науки, профессионалов из различных сфер, гражданского общества, а также межотраслевых ассоциаций. Организация и поощрение экспертного диалога становится основной для выработки баланса между свободой информации и залогом для противодействия манипуляциям общественным сознанием. Особое внимание уделяется инструментам профилактики, обеспечивающим повышение уровня информационного и цифрового самосознания у широкой аудитории, так как только таким образом возможно выстроить барьеры на пути распространения дезинформации [3, с. 9].

Правовые инструменты при этом могут не только обеспечить системность и предсказуемость реагирования, но и способствовать развитию новых практик противостояния манипулятивным технологиям в медиапространстве. Анализ разнообразных моделей, внедрённых в различных странах, а также оценка эффективности зарубежных решений, представляется исключительно важным с точки зрения совершенствования национального правового регулирования в данной сфере. Потенциально, исключительно посредством многоуровневых инициатив, предполагающих взаимодействие различных государственных и него-

сударственных субъектов на международном уровне, возможно нахождение по-настоящему эффективных путей решения проблемы дезинформации.

Список литературы

1. Алферова Е. В., Иванова А. П. Правовое регулирование в сфере борьбы с дезинформацией в сети Интернет // Правовая информатика. 2023. № 3. С. 11–17.

2. Государев Т. Л. Противодействие дезинформированию: правовые механизмы, тенденции и перспективы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1 (45). С. 9–14.

3. Самородова Э. В. Особенности современного регулирования фейковых новостей: российский и зарубежный опыт // Медиаскоп. 2020. № 3. С. 1–10.

УДК 343.611

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Валерия Александровна Тюрина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Проблема детоубийства как социального феномена известна человечеству с глубокой древности. По мнению А. Н. Попова, данный вид преступления на протяжении веков воспринимался неоднозначно – с позиций морали, нравственности и права. Ещё в античности существовало право родителей распоряжаться жизнью своих детей, что являлось достаточно распространённым явлением [8, с. 7]. Однако уже тогда появлялись правовые и этические ограничения подобных действий. Так, в римском праве убийство ребёнка не влекло наказания лишь в случае, если оно совершалось отцом семейства (pater familias). Позднее, в эпоху Римской империи, отношение к такому поступку изменилось – детоубийство стало строго преследоваться законом.

Со временем восприятие детоубийства претерпело значительные изменения. На протяжении длительного исторического периода убийство матерью внебрачного ребёнка рассматривалось как квалифицированный состав преступления. Существенное влияние на формирование правовых норм оказывала церковь, которая осуждала не только сам факт убийства, но и моральное поведение женщины, родившей вне брака.

В XIX веке наметилась тенденция трактовать убийство матерью новорождённого как привилегированный состав преступления, учитывающий психофизиологическое состояние женщины в момент родов. В отечественном праве впервые понятие детоубийства внебрачного ребёнка было зафиксировано в ст. 26 гл. 22 Соборного уложения 1649 г. Более развернутое определение появилось в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 1451), где детоубийство определялось как убийство незаконнорожденных сына или дочери, совершённое матерью «от стыда или страха» при рождении младенца. Очевидно, что законодатель уже стремился не только карать, но и отчасти понимать мотивы женщины, находившейся под сильным давлением общественного порицания.

В советский период уголовное законодательство не выделяло детоубийство как отдельный, льготный состав преступления, относя его к квалифицированным видам убийства. Так, УК РСФСР 1926 г. предусматривал ответственность по п. «д» ст. 136 – как: «убийство, совершённое лицом, обязанным проявлять особую заботу об убитом». Лишь с принятием УК РФ 1997 г. убийство матерью новорождённого вновь выделено в самостоятельный привилегированный состав преступления, учитывающий особые психофизиологические обстоятельства (ст. 106) [3, с. 139].

Объектом рассматриваемого деяния общественные отношения, сложившиеся в сфере охраны жизни новорожденного ребенка [1, с. 31]. Хотя законодатель не определяет чётких временных рамок состояния новорождённости, медицинская наука относит к нему первые четыре недели жизни – неонатальный период. Убийство матерью новорождённого может быть совершено: во время родов; непосредственно после них; в условиях психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [2, с. 18]. Первые два случая связа-

ны с временным фактором, а последние – с психическим состоянием женщины.

Как отмечал А.М. Ораздурдыев, действия матери, направленные на удушение ребёнка во время родов, квалифицируются как убийство в форме действия. Если же мать сознательно не оказывает необходимой помощи (например, отказывается кормить младенца), что приводит к смерти, деяние совершается путём бездействия [7, с. 48].

Момент родов определяется с начала прорезывания головки ребёнка до полного отделения пуповины и начала самостоятельного дыхания. Если роды проходят с применением кесарева сечения, убийство во время родов юридически невозможно, так как женщина находится под наркозом и не осознаёт своих действий. Послеродовой период в разных отраслях знаний трактуется поразному: в педиатрии – до 30 дней, в акушерстве – неделю, в судебной медицине – сутки. Убийство, совершённое позже, квалифицируется как деяние в условиях психотравмирующей ситуации или при ограниченной вменяемости. Понятия – психотравмирующая ситуация – в законодательстве РФ не существует, оно является оценочным [4, с. 56]. Психотравмирующие обстоятельства обычно связаны с тяжёлыми эмоциональными переживаниями: конфликтами с отцом ребёнка, осуждением общества, материальными трудностями, отсутствием поддержки [5, с. 416]. Именно нехватка социальной опоры нередко становится решающим фактором, толкающим женщину к трагическому поступку, что делает проблему детоубийства не только юридической, но и глубоко социальной.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, выражается в сниженной способности осознавать фактический характер действий и руководить ими. Оно может проявляться в форме родового или послеродового психоза, сопровождающегося частичным помрачением сознания либо бредовыми состояниями.

Субъективная сторона характеризуется умышленной виной – как прямой, так и косвенной. В. Г. Ившин и В. В. Ровнейко подчёркивают, что при квалификации детоубийства необходимо учитывать не только форму вины, но и психическое состояние женщины. К признакам заранее обдуманного убийства, не обусловленного расстройством психики, относятся сокрытие беременности, отказ

от медицинского наблюдения, преднамеренный отъезд перед родами и другие аналогичные действия [6, с. 50]. Субъект преступления – вменяемая женщина, достигшая 16-летнего возраста и являющаяся матерью новорождённого ребёнка.

Рассмотрев особенности уголовно-правового регулирования ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка в российском праве, представляется целесообразным обратиться к зарубежному опыту. Сравнительный анализ норм уголовного законодательства различных государств позволяет выявить как общие тенденции, так и национальные особенности, обусловленные историческими, культурными и социальными предпосылками. В современной зарубежной правовой доктрине можно выделить три основные модели регулирования ответственности за данное деяние: установление привилегированного состава убийства новорождённого; квалификация такого деяния как обычного (простого) убийства при возможности смягчения наказания; применение общих норм об убийстве без выделения специального состава.

Для ряда государств характерно выделение убийства матерью новорождённого ребёнка в самостоятельный состав преступления, предусматривающий более мягкие санкции. Подобный подход объясняется признанием особого психофизиологического состояния женщины в период родов и после них, а также влиянием моральных и социальных факторов, уменьшающих степень её вины.

Наиболее гуманистический подход реализован в Швеции. Согласно гл. 3, ст. 3 Уголовного кодекса Швеции (Brottsbalken), женщина, убившая своего ребёнка во время родов или вскоре после них, если её психическое состояние было нарушено или она находилась в состоянии крайней нужды, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более шести лет. Закон исходит из презумпции психической неустойчивости женщины в момент родов, что существенно снижает степень ответственности.

Схожие тенденции наблюдаются и в других европейских странах. Так, в Латвии (ст. 119 Уголовного закона) детоубийство, совершённое во время или сразу после родов вследствие психофизиологического состояния матери, наказывается лишением свободы до пяти лет, кратковременным лишением свободы либо пробационным надзором. Латвийский законодатель, как и швед-

ский, признаёт ослабленное психическое состояние женщины, что отражается в мягкости санкций и возможности альтернативных мер наказания.

Похожая модель существует в Албании. В соответствии со ст. 81 Уголовного кодекса Албании, детоубийство, совершённое матерью добровольно сразу после рождения, влечёт наказание в виде лишения свободы до 5 лет [9, с. 182]. Албанское право также признаёт особое психофизиологическое состояние женщины в момент совершения преступления и рассматривает его как смягчающее обстоятельство. В отличие от Швеции, где акцент делается на состоянии крайней нужды или психическом расстройстве, латвийская и албанская нормы формулируются более лаконично, подчёркивая временную близость момента родов и гуманизацию наказания. Таким образом, можно выделить общую европейскую тенденцию – стремление к индивидуализации и снижению наказания, основанное на признании физиологических и социальных факторов.

Таким образом, в указанных странах детоубийство квалифицируется как особое преступление, где определяющее значение имеет не сам факт деяния, а психоэмоциональное состояние матери и окружающий её социальный контекст.

Отдельную группу составляют страны, чьё законодательство не предусматривает специального состава детоубийства, но допускает смягчение наказания с учётом конкретных обстоятельств. Так, во Франции ст. 221-4 Уголовного кодекса относит убийство «особенно уязвимого лица» к категории тяжких преступлений, наказываемых пожизненным лишением свободы. Однако судебная практика допускает индивидуализацию наказания при наличии смягчающих обстоятельств, связанных с состоянием женщины. Французская модель сочетает строгость формальной квалификации и гибкость судебного усмотрения, обеспечивая баланс между защитой жизни и гуманистическими принципами уголовного права.

Наконец, в ряде государств убийство матерью новорождённого квалифицируется по общим нормам об убийстве, без выделения специального состава. Уголовный кодекс Германии не содержит отдельной статьи о детоубийстве: деяние квалифицируется по ст. 211 (Mord) или 212 (Totschlag) – от простого убийства до пожизненного лишения свободы. Немецкое право исходит из

принципа равной защиты жизни каждого человека. Аналогичный подход наблюдается в Японии, где ст. 199 Уголовного кодекса квалифицирует убийство новорождённого как обычное убийство, предусматривая наказание вплоть до смертной казни. Это отражает жёсткий, универсалистский характер правовой системы.

Проведённый анализ подтверждает, что убийство матерью новорождённого ребёнка – сложное и многогранное явление, находящееся на пересечении права, психологии и морали. Эволюция законодательства демонстрирует переход от сурового осуждения к гуманистическому подходу, основанному на признании психофизиологических особенностей женщины в период родов. Современное российское законодательство (ст. 106 УК РФ) закрепляет привилегированный характер данного преступления, учитывая сниженный уровень вины вследствие психоэмоциональных факторов. Зарубежная практика (Швеция, Латвия, Албания, Франция, Германия, Япония) показывает, что государства по-разному решают вопрос уголовной ответственности, балансируя между защитой жизни и гуманизацией наказания.

Следовательно, универсальной модели регулирования не существует: каждая правовая система формирует собственный подход, исходя из культурных, нравственных и правовых традиций. Вместе с тем общая тенденция мировой уголовно-правовой практики направлена на гуманизацию ответственности, индивидуализацию наказания и признание необходимости учитывать психическое состояние матери при совершении преступления.

Список литературы

1. Баримаева К. Р., Живодрова Н. А. Особенности объекта преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ // Актуальные проблемы российского права на современном этапе : сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 27–28 апреля 2020 г.) / под ред. В. В. Гошуляка, Г. В. Синцова. Вып. 18. Пенза : Приволжский Дом знаний, 2020. С. 27–32.

2. Евстратенко Е. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: некоторые вопросы квалификации и назначения наказания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 25, № 1. С. 17–22.

3. Живодрова Н. А., Андриянцева Ю. В. Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации:

анализ судебной практики // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 3 (27). С. 139–143.

4. Живодрова Н. А., Безруков А. В., Абрамова Е. А. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и возможные пути решения // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 53–59.

5. Журкина О. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: криминологический аспект // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 9-1. С. 414–419.

6. Ившин В. Г., Ровнейко В. В. Преступления против жизни и здоровья : учеб. пособие. Ижевск : Удмур. ун-т, 2024. 193 с.

7. Ораздурдыев А. М. Преступления против жизни и здоровья : учеб. пособие. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 168 с.

8. Попов А. Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка» : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 136 с.

9. Чихрадзе А. М. Особенности уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в зарубежных странах // Вестник ДонНУ. Серия В: Экономика и право. 2017. № 1. С. 181–185.

УДК 343.541.2

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Максим Дмитриевич Антонов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Изнасилование является одним из наиболее тяжких преступлений против личности, представляющим собой грубое нарушение половой свободы и половой неприкосновенности. В УК РФ, а также в законодательствах многих зарубежных стран, данное деяние трактуется как половое сношение, осуществленное путем применения насилия, угрозы его применения как в отно-

шении непосредственной жертвы, так и третьих лиц, или же посредством использования состояния беспомощности пострадавшей [2, с. 37]. Подобное посягательство не только наносит ощутимый физический и психический вред здоровью, но и влечет за собой серьезные негативные последствия для социальной жизни, включая деструкцию семейных отношений.

С глубокой древности уголовно-правовые нормы выполняли охранительную функцию, направленную на защиту индивидов от противоправных посягательств, включая изнасилование, посредством установления юридической ответственности. История становления и развития российского и зарубежного уголовного законодательства, регулирующего ответственность за изнасилование, может быть условно разделена на следующие ключевые этапы:

– Период Античности и Средневековья: на данном этапе уголовно-правовые нормы, касающиеся изнасилования, зачастую учитывали социальный статус и предполагаемое «должное» поведение жертвы при определении наказания виновному. Понятие половой свободы как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, как правило, не выделялось.

– Период конца XVII – начала XX веков: этот этап ознаменовался появлением в российском и зарубежном уголовном законодательстве норм, направленных на признание и защиту прав женщин на половую свободу и сексуальное достоинство. Начинается учет состояния и поведения потерпевших при юридической оценке деяний насильников.

– Период новейшего времени: характеризуется принятием ООН основополагающих международных соглашений. Эти документы закрепили ключевые принципы ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также механизмы защиты женщин от подобных посягательств, которые впоследствии были инкорпорированы в уголовные законодательства стран-участниц.

Статистические данные ООН, основанные на информации из правительственных источников, указывают на ежегодную регистрацию полицией более 250 000 случаев изнасилования или попыток изнасилования в 65 странах мира. Согласно одному из опросов ООН, около 23 % итальянских женщин в течение жизни

сталкивались с сексуальным насилием, 3,3 % – с попытками изнасилования, и 2,3 % подвергались изнасилованию.

Законодатель, осознавая общественную опасность данного деяния, в ст. 131 УК РФ закрепил детальную структуру состава преступления, предусматривая различную степень ответственности в зависимости от обстоятельств и последствий изнасилования. Непосредственным объектом изнасилования выступает половая неприкосновенность и половая свобода потерпевшей, а дополнительными объектами - её здоровье, жизнь, честь и достоинство [3, с. 106]. В более широком смысле, данное преступление посягает на общественные отношения, обеспечивающие половую неприкосновенность и половую свободу личности, охрану физического и психического благополучия.

Объективная сторона преступления заключается в совершении полового акта вопреки воле потерпевшей. Это действие осуществляется посредством применения физического насилия, угрозы его использования в отношении самой потерпевшей либо иных лиц. Одним из объективных признаков при изнасиловании является беспомощность потерпевшей [4, с. 61]. Применение насилия или принуждения выступает обязательным элементом объективной стороны данного преступления. Изнасилование относится к преступлениям с формальным составом и признаётся оконченным в момент совершения полового сношения, независимо от того, какие последствия наступили в дальнейшем.

Субъектом изнасилования является физическое, вменяемое лицо мужского пола, достигшее 14 летнего возраста. Судебная практика и уголовно-правовая доктрина исходят из того, что непосредственным исполнителем может быть только мужчина, совершивший половое сношение, однако соучастниками преступления могут выступать лица любого пола [1, с. 5]. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Виновный осознаёт, что вступает в половое сношение против воли потерпевшей, с применением насилия или угрозы, и желает этого [5, с. 68].

Институт уголовной ответственности за изнасилование в современном праве различных государств демонстрирует значительные различия в формулировке объективных и субъективных признаков состава, степени детализации квалифицирующих обстоятельств, а также в подходах к определению санкций.

В германском уголовном праве (§ 177, 178 УК ФРГ) изнасилование рассматривается как форма сексуального принуждения, связанная с насильственным воздействием, угрозой или использованием беспомощного состояния жертвы. Закон предусматривает градацию наказания в зависимости от степени тяжести деяния – от лишения свободы сроком не менее одного года до пожизненного заключения, если деяние повлекло смерть. В немецкой модели особое внимание уделяется психологическому аспекту согласия и ситуации беззащитности жертвы, что отражает приоритет защиты личной автономии и сексуальной свободы личности [7].

Французское уголовное законодательство (ст. 222–23, 222–24 УК Франции) характеризуется высокой степенью конкретизации состава преступления. Изнасилованием признается любой акт сексуального проникновения, совершённый посредством насилия, угроз, принуждения или обмана. Законодатель выделяет ряд квалифицирующих обстоятельств, включая возраст потерпевшего, использование служебного положения, групповое участие и применение оружия. Санкции варьируются от 15 до 20 лет лишения свободы. Французская правовая система делает акцент на фактическом наличии насильственного элемента и уязвимости жертвы [12].

Согласно ст. 375 Уголовного кодекса Индии, изнасилование определяется как половой акт мужчины с женщиной при отсутствии её добровольного согласия, либо при его получении посредством обмана, насилия или угрозы. Особое внимание уделяется возрасту потерпевшей: согласие лица младше шестнадцати лет юридической силы не имеет. Примечательно, что законодательство Индии до сих пор сохраняет исключение для половых отношений между супругами, что свидетельствует о сохранении традиционных патриархальных элементов в правовой системе [8].

Китайское уголовное законодательство (ст. 236 УК КНР) устанавливает уголовную ответственность за изнасилование, совершённое с применением насилия или угроз. Минимальная санкция составляет три года лишения свободы, однако при наличии отягчающих обстоятельств (многократность, групповое совершение, особая жестокость, смерть потерпевшей) возможно назначение смертной казни. Китайский подход отличается суровостью наказаний и прямой связью между общественной опасностью деяния и тяжестью санкции [9].

В соответствии со ст. 159 УК Латвии, изнасилование определяется как половое сношение против воли пострадавшего с применением насилия, угроз или использованием беспомощного состояния. Закон предусматривает ответственность также за злоупотребление доверием или авторитетом. Квалифицированные составы включают групповое совершение преступления и изнасилование несовершеннолетних, за которые предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы. Латвийская модель демонстрирует баланс между защитой прав лица, подвергшегося насилию и пропорциональностью наказания [10].

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан изнасилование (ст. 118 УК РУ) – половое сношение с применением насилия, угроз или использованием беспомощного состояния жертвы. Диапазон санкций – от пяти до двадцати лет лишения свободы – зависит от числа участников, возраста пострадавшей и тяжести последствий. Особое внимание уделяется квалифицирующим признакам, связанным с семейными или служебными отношениями между виновным и жертвой [11].

Сопоставительный анализ уголовно-правового регулирования ответственности за изнасилование в России и зарубежных странах показывает, что, несмотря на различия в правовых системах, прослеживается общая тенденция к унификации подходов и гуманизации законодательства [6]. В большинстве современных государств закреплены единые принципы квалификации данного преступления, основанные на признании половой свободы и неприкосновенности личности в качестве самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны.

Российская модель уголовной ответственности за изнасилование характеризуется детализированной структурой состава преступления и системой квалифицирующих признаков, отражающих как степень насилия, так и индивидуальные особенности пострадавшей. Зарубежные правопорядки – в частности, германский, французский и латвийский – демонстрируют более развитые концепции согласия и повышенную чувствительность к психологическому состоянию жертвы. В то время как в странах Азии, таких как Индия и Китай, законодательство сохраняет элементы традиционных норм и более жёсткие санкции, что отражает специфику национальных правовых культур.

Таким образом, современная тенденция развития уголовного законодательства в сфере защиты от сексуального насилия направлена на расширение понятийного аппарата, включение гендерно-нейтральных формулировок, усиление роли согласия как ключевого элемента состава преступления и адаптацию норм международного права. Эти процессы способствуют формированию универсальных правовых стандартов, ориентированных на защиту достоинства, свободы и безопасности личности независимо от её пола и социального статуса.

Список литературы

1. Агапов А. Н., Безрукова О. В., Живодрова Н. А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика субъекта изнасилования // Актуальные вопросы современного российского права : сб. науч. ст. / Федеральное агентство по образованию, Пензенский государственный университет (ПГУ). Вып. 1. Пенза : Пензенский государственный университет, 2010. С. 4–13.
2. Барков В. В. Изнасилование: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательств // Вестник экономики и права. 2022. № 73. С. 31–35.
3. Живодрова Н. А., Безрукова О. В., Безруков А. В. Преступления против личности: материалы судебной практики : учеб.-метод. пособие. Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. 212 с.
4. Живодрова Н. А., Мартышкина Ю. В. К вопросу о защите половой неприкосновенности несовершеннолетних // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Нефтекамск, 15 ноября 2019 г.). Нефтекамск : Башкирский гос. ун-т, 2019. С. 60–64.
5. Преступления против личности: учебник для вузов / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. М. : Юрайт, 2025. 125 с.
6. Эртелева Д. И. Уголовная ответственность за изнасилование в контексте зарубежного правового опыта: история и современность // Закон и право. 2024. № 1. URL: cyberleninka.ru>article
7. Уголовный кодекс Германии. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html
8. Уголовный кодекс Индии. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22981
9. Уголовный кодекс Китая. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/13/content_1384075.htm

10. Уголовный кодекс Латвии. URL: https://likumi.lv/doc.php?id=88966

11. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/ru/docs/111453

12. Уголовный кодекс Франции. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719

УДК 343.98

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Ольга Александровна Рыжова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

В условиях развития современного общества важную роль выполняют информационные ресурсы. Владея определёнными знаниями и сведениями, человек при этом имеет преимущество над другими людьми. Все это обуславливает актуальность развития криминалистической регистрации и внедрения современных передовых технологий в деятельность учетных подразделений ОВД. Такими ресурсами являются криминалистические учеты, совокупность которых представляет собой целостную, взаимосвязанную систему, которая называется криминалистической регистрацией.

Социально-политическое и экономическое развитие, в значительной мере, осложняется тем, что за последние годы произошли существенные количественные и качественные изменения в преступности и особенностях статистического учета. Изменения геополитического характера наталкивают на возможности развития все новых видов и способов совершения преступлений. Таким образом, в связи со сложившейся криминогенной обстановкой, ростом технического, и финансового потенциала преступной среды, организациями деятельности преступных группировок и других преступлений, увеличиваются требования к предъявляемому техническому обеспечению работы ОВД и к регламенту правового регулирования по формированию, ведению и использованию криминалистических учетов.

Все это порождает множество дискуссий по поводу внедрения новых объектов криминалистических учетов, ведь каждый новый объект будет иметь большое значение для дальнейшего развития системы криминалистической регистрации. Важно, чтобы объект, обладая нужными характеристиками, способствовал раскрытию преступлений [6].

Так, пару десятилетий назад, между учеными велись споры по поводу создания криминалистического учета, где объектом будут являться номера телефонов, так или иначе имеющих отношение к преступлению, изъятых из задержанных документов (блокнотах, ежедневниках и т.д.) [4]. Этой идеей заинтересовались многие ученые, в том числе и Р. С. Белкин, оперируя тем, что «отсутствие такого вида учета и неиспользование информации о телефонных номерах, изъятых у лиц, связанных с организованными преступными группами, снижает эффективность санкционированных прокурором прослушиваний телефонных разговоров, так как схема взаимоотношений между преступными группами остается латентной» [1].

В то время, данный учет действительно являлся многообещающим, так как данная информация обладала устойчивостью для регистрационных целей, но в наше время, сотовая связь стала обладать высокой доступностью, в ходе чего такие сведения потеряли свою устойчивость, а криминалистический учет – целесообразность. Однако статистика динамика преступлений по ст. 159, 159.1–159.6 УК РФ (мошенничество), совершенных с использованием средств мобильной связи является высокой.

Возможности использования средств связи, по-прежнему не знают границ их применения, это позволяет преступникам совершать противоправные деяния уголовно-правого характера с помощью мобильных средств связи.

В ходе этого, можно сделать вывод, что данные криминалистических учетов должны отвечать современным запросам, (так как преступность стала более мобильной и технически-развитой), должны служить практическим целям, способствовать раскрываемости, в ином случае, они будут просто экономически неоправданными. Тем не менее, внедрение объектов, введение которых подсчитали неперспективным, может найти применение в дальнейших разработках, так как технический прогресс не стоит на месте.

Вопрос прозвучал в предложении Е. П. Ищенко, предложено рассматривать в качестве объектов криминалистических учетов персональную биллинговую и коммуникационную информацию. Биллинговая, по мнению Е. П. Ищенко, будет содержать количественные данные звонков и их длительность, круг общения абонента, кроме этого, интенсивность разговоров [3]. Коммуникационная информация позволит получать данные более конкретного характера об исходящих и входящих звонках, включая такие сведения, как дата и время начала разговора, его длительность и т.д. Данная идея, изложенная в совсем другой интерпретации, является заманчивой для дальнейшего исследования и анализа [2].

Поэтому стремительно развивающиеся информационные технологии оказывают значительное влияние на объекты криминалистических учетов и на формирование и развитие криминалистической регистрации в целом.

Увеличение эффективности в деятельности по использованию потенциала криминалистической регистрации основывается не только в улучшении уже созданных систем учета массивов данных, но и в создании и внедрении новых криминалистических учетов. Рассматриваемые проблемы определяют развитие научной мысли в ее современном обличии, которые направлены на совершенствование методов в борьбе с преступностью и требует углубленного исследования, что впоследствии может дать новое в установлении личности преступника в процессе расследования.

Актуальным всегда остается учет персональной биллинговой и коммуникационной информации, которая содержит количественные данные звонков и их длительность, круг общения абонента, кроме этого, интенсивность разговоров. Коммуникационная информация позволит получать данные более конкретного характера об исходящих и входящих звонках, включая такие сведения, как дата и время начала разговора, его длительность и т.д.

Таким образом, обосновано введение в будущем учета всех иностранных граждан, прибывающих в РФ, при помощи дактилоскопирования, так как статистические данные зарегистрированных преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства остаются высокими. Значительно повысит эффективность правоохранительных органов всеобщая регистрация граждан и предметов. Данный учет поможет решить массу таких проблем, как опознание трупов преступников, которые скрывают

свои личные данные; трупов граждан; потерпевших, не имеющих возможности сообщить о себе личные сведения. Так же следует обратить внимание на появившуюся практику совмещения габитоскопических и дактилоскопических учетов.

Ни одно государство не сможет обойтись без налаженной системы криминалистической регистрации. В зарубежных странах действует тактика повышения эффективности использования криминалистических учетов, за счет современных автоматизированных технологий и компьютеризации на базе современных комплексов. Тем самым, в некоторых странах разработаны и уже используются на практике регистрационные системы, которые частично позволяют решать социальные проблемы и бороться с преступностью. Рассмотрим особенности формирования и ведения криминалистических учетов и их применение на практике на примере некоторых зарубежных стран.

В США особенной характеристикой криминалистической регистрации является всеобщность и всеохватываемость. При совершении преступления, помимо самого преступника, учету подлежат все, так или иначе, заинтересованные лица (свидетели, государственные служащие, дети и т.д.), кроме того, на учет ставятся все ценные вещи. Также в США проходит регистрация всех иностранцев, въезжающих в страну, при помощи дактилоскопии (данная практика стала следствием террористической атаки в 2001 году) [8].

В Швеции тоже практикуется разветвленная система учетов населения. Каждому шведскому гражданину присваивается личный номер, который состоит из цифрового кода с зашифрованной личной информацией, со временем который формирует так называемое «биографическое досье». Такая система реализуется и на межгосударственном уровне, посредством евро паспортов, с кодовой индивидуализацией личности [5].

На современном этапе развития, насущным является вопрос использования методов исследования ДНК человека. Данные базы функционируют уже во многих европейских странах, кроме того, в США, Канаде, Австралии, Японии, Сингапуре, Китае, Колумбии, Малайзии, Таиланде, Чили, Новой Зеландии и т.д. Первые генетические базы начали функционировать около 20 лет назад, при этом зарубежный опыт показывает, что эффективность таких баз для раскрытия преступлений является очень высокой [7].

Таким образом, анализируя опыт зарубежных стран, по формированию и ведению криминалистических учетов, важно отметить положительную сторону в комплексном подходе к проводимых регистрационным учетам, что позволяет оперативно применять в деятельности по борьбе с преступностью. Действительно зарубежная практика дает возможность для размышлений в сфере криминалистических учетов, отражает картину необходимого введения дальнейших современных мировых тенденций для применения их в отечественной практике. Промедления в применении современных технологий криминалистических учетов позволяет преступности идти вперед, опережая возможности работников правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997. С. 464.
2. Грибунов О. П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 142–147.
3. Ищенко Е. П. Криминалистика и новые информационные технологии // Вестник криминалистики. 2009. № 3 (31). С. 6–15.
4. Ищенко Е. П. Криминалистические учеты: свойства объектов и развитие системы // Вестник криминалистики. 2008. № 2 (26). С. 84–88.
5. Кочерга А. А. Проблемы и пути формирования криминалистических учетов на современном этапе развития // Общество и право. 2010. № 5 (32). С. 223–227.
6. Курин А. А. Современные возможности и перспективы информационно-аналитического обеспечения раскрытия преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1 (84). С. 45–51.
7. Паршин Д. В. Роль и значение криминалистических и справочных учетов в предотвращении и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2 (77). С. 24–30.
8. Шхагапсоев З. Л., Карданов Р. Р. Геномная регистрация как элемент противодействия преступлениям террористического характера на современном этапе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 87–92.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Кириллов Г. М., Медведев А. О., Водянов Т. А.
ФИЛОСОФИЯ В АНТРОПОЦЕНЕ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ПЕРЕД ПРИРОДОЙ 3

Маркелова А. В.
ЛСД КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕРАПИИ: ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 6

Кириллов Г. М., Топилин Д. А., Соколенко Д. С.
ЦИФРОВОЙ АСКЕТИЗМ И ФИЛОСОФИЯ МИНИМАЛИЗМА КАК ОТВЕТ НА ТИРАНИЮ ВНИМАНИЯ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕИЗБЫТКА 12

Кириллов Г. М., Бакалина Е. А., Проскурякова Е. И.
ФИЛОСОФИЯ СЕМЬИ 15

Носов В. И.
ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Н. МАКИАВЕЛЛИ 19

Кириллов Г. М., Лунякова С. М., Синякина Е. А.
ИСКУССТВО И СОЗНАНИЕ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ 23

Любавская Е. Ю., Филимонова М. С.
ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 27

Кириллов Г. М., Толстоухов В. А.
ЖАН БОДРИЙЯР: ИДЕЯ ОТЧУЖДЕНИЯ В ВЕК ТОТАЛЬНОЙ СИМУЛЯЦИИ 32

Кириллов Г. М., Назарова А. С.
ФИЛОСОФИЯ КАК ДИАЛОГ НАУКИ И РЕЛИГИИ 37

Кириллов Г. М., Филиппова Р. Е.
О ПОСТМОДЕРНЕ В РЕЛИГИИ 44

Кириллов Г. М., Медведев Е. А.
СЧАСТЬЕ В ФИЛОСОФИИ: ВЕЛИКИЙ ИДЕАЛ ИЛИ ОБМАНЧИВАЯ ИЛЛЮЗИЯ? 50

Раздел 2
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ЕЕ ЕДИНСТВЕ И МНОГООБРАЗИИ

Калёнов Н. В.
К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ 54

Кириллов Г. М., Макаров Я. С.
КОНЦЕПЦИЯ СУДЬБЫ И СВОБОДЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОЛОГИИ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ 59

Бабина В. Н.
ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА К «МЕТАФИЗИКЕ ВСЕЕДИНСТВА»: ПРЕОДОЛЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА 64

Кириллов Г. М.
«ОНТОЛОГИЯ ДИКОГО»: РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ НА ПУТИ ОТ ПОСТИМПРЕССИОНИЗМА К АВАНГАРДУ 70

Раздел 3
СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО: КОММУНИКАЦИЯ В РЕКЛАМЕ И PR

Белинская Д. В., Бакулина А. О., Семенова В. Э.
АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КОМАНДАМИ КВН 78

Карпова М. К., Чистяков Д. Д.
ВЫЯВЛЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ В ПРЕДПОЧТЕНИЯХ И ВОСПРИЯТИИ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР 84

Балахонова Е. В., Крысенкова Я. С.
ПОВЕДЕНИЕ ПОКУПАТЕЛЕЙ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ: ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ И ТОЧКИ КОНТАКТА С ЗАСТРОЙЩИКОМ 88

Балахонова Е. В., Маташова В. С.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОММУНИКАЦИЯХ КОМПАНИИ С КЛИЕНТАМИ 95

Пенкина В. С.
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОДИНОЧЕСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА 101

Бобров В. А., Трямкина Т. Е.
ТЕНДЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ 107

Раздел 4
РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Карпова М. К., Тупикина Я. И.
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ: ИНСТРУМЕНТЫ
ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ 112

Рязанцева М. А.
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ВИДЫ ИНФЛЮЕНС-МАРКЕТИНГА 117

Балахонова Е. В., Нагорнова М. Е.
ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕСТИНАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРОДВИЖЕНИЯ .. 122

Розенберг Н. В., Андрюшечкина А. М.
ГИБРИДНАЯ МОДЕЛЬ В РЕКЛАМНЫХ КРЕАТИВАХ:
КАК СОВМЕСТИТЬ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ДЛЯ ИЗБЕГАНИЯ
РЕПУТАЦИОННЫХ РИСКОВ И УСИЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ 127

Питерова А. Ю., Киреев Б. П.
ВИЗУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ФОРМИРОВАНИИ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА 131

Питерова А. Ю., Алексеева В. П.
ЮМОР В РЕКЛАМЕ: КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ СЕРЬЕЗНОСТЬ БРЕНДА,
ОСТАВАЯСЬ СМЕШНЫМ 136

Питерова А. Ю., Жаренков Н. О.
ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК БРЕНДА КАК ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ
И УКРЕПЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ БРЕНДА 142

Раздел 5
ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО: ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

Комарова В. А., Линькова А. А.
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ 150

Кириллов Г. М., Клочков М. М.
ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
СПРАВЕДЛИВ ЛИ ДОСТУП К ДАННЫМ И ТЕХНОЛОГИЯМ 154

Кириллов Г. М., Кузнецова З. Д., Новичкова Д. В.
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ
«ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ» 159

Гавриленко П. Д., Тесемников М. В., Балакирев И. С.
КРИЗИС ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА 163

Носов В. И.
ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ 167

Вавилова С. О., Радайкина А. А.
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА 172

Раздел 6
ГУМАНИТАРНАЯ КАРТИНА МИРА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ

Кириллов Г. М., Люльков Д. С., Кручинкин И. А.
МОЖЕТ ЛИ КОМПЬЮТЕР МЫСЛИТЬ? ТЕСТ ТЬЮРИНГА И КИТАЙСКАЯ КОМНАТА 178

Кириллов Г. М., Комаров А. Ю., Сташук А. И.
ЦИФРОВОЙ ЛЕВИАФАН: ЭТИКА ДАННЫХ И НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ВЛАСТИ В XXI в. 182

Кириллов Г. М., Клочкова С. М., Тихонов Р. С.
ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОГО БЕССМЕРТИЯ: МОЖНО ЛИ ОЦИФРОВАТЬ «ЛИЧНОСТЬ» 188

Раздел 7
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

Паршина А. Н.
ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ 193

Володин Д. Ю.
ПРИЧИНЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИЗ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ 198

Живодрова С. А., Орлов П. В.
РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ САМОУПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАЧЕСТВ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ 205

Раздел 8
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Анисимов В. М.
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ 209

Анисимов В. М.
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА 216

Анисимов В. М.
МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА 222

Анисимов В. М.
ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА 229

Сосновская Д. В.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 235

Сидорова Е. А.
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ БАЗЫ И ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 240

Дворжанская А. Д.
КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И РЕГИСТРАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ 244

Валыгина Н. А.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ АСПЕКТОВ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 251

Лукьянова К. Д.
ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ 257

Кузнецова С. А.
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИНСТИТУТ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 264

Нелюбина К. А.
РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ И СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 269

Редькин И. С.
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 273

Киселев К. И.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ И ПРИОРИТЕТЫ 278

Киселев К. И.
ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 282

Кириллов Г. М., Адова В. А., Зуева К. А.
ПРОСВЕЩЕНИЕ И ВЛАСТЬ: МИФ О «ПЕНЗЕНСКОЙ ОПАЛЕ» В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕКАТЕРИНЫ II 286

Раздел 9
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Сергеев В. М., Топорков А. М.
ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ 298

Рудакова И. А., Чевакина С. А.
КАК СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ ВЫБИРАЕТ ПРОФЕССИЮ..... 303

Щербакова Д. М., Ермаков В. С.
ОТТОК МОЛОДЕЖИ ИЗ ПРОВИНЦИИ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ 312

Раздел 10
ПРАВО КАК ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Первушкин А. В., Михайлович О. И.
МЕСТО НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА 317

Феоктистов А. В., Савоськин А. И.
СМЫСЛ ПОНЯТИЯ «НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ» ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ, СУДА 323

Феоктистов А. В., Савоськин А. И.
ОСНОВАНИЕ (УСЛОВИЯ) ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ И СУДА 329

Красковский Я. Э., Чупряков С. Ю.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА 335

Красковский Я. Э., Чупряков С. Ю.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА 342

Хорев А. В., Шкаева К. В.
ФУНКЦИИ И ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ 348

Хорев А. В., Шкаева К. В.
ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ..... 353

Первушкин А. В., Михайлович О. И.
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА 359

Исаева О. С., Большакова Д. Ю., Гаджибаева А. А., Хадарина Я. М.
ПРОБЛЕМА ДЕЗИНФОРМАЦИИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕННОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ..... 365

Тюрина В. А.
УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 372

Антонов М. Д.
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 378

Рыжова О. А.
ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ 384

Научное издание

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ПОИСК НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ

г. Пенза, 20–21 ноября 2025 г.

Под редакцией
доктора философских наук, профессора
Розенберг *Натальи Владимировны*

Материалы публикуются в авторской редакции

Корректор *Т. Н. Судовчихина*
Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*
Дизайн обложки *О. И. Жаровой*

Подписано в печать 25.12.2025.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 23,02.
Тираж 100. Заказ № 832.

Издательство ПГУ.
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru